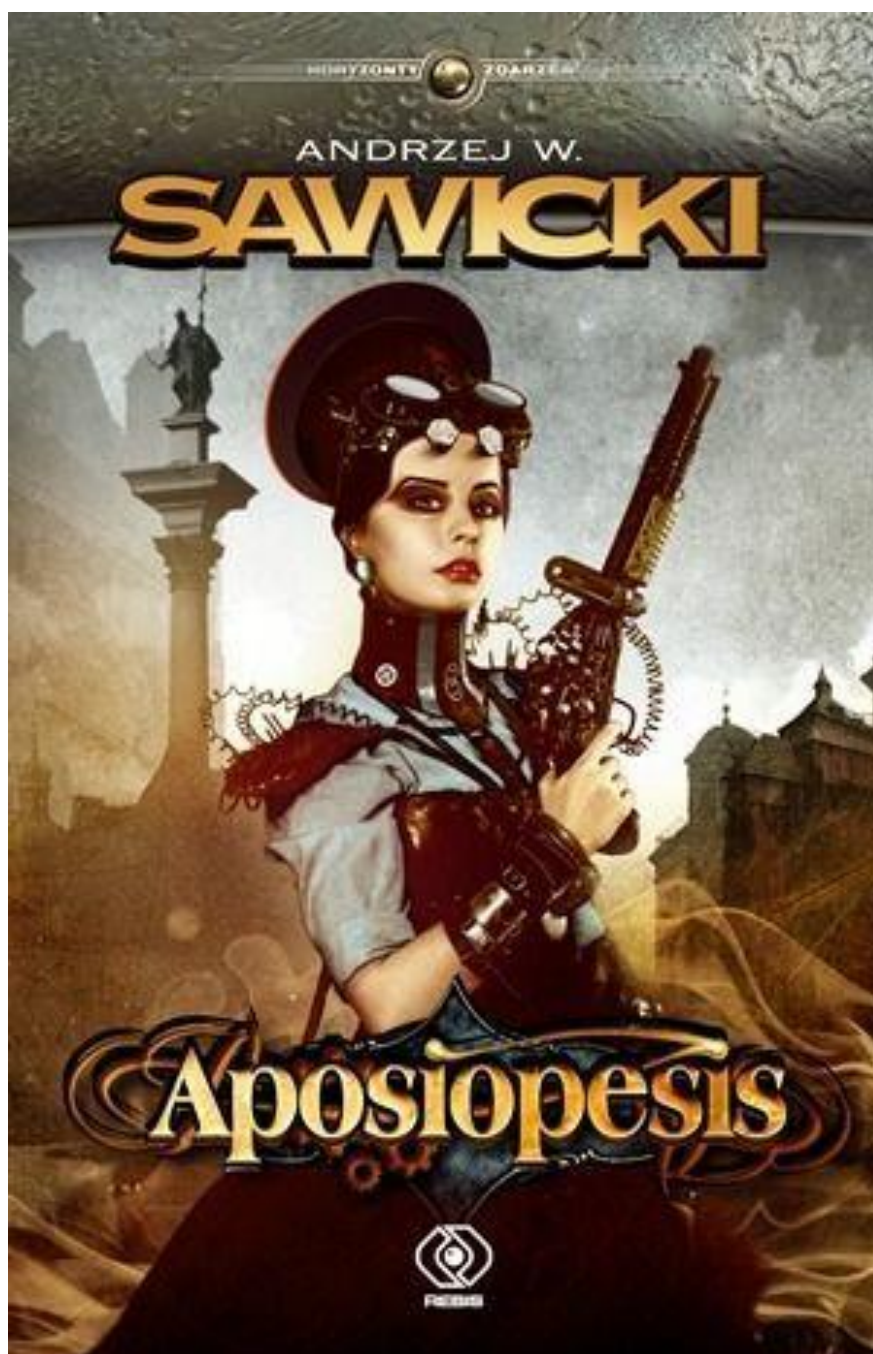

АНДЖЕЙ САВИЦКИЙ АПОЗИОПЕЗИС

Andrzej Sawicki - Aposiopesis

Издательство Rebis, серия "Горизонты Событий", выход в свет: 24 июня 2014 г.

Варшава, 9 (21) ноября 1871 г.

Сияние алебастровой керосиновой лампы, стоящей на дамском туалетном столике освещало несколько суровое, но пробуждающее чувство симпатии лицо молодой женщины. Генриетта фон Кирххайм крутилась по будуару, нанося последние штришки перед выходом. Она поправила бант на темно-синем кринолине, успев еще подумать о том, а не слишком ли траурным является цвет платья и подходит ли он для посещения Оперы. Затем махнула на это рукой и в очередной раз принялась пудрить щеки, но тут же отказалась от этого. Смысла было никакого. Все равно, ей не удавалось скрыть необычность цвета кожи, в данный момент – розового. Степень румянца была связана с механизмами, которые она сама позволила привить в собственный организм. Слава Богу, женщины легче мужчин выносили боевое вспоможение, равно как и побочные эффекты, например, в форме неожиданных приступов жара, обладали меньшей интенсивностью, чем у мужских представителей непобедимой армии Железного Канцлера. Генриетта принадлежала к числу прусского дворянства, и как достойная представительница своего рода выполнила почетную обязанность военной службы. К сожалению, определенного рода военные стигматы навечно отметили ее молодое еще тело.

Перед тем, как надеть шляпу, Генриетта критично вздохнула челку, цель которой заключалась в маскировке двух винтов с шестигранными головками, находящихся на лбу и издали выглядящих, словно спиленные дьявольские рожки. Несколько поколебавшись, женщина протянула руку к муфточке и вытащила из нее солидный гаечный ключ, наложила его на головку одного из винтов и двумя руками повернула. То же самое она повторила и со вторым винтом. Это приходилось делать время от времени, поскольку механизм разбалтывался и затворы, отрезающие приток флюидов, увеличивавших агрессию и скорость, начинали подтапливать, чем, в случае недосмотра ли неосторожности превратили ее в машину для убийства. Поджим винтов должен уменьшить интенсивность багровости на лице лучше, чем замаскировала бы ее пудра. Женщина пожалела плечами, особо не заботясь совсем не женским недомоганием. Такова уж судьбина военного ветерана.

Через пару мгновений, шелестя платьем, она помчала к двери, позволив служанке на бегу накинуть себе на плечи пелерину с меховым воротником. Яся, жилистая, энергичная тетка, жена дворника и мать пятерых сорванцов, не только заботилась о жилище прусской юнкерши, но еще давала ей уроки польского языка, местных обычаев и топографии города. Генриетта освоила все эти задачи довольно-таки неплохо, тем не менее, щедро оплачивала хозяйке за дополнительные услуги. Таким образом, она тактично помогала Ясе прокормить банду растущих сыновей, а при случае обеспечивала себе верность и преданность служащей.

- И ради Бога, пускай паненка будет поосторожней! – служанка пыталась удержать Генриетту от преодоления лестницы в два прыжка. – Муж уже должен вызвать извозчика. Да не спешите же так, паненка успеет!

- Jawohl, mein lieber! – девушка спрыгнула вниз, лопоча платьем.

Вновь она профукала массу времени перед зеркалом, а ведь собиралась заехать за своей партнершей. Опаздывать было неудобно, так как в оперу Генриетту пригласила знаменитая на всю Варшаву дама, к тому же известная литераторша и журналистка. Фроляйн фон Кирххайм познакомилась с ней только лишь сегодня, в полдень, в здании Варшавского Товарищества Благотворительности, где в свободное время помогала в устройстве предпраздничного базара и аукциона в пользу сирот. Полная дама сама заговорила с ней, бесцеремонно и без какого-либо стеснения расспрашивая о странной красоте. Всякий на месте Генриетты оскорбился бы столь сильным отсутствием такта, граничащим с наглостью. Но девушка любила людей откровенных и непосредственных, в связи с чем несдержанный язык крупной дамы в черном платье с морем оборочек, вместо того, чтобы оттолкнуть, только лишь заинтриговал. Варшавская матрона затащила ее в ближайшую кондитерскую на кофе с пирожным, где они проболтали более двух часов. Под конец дама пригласила пруссачку на сегодняшнее премьерное представление в Оперу, на которое, в результате болезни мужа, ее некому было сопровождать.

Генриетта вскочила в пролетку и приказала не медля ни минуты везти себя на Крулевску, 3. Извозчик стоял перед воротами дома, в котором она проживала, то есть, на перекрестке Владимирской и Берга. К счастью, движение в это время было ничтожным, так что ехать они могли быстро. Извозчик подгонял лошадей, и колеса стали выбивать живой ритм на мостовой. Холодный осенний ветер приятно охлаждал горячую кожу прусской воительницы, выставившей лицо под его действие. Ноябрь прогнал с варшавских улиц привычный смрад, зато принес свежесть после исключительно сухого и душного лета. К сожалению, темнота спадала на город все раньше, так что улицы погрузились в сумрак. Загорелись первые фонари, но газовая иллюминация едва-едва разгоняла темень. Фроляйн-юнкер это не мешало, она с усмешкой глядела на чугунные фонари, освещающие импозантные фасады крупных банков на улице Берга. Прохожие, казалось, погодой были недовольны, они шли быстро, спрятав головы в воротники. Они не умели радоваться жизнью, как Генриетта, что особо ее и не удивляло. Когда-то она вела себя точно так же, лишь только после того, как на полях битв поглядела смерти в лицо, тогда научилась радоваться каждым переживанием и черпать из него удовольствие.

Она и не заметила, как извозчик завез ее на Крулевску. Генриетта спокойно вышла из экипажа, стараясь удержать себя и не сделать энергичный прыжок, ведь за ней кто-то мог наблюдать из окон жилого дома. И действительно, не успела она войти в подъезд, как появился слуга в ливрее. Он бросил вознице монету, приказал ехать, после чего провел сотрудницу канцелярии вовнутрь.

Дама уже ожидала, готовая к выходу. Люцина Чверчакевич надела кринолин еще более украшенный воланами и бантами, чем тот, что был на ней в полдень, приложением была украшенная разноцветными перьями шляпа. Вся гран-дама выглядела, словно огромный торт.

- Пойдем пешком, моя дорогая, - сказала она, беря Генриетту под руку. – Варшавская Опера находится недалеко,

так что жалко было бы тратить деньги на карету. Помимо этого, знай, Геня, что физическая активность крайне важна, чтобы радоваться хорошему пищеварению, здоровью и красоте. Тебе необходимо много времени пребывать на свежем воздухе, почаще совершать скоростные прогулки с нагрузкой, и тогда ты избежишь большинства болезней и сохранишь идеальную фигуру.

Площадь Большого Театра. Снимок 1870 года. <http://humus.livejournal.com/3414906.html>

Краем глаза Генриетта оценила импозантную фигуру пани Чверчакевич, сделав вывод, что сама писательница собственными советами руководствоваться не спешит. Разве что если скоростной прогулкой с нагрузкой она считала те несколько шагов до здания Большого Театра. Их ожидало лишь пересечение Саской площади. Фроляйн фон Киршхайм с некоторой меланхолией вспоминала десятки миль, пройденные строевым шагом в полном боекомплекте в ночь перед битвой при Садове¹. О самой битве она предпочла бы забыть. К сожалению, кошмары на мгновение вернулись, и девушкой затрясло от смеси отвращения и страха.

- Тебе холодно, золотце? Что, не надела теплых трусов и нижней юбки? Я права? – укоризненно вздохнула пани Чверчакевич. – В такое время года необходимо обращать особое внимание на тщательную защиту от суровой погоды. Женское белье должно быть хорошенько крахмаленным и подобранным по размеру. Чулки шерстяные, а еще лучше пускай и не модные уже панталоны. И не забывай, что белье следует надевать чистым. Его необходимо стирать раз в неделю.

Взгляды пани Люцины были весьма решительными, и к тому же – достаточно современными. Она делилась ими с каждым, даже тем, у кого не было желания их выслушивать. Только Генриетта не имела ничего против даваемых ей уроков, она в полной мере оценила оригинальность своей сопровождающей. Ведь забота о физическом состоянии и чистоте не входили в число приоритетов женщин-хозяек чуть ли не по всей Европе. А Люцина Чверчакевич, даже если этого не было так сразу заметно, явно была женщиной современной, даже опережающей свою эпоху.

Скорость они несколько сбавили перед колоннадой Большого Театра, где за оконными стеклами манили теплом и светом помещения популярной кондитерской. Генриетта поняла, что ее подруга ведет внутреннюю борьбу, видя выставленные кремовые пирожные и торты, обильно посыпанные сахарной пудрой. На несколько мгновений пани Люцина замолчала, прервав тираду о необходимости поддержания гигиены тела и заботе о чистоте интимного гардероба. Фроляйн фон Киршхайм как можно быстрее провела польку в театр. Они очутились в огромном, чрезвычайно богато украшенном и ярко освещенном газовыми лампами холле. Женщины отдали верхнюю одежду гардеробщику и поднялись по лестнице в театральное фойе.

Паркет, уложенный разноцветной розеткой, сиял словно отполированный; над головами собравшихся блистали массивные люстры, а огромные зеркала на стенах оптически умножали и так многочисленное количество любителей оперы.

¹ Битва при Садове, также Сражение при Кёниггреце, нем. *Schlacht bei Königgrätz*, совр. Градец-Кралове в Чехии) произошла 3 июля 1866 года и была самым крупным сражением австро-прусской войны 1866 года, кардинально повлиявшим на течение войны. Австрийская армия, вместе с союзными саксонскими войсками, потеряла убитыми и ранеными около 15 тыс. и 22 тыс. пленными и дезертирами — почти в 5 раз больше, чем пруссаки, потери которых не превышали 9 тыс. человек, а также 116 (по другим данным 187) орудий. - Википедия

Генриетте казалось, что здесь собрались все светские сливки Варшавы. Гомон стоял, словно на рынке, но не слышно было какого-либо смеха или – упаси Боже – громких голосов. Собравшиеся разговаривали друг с другом, кланялись и вежливо улыбались, целовали дамам ручки, обменивались поздравлениями и новейшими сплетнями. Все обсматривали всех, восхищаясь туалетами и прическами, выискивая взглядом знакомых или знаменитостей. Каждый надеялся на то, что станет свидетелем хотя бы маленького скандалчика или какого-нибудь события, о котором стоило бы вспомнить и рассказать на следующий день за чаем.

Пани Чверчакевич просияла словно висящий под потолком канделябр. Она милостиво принимала поклоны мужчин и кивала знакомым дамам. Генриетту она держала под руку и неспешным шагом вела ее через фойе, словно сама была королевой, знакомящей гостью с собственным дворцом. Без какого-либо стеснения, довольно-таки громко она комментировала не нравящиеся ей туалеты или людей, которых не могла выносить.

- Пани Теплиц вновь разоделась, словно на провинциальную свадьбу, прямо отсюда нюхом чувствую скипидар и шарики против моли, - говорила она с милой улыбкой. – О, а вот и граф Скарбек. Снова пришел в компании механических камердинеров. Хвастается своим богатством, якобы может себе позволить новейших мехаборгов. И наверняка ведь одно из его приобретений поломается и запачкает всех машинным маслом. Не станем к нему подходить, не люблю я современные машины. Конечно же, дорогая моя Геня, тебя я в виду не имею. Надеюсь, я тебя не оскорбила?

- Ну что вы, пани Люцина, - Генриетта решила на крайне фамильярное обращение к даме по имени. Но Чверчакевич не отреагировала возмущением, похоже, ей и вправду понравилась прусская воительница.

- Ты гляди, а сколько тут русских, - уже значительно тише буркнула полнотелая литераторша. – Вон стоят чиновники из магистрата, а вон там, с женами, судебные. Все в петербургских рединготах, наверняка помнящих времена Екатерины Великой. Фу! А вон там стоят офицеры литовского и волынского полков лейб-гвардии. Уже нажрались, сволочь азиатская. Ведь и слова же не поймут из либретто, только на хористок и будут пялиться.

Неожиданно к ним подъехал пожилой господин, сидящий в коляске с паровым двигателем. Его машина работала тихонечко, слегка посвистывая и время от времени выпуская клуб дыма, но не больший, чем облачка дыма от сигар, которые курили чуть ли не все мужчины. Старика сопровождали две молодые женщины, как оказалось – его дочери. Генриетту представили – стариком был известный банкир Леопольд Кроненберг с семейством. Еще до того, как прозвучал первый звонок, гостя из Пруссии познакомилась еще с двумя еврейскими промышленниками: Берсоном и Натансоном, профессором и ректором Императорского Варшавского Университета Петром Лавровским², с двумя гигиенистами и в то же

² Лавровский, Петр Алексеевич — член совета министра народного просвещения, род. 13 марта 1827 г. в с. Выдропуске, тверской губ., ум. в Петербурге 28 февраля 1886 г. Сын сельского священника. Первоначальное образование получил в духовном училище; в 1842 г. принят в петербургский Педагогический институт; в 1851 г. окончил в нем курс с золотой медалью. Еще на студенческой скамье обратил на себя внимание своими работами, из которых одна — "О Реймском евангелии" — напечатана была в "Опытах историко-филологических трудов студентов Главного педагогического института" (СПб. 1852 г.) и заслужила лестный отзыв Востокова. 17 августа 1851 г. П. А. Лавровский назначен был в Харьковский университет исправляющим должность адъюнкта по кафедре славянских наречий; 14 декабря 1852 г. защитил в Петербургском университете на степень магистра рассуждение "О языке северных русских летописей"; в 1854 г. защитил в Харькове на степень доктора "Исследование о летописи Якимовской"; в этой работе он доказал, что Иоакимовская летопись не подлог, не сочинена Татищевым, и в значительной своей части содержит извлечения из какой-то древнейшей, недошедшей до нас рукописи. В 1855 г. возведен в звание экстраординарного профессора, в 1857 г. — ординарного. С весны 1859 г. по январь 1861 г. провел в заграничной командировке. Через Сербию, Банат, Далмацию, Черногорию он проехал в Вену, затем в Прагу; в этом путешествии он завел знакомство с выдающимися славянскими учеными и много работал как над изучением живых славянских языков, так и древних письменных памятников. По возвращении из-за границы он продолжал чтения в Харьковском университете; лекции его и ранее были богаты содержанием, знакомили слушателей со всем новым и замечательным в науке; теперь они приобрели еще более содержательности, были посвящаемы все новым и новым отраслям славяноведения. П. А. Лавровский создал в Харьковском университете заметную школу филологов-славистов, и в числе его слушателей были такие известные ученые, как Колосов и Потебня. В 1863 г. вышел обширный труд Лавровского "Кирилл и Мефодий" — сочинение, занимающее и до сих пор одно из важнейших мест в литературе предмета, как по богатству собранных материалов, так и по строгости и научности методов исследования. Служба Лавровского в Харьковском университете продолжалась до 1869 г.; это было временем наиболее плодотворных работ его на поприще науки. Кроме названных уже исследований он написал за это время: замечательное "Описание семи рукописей Имп. Публ. Библиотеки" ("Чтения моск. общ. ист. и древн.", 1858, IV); "О русском полногласии" ("Известия II отд. Акад. Наук", . VII, 1858); "Исследование о мифических верованиях у славян в облако и дождь" (СПб. 1862), "Падение Чехии в XVII в.", (М. 1868), несколько обстоятельных критических статей и около 10 статей в журналах и газетах по разным современным вопросам славяноведения.

11 августа 1869 г. П. А. Лавровский был назначен ректором Варшавского университета, который должен был открыться и заменить существовавшую тогда в Варшаве главную школу. 12 октября состоялось открытие университета; на акте ректор сказал замечательную речь, в которой проводил мысль, что отличительный признак университета, главная сущность его — это полная свобода в научном движении, но что эта же свобода "требует и со стороны ее возделывателей такой же чистоты в помыслах и побуждениях, какою отличается всякая научная истина; они должны строго и неизменно держаться пределов своей научной области... Малейшее уклонение от этих пределов, самое, по-видимому, слабое вмешательство в основы житейского порядка нарушает прямое назначение ученого". На ректорском посту Лавровский скоро заслужил уважение варшавского общества и как ученый, и как в высшей степени справедливый человек; университет под его руководством и благодаря его энергии начал становиться вполне русским. 30 декабря 1872 г. Лавровский оставил должность ректора и службу в Варшавском университете; в 1874 г. вышел под его редакцию "Свод мнений по пересмотру университетского устава" 1 января 1875 г. он был назначен попечителем только что образованного тогда оренбургского учебного округа. Здесь он оставался до 31 марта 1880 г., когда был переведен на должность попечителя

самое время профессорами медицины, близкими приятелями пани Чверчакевич; очень вежливыми дамами из школы для женщин; с худым публицистом из "Праздничного Курьера" и полным главным редактором "Домашнего Опекуна" Францишем Гумовским, которого сопровождал молодой красавчик, журналист Александр Гловацкий³. В конце концов, светские представления пришлось прервать, чтобы занять свои места.

- Уважаемые дамы, прошу вас спуститься вниз, - поклонился билетер, стоящий перед входом на первый ярус балконов.

- Не поняла? – чистосердечно изумилась пани Люцина. – У меня уже два года абонемент на ложу!

- Прошу прощения у милостивой пани, но это новое распоряжение Дирекции Правительственных Театров. – После этого билетер поклонился в пояс. – На время пребывания в Варшаве уважаемых гостей Его Величества, все абонементы были отозваны, а ложи переданы в пользование...

- Скандал! – взорвалась пани Чверчакевич. И сразу же во все горло. – Верх хамства! За что я плачу? Где уважение к достоинству дамы, где защита законопослушного гражданина? Всякий раз у меня отнимают мою же ложу! То, понимаешь, царь, во время посещения Варшавы, вместо того, чтобы глядеть на парады войск, ходит в театры и занимает мое место, то, понимаешь, какие-то его уважаемые гости. Не стану я сидеть внизу, раз плачу за ложу! И не стой тут как болван, человек. Зови сюда директора Оперы! Спектакль не начнется, пока у меня не будет моей ложи!

Генриетта с трудом сдержала усмешку. Взрыв эмоций пани Чверчакевич был настолько неожиданным, что пруссачка начала размышлять над тем, а не прошла ли уважаемая дама биомеханическую военную подготовку. Весь этот фонтан эмоций и энергичность казались неестественными.

- Könnte ich Ihnen helfen, meine Damen? – прозвучал за спиной Генриетты вопрос, заданный на ее родном языке.

Девушка обернулась, чтобы увидеть пожилого джентльмена с бачками, подстриженными на консервативный манер, и в шелковом платке-фуляре на шее. Его черный фрак был украшен блестящим золотом двухголовым габсбургским орлом на большом ордене с фиолетово-желтой лентой. Генриетта почувствовала волну бешенства, растекающуюся по груди и выходящую на поверхность лица интенсивным багрянцем. Лишь бы только выдержали боевые затворы, не начали травить, а не то я вцеплюсь ему в горло! Со времен битвы при Садове девушка именно так реагировала на любого австрийца. Пришлось стиснуть зубы и и медленно-медленно вдохнуть через нос.

- Jemand nahm unsere Plätze auf der Loge, - процедила она сквозь зубы.

- Что это за тип? – Пани Чверчакевич тут же успокоилась. – Чего он хочет?

Джентльмен улынулся и, вежливо поклонившись, представился. За его спиной появилась парочка широкоплечих помощников, выглядящих словно близнецы. Кроме того, из толпы материализовалось еще четверо господ в идентичных фраках – царских агентов. Генриетта отметила, что у одного из них блестящие металлом глазные имплантаты, а по его неестественно меняющей цвет коже пробегали змейки электрических разрядов. Это вам уже не простые шпики, а сотрудники Третьего Отделения Личной Его Величества Канцелярии – спецслужбы!

одесского округа. В Оренбурге он деятельно занимался делами управления, основал много новых училищ и значительно улучшил существовавшие; не оставлял он и ученых работ, плодом которых был "Русско-сербский словарь", появившийся в 1880 г., как продолжение изданного им же в 1870 г. "Сербско-русского словаря". В Одессе Лавровский с увлечением занялся делами университета и упорядочением средних учебных заведений округа, в которых оказались большие беспорядки. Он имел удовольствие и здесь видеть успех своих трудов и общее сочувствие и уважение; но климат Одессы оказался для него вреден; он постоянно хворал и 18 марта 1885 г. вышел в отставку. Отдохнув несколько месяцев в деревне, он приехал в Петербург, и назначенный членом совета министра, начал на свободе продолжать свои работы по изучению Кирилло-Мефодиевского вопроса. Скончался внезапно 28 февраля 1886 г. – Большая Биографическая Энциклопедия

³ Болеслав Прус (Александр Гловацкий) (Boleslav Prus) (20.08.1847 года - 19.05.1912 года) - польский прозаик и журналист. Крупнейший представитель польского позитивизма – литературного направления, отрицавшего романтизм. Родился 20 августа 1847 в Грубешове, близ Люблина.

Принимал активное участие в январском восстании 1863, был ранен и после разгрома восстания на несколько месяцев заключен российскими властями в тюрьму. После освобождения продолжил начатые в Люблине в 1856 занятия в гимназии.

В 1866 Прус переехал в Варшаву и поступил на физико-математический факультет Главной школы. Тяжелые материальные условия вынудили его в 1868 бросить учебу и браться за самую разную работу; в 1872 он начал сотрудничать с варшавским журналом "Домашний опекун". С 1875 работал в главном печатном органе варшавских позитивистов "Варшавский курьер", где на протяжении 12 лет публиковал Еженедельные хроники; писал также сатирические статьи и фельетоны. Заслужив репутацию блестящего публициста, Прус в 1882 начал издавать собственный журнал "Новости"; независимая позиция и нравственный максимализм, вероятнее всего, стали причиной неудачи этого предприятия: в следующем году Прус закрыл журнал.

Свою писательскую деятельность Прус начал как новеллист; для его рассказов, отличающихся стилевым разнообразием, характерны точность, конкретность и простота.

В 1885 выходит первая повесть Пруса "Форпост" (Placówka), посвященная героическому сопротивлению польских крестьян немецкой колонизации. За ней последовал лучший роман Пруса "Кукла" (Lalka, 1890) – широкая панорама жизни тогдашней Варшавы. Четыре года спустя вышел в свет его четырехтомный роман "Эмансипированные женщины" (Emancypantki, 1894), посвященный феминистскому движению в Польше. Прусом также написаны романы "Фараон" (Faraon, 1897), "Дети" (Dzieci, 1908) и "Перемены" (Przemiany, незаконч.; начал печататься в 1912).

Прус никогда не прекращал публицистической деятельности; ему принадлежит ряд серьезных работ на общественно-политические темы.

Умер Прус в Варшаве 19 мая 1912. – Биографический Словарь

- Этот вот господин – это барон Фердинанд фон Лангенау, - перевела юнкер-девица, - чрезвычайный посол Австрии при императорском дворе России. Он сожалеет, что его причине вы потеряли свое место и предлагает вам его обратно. Еще он просит побыть гостем в вашей ложе.

Пани Чверчакевич смерила австрийца грозным взглядом, но тут же смягчилась.

- Следует проявить к чужестранцу польское гостеприимство, - произнесла она с гордостью, чтобы слышали все вокруг, а здесь собралась приличная толпа любопытствующих. – Приглашаю вас, пан барон, в свою ложу. Поглядим оперу вместе. Думаю, как-нибудь разместимся.

Генриетта взяла себя в руки настолько, чтобы спокойно сесть в ложе между австрийцем и толстой полькой. Уселись они в самое время, потому что занавес пошел вверх, и раздались первые такты музыки. У входа в ложу, за спинами сидящих, встала пара охранников посла. Фролайн фон Кирххайм пыталась не думать о том, что сразу же за ней торчат два австрийских солдата, а с третьим она сидит плечом в плечо. Девушка сконцентрировалась на самом спектакле.

Еще раньше она сумела как-то подготовиться и в правительственном архиве, в котором официально работала канцеляристой, отыскала партитуру оперы и рецензии на предыдущие ее представления. Спектакль назывался "Иоанн Лейденский", а написал оперу великий и ужасно популярный германский композитор Джакомо Мейербер⁴. Само произведение принадлежало жанру "*grand opera*", то есть необычайно роскошного и пышного сценического зрелища. Композитор был знаменит тем, что обожал затруднять жизнь певцам, и в исключительно эмоциональную и зрелищную историю вставлял ужасно сложные арии. Любители оперы уже потирали руки и дрожали от беспокойства – а справятся ли с этой оперой польские исполнители.

- Полнейшее поражение. – Пани Чверчакевич вытащила из бесконечной путаницы воланов бумажный пакетик и подсунула его под самый нос Генриетте. – Слышишь, как они поют?

На сцене молодая певица принимала драматические позы, и то теряла сознание, то скакала на месте, сильно пересаливая в исполнении роли. Фролайн фон Кирххайм, хотя и не была большим знатоком музыки, сориентировалась, что девушка поет слишком высоко и чересчур старается, что становилось смешным и гротескным в самых неподходящих моментах. Пани Люцина, подгоняя, зашелестела пакетом, так что пруссачке пришлось угоститься шоколадным трюфелем. Пани Чверчакевич какое-то время поглощала конфеты молча, но тут же начала недовольно чмокать. Наконец, она заговорила, достаточно громко, наверняка, чтобы ее услышали и в соседних ложах:

- Слишком высоко поет, это уже не контральто, а выше. А ведь роль Фидес была написана для контральто. Ну кто же, на божью милость, доверил главную роль этой девице Чеховской? Она столь позорно завывает низкие ноты⁵. У меня просто болят уши. Я страдаю!

Последние слова дошли, похоже, до самой сцены, потому что молодая певица изумленно поглядела в сторону лож. Барон фон Лангенау фыркнул смешком, догадываясь о содержании замечаний пани Чверчакевич. Генриетта улыбнулась ему одновременно извиняясь, но и заговорщически прищурил глаз. К счастью, тут свою партию начал исполнять опытный тенор, пан Чешлевский. У этого все получалось гораздо лучше, так что пани Люцина вернулась к поеданию шоколадок. До середины первого акта она слопала их целый пакет и, к испугу ежеминутно угощаемой Генриетты, вытащила из складок платья следующий.

Вдруг на сцене появилась красивая женщина с круглым, юным лицом и прелестным остроконечным носиком. Запела она превосходным сопрано, чисто и умело⁶. Голос ее отразился в хрустальных подвесках люстр Оперы и приятно защекотал в самой середине головы у Генриетты. На сей раз пани Люцина проявила удовлетворение:

- Это варшавская примадонна, панна Довяковская. Девочка в своем деле толк знает, талант! А вот теперь слушай, сейчас прозвучит самое красивое...

Панна Довяковская пела свои драматические реплики все быстрее, оркестр брал очередные ноты весьма бравурно, с ударами в литавры. Напряжение росло и достигло зенита. Музыка заполнила все и вся, вибрировала в мыслях слушателей, впивалась в их тела, в саму плоть. И вдруг все застыло в тишине. Певица умолкла и закрыла веки. Генриетта

⁴ Иоанн Лейденский (нидерл. *Jan van Leiden, Johann von Leiden*; настоящее имя — Ян Бейкелзон (*Beukelszoon*), Бокельсон (*Bockelson*), нем. Букхольт (нем. *Buckholdt*); около 1509, близ Лейдена — 23 января 1536, Мюнстер) — вожьд мюнстерских анабаптистов. Родился в 1510 году в Лейдене, портной по ремеслу. Приняв учение анабаптистов, Иоанн скоро стал одним из наиболее рьяных и талантливых странствующих его проповедников. В 1533 году он пришёл в Мюнстер вместе с Яном Маттисом (*Matthys*) и усердно помогал ему в проповеди учения и устройстве в Мюнстере "царства Христова" и "Нового Сиона". Когда Ян Маттис был убит в 1534 году, Иоанн утверждал, что по данному ему свыше откровению, он назначен Богом в преемники убитому пророку, и, признанный в этом сани бургомистром города Берндом Книппердоллингом, стал организовывать в Мюнстере теократическое правление, руководствуясь собственными откровениями и указаниями, почерпнутыми из Ветхого Завета. Именуя себя "Иоанном Божьей милостью царь Нового Израиля", Иоанн ввёл многожёнство, жил роскошно и сделал город ареной бесчисленных религиозно-фанатических выходок. Несмотря на отчаянную оборону, в июне 1535 года город был взят войсками Мюнстерского Архиепископа. Сподвижники Иоанна были казнены, все 18 жён — повешены, а сам Иоанн был подвергнут страшным пыткам, которые вынес с изумительной стойкостью. После обезглавливания его тело, как и тела его ближайших сподвижников, были выставлены в железных клетках на башне церкви св. Ламберта, где эти клетки находятся и по настоящее время. История Иоанна Лейденского нашла отражение в романа Карла Шпиндлера "Царь Сиона", написанного с прокатолических позиций. Его история так же дала сюжет опере Мейербера "Пророк" (1849 г.). - <http://www.people.su/45549>

⁵ Необходимо отметить, что Фидес – мать Иоанна по опере – это глубокая старуха... - Прим.перевод.

⁶ Берта, невеста Иоанна (сопрано) - <http://mus-info.ru/opers/fr/013.shtml>

знала, что это такое – оперная риторическая фигура, называемая апозиопезисом⁷. Затягивающаяся пауза, которая чаще всего символизирует смерть.

Мир замер в неподвижности и тишине. Генриетта не могла отдышаться, хотя и сильно того желала. Она не могла даже пошевелиться. Тишина тянулась; казалось, она выпирает из мыслей музыку, жадно ее поглощая. Даже пани Чверчакевич застыла, склонив голову набок, а из ее рта потекла струйка шоколадной слюны. Творилось нечто нехорошее. Что-то напирало на реальность и протискивалось из небытия в материальный мир. Нечто чуждое просачивалось со стороны сцены, вибрировало в струнах и резонирующих корпусах скрипок, вытекало из них вместе с мраком. Полосы тьмы окружили фигуру примадонны, подавили свет, загустели. Оперу посетило существо, пожирающее свет и движение. Невидимое, но давящее и болезненно реальное врывалось в мысли, засекая все пронзительной печалью. В Оперу прибыла сама Смерть.

Генриетта именно так и запомнила ее по полям сражений. Могущественное существо, прибывающее в аккомпанементе страха и боли. Именно от нее она сама бежала до самой Варшавы.

Неожиданно панна Довяковская открыла глаза. Они были заполнены абсолютным мраком. Женщина подняла голову и глянула прямо на ложу. Генриетта видела, как окружающая певицу чернота конденсируется в некую фигуру: великана с размытыми контурами, лишённого черт лица, из спины которого торчали поломанные культы псевдокрыльев. Темный силуэт с хлопаньем поднялся в воздух и помчался к ложе, в которую врезался с басовым урчанием. Геня бросилась в сторону, охватив рукой пани Люцину. Темнота мазнула ее своим ледяным прикосновением. Недвижимость и тишина взорвались криком боли. Австрийский посол полетел назад, из его разорванной груди фонтанами била кровь. Фроляйн-юнкер почувствовала знакомый запах. Смерди. От испуга она завизжала, схватившись на ноги. В зрительном зале поднялся шум. Крики перепуганных до последнего и теряющих сознание дам слились в необычную какофонию. Примадонна на сцене грохнулась на пол, не потерявшие сознание женщины впали в истерику.

- Господи Иисусе, Оперу посетил демон! – Пани Люцина Чверчакевич была далека от обморока или паники. Она размашисто перекрестилась. – Близо прошел, но Матерь Божья хранила нас. Спасибо, девочка, что оттолкнула меня. А может дьявол хотел забрать только этого несчастного?

Чрезвычайный посол лежал плашмя, с зияющей в груди чудовищной раной. Вне всякого сомнения, он был мертв. Генриетта отметила, что его красивый золотой орден был разрублен пополам. В ложе было не продохнуть от охранников и царских агентов. Владелец железных глаз смерил обеих дам холодным взглядом вампира, а потом указал на них своим подчиненным.

- Боюсь, пани Люцина, что у нас будут неприятности, - совершенно излишне заявила Генриетта.

- Только спокойствие, дитя мое. – Дама позволила вывести себя наружу. – Находясь в аресте, мы, прежде всего, должны следить, чтобы эти азиатские дикари нас не изнасиловали. Требуя, чтобы тебе предоставили нормальную камеру, и чтобы с тобой обращались с достоинством.

Генриетта глянула на показывающего ей дорогу агента с металлической кожей, по которой все так же стекали змейки разрядов. Полицейский никак не выглядел заинтересованным их женскими прелестями; скорее всего, он походил на такого типа, который способен и обожает доставлять человеку ужасную боль. Потенциальное изнасилование в камере было сейчас самой мелкой из забот для арестованных дам.

Варшава, 10 (22) ноября 1871 г.

Кто-то начал лупить изо всех сил в ворота, прерывая Данилу Довнару его кулинарные сомнения. Худой и высокий инженер, одетый в одни лишь доходящие до колен подштаники и не застегнутую сорочку, стоял на кухне, размышляя, чтобы съесть на завтрак. А точнее: чем запить. Дело в том, что выбор сухого провианта ограничивался тем, что потребить с кусочком хлеба: твердый сыр или пикули из банки, либо, по возможности, и то, и другое. Гораздо большей проблемой был выбор напитка. Пугающая сухость в горле и шум в голове склоняли к тому, чтобы протянуть руку за бутылкой вина, так и искушающей из-за приоткрытых дверок погреба; но разум подсказывал, чтобы начать день на трезвую голову, со стаканом молока. На несколько рюмок чего покрепче или пару бутылочек вина время придет вечером. С другой стороны, ну какой нормальный человек с утра пьет молоко? Ф-фу, гадость! А вот стаканчик винца для разгону никак не помешает. Всего один.

Эти сомнения длились уже несколько минут, чаши весов склонялись то в одну, то в другую сторону. Но вот грубый стук в ворота столь же грубо прервал внутреннюю борьбу и разозлил Данила.

- Алоизий! Ну-ка глянь, кого там холера принесла?! – рявкнул он.

Ему ответило молчание. Лакей вновь отбыл в город. Явно за покупками, а еще точнее – в церковь, чтобы помолиться. Алоизий Оржешко был необычайно религиозным слугой, как это и пристало заядлому обращенному в католицизм, а до недавнего времени – исламскому джигуну.

Данил Довнар тяжело вздохнул и вышел из флигеля. Он не обращал внимания на пронзительный ветер и легкий заморозок, покрывший лужи на дворе ледком. Инженер не позаботился даже о том, чтобы обуть ботинки. Только почесал

⁷ Апозиопеза, апозиопезис [лат. aposiopesis < гр. aposiōpon - замолкнуть) - 1) умолчание; 2) ритор. незаконченность мысли, внезапная остановка в устной или письменной речи, чаще прерывание предложения и начало нового (напр., "Подумать только, чтобы он... Но довольно! Чтобы я когда-нибудь..."). Риторическая фигура, - перерыв в середине предложения, так что слушателю самому предоставляется восполнить недостающее. – Словарь иностранных слов

шрамы возле латунной дверцы на груди. Это ему напомнило о необходимости завести механизм, что следовало делать хотя бы раз в несколько дней. В связи с этим, он отрыл дверцу в грудной клетке и три раза повернул небольшую рукоятку. Вращающиеся внутри золотые шестереночки и стеклянные насосики, прокачивающие по трубкам животворные жидкости, тут же заработали быстрее, и инженер почувствовал приятный прилив энергии и радости жизни. Мехаборгическая система, якобы, сама приказала себя имплантировать, о чем, ясное дело, он никак не помнил. Тем более, что в ходе процесса ему провели трепанацию черепа, чтобы подключить какую-то холеру непосредственно к мозгу и заменить лобную и височную кости на золотые пластины.

С самого детства он страдал худобой и склонностью к болезням, ничего удивительного, что в конце концов подхватил чахотку. Случай был из породы безнадежных, не помогли выезды на воды и целое состояние, растраченное на различных курортах. Единственный шанс на выживание давала замена легких на заводное устройство. Довнар не помнил ни самой операции, ни, особо, жизни до нее. То есть, он понятия не имел, что склонило его имплантировать в собственном теле не только устройства по поддержанию жизнедеятельности, но еще и необыкновенного механизма, который, под влиянием электрического тока, превращал его самого в личность, способную ментально путешествовать между параллельными мирами. Из них он мог черпать воздействия, меняющие физику. Зачем? Алоизий утверждал, что это по причине унаследованного от деда неукротимого научного запала. Сам Данил деда не помнил. Запал же, и вправду, в нем иногда просыпался, но только на трезвую голову, а подобное с инженером слишком часто не случалось.

Он приоткрыл ворота и выглянул на улицу. На тротуаре стоял уса́тый мужик, держащий за уздечку здоровенную конягу, запряженную в тяжелую колесную платформу для перевозки мебели.

- Улица Шли́ска, 1465? Дом пана Довнара. Я агент из таможенной службы перегрузочной станции Петербургской железной дороги, - представился усач. - Привез вам посылку. Забираете?

- Из Гданьска? Уже? - оживился Довнар.

Не ожидая ответа он раскрыв ворота и махнул таможеннику, приглашая его заезжать во двор. Грузовая платформа заехала в середину и остановилась перед флигелем, в котором размещалась научная лаборатория инженера. Усач соскочил с козел и снял брезент, закрывавший груз. В огромных плетеных корзинах лежали кучи черных камней, на первый взгляд похожих на уголь. Данил схватил один кусок, погладил блестящую поверхность, понюхал, попытался даже откусить кусочек, в конце концов – полизал.

Усач подозрительно глядел на хозяина. Не нравились ему уроды, смонтированные в подозрительных лабораториях или прямо сшитые в море из нескольких покойников. Покрывающие тело Довнара шрамы, видимые под кожей на лбу заклепки, соединяющие кости черепа, и дверцы на груди говорили, что хозяин дома – это комбинированное существо, созданное по образцу чудовища Франкенштейна. Помощник таможенника удержался от того, чтобы не плюнуть под ноги уроду, вместо того протянул в его сторону грузовой лист, требуя подписать документ.

- Погодите-ка, - буркнул в ответ Данил. - Я еще должен проверить, соответствует ли товар заказу. Сейчас вернусь.

И он помчался в лабораторию, прижимая к груди черную каменюку. Ногой распахнул дверь, проскочил мимо стоящего на постаменте железного трона, служившего ему в качестве электрического стула, позволяющего посещать параллельные реальности, и добрался до лабораторного стола. Геологическим молотком он отбил кусочек породы, молниеносно растер в ступке, пересыпал порошок в небольшой тигель и поместил последний на спиртовую горелку. Какое-то время он вдыхал вздымающийся дым, после чего критически осмотрел остаток в тигле. Инженер макнул палец в еще горячий порошок, после чего сунул этот же палец в рот. Сплюнул на пол и поднял кулак в жесте триумфа. Затем вытянул руку к висящему под самым потолком лаборатории чучелу аллигатора. Весик, именно так звали чудовище, в доме Довнара исполнял роль копилки. Хозяин пошарил в открытой пасти и вытащил несколько банкнот. После того набросил на себя старинный редингот, помнящий еще времена предыдущего хозяина лаборатории, деда Данила – графа Ходкевича⁸, а для

⁸ Понятно, что данная книга является фантастическим произведением, к тому же – пародией на стимпанк. Тем не менее, вот что удалось найти про деда нашего героя (<http://brama.brestregion.com/nomer18/artic15.shtml>): Генерала, писателя и учёного-химика Александра Ходкевича (1776-1838) можно смело назвать совестью нации. Хотя граф большую часть жизни провёл на волыньском Полесье, но был тесно связан с Берестейщиной: его крупное имение находилось в селе Верховичи Брестского уезда. Известный драматург и поэт являлся также членом литературно-философского кружка знаменитого поэта Франтишка Карпинского, жившего в начале XIX века на Пружанщине.

В молодости Ходкевич, не скрывая своего якобинства, дружил с выдающимся польским политическим деятелем и философом Гуго Коллонтаем. Будучи совсем юным, граф участвовал в восстании под руководством Тадеуша Костюшко, дослужившись до должности заместителя командира батальона. В 1812 году Ходкевич был в составе военного командования Великого Княжества Литовского, попытку восстановления которого предпринял Наполеон. Кроме того, граф за свой счёт снарядил и возглавил 18-ый Виленский пехотный полк. Свой боевой путь полк закончил в крепости Модлин, которая была взята после длительной осады будущим палачом Варшавы - Иваном Паскевичем. Следует отметить, что в руководстве ВКЛ было очень много берестейцев: Юзеф Сераковский, Франтишек Ельский, Стефан Грабовский, Ян Горайн и другие. Это всё люди, близкие к князю Адаму Казимиру Чарторыйскому.

В 1815 году помилованный Ходкевич получил звание полковника штаба корпуса гвардии, и, одновременно, российские власти вернули ему всё конфискованное имущество. В 1818 году он получил звание бригадного генерала, но сразу ушёл в отставку, не выдержав грубых методов командования войсками великого князя Константина. В следующем году Ходкевича назначили сенатором. Но вскоре великий князь грубо оскорбил его, и граф на сессии Сената резко выступил против Константина. Ходкевич дорого заплатил за свою смелость: декретом Александра I был лишён звания сенатора.

В 1821 году в Польше возникло Патриотическое общество во главе с Валерьяном Лукасинским. Хотя вскоре Лукасинский был арестован, так и не успев ничего толком сделать, но ему пришлось отсидеть около 50 лет в одиночной

его внука служащий лабораторным халатом, и, одетый таким вот образом, он вновь вышел во двор.

Там он застал усаха, разговаривающего с Алоизием. Лакей, чернокожий великан с могучей, плечистой фигурой и лицом африканского божества, выбитого в черном базальте, осматривал груз и слушал жалующегося на уличную толкотню таможенника. Увидав своего хозяина, он поклонился старинным, восточным образом, как будто бы желал пасть ничком перед своим властителем. Понятное дело, в половине поклона он застыл, а затем с достоинством выпрямился.

- Так как? Сваливаем? – спросил усаха.

- Да. То есть – нет, - улыбаясь, ответил Данил. – Товар первоклассный, только вы завезете его в другое местечко.

- Важное сообщение, хозяин... - глубоким баритоном отозвался Алоизий, только инженер его не слушал.

- Я вам не курьер и совсем даже не носильщик. Я младший чиновник – да, без чина, но чиновник. Я всего лишь должен был доставить посылку с таможенного склада, поскольку перевозка, вроде бы как, оплачена. Но только на Шлискую 1465.

- Данил, послушай, на базаре я узнал кое-что любопытное... - Негр отказался от официальных форм вежливости, пытаясь достучаться до озабоченного ученого. Но тот на слугу и не глянул.

Кстати, свою новость Алоизий мог услышать и здесь – на рынке Старого Места (Старого Города – центральной исторической части Варшавы). Снимок 1912 года.

- А ведь поедете, поедете, - Довнар похлопал усаха по плечу и вручил ему две десятирублевые банкноты.

Алоизий только засопел, видя подобное расточительство, зато глаза таможенника заблестели. Под могучими темными усами расплылась чистосердечная улыбка. Нелюбовь к чудикам, порожденным биомеханикой, развеялась без следа.

- На железодельную фабрику Вернера, на угол Лешна и Нововроньской, - отдал инструкции Данил. – Только поспешите и скажите там, что это от инженера Довнара. Пускай сразу же загружают в печь. Но потом пускай не закаляют и не вальцуют. Листы они должны только проковать – это очень важно! Запомните?

камере Петропавловской крепости. Это - одна из многих загадок российской истории. Можно только предположить, что создатель польского национального масонства Лукасинский поддерживал контакты с виднейшими российскими деятелями-масонами и много знал о тайнах российской политики.

Хотя формально Александр Ходкевич не являлся членом Патриотического общества, но через него осуществлялись основные контакты между обществом и декабристами. После восстания на Сенатской площади граф был арестован и некоторое время провёл в Петропавловской крепости, но его вину не смогли доказать. Ходкевич попал в русскую историю, оказавшись в знаменитом "Алфавите декабристов".

Александр Ходкевич был известным учёным-химиком. Известно, что алхимия - один из краеугольных камней масонства. Наибольшей известностью пользовался его семитомный учебник "Химия", который не потерял своего научного значения даже сейчас. Граф помогал материально многим учёным и художникам: ботанику Антонию Анджеевскому, медику Николаю Мяковскому, живописцу Юзефу Олешкевичу, публицистам Юзефу Завадскому и Виктору Гельтману...

- А чего там не помнить?! – Усач лихо вскочил на козлы и схватил вожжи.

- Шеф, сейчас расскажу вам кое-чего любопытного... - сделал очередную попытку Алоизий.

- Иди лучше завари мне чаю и сделай чего-нибудь пожрать. – Инженер довольно потер руки. – погребец закрой на ключ, а тот потом проглоти. Сегодня мне пить нельзя, ни капельки. Понял? Ты обязан держать меня подальше от водяры, даже если бы я тебе приказывал и угрожал.

Алоизий очень серьезно поглядел на него своими черными, словно адская бездна, глазами и кивнул. Он был джином из расы Каринов, пустынных духов-хранителей. Духов очень злых, говоря точнее: это были даже кровожадные демоны с гадким характером, тем не менее, духов-хранителей, следовательно, чертовски верных. Много лет назад связанный с дедом Данила, графом Александром Ходкевичем, он поклялся тому заботиться о молодом бариче. И делал он это с нечеловеческой преданностью. Если чего он своему господину обещал, то слово свое наверняка сдержит. И только тут до Довнара дошло, что заявление свое он сделал чуточку преждевременно. Он и вправду не выпьет сегодня ни капельки, даже если бы для этого Алоизию пришлось вылить в Вислу все имеющиеся в Варшаве спиртные напитки. Ладно, слово было сказано!

- Погоди, погоди, браток, - буркнул он негру, который запирает за неспешно отбывшей повозкой ворота, - где это ты сегодня был?

- На рынке, на Зеленой площади, - бросил Алоизий через плечо. – И все пытаюсь рассказать, чего узнал от своих информаторов.

Информаторами джина была банда уличных мальчишек в возрасте от четырех до четырнадцати лет, парочка доверенных еврейских торговцев рыбой и домашней птицей и кошерный мясник из бойни при рынке. Помимо того, джин поддерживал исключительно хорошие отношения с лавочницами, необычной женской кастой, которую до смерти боялись все рыночные воры и мошенники, и которой полиция кланялась в пояс. Алоизий был знаком даже с их аристократией – богатыми, внушительных размеров бабичами с острыми, словно бритва, языками и связями на всех остальных варшавских рынках. Данил верил, что такое возможно, поскольку его слуга умел быть чрезвычайно вежливым, а его нетипичная красота могла завербовать для него сторонников среди прекрасного пола. Хотя, с другой стороны, очень многие считали, что лавочницы – это какой-то третий пол, так что прилагательное "прекрасный" к ним никак не подходит.

- Ну, и чего ты там узнал? – Данил прошел во флигель, где наряду с лабораторией имелаась большая кухня.

Алоизий снял коротковатый ему сюртук, бросил его на спинку стула, вытащил из шкафа самовар и поставил его на столе. При этом он крутил носом, втягивая в себя запах дыма, все еще курившегося над тиглем.

- Что это такое? Чегой-то мне напоминает, - задумчиво вздохнул он. – Странно. Мне показалось, словно бы я вернулся домой. Много-много лет назад, когда мир еще был молод. Пахнет словно прошлое, вот только запах ни к чему не могу приписать. Похоже на курения из святилища Ваала... Нет! Так пах Хаджар, черный камень из Мекки! Я сам помогал крепить его в стене святилища.

- Как же, как же! Как всегда ты врешь! Это купленный мной расплавленный аэролит, - с гордостью заявил Данил. – После нагрева выделяются какие-то газы. Похоже, в нем находятся соединения углерода, быть может, органического происхождения. Наверное, это они так пахнут. Аэролит во льдах Гренландии обнаружили датские путешественники. Пару громадных, весящих тысячи пудов обломков они привезли на корабле в Копенгаген, третий попал в Швецию. От них я взял осколки и всю мелочь. Как сам видел, вышел целый воз.

- Аэролит? То есть, камень с неба⁹? – Непроницаемое в обычных обстоятельствах лицо Алоизия сменилось выражением неподдельного изумления. – Метеорит! Что вы говорите! И за эту вот кучу космического мусора вы заплатили тридцать тысяч рублей?

От удивления лакей чуть не сел на месте. Где-то с месяц назад Данил взял огромный кредит в Коммерческом Банке, полностью под залог дома, полученного в наследство от деда. При этом он объяснял, что деньги вложит в весьма прибыльное дело и вернет кредит раз-два! А после этого на все средства купил телегу вонючих камней. Алоизий не мог поверить, что это правда. На кой черт кому-то раздробленный аэролит?

Они стали банкротами, и наверняка в любой прекрасный день очутятся на улице. Все наследство графа Ходкевича пойдет псу под хвост. Молодой барич окончательно сопьется, ну а джин утратит репутацию сверхъестественного опекуна.

- Если бы не то, что ты черный как смола, я бы сказал, что ты побледнел, - заметил Данил. – Плохо себя чувствуешь?

- А хозяин точно уверен, что закупка аэролита была удачным вложением капиталов?

- В самую десяточку! Скажи лучше, что ты там узнал на рынке.

- Вчера вечером в Оперном был зверски убит австрийский посол, что находился в Варшаве проездом, - начал Алоизий.

- Интересно, - хмыкнул Данил, усаживаясь за громадным письменным столом, исполняющим одновременно функции лабораторного и обеденного. – Так вот о чем сплетничают рыночные торговки? Что уже ни о чем другом они уже и поговорить не могут?

- Тут же было арестовано несколько замешанных в дело личностей, в том числе – пани Люцина Чверчакевич. – Алоизий поставил перед хозяином тарелку с ломтями хлеба и сыра.

- По слухам я ее знаю. Пани издает женские календари; имеется у нас и ее кулинарная книга – вон она стоит, там, рядом с "Некромиконом", - инженер указал на шкаф в углу, заваленный томищами. – Но почему ты считаешь это сообщение столь важным?

⁹ Если говорить точнее: из воздуха. "Аэрос" = воздух + "литос" = камень. – Прим.перевод.

- Пани Чверчакевич пребывала в компании женщины, подданной Германского Рейха¹⁰, которая тоже попала под арест. Говорят, будто бы та немка – это чиновница во Дворце Наместника.

- Геня?!... – Данил отложил бутерброд и схватился из-за стола.

- Все говорят, будто бы то афера с сильным политическим душком, слишком даже подвигивающая камерой в Десятом Павильоне и виселицей, – прибавил Алоизий. – Кроме того, обстоятельства убийства весьма подозрительны. Разное говорят. К примеру, что покушавшейся была примадонна, что Оперу посетил демон, что было применено какое-то необычное оружие; не исключено участие факторов из иной действительности. Сплетни плодятся словно кролики!

- Ей необходимо помочь! – Данил опал на свое место. – Не знаю, как она во все это влезла, но наверняка она невиновна. Не может такого быть, чтобы в таком деле она приняла участие сознательно. У нее слишком мягкое сердце, я это прекрасно знаю.

Алоизий смерил хозяина долгим взглядом. Прекрасно ее знает? Познакомились они не далее, как четыре месяца назад, и стой поры кружили один вокруг другого словно пугливые зверушки во время течки. Один мало чего знал о прошлом другого и, похоже, особо этим и не беспокоился. Данил не помнил жизни перед операцией, превратившей его в полумашину, Генриетта же старалась о своем прошлом как можно скорее забыть. Так что оба делали вид, будто бы не замечают биомеханических изменений, отпечатавших свое тавро на их телах; один в отношении другого всегда старался быть тактичным. Ну да, стремление друг к другу они испытывали, вот только в женско-мужских вопросах оказались совершеннейшими неучами. Данил посещал Генриетту в вedomом ею Архиве Старинных Актов и Документов от Низвергнутых Властей под предлогом выплаты взносов на бедных сироток, поскольку девушка занималась еще и благотворительной деятельностью, либо чтобы получить совет по какому-нибудь казенному делу, она же приходила в лабораторию Довнара, чтобы тот помог ей решить какую-нибудь научную или техническую высосанную из пальца проблему. Только оба они не были способны продвинуться дальше ну хотя бы на шаг, хотя Алоизий делал все возможное, чтобы им помочь. Он оставлял их в лаборатории одних, создавал романтическую атмосферу, заставляя расцвести цветы во дворе, в силу земной стихии он убрал со двора клоачную яму, чтобы та своей вонью не отвлекала влюбленных; приготовил им ужин, нафаршированный афродизиаками, но тут оказалось, что у Генриетты иммунитет ко всем ядам, а Данил не съел ни кусочка. В конце концов, во время одной из встреч, когда они были сами, Алоизий попросту погасил свет, но возможностью они не воспользовались, ибо оказалось, что фроляйн Кирххайм прекрасно видит в темноте, а Данил располагает дополнительным механическим чувством, позволяющим ему регистрировать расстояние до предмета по принципу эхолокации.

- А знаем ли мы что-либо о ней кроме того, что родом она из Пруссии и, вероятно, была солдатом? – лишенным эмоций тоном спросил Алоизий. – Кем, собственно, эта девушка является? Откуда она взялась в Варшаве? Как получила должность архивариуса или канцеляриста в структурах Наместника? Почему это жительница Германского Рейха имеет двенадцатый ранг¹¹ в чиновных структурах Российской Империи? А может она агент разведки, шпион?

- Ты чего бредишь, темнота? – возмутился Данил. – Вместо того, чтобы выдумывать себе всякую чушь, быстро готовь мне одежду. Одна нога тут, другая там – нам нужно спешить. А вдруг Генриетту в аресте пытаются? Знаешь, какие варвары эти русские?! Даже женского достоинства не уважают.

Уже через пару минут инженер одновременно застегивал сорочку, шерстяной жилет и натягивал сюртук. Алоизий даже и не пробовал его успокаивать, он пришел к выводу, что Данил попал в состояние безумия, подобное тому, когда он экспериментировал воздействиями между параллельными мирами.

- И нечего ходить на всякие там мессы, заутрени в честь рождественского поста, молитвенные кружки и всякие там говения, – приказал инженер. – Вполне возможно, что после возвращения мне понадобится твоя помощь. Убери в доме и сделай чего-нибудь на обед. И не поправляй мне воротник, холера ясна, будто бы я пацан-несмышлениш.

Алоизий задумчиво покивал головой, потому что у него перед глазами стояла картинка семилетнего Даника, который вел себя совершенно так же, когда джинн провожал его в школу. И хотя с того времени минуло почти что тридцать лет, и хотя за это время инженер успел умереть и родиться заново в виде мехаборга, существенно он не поменялся. По черной душе Алоизия разлилась теплая волна нежности и ностальгии. Ах, как быстро эти дети растут! И заметить не успеешь, как у Данила родятся детки, и он начнет стареть. И в любой момент Алоизий будет нянчить внуков своего нынешнего подопечного. И так до бесконечности, разве что у Довнара не будет потомков, и он не передаст Карина никому другому. Тогда джинн делается свободным. Когда же это случится, он незамедлительно вернется к себе в дом, о котором он видит сны каждую ночь, чтобы принести своим демоническим побратимам истинную веру и спасти их сгнившие души. При случае вновь узнает он запах пустыни и жаркое солнце, познакомится с какой-нибудь раскаленной ифриткой¹², очарует ее, а потом они будут заниматься любовью на горячем песке целыми днями и ночами...

Размышлений о будущем и смысле существования он не прерывал и тогда, когда проводил Данила к двери. Инженер надвинул на голову высокий цилиндр, отдал джинну размашистый салют, после чего отправился в сторону располагавшегося на углу с улицей Твардой "циркуля", то есть здания комиссариата полиции. При этом он размахивал джентльменской тросточкой и нервно стучал ею по тротуару. В полицейском участке он подозрительно огляделся и, игнорируя стойку, за которой сидел дежурный офицер, сразу же направился к будочке касс. Как обычно, никакой очереди

¹⁰ В оригинале было "obywatelka", и это слово всеми словарями переводится как "гражданка". Ну какая гражданка может быть в Рейхе? Так что исключительно "подданная" – Прим.перевод.

¹¹ Двенадцатый ранг (гражданский) в "Табели о рангах" соответствовал чину "Губернского секретаря". – Прим.перевод.

¹² Ифрит (араб. عفریت) — сверхъестественное существо в арабской и мусульманской культуре. Часто упоминаются в «Тысяче и одной ночи». Проклятые Аллахом, служат Иблису (Сатане). Входят в класс джиннов ада, известны своей силой и хитростью. – Википедия.

там не было, никто особо не спешил выплачивать штрафы и вносить казенные оплаты. Посетителей обслуживал прикрепленный навечно к столу бухгалтерский автомат; на его жестяном черепе был выбит царский орел. Данил, улыбаясь, отдал ему поклон. С автоматом он уже имел дело, несколько раз уплативая штраф за конские яблоки, не убранные из-под дома, то есть, за небрежное выполнение обязанностей со стороны Алоизия. Инженеру казалось, что он знает, как действовать с чиновником.

Устройство глянуло на него красными горящими глазами и застучало по столешнице длинными металлическими пальцами.

- Какое гадкое осеннее утро, пан офицер, - завел речь Данил. – Мокро, холодно, человек и оглянуться не успеет, как в системах что-то начинает скрежетать и цепляться, шестеренки клинят, с тяг сыплется ржавчина. Ужасно, говорю вам, паскудно! Вам еще повезло, что не нужно отсюда выходить. В участке тепло и сухо, работать одно удовольствие. Ну а уж угольку в печку или там масла машинного для вас, видно, не жалеют.

Понятное дело, что выражение жестяного лица автомата нисколько не изменилось. Зато на лбу стрельнули искорки разрядов, в глазах что-то злобно блеснуло.

- Да где там, дорогой мой пан! – Автомат неожиданно отозвался металлически бубнящим, но приятным для уха голосом. – Масло подливают лишь тогда, когда меня совсем заклинит, а все мои просьбы и служебные записки относительно регулярного обслуживания и осмотров остаются втуне. Механика я с Пасхи не видел! На уголек тоже скупаются. Подозреваю, что завхоз сплавляет на сторону и денежки на этом имеет. Уже восемь писем по этому поводу отправил – и ничего. Говорю вам, это одна шайка-лейка. И такое вот где творится? Не поверите – в полиции!

Данил качал головой с серьезной миной, хотя про себя просто хохотал. Совместный обмен жалобами творил чудеса! С любым поляком легче всего установить контакт, когда на чего-нибудь пожалуешься. Земляки страстно любили понять, причем, на все, что угодно: на погоду, на власти, на пьяных извозчиков, на ленивых слуг, на бедность, снова на власти, на уличную грязь и вновь на власти. На эти последние чаще всего жаловались сами чиновники.

Вот так, до самого конца, автомат, понятное дело, автоматом и не был. Данил читал последние публикации британских ученых, посвященные исследованиям искусственного разума, но они со времен Чарльза Бэббиджа¹³ и его разностной машины продвинулись вперед незначительно. Механические умы в каком-то диапазоне были способны считать, но вот умение ассоциировать факты шло с большим скрипом.

А что уже говорить о достижении сознания! Автомат, перед которым сейчас стоял Довнар, не был машиной в полном смысле этого слова, им наверняка управлял человеческий мозг, внедренный в механическое устройство и объединенный с ним с помощью биомеханики. Вполне возможно, что при жизни разум нынешнего автомата принадлежал какому-то смертельно больному бедняге, который, чтобы выжить, должен был, как и Данил, сделаться мехаборгом, но, скорее всего, мозгом владел чиновник, совершивший серьезное финансовое преступление и наказанный переделкой в кассовый аппарат. Весьма часто осужденным давали возможность выбора: каторжные работы в Сибири и пожизненное пребывание в тайге за Полярным Кругом или же переделка в машину с пользой для общества. Весьма удивительно, но большинство преступников выбирало второй вариант. Данил готов был дать вытащить себе заклепки из головы за то, что полицейский кассовый аппарат раньше был продажным фараоном.

- Вон тут у меня скребет и вон тут, - автомат указал на локоть и область ключицы. – Машинного масла допроситься

¹³ Бэббидж Чарльз (Charles Babbage) (26 декабря 1791, Лондон — 18 октября, 1871, там же), британский математик и изобретатель, автор трудов по теории функций, механизации счета в экономике; иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1832). В 1833 разработал проект универсальной цифровой вычислительной машины — прообраза ЭВМ. Чарльза Бэббиджа часто называют «отцом компьютера» за изобретенную им аналитическую машину, хотя ее прототип был создан через много лет после его смерти. (...) В 1816 году Бэббидж был избран членом Лондонского королевского общества и стал одним из основателей Королевского астрономического (1820) и Статистического (1834) обществ. В 1828—1839 годах он занимал почетную кафедру профессора математики Кембриджского университета, которую когда-то занимал Исаак Ньютон. В 1812—1813 годах Бэббидж, решив искоренить ошибки из логарифмических таблиц, пришел к идее механических расчетов. В 1822 году Бэббидж описал машину, способную рассчитывать и печатать большие математические таблицы, и сконструировал машину для табулирования, состоявшую из валиков и шестеренок, вращаемых с помощью рычага. Машина могла производить некоторые математические вычисления с точностью до восьмого знака после запятой. Это был прообраз разностной машины, к постройке которой он приступил в 1823 году, получив правительственную субсидию. Разностная машина должна была производить вычисления с точностью до 20 знака после запятой. Постройка машины отняла у Бэббиджа 10 лет, ее конструкция становилась все более сложной, громоздкой и дорогой. Она так и не была закончена, финансирование проекта было прекращено.

Тем временем Бэббиджем овладела идея создания нового прибора — аналитической машины. Главное ее отличие от разностной машины заключалось в том, что она была программируемой и могла выполнять любые заданные ей вычисления. По существу аналитическая машина стала прообразом современных компьютеров, так как включала их основные элементы: память, ячейки которой содержали бы числа, и арифметическое устройство, состоящее из рычагов и шестеренок. Бэббидж предусмотрел возможность вводить в машину инструкции при помощи перфокарт. Однако и эта машина не была закончена, поскольку низкий уровень технологий того времени стал главным препятствием на пути ее создания.

Разностная машина в несколько видоизмененном виде была построена в 1854 году шведским изобретателем Шойцем. В 1991 году британскими учеными по спецификации Бэббиджа была построена вторая разностная машина, способная производить вычисления с точностью до 31 знака после запятой. Значителен вклад Бэббиджа и в других областях. Он содействовал реформированию почтовой системы в Англии, составил первые надежные страховые таблицы, участвовал в изобретении тахометра и создал приспособление, сбрасывающее случайные предметы с путей перед локомотивом. Бэббидж умер 18 октября 1871 в своем доме на Дорсет-стрит в Лондоне.

(<http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/71811/%D0%91%D0%AD%D0%91%D0%91%D0%98%D0%94%D0%96>)

нельзя. Похоже, придется отправляться на прокатный стан и лечь под пресс. Пущай меня на жесть передавят, на что мне такая жизнь...

- А не желает пан попробовать моего маслица, с удовольствием пана угощу. – Улыбаясь, Данил вытащил из внутреннего кармана сюртука металлическую фляжку. – Минеральное масло с химико-технического предприятия братьев Шпесов. Самое то для тонких и чувствительных механизмов.

- О, с вашего разрешения... - багровый свет в глазах автомата вдруг сделался дружеским и теплым, давая понять, что чиновник улыбается.

Но подарок он принял лишь после того, как тщательно огляделся по сторонам. Правда, сейчас за ними наблюдал только магнитный бесенок, крутящий вентилятор, то есть, тип с ничтожно малой интеллигентностью. Кассовый автомат тут же капнул немного масла на скрежещущие и дребезжащие суставы и небывало искусным движением спрятал масленку в ящик стола. На груди машины Данил заметил небольшой щиток. Рисунок на нем изображал человека, распятого на шестерне. Мехаборгическая версия Христа символизировала о принадлежности к Железной Церкви. Новая религия находила все больше приверженцев среди автоматов, так что инженер и не проявил удивления. Зато его заинтересовал странный знак, выгравированный над религиозным значком. Бесформенный пятиугольник – что он мог означать или символизировать?

- Чиновник под номером семнадцать, - представился автомат. – Чем могу быть полезен, дорогой пан инженер?

- Мне нужны кое-какие сведения по делу убийства австрийского посла, - прямо заявил Данил и сделал на груди знак шестеренки.

Автомат повторил этот жест, глаза разгорелись религиозным пылом. Больше вопросов можно было и не задавать; он предположил, что Данил его брат по железной вере.

- Паршивое дело, - заговорщическим шепотом прокомментировал он убийство. – Готовится международный скандал. Петербург гудит, словно улей; у царя, вроде бы, от злости приступ икоты случился. Все ожидают дипломатическую ноту от Франца-Иосифа и того, что из нее будет следовать. С самого утра телеграф просто жужжит. Наместник Берг¹⁴ приказал поставить в состояние боевой готовности все размещенные в Варшаве соединения; казаки скачут по городу ну совершенно как во времена восстания восемь лет назад. Знакомый автомат из Цитадели¹⁵, чиновник под номером Двадцать три, сообщает, что гарнизон крепости усилен, пушки нацелены на город. Жандармерия заблокировала выезды из города и вокзалы и задерживает всякого, кто пытается выехать. Оберполициймейстер взбешен словно тысяча чертей; наверняка покатаются головы, если виновные не будут незамедлительно найдены. Все постовые и городовые вызваны на службу, продолжают аресты и обыски.

- Холера! – буркнул про себя Довнар. Только сейчас до него дошло, в каком сложном положении оказалась Генриетта, лично замешанная в убийство. Помочь ей будет ой как нелегко. – Хмм. Выходит, дело намного более политическое, чем я думал.

- О да, брат в железе, - оживился автомат. – Погиб высокопоставленный автомат соседней империи, последствия

¹⁴ Граф Фёдор Фёдорович фон Берг (нем. *Friedrich Wilhelm Rembert von Berg*; 15 мая 1794 — 6 января 1874) — русский военный и государственный деятель, дипломат, географ. Один из последних генерал-фельдмаршалов. Принимал участие в войнах с Наполеоном (1812—14), турками (1828—29) и польскими повстанцами (1830). В 1854—1861 генерал-губернатор Финляндии. С 1863 года — последний наместник Царства Польского. С 1861 года — почётный президент Николаевской военной академии. В мае 1863 года граф Берг был назначен исправляющим должность наместника Царства Польского. Отзывы об этом его правлении весьма разноречивы. Берг прибыл в Царство Польское, когда уже разгоралось Январское восстание. Первые его мероприятия не отличались строгостью и были продолжением предыдущей политики.

Репрессивные меры были приняты после покушения на него 19 сентября (1 октября) 1863 года. В ответ был разрушен дворец Замойских, из которого в него метали бомбу. Также было уничтожено фортепиано Шопена (русские солдаты выкинули его из окна). Польский поэт Норвид написал об этом стихотворение "Fortepian Szopena" ("Рояль Шопена").

Граф Берг был утверждён в должности наместника 19 октября 1863 года. В Царстве Польском было введено военное положение и строгий надзор над полицией и администрацией, жители были обложены контрибуцией. После подавления восстания Берг уделил внимание развитию промышленности и сети железных дорог, считая залогом длительного замирения поляков экономическое благополучие западного края.

В 1864 году было принято решение о создании комиссии, которая должна будет пересмотреть законы в Царстве Польском. Милютин предложил создать комиссию из русских юристов, тогда как Берг пытался ввести в неё польских юристов. Милютин взял верх. Положение, занятое Бергом, когда он подвергался критике со стороны противоположных партий мнений по польскому вопросу, создавало неустойчивость его политике.

В 1866 году граф Фёдор Берг был назначен членом Государственного Совета, с оставлением в должности наместника Царства Польского и главнокомандующего войсками Варшавского военного округа. В 1873 году в Петербурге подписал военную конвенцию с Германией. - Википедия

¹⁵ Варшавская цитадель, Александровская цитадель — русская крепость XIX века в Варшаве. Построена по приказу Николая I после польского восстания 1830 года. 5 июля 1833 начато переоборудование помещений X павильона Цитадели под тюремные камеры и определено место центральной следственной тюрьмы для политзаключенных. Несколько сотен из них полегло на склонах крепости, тысячи вывезли на каторгу или сибирскую ссылку. С 1834 здесь работала следственная комиссия при главнокомандующем действующей армии и начальнике Царства Польского, которая была главным органом по расследованию политических преступлений в Царстве Польском. Среди узников X павильона были такие выдающиеся фигуры польской истории, как Аполлон Корженёвский (отец Джозефа Конрада), Ромуальд Траугутт, Юзеф Пилсудский, Александр Пристор, Феликс Эдмундович Дзержинский, Роман Дмовский, Густав Эренберг, отец Пётр Сцеженный, Стефан Окшея. - Википедия

крайне сложно предвидеть. Россия уже несколько лет конфликтует с Австрией, и в последнее время проводятся попытки, чтобы взаимные отношения хоть как-то сделать потеплее. Опять же, Россия выступает в качестве посредника в прусско-австрийских отношениях и, что может казаться парадоксальным, пытается примирить две враждующие немецкие нации. Конечно, сама она при этом может выиграть многое, получить двух могущественных союзников и окончательно исключить влияния Франции с Англией, последствием чего станет гарантия стабильности политической ситуации в Европе, ну а Россия после того может сконцентрироваться на Балканах...

- Все это несколько сложновато. А какое отношение ко всему этому имеют Балканы?

- Да это же чирей на российской заднице. Уф, прошу прощения за выражение. – Семнадцатый внимательно огляделся, после чего, чтобы отвлечь внимание возможных подслушивающих, начал энергично стучать по клавишам своей кассы. Та со звоном открылась.

- Мне казалось, будто бы по большей части Балканы принадлежат Османской империи, – Данил почесал шрам на лбу.

- Правильно. Турки мучают братьев славян на Балканах, а Россия называет себя проводником, отцом и опекуном всех славянских народов.

- Панславизм! – Довнар вспомнил все более популярную идею объединения славянской Европы под царским стягом.

- Именно. Кроме того, русские до сих пор не забыли, какую трепку получили они от турок, англичанишек и жабоедов в ходе крымской войны. Теперь они отомстят, они на том пути, чтобы смести врагов и доминировать в Европе многие столетия. Но для этого им нужна поддержка двух германских империй: Австрии и недавно образовавшегося Германского Рейха, – с железной последовательностью разъяснял Семнадцатый. – Давно уже тайной полишинеля является то, что уже с пару лет проводятся дипломатические мероприятия по организации встречи трех императоров: Александра Второго, Франца Иосифа и Вильгельма Первого. Три самодержца должны учредить объединение, напоминающий Священный Союз¹⁶, а если таковое удастся организовать, тогда с Турцией, Англией и Францией может быть и не считаться.

Данил покачал головой. Сложная политическая головоломка начинала становиться для него более понятной.

- Смерть австрийского барона, к тому же – чрезвычайного посла, причем, на российской территории, явно не случайна. Нечто подобное может стать поводом для срыва переговоров. Ха! И более всего это нужно туркам, англичанам и французам. Достаточно выявить в Варшаве агентов этих держав – и готово. Панна фон Кирххайм должна оставаться вне подозрений, ведь она из Германского Рейха, а не из какой-либо конкурентной державы.

- По данному делу я могу кое-что разузнать, – обещал автомат. – Советую отправиться на Павяк¹⁷, поскольку ее держат там.

- Это следственный арест, к тому же еще и политический, там я ничего не смогу сделать. Нужно бить выше, – вздохнул Довнар. – Наверное, отправлюсь в ратушу или сразу во Дворец Наместника.

- Без соответствующих связей вас туда и не впустят или сразу арестуют. Советую вам спокойно подождать.

- О нет, не могу я сидеть бездельно, когда моя Геня... то есть, пани Генриетта сидит в холодной камере.

Автомат стравил немного пара через предохранительный клапан, что походило на сопение паровоза. Металлическими пальцами он почесал свою жестяную голову, видно то был инстинкт с тех времен, когда тело было человеческим.

- Пускай пан инженер немного подождет, я протелеграфирую в город, – предложил он.

- Буду чрезмерно обязан, – пообещал Данил.

Семнадцатый положил ладонь на стоящем в углу стола незаметном устройстве в форме коробочки с катушкой, на которую была намотана бумажная лента. Пальцы чиновника стиснулись на деревянной рукоятке, служащей для выстукивания азбуки Морзе. Длинные пальцы начали двигаться с неимоверной скоростью. По кабелям побежал поток электрических импульсов с зашифрованной информацией. Не успел Довнар мигнуть, а она уже добралась до распредастанции в ратуше и на главную телеграфную станцию в Цитадели. Затем она помчалась далее и энергично застучала по лентам аппаратов, стоящих на столах таких же кассово-приемных автоматов, либо же начала стучать

¹⁶ Священный союз (фр. *La Sainte-Alliance*, нем. *Heilige Allianz*) — консервативный союз России, Пруссии и Австрии, созданный с целью поддержания установленного на Венском конгрессе (1815) международного порядка. К заявлению о взаимопомощи всех христианских государей, подписанному 14 (26) сентября 1815 года, впоследствии постепенно присоединились все монархии континентальной Европы, кроме Папы Римского и турецкого султана. Не являясь в точном смысле слова оформленным соглашением держав, налагавшим бы на них определённые обязательства, Священный союз, тем не менее, вошёл в историю европейской дипломатии как "сплочённая организация с резко очерченной клерикально-монархической идеологией, созданная на основе подавления революционных настроений, где бы они ни проявлялись". - Википедия

¹⁷ Павяк — название несуществующей сегодня тюрьмы в Варшаве. Павяк был построен в 1829—1835 гг. по проекту архитектора Генрика Маркони. Частью Павяка была также женская тюрьма, находившаяся в отдельном здании и носившая название "Сербия", которая в годы русско-турецкой войны 1877—1878 гг. использовалась в качестве госпиталя. До 1918 года главной политической тюрьмой, находившейся в Варшаве, была Варшавская Цитадель. В Павяк направлялись заключённые, которым не хватало места для заключения в Варшавской цитадели или полицейской тюрьме, которая располагалась в ратуше старого города. Павяк предназначался для следственного процесса над уголовными и политическими арестантами и состоял из двух отделов: мужского и женского. С 1965 года по настоящее время Павяк является музеем. — Википедия.

непосредственно в головах или корпусах механических канцеляристов, писарей или чиновников в казенных присутствиях всего города. С разгону она забарабанила в Отделении Касс и Бухгалтерии Банка Польского, в приемном зале Земледельческого Кредитного Общества, Института Морального исправления Детей. В Пожарной части города и даже Дирекции Лошадиных Бегов. К счастью, информация добралась и туда, куда должна была попасть в первую очередь: то есть, в магистрат, в канцелярию следственной тюрьмы на Павей¹⁸ и в канцелярию наместника. Сообщение было передано по множеству адресов, но только по-польски. Перехватившие информацию российские автоматы, запрос проигнорировали, поскольку с самого утра их забросали сотнями проблем, связанных с замешательством, вызванным убийством; впрочем, у всех них и так имелся приказ не реагировать на запросы, заданные на ином, кроме официального языке. Большинство механических чиновников польского происхождения решилось, все же, ответить, тем более, что Семнадцатого все они знали много лет и обменивались с ним сведениями.

Не успел Данил сориентироваться в том, что кассовый автомат ведет разговор, аппаратик на столе затрещал, сражаясь с лавиной ответов. Механический чиновник застыл, наклонив голову в бок, как будто прислушивался, что на самом деле и было. Неподвижность его продолжалась не более полуминуты, так что никто из проходящих по помещению участка полицейских ничего подозрительного и не заметил.

- Панну фон Кирххайм и пани Чверчакевич ночью допрашивали агенты Третьего Отделения, то есть, формально – жандармы для особых заданий. – Семнадцатый, ничего не скрывая, представил результат собственного расследования. – Утром пришла телеграмма, снимающая с должности офицера, отвечавшего за охрану упокоившегося барона фон Лангенау. Все сотрудники Третьего отделения, которые тогда выполняли службу при бароне, в чрезвычайном порядке были отозваны в Петербург. Ноль-Пятый, распределительный автомат на станции Петербургской железной дороги, утверждает, будто бы видел, как они садились на поезд, отбывший полчаса назад. Пока что следствие было передано канцелярии Наместника, до прибытия из столицы новой следственной группы. Эта группа уже была сформирована лично шефом полиции¹⁹, самым доверенным человеком царя, графом Петром Андреевичем Шуваловым. Так, по крайней мере, утверждает *Шестьсот Восьмой*, наш человек, а точнее – автомат, из штаба императорского жандармского корпуса. Чуть попозже Шестьсот Восьмой попытается узнать чего-нибудь побольше о посланных в Варшаву следователях...

- Нам до них дела нет, - нетерпеливо махнул рукой Довнар. – Что с Геней, и как ее вытащить из тюрьмы?

- Там ее уже нет. Пани Чверчакевич отвезли на извозчике домой, а Генриетту сунули в карету, которая поехала в Сакский дворец²⁰, - спокойно ответил на волнение инженера Семнадцатый. – Наверняка это связано с фактом, что дело временно взяла на себя канцелярия наместника. Правда, механические чиновники самой канцелярии ничего пока не знают. Во дворце располагается командование военного округа и несколько военных учреждений, в которых в настоящее время автоматов польского происхождения нет. Так что я и не знаю, зачем ее туда отвезли. Пока что не знаю, но узнаю. Одно точно: быстро достать ее оттуда просто не удастся. Нужно ждать. Глядишь, что-то и прояснится.

- Я поручусь за нее! – героически заявил Довнар. – Пойду туда и заявлю, что ручаюсь за нее во всех отношениях. Собственной честью и имуществом.

В глазах автомата блеснуло сомнение. Он выразительно постучал железными пальцами по стойке.

- Это ничего не даст. Только попадете в камеру и хлопот не оберетесь.

- Это мы еще поглядим! Иду! – Данил надел цилиндр, после чего приподнял его, кланяясь автомату.

Механический чиновник просвистел паром свое "до свидания", когда Довнар направился к выходу, но в дверях задержался.

- Через слугу я передам для вас ведро чистого, высококалорийного каменного угля.

- Да что вы, не надо, хотя мне очень приятно, - глаза Семнадцатого загорелись.

- Без примесей серы!

- О-о! – засопел автомат.

- И еще ведро дистиллированной воды для котла.

- Да что вы говорите! Дистиллированной?!?!

- Ну и подумаю о средстве против накипи.

- Спаси тебя Боже, брат в железе. Приходи, когда только будет тебе нужно, инженер наш дорогой...

Глазища механизма помутнели, на жестяном лице начал конденсироваться водный пар.

¹⁸ На улице Павей (Pawiej = Павлиньей), отсюда и название тюрьмы – "Павяк". – Прим.перевод.

¹⁹ П.А. Шувалов был шефом жандармов (а не полиции) и начальником Третьего отделения (1861-1864, 1866-1874). – Прим.перевод.

²⁰ Саксонский дворец (польск. *Pałac Saski*) – не существующий в настоящее время дворец в стиле классицизма, который находился в Варшаве между Саксонским садом и площадью Юзефа Пилсудского. В 1724 году дворец стал королевской резиденцией.

С западной стороны дворца король Август Сильный основал в начале XVIII века Саксонский сад (польск. *Ogród Saski*) – регулярный парк, в который с мая 1727 года был открыт доступ всем жителям Варшавы. После смерти короля Августа III в 1763 году дворец утратил статус резиденции и постепенно приходил в упадок. С восточной стороны дворца в 1791 году была создана Саксонская площадь, нынешняя площадь Маршала Юзефа Пилсудского.

В 1862-1915 годах в дворце размещалось командование III-го Варшавского военного округа.

Дворец был разрушен гитлеровскими войсками после поражения Варшавского восстания 1944 года и до настоящего времени не восстановлен. От него остались только три аркады, под которыми находится Могила Неизвестного Солдата. - Википедия

Еще мгновение, и Семнадцатый разревался бы, тронутый щедростью брата по вере.
Данил же стукнул тросточкой по полям цилиндра и выбежал на улицу.

Варшава, 10 (22) ноября 1871 г.

Сапоги с подковками офицеров лейб-гвардии выстукивали единый ритм на отполированном до блеска паркете Саского Дворца. Про себя Генриетта даже начала придумывать мелодию под аккомпанемент столь необычной дробы, что помогало ей сохранить спокойствие и преодолеть желание задушить ближайшего солдата. Не слишком хорошо чувствовала она лишенной свободы, когда ее эскортировали по коридорам с высоченными потолками, а повсюду шастали штабные офицеры в идеально чистых мундирах, блестящих от эполет, аксельбантов и орденов. Фроляйн фон Кирххайм шла с гордо поднятой головой, совершенно не обращая внимания на любопытствующие взгляды и шепотки за спиной. Не удостоились ее внимания замечательные украшения на стенах, масляные лампы с хрустальными абажурами, что заливали светом интерьеры дворца; даже на мгновение не глянула на гигантский портрет царя Николая I, висевший на почетном месте. Всем своим поведением она хотела дать понять всем присутствующим, что ничего не боится, что знает себе цену и собственное достоинство, а на шик и блеск царского штаба ей глубоко наплевать.

Бивак русских войск на Саской (Саксонской) площади. Слева – Саский (Саксонский) дворец. Снимок 1861 года

К тому же, она немного устала, потому что ночью ей и глаз сомкнуть не позволили, мучая бесчисленным числом повторяющихся по кругу вопросов. К счастью, для организма солдата с мехаборгической поддержкой отсутствие сна даже в течение нескольких дней особой нагрузки не представляло. Гораздо больше докучал голод, поскольку девушка приняла решение не принимать ничего из того, чем угощали ее следователи. Последнюю пищу в виде шоколадок пани Чверчакевич она вспоминала с умилением, ну а за чашку чаю готова была дать себя порезать на кусочки. Да, забылось уже, что означает быть на военном пайке, причем, когда в ходе военных действий снабжение не поступает. Несколько лет назад о еде она бы и не подумала. Да, размякла она на гражданке, живя примерной старой девой в крупном городе. А пригодилось бы взять себя в кулак, припомнить прусскую дисциплину. Закалка духа и тела! Мужество и подчинение, навык и порядок! Раз-два, раз-два, - отсчитывала Генриетта про себя и несколько автоматически согласовала свои шаги с маршем эскорта.

Когда ее наконец-то выпустят, нужно будет за себя взяться. Пора покончить с вечерними прогулками с заходом в

кондитерские в кондитерскую, вместо них: пробежка до Чернякува²¹ и назад. С железными грузами в карманах. Хватит в каждую свободную минуту заходить в Благотворительное Общество, гораздо лучше будет поплавать против течения Вислы до самого Вилиянува²². К этому всему сон при открытых окнах, особенно в непогоду; мытье в ледяной воде, а парфюмерию, кремы, тонкие шелка, бархаты и кашемировые шали – в сторону. С нынешнего же дня: корсет из грубого полотна, к тому же стискиваемый изо всех сил, пока глаза не начнут вылезать наверх. Вместо пирожных – каша. Вместо кремовых тортиков – мясо с кровью. Вместо чтения французских романов – драки под пивной. Сражения, работа и песня. Ясное дело: песня маршевая, солдатская!

Остановились они перед дверью с золотыми, тяжелыми ручками. Один из офицеров исчез внутри, и его не было несколько минут. Генриетта стояла неподвижно, уставившись в стену. Оставшиеся трое гвардейцев с недоверием наблюдали за ней. Царская армия еще не столкнулась с егерями Железного Канцлера, но солдаты много чего о них слышали. Профессиональных военных не мог обмануть кринолин и несколько растрепанная, хотя еще вчера мастерски уложенная прическа. Они видели, что имеют дело со старым воякой, истинной машиной для убийства. Никто из них не осмелился провоцировать девушку зацепками, правда, всякие политесы и вежливость тоже были отброшены. Один солдат перед другим солдатом притворяться не должен.

Дверь открылась и Генриетту завели вовнутрь. Она очутилась в просторном кабинете с огромными, светлыми окнами, выходящими на Парк Саски. Стена напротив входной двери была украшена громадной картой Империи, истинной картографической игрушкой. Самым важным предметом мебели в помещении был массивный письменный стол из красного дерева в сильно устаревшем, но все еще применяемом стиле "ампир". За столом сидел засушенный старичок в дурацком рыжем парике и с подчеркнутыми усами. Выглядел бы он, возможно, и смешно, если бы не нахмуренная мина и, несмотря чуть ли не восьмью десятков лет за спиной, удивительно хитрые и злые глаза. Он был подключен к механическому медицинскому креслу – тихонько посвистывающему и урчащему – с помощью трех блестящих медью, вставленных в отверстия на шее трубок. Генриетта присела в книксене перед стариком, а тот, не говоря ни слова, указал ей на стоящий напротив стола стул. Генриетта скромно присела на краешек, тщательно поправив кринолин.

Девушка прекрасно знала, с кем имеет дело. Ее принял лично фельдмаршал Федор Федорович граф Берг, наместник Царства Польского. Самое важное лицо в этой части Империи, одно из страшнейших лиц во всей державе. Несмотря на то, что Генриетте не в чем было себя обвинить, она испытала волну холода. Ее так и подмывало протянуть руку к винту на лбу, открывающему боевой механизм, и впустить себе в кровь немножко боевых флюидов. Они убивали страх, а фроляйн фон Кирххайм бояться не любила.

- Дочь прусских юнкеров, к тому же бывший солдат, ветеран прусско-австрийской войны – и замешана в убийство австрийского посла. – Старичок обратился к Генриетте на прекрасном немецком языке, правда, исключив все любезности. – Уж в более паршивую ситуацию, девочка моя, ты попасть просто не могла. Так скажи же, что все это должно означать...

- Ваше превосходительство, клянусь всем святым, там я очутилась совершенно случайно...

- Случайно ничего не происходит! – Берг стукнул кулаком по столу.

Но он тут же опомнился и одарил Генриетту извиняющейся улыбкой, демонстрируя рядок белых фарфоровых зубов. Из ящика стола хозяин кабинета вытащил пачку документов и надел очки, чтобы присмотреться к ним.

- Твое досье, фроляйн, – буркнул он. – То-се, о чем это я? Ага! Здесь пишут, что я должен знать о твоём пребывании в Варшаве. Ты являешься так называемым спящим агентом, присланным пруссаками в качестве поддержки для нашей тайной полиции и разведки. А я спрашиваю, какой, собственно, разведки, тысяча чертей?! Царской или германской? Почему это я ничего не знаю о прусской скрытой сотруднице?! А вот здесь указано, что наша дамочка берет содержание еще и из кассы жандармерии, таким образом – подчиняется еще и мне. Это как, я спрашиваю? Почему мне никто об этом не сообщил, почему о дамочке не знают в варшавском гарнизоне или даже в Третьем Отделении? Почему это в архивах тайной полиции нет ни единого донесения или написанного вами рапорта? Так кто вы такая на самом деле, а?

Как ваше превосходительство само сказала – спящим агентом, – не раздумывая, ответила Генриетта. – Понятия не имею, почему обо мне забыли, хотя денежное содержание и выплачивают. Я нахожусь на посту, в случае чего – всегда готова действовать!

- Господи Боже, – старец кашлянул и бессознательно поглядел на гостью над стеклами очков. – В случае чего?

- В Варшаве я очутилась благодаря сотрудничеству наших разведок путем обмена агентами. Ваши сотрудники были высланы в Берлин, Гданьск и Нюрнберг, чтобы поддерживать местные службы в случае появления инцидентов с участием жителей России или же связанных с Российской Империей. На той же самой основе я тоже очутилась в Варшаве. В настоящее время я нахожусь на посту в состоянии анабиоза, но в случае появления неприятностей я сразу же буду готова к действиям, связанным с жителями Рейха или связанными с Германским Рейхом. Мне будет легче проникнуть в их среду, опять же, у меня нет сложностей в плане обычаев или языка.

Берг почесал парик, снял очки, после чего задумчиво постукал пальцем в левый глаз. Судя по звуку, явно стеклянный. Генриетта начала размышлять, а не состоит ли наместник полностью из протезов.

- Тогда все замечательно складывается, – заявил в конце концов Берг с гробовым выражением лица. – Произошел инцидент, касающийся и Германского Рейха. В связи с этим, я призываю вас, девушка, на действительную службу.

²¹ Форт IX Варшавской крепости (Цитадели). Сейчас в нем размещается Музей военной техники (ул. Повсиньская 13) – Прим.перевод.

²² Вилиянув (польск. Wilanów) — *дзельница* (район) Варшавы на левом берегу реки Висла на юге города. До 1951 года и включения в состав Варшавы, а также с 1994 по 2002 год, *дзельница* была гминой Вилиянув и гминой Варшава-Вилиянув. Здесь находится знаменитый Вилиянувский дворец, построенный для короля Яна III Собеского. - Википедия

- Но что это убийство имеет общего с моей родиной? – осмелилась спросить Генриетта.

- Решение этого дела находится в интересах всех трех держав, это, по-видимому, дискуссии не подлежит. А мой личный интерес заключается в том, чтобы разрешить дело как можно скорее и смыть позор с имени. Убийство дипломата в моем городе! В моем! – рявкнул он, в результате чего трубки, в строенные ему в шею, спазматически напряглись.

Медицинское кресло зашипело, выпустив клуб пара. Внутри него что-то громко застрекотало и щелкнуло. Наступила тишина. Генриетта сидела, не шевелясь, не проявляя эмоций, хотя старик все сильнее ее пугал. Он застыл с выпученными глазами и перекинутым париком. Выглядел он так, будто только что отдал Богу душу. Спустя несколько минут фроляйн фон Кирххайм дрогнула, еще через минуту – заставила себя поднять руку и помахать ладонью у графа перед глазами. Тот не реагировал.

- Ссора между тремя державами весьма на руку местным бунтовщикам, - отозвался он, словно ничего и не произошло. – Поляки дали бы шкуру с себя содрать, лишь бы спровоцировать нас на объявление войны друг другу. Они все еще мечтают о независимости, а она возможна лишь при условии, что Германия, Австрия и Россия набросятся один на другого. Мы обязаны довести до создания очередного Священного Союза и укрепить абсолютизм в Европе. Одни только наши страны дают отпор всем этим мерзопакостным типам: польским сепаратистам, либералам, революционерам, демократам, защитникам прав рабочих и крестьян. Чтоб они все сдохли! Если мы позволим им размножиться и править, наши страны могут перестать существовать, европейский мир рухнет в развалинах, придет время хаоса и разрушения. Так что, девушка, вы уже сами видите, сколь многое может утратить Германия в связи с данным убийством.

Генриетта кивнула. Одним словом: ее отпуск только что закончился. А она так радовалась ссылке в Варшаву, говоря по правде, сама ее просила. Как тогда надоел ей мундир, войны, сражения, кровь и насилие. Ей хотелось покоя, она мечтала жить как обычная женщина. Хотя бы немножко, хотя бы несколько месяцев: работать в канцелярии, помогать бедным, читать книжки, заботиться о ближних. Быть может, встретить какого-то красивого мужичку. Ну ладно, пускай уже и не такого красивого, но джентльмена, с которым они нашли бы общий язык, родство душ. Вдруг перед ее глазами встал инженер Данил Довнар. Как жаль, что их роман не успел развернуться. А теперь уже поздно. Пора возвращаться на действительную службу.

- Фроляйн, вам нравится этот город? – спросил граф.

- Да, здесь весьма симпатично. Хотя пригодились бы приличная канализация и больше заботы о...

- Какая еще канализация, - фыркнул Берг. – Во времена моей молодости в городах никаких каналов не было, но люди как-то жили. О чем это я, того-сего... Ага! Я со своей женой Варшаву очень даже люблю. После подавления восстания я себе пообещал, что превращу ее в самый веселый город Империи. А что, просто я очень даже добрый человек. Я дал ей много чего, разрешил свободно развиваться промышленности и ремеслам, вернул университет, заботился о театрах и искусствах. Город разрастается, горожане богатеют. Но если поляки вновь начнут устраивать заговоры против Его Величества, мое терпение лопнет. Я подавил уже два бунта, каждый последующий с большей суровостью и кровью... Третьего ждать не стану... Если ситуация быстро не выяснится и виновные не будут задержаны, я начну действовать более решительно. И все это вовсе не закончится расстрелами на площадях и виселицами на склоне Цитадели. Я выведу на улицу боевых големов, натравлю на город сотни пьяных в стельку казаков на механических лошадях. И тогда от Варшавы камня на камне не останется. Так что, если фроляйн дарит сей город теплыми чувствами и желает видеть его пульсирующим жизнью - фроляйн обязана приложить все усилия и старания.

- Я в вашем распоряжении, ваше превосходительство! – Генриетта вскочила со стула и встала по стойке смирно. Она даже не забыла щелкнуть каблуками, хотя в легких башмачках их тонкой кожи это было и нелегко.

Старец вновь усмехнулся и довольно погладил усы.

- Вскоре город с кратким визитом посетит еще один австрийский дипломат, - сообщил он. – Этот, в свою очередь, находится по пути из Петербурга в Вену, в Варшаве он собирается провести несколько дней. Это посол, которого должен был заменить барон фон Лангенау. Если у этого хоть волосок спадет с головы, я за себя не ручаюсь. Фроляйн присоединится к следственной группе, которая обязана решить дело еще до того, как австриец доберется до Варшавы. Все подробности определите с офицером, ведущим...

Слова графа перебил робкий стук в двери. В комнату сунулась голова юного офицера лейб-гвардии в фуражке с желтым околышем²³. Берг вопросительно поднял брови.

- У входа во дворец некий господин устроил скандал. Он утверждает, что пришел за панной фон Кирххайм, и что не уйдет пока ее не освободят. Я бы не стал морочить голову вашему превосходительству, но этот тип – мехаборг типа мертвяк. То есть, шит из мертвецов, выглядит неким коллекционерским экземпляром. На всякий случай я приказал его задержать.

- Если поляк – так сразу палкой по лбу и передать кладбищенским на разборку, - махнул граф рукой. – Хотя, того-сего, погоди-ка, вынош! А откуда он знал, что фроляйн во дворце?

- Это мой знакомый, отпустите его, пожалуйста, - Генриетта положила руку на грудь в драматическом жесте, который подсмотрела вчера в Опере. – Лицо, которому можно доверять, инженер с множеством необычных умственных способностей. Он пригодится в следствии, разрешите мне его завербовать. Да, я забыла прибавить, что по национальности он русский.

Понятное дело, она солгала, но только затем, чтобы спасти жизнь Данилу. Она сделала это совершенно импульсивно, и сама была изумлена своей, столь противоречащей прусской дисциплине несубординацией.

- Русский? С этого следовало и начинать. – Граф снова махнул рукой. – Тогда посвятите его в дело, по своему

²³ То есть, то был казачий офицер. – Прим.перевод.

разумению. Фролайн может идти, но еще сегодня вечером ей следует отметить в командовании корпуса жандармерии.

- Есть! – Генриетта еще раз щелкнула каблуками и вышла из кабинета.

Берг немножечко еще посидел, глядя на настенную карту, после чего латунным рычагом переставил кресло в лежачее положение. Пора немного и вздремнуть...

Варшава, 11 (23) ноября 1871 г.

Алоизий бесцеремонно бросил сиденье железного трона. Десять пудов металла грохотнуло на платформе железнодорожного вагона, занявшего половину двора на Шлиской. Джинн сплюнул со злостью. Столкнувшись с землей, слюна взорвалась снопом искр, оставив после себя дымовую полосу. Не любил Алоизий заниматься физическим трудом, а тут хозяин заставил его заниматься совсем уже гадким делом, достойным разве что какого-то грузчика или поденщика с железодельного завода. Кто же такое видел, чтобы вот так унижать дипломированного лакея, а в придачу – пустынного демона!

Задание, правда, не было из самых простых, тем не менее, оно оскорбляло гордость Карина. Джинн получил подробный план, представляющий машинерию перехода из одного измерения в другое, которую он должен был построить, кроме того, эскиз был вычерчен Данилом в трех проекциях: спереди, сверху и сбоку. Утром грузчики привезли из паровозных мастерских старую вагонную раму, которая должна была стать основой изобретенного инженером транспортного средства. Достаточно было смонтировать на ней железный трон и, что было уже гораздо сложнее, паровой электрогенератор, состоящий из печи с котлом и динамо-машины.

Ветер завыл в металлических конструкциях, заваливших двор. Алоизий задрожал и попробовал согреть ладони дыханием. Холодно, как в аду! Хорошо еще, что не было дождя. Хотя... возможно, чуточку и жаль, все эти железяки тут же бы заржавели, и хлопотам конец. Джинн поглядел в свинцовое осеннее небо. Сердце у него сжалось. Как сильно мечтал он вернуться в родимую сторонку! Он согласился бы променять тысячу лет службы на несколько месяцев отдыха в Персии или Египте.

Температура на дворе составляла что-то около нуля по Реомюру²⁴, крайне неприятная погода для демона родом из теплых краев. Алоизий взял кружку с уже остывшим чаем. Хорошо еще, что он смешал его наполовину со спиртом. Даже и холодный – он немного разогревал.

С отвращением джинн подумал о том, сколько работы его еще ожидает. Нужно привинтить трон к раме, раобать генератор, стоящий на втором этаже флигеля и спустить его по узкой, качающейся, а чтобы было совсем весело – обледеневшей лестнице. А потом собрать это *устройство* на платформе. Но хотя бы обшивку всего вагона металлическими листами, привезенными из фабрики на Лешек, Данил приказал оставить, чтобы сделать все самому. За это он потребовал, чтобы все работы были выполнены до вечера, как будто бы джинн был каким-то чудотворцем, а не обычным пустынным демоном. После этого инженер закрылся в кабинете, что делал чрезвычайно редко, если не сказать – никогда. Когда Алоизий попытался подслушивать под дверью, услышал только одиночное всхлипывание, как будто Довнар плакал. Но такое ведь было просто невыносимо.

Алоизий допил свою чашку холодного чаю с подкрепляющей добавкой, после чего смотался за сортир и достал спрятанную там бутылку самой распебейской водки, купленной в ближайшем кабаке. Если бы не подогрев изнутри, он давно бы уже дал дуба в этой холоднющей и мрачной стране. Гордый, пылкий демон мог бы съежиться до банального упыря из каких-то вонючих болот, где такой вечно греется у синего огонька болотных газов. Именно такого стиля придерживались местные демоны, все эти швитезянки²⁵, дзивононы²⁶ и сирены²⁷ – холодные и мрачные, словно могилы. Тьфу!

Очередную чашку он опорожнил одним глотком, занюхал подмышкой и выругался на древнешумерском. Ну и гадость же эта сивуха-вонюха, как называли водку от еврея-кабатчика мужики с рынка. Хорошо еще, что демоны обладают иммунитетом к ядам. Алоизий отставил бутылку и мрачным взглядом оценил разобранный трон и вагонную платформу. Ну никак не мог он заставить себя взяться за дело, физическая работа была совершенно не в его стиле. Собственно говоря,

²⁴ Практически те же самые 0°C. – Прим.перевод.

²⁵ Персонаж баллады А. Мицкевича, нимфа из речки Швитезь, влюбившаяся в юношу и проверявшая верность его чувств; выяснив, что чувства непрочные, она затаскивает ухажера в озеро и топит. – Прим.перевод.

²⁶ Дзивонона (dziwożona) – демоница из верований древних славян. Изображались в виде страхолюдных, горбатых женщин, с длинными спутанными волосами и с вытянутыми грудями, которыми они стирают белье. Жили они в скальных осыпях, в горных пещерах или в озерах. Считалось, будто бы они похищают детей из колыбелей, заменяя их на своих, гадких. Чтобы вернуть собственного ребенка, подменыша нужно было бросить. Тронутая плачем своего ребенка, дзивонона возвращалась за ним, а похищенного отдавала. – Википедия

²⁷ Сирены — (др.-греч. Σειρῆνες, лат. Sirenes) — в древнегреческой мифологии морские существа, олицетворявшие собой обманчивую, но очаровательную морскую поверхность, под которой скрываются острые утёсы или мели. Отцом сирен считали морского бога Форкия, или они — дети Ахелоя и: либо одной из муз (Мельпомены, или Терпсихоры, или Каллиопы), либо Стеропы (дочери Порфаона), либо Геи, либо Кето. Сирены миксантропичны по природе, это полуптицы-полуженщины (гарпии, птица Сирина) или полурыбы-полуженщины (сирены), унаследовавшие от отца дикую стихийность, а от матери-музы — божественный голос. Оказывается, что их было (по древнегреческой мифологии) всего семь, известны даже их имена. Полякам и нам хорошо известна сиренка - символ Варшавы. – Википедия + Прим.перевод.

никакая работа ему не подходила. Джинны были сотворены для великих дел, люди же использовали их для низких и недостойных задач.

Окно кабинета на втором этаже распахнулось с писком петель, и в нем появилось лицо Данила. Странно, но глаза у инженера были подпухшие, и вообще он казался чертовски трезвым. Как раз это последнее и обеспокоило Алоизия более всего.

- Посыльный из города, случаем, не приходил? – спросил Довнар.

- Нет. А чьего это письма хозяин ожидает, нельзя ли узнать?

- Нельзя, – и инженер закрыл окно.

Ага! То есть, дело все еще в прусской юнкерше? Наконец-то до Алоизия все дошло. И как он раньше до этого не додумался? Вчера Данил получил от нее от ворот поворот, и это после того, как рискнул жизнью, чтобы вырвать ее из лап царских палачей. Хотя сам он и устроил скандал в вестибюле Саского дворца и ругался с гвардейцами, каким-то чудом ему удалось добиться своего – девушку освободили, его же самого в подвалы цитадели не вбросили. Но, правда, еще по дороге к дому, в котором проживала Генриетта, и куда он ее провожал, Данил услышал от девушки неприятные слова. Якобы, она приказала оставить себя в покое и не желала больше поддерживать контактов.

С бабами оно всегда так: сплошные хлопоты. В течение четырех веков службы в Османской Империи Алоизий напился турецким отношением к женщинам. Там их никто ни о чем не спрашивал, а все ухаживания ограничивались только определением приданого за девушку с ее семейством. После того девицу закрывали в доме, в той его части, которая называлась гаремом, и которую она не имела права покидать. Вот такое для мужской психики было естественным и здоровым. Зато христиане предоставляли своим женщинам кучу свобод, и глядите только, чем все кончилось: молодой, способный мужчина, вместо того, чтобы заняться работой, весь день заламывает руки по причине какого-то там любовного разочарования. Конец света!

- Алоизий!, – окно снова отворилось. – А что бы на моем месте сделал дедушка Ходкевич?

Джинн подумал. С графом Александром он познакомился, когда тот уже порвал с авантурным прошлым и сделался солидным, женатым ученым. Проблем с женщинами у него никогда не было, потому что до конца жизни он оставался верным своей любимой. Так что бы он сделал на месте внука?

- Наверняка бы не сдался.

- Так я и думал! – лицо Данила мгновенно вспыхнуло радостью. – Оставь пока что повозку и мигом приготовь мне какой-нибудь костюмчик для незаметной работы. Что-нибудь такое, в чем я не слишком стану бросаться в глаза.

Джинн почесал лысую голову и злорадно усмехнулся.

Данил сгорбился еще сильнее, чуть ли не вполтину сложился, подпираясь палкой, законченной железным крюком. До невозможности грязный платок, еще полчаса назад бывший половой тряпкой, плотно покрывал голову инженера и практически полностью закрывал лицо. Его, в свою очередь, джинн измазал отработанным машинным маслом и сажей. Одеванием инженеру служил заплатанный балахон, а ноги прятались под волочащейся по земле юбкой, сделанной из старой занавески из мастерской. Подвешенный на веревочке через плечо, болтался мешок, в который Алоизий забросил вытащенные из мусорного бака остатки еды, чтобы сделать костюм Данила более достоверным. Хватало крайне простой актерской игры – шаркающей походки при сильно сгорбленной спине – и к изумлению скептически настроенного инженера, карнавалы костюм подействовал. Он сделался абсолютно невидимым. Никто не обращал внимания на еще одну кошчарку, как называли старых, бедных женщин, занимавшихся тем, что вылавливали съедобные остатки из отбросов. Сотни практически неотличимых нищенок непрерывно шастали по дворам, заглядывали в подворотни, в сточные канавы и в темные закоулки. Кошчарки оставались совершенно незаметными и для постовых, и для воров, и даже для уличных мальчишек, готовых пристать ко всякому, кто только подвернется. Причем, с этими мадамами лучше было не связываться, поскольку они умели защищаться и, как правило, ходили, вооружившись крючьями, которыми они копались в мусоре; а самое паршивое, за ними хвостом тянулась отвратительнейшая вонь.

Совершенно без каких-либо помех инженер добрался до перекрестка улиц Берга и Владимировской, где в четырехэтажном каменном доме проживала Генриетта. Он остановился перед воротами соседнего дома и задрал голову, чтобы поглядеть в окна квартиры девушки. Но при том он не заметил какого-либо движения или огней, которые могли бы свидетельствовать о ее присутствии. Прохожие проходили мимо, не удостаивая хотя бы взглядом, что было весьма типичным для варшавян. Горожане прекрасно умели пользоваться выборочным зрением: наиболее богобоязненные и религиозно настроенные абсолютно не замечали стоявших чуть ли не на каждом углу проституток; более обеспеченные – в свою очередь – не замечали стоявших с протянутой рукой инвалидов, кошчарок и нищих всяческого покроя. Это позволяло им сохранять совесть в полнейшем покое.

Неожиданно двери в ворота доходного дома открылись, и изнутри быстрым шагом вышла Генриетта. Как обычно: в темном платье, с ладонями, спрятанными в серой муфте. Кроме того, на ней была небольшая, задиристо сдвинутая на бок шляпка – в последнее время, весьма модный головной убор. Энергично стуча каблучками, девушка направилась в сторону улицы Мазовецкой.

- А ты шо забыла тут, баба приبلудная! – громовым голосом рявкнул кто-то за спиной Данила.

Инженер обернулся, инстинктивно заслоняясь клюкой с крюком. За ним стоял худой мужичок в грязном пальто, зато в шапке с блестящей бляшкой, свидетельствующей о том, что ее хозяин занимал официальную функцию дворника. Мужичок, на первый взгляд, казался недавно прибывшим из деревни, зато чрезмерно гордым своей городской должностью.

Явно он не знал еще здешних обычаев, и ему казалось, что он самый главный на выделенном ему куске тротуара.

- Иди-ка к черту, мужик, - ответил Данил, но из подворотни послушно вышел.

Мужик явно почувствовал себя оскорбленным, потому что он схватил метлу и начал наступать, похоже, собираясь приложить бабке этой же метлой по шее. Понятное дело, тут же, как из под земли появилась троица жаждущих развлечений уличных мальчишек.

- А ну, дед, приложи ей! – визжал один из оборванцев.

- Защищайся, бабка! – подначивал другой. – Врежь ему крюком по яйцам!

Того и гляди, сейчас появятся городские, ведь на улице Берга высилось несколько сияющих новизной банковских зданий. Это вам не какая-то вонючая улочка, а столичный финансовый центр. Сейчас полицейские сцаплют инженера за нарушение общественного покоя, после чего его бросят в клоповник. Алоизий со смеху лопнет.

Данил стиснул зубы, пытаясь активировать биоподдержку. Вмонтированный во внутренности инженера механизм не только позволял попадать в параллельные реальности, но и в общем увеличивал возможности организма. Как по заказу, шестеренки и передачи в груди инженера затрещали, резко увеличивая скорость. Тем не менее, Данил не успел. Метла упала и больно треснула по сгорбленной спине. Разоженный мальчишками дворник замахнулся, чтобы ударить еще раз. Данилу показалось, что мужичок начинает двигаться, как вдруг он погрузился в густую смолу. Для ушей инженера все звуки вытянулись и понизились. В глазах у него потемнело, но то был всего лишь незначительный побочный эффект ускорения организма. Данил выпрямился и одним скачком очутился за спиной дворника, после чего хорошенько пнул его. Затем развернулся на месте и громадными шагами поспешил за исчезающей вдалеке Генриеттой.

Для наблюдавших столкновение мальчишек все это выглядело так, как будто бы рассыпающаяся от старости нищенка в одно мгновение превратилась в черную молнию. Дворник с воплем грохнулся на землю, а кошарка бесследно исчезла. Беспризорики перестали хохотать. Один из них даже перекрестился, пугливо оглядываясь по сторонам, зато другой презрительно сплюнул.

- Как пить дать, ведьма, - сказал он. – И чего тебе, селу дурному, было бить ведьму? А теперь, это и к бабке не ходи, корешок твой запаршивает.

Данил не слышал дальнейшего обмена замечаниями между перепуганным дворником и мальчишками. Он догнал фроляйн фон Кирххайм и шаркал ногами за ней на безопасном расстоянии, а поскольку девушка маршировала очень даже живенько, иногда ему приходилось закатывать юбку и какой-то отрезок пути бежать. Все время он старался оставаться незаметной, сгорбившейся и сливающейся с окружением кошаркой. Словно мантру он постоянно бормотал себе под нос: "Ой, мамочки. Ой, Божечки мои! Та шоб тебя...", чтобы войти в роль и придать ритм своей все более панической и шатающейся хромоте. По шее у него стекали крупные капли пота, дышал он все тяжелее. По сравнению с прусским прогулочным шагом фроляйн фон Кирххайм весь его меканизм ничего не стоил. Механизм в груди хрипел и трещал, так что Данил начал размышлять над тем, а когда он его в последний раз заводил.

Тем временем, они прошли Мазовецкую и свернули в Крулевскую, прошли по тянущемуся в бесконечность, во всяком случае, на пару сотен верст, как показалось Данилу, тротуару вдоль Саского Парка. Неожиданно они очутились в путанице улочек за Маршалковской. На сей раз Довнар был просто вынужден схватить края юбки и помчаться бегом за канцеляристой, шляпка которой мелькнула на углу дома на Птасей, где начиналась совсем коротенькая улица Зимна. Инженер мчался, сломя голову, мелькали его белые икры, Довнар же совершенно не обращал внимания на изумленные взгляды прохожих. Лишь на Электоральной он заметил Генриетту исчезающую в портике Больницы Святого Духа.

Так вот оно что! Прекрасная панна Геня смертельно больна! Вот почему она не пожелала его больше знать. Она не хотела дарить ему надежду, чтобы тут же ранить своим уходом с этой юдоли слез. Только это могло быть объяснением. Ведь невозможно же, что она хотела избавиться от него по какой-то менее важной причине. Ведь такой человек, как он сам, не мог же наскучить интеллигентной молодой даме. Они так здорово понимали друг друга. Выходит, к этому ее склонила медицинская трагедия. Ах, что за девушка!

Тяжело дыша, инженер всхлипнул. Тем не менее, он живенько захромал к входу в больницу. Сейчас он тактично выяснит, что с ней, а затем спасет. Даже если для этой цели придется погрузиться в тысячи параллельных реальностей! Даже если придется пропустить сквозь себя миллионы электрических молний! Даже если придется остаться абсолютно трезвым до конца дней своих! Он найдет лекарство от любой болезни. И добудет сердце панны фон Кирххайм.

Довнар вошел сквозь широко раскрытые ворота, размышляя над тем, через какой вход попасть вовнутрь. Больница была выстроена как красивый неоренессансный дворец со свободно стоящими павильонами. Быть может, Генриетта направилась в один из них? Главный вход в больницу с импозантной колоннадой и лестницей казался слишком богатым, чтобы через него пихалась какая-то кошарка. Так что Данил начал выискивать какой-нибудь боковой или задний ход. При этом он не заметил фигуры, прятавшейся за колонной, а теперь очутившейся у него за спиной.

Внезапно некто схватил переодетого инженера за платок и сильно потянул. Данил выпрямился и в тот же миг получил мощный удар кулаком в почки. Довнар лишь застонал и упал на колени, во всяком случае, попытался это сделать, поскольку нападавший держал его сзади за крепко завязанный под подбородком платок. Инженер сфокусировался на том, чтобы запустить механизм в груди и спасти свою жизнь, но, прежде чем хоть что-то удалось сделать, он полетел лицом вперед напрямик на белый гравий, покрывающий двор больницы. Нападавший протащил его несколько шагов по острым камешкам, после чего неожиданно отпустил.

- Кто ты меня не наслал, шпик вонючий, он стелал польскую ошипку, - на несколько ломаном русском языке отозвался знакомый женский голос. – Никогда еще я не видела столь бездарной попытки слежения. Это все и гроша не стоило. А теперь говори, кто ты такая, или готовься к смерти.

Данил перевернулся на спину и нервным жестом оттер лицо от грязи, гравия и крови.

- Это всего лишь я, панна фон Кирххайм, - сказал он, после чего подложил руки под голову и вытянул ноги, ну совершенно так, словно лежал на удобном диване, но никак не на больничном дворе.

- Ох! – Генриетта даже подскочила на месте и заслонила рот ладонью. – И что должен означать этот маскарад, герр инженер?

- Да вот, вышел прогуляться, сегодня такая замечательная погода, - он указал пальцем в мрачное, свинцовое небо. – Иногда я переодеваюсь нищенкой и выхожу пройтись, чтобы не возбуждать излишнего возбуждения своей особой. Вот, хотел заскочить в больницу к знакомой, но тут на меня грубо напали.

Генриетта присела на корточки рядом с инженером и схватила его за плечо, чтобы помочь подняться. Но тот даже не шевельнулся. Тогда девушка со злостью выпустила его и сунула руку в муфточку. При этом она подняла голову, направив нос к небу.

- Прошу прощения за мою резкость, но я была уверена в том, что вы террорист. Но, раз вы прилегли отдохнуть, не стану мешать. Прощайте!

Не успела она отойти на пару шагов, как Данил уже был на ногах. Он стиснул зубы и чуть не взвыл от боли. Удар у девушки был крепким, опять же, она знала, куда следует бить.

- Гения, погоди же, не уходи! – простонал Довнар. – Мне известно, что ты меня знать не желаешь, но я не могу тебя так оставить. Скажи, пожалуйста, что у тебя болит. Не отталкивай меня, я готов принять тебя и дарить чувствами, несмотря на все преграды. Мне не страшны какие-либо твои болезни или недомогания. Вместе мы справимся с ними... Я...

Генриетта остановилась и, не говоря ни слова, глядела на пошатывающегося и что-то лепечущего Данила. Спиртным от него не пахло, но бредил так, словно выпил бочку токайского. Какую еще болезнь он придумал? Какие недомогания?

Больница Святого Духа (Szpital Świętego Ducha), основана в 1442 году как приют для беднейших людей. В 1859-61 году была переведена по адресу: ул. Электоральна 12, где размещалась каретная мастерская. Вплоть до 1939 была одним из самых прогрессивных и лучших медицинских заведений города. Разрушена в 1944 году в ходе Варшавского восстания.

После восстановления здесь размещалась начальная школа № 220. Фотография из WikiMap 2013 г..

Ей пришлось прекратить ухаживания и усмирить роман, пока тот не набрал полной силы, поскольку сама она возвращалась на службу. Только того, но и не меньше. Вновь она становилась солдатом, к тому же – выполняющим сложное и опасное задание. Она не могла позволить себе быть слабой, иметь чувства к мужчине. Необходимо было сделаться твердой и холодной, словно сабельный клинок. В настоящее время основным были только служба и суровая прусская дисциплина. И конец с удовольствиями обычных людей.

Только ведь он был таким прелестным... Даже в одеянии этой нищенки, даже с поцарапанным лицом. Пускай он и лепетал какую-то бессмыслицу, сообщение было четким и ясным – он желает ее и не может согласиться с разрывом. Ну, и что теперь с ним делать? Как от него избавиться? Генриетта почувствовала нарастающий ком в горле, пронзительную печаль, выжимающую слезы из глаз. Ну почему она не могла быть обычной девушкой? Ну почему это именно ей следовало выполнить обязательства прусского юнкера и записаться в армию? Ее две младшие сестры наверняка сейчас трахаются с соседскими красавчиками, а вот она не имеет права ну хотя бы чуточку влюбиться в скромного джентльмена. Ах, мир такой несправедливый!

- Ты плохо себя чувствуешь? – Данил приковывал к ней, охая и держась за бедро, как будто забыл, что притворяться старухой уже не надо. – Ты, вроде, побледнела. Это, видно, твоя болезнь, правда? Возьми меня под руку, пожалуйста.

По больничной лестнице, перескакивая через несколько ступенек, сбежало двое жандармов. У одного в руке был пистолет, второй уже обнажил саблю.

- Стой! Не двигайся! – визжал тот, что с револьвером. – Лапы прочь, лахудра старая!

Это всего лишь жандармы, с которыми она должна была встретиться в больнице, и которые были представлены ей в гарнизоне в качестве напарников. Данила они приняли за шпиона или террориста. Генриетта вздохнула про себя. Вот нужно позволить, чтобы инженера арестовали и сунули в катажку. Посидел бы пару недель в Павяке, пока дело не завершится. Во всяком случае, ничего страшного бы с ним не произошло. Если, конечно, не считать неприятностей в ходе допросов, но побои и пытки, как учит прусская школа, лишь закаляют дух.

- Спокойно, это мой человек, - сообщила юнкер-девица авторитарным тоном, осадив жандармов на месте. - Информатор и эксперт в научно-технических вопросах.

- Что-то не выглядит он достойным доверия, - буркнул один из офицеров, но пистолет сунул в кобуру. – Он переодет женщиной.

- Нет, нищенкой, - не согласился с ним Данил.

- Кандидатуру этого джентльмена утвердил лично его высокопревосходительство фельдмаршал... - Можно было и не заканчивать, поскольку жандармы тут же вытянулись в струнку. – Пойдем, господа. Я хочу осмотреть жертву, а герр инженер будет нас сопровождать.

Данил выпрямился, сжимая зубы и пытаясь проигнорировать боль. Он совершенно не знал, в чем тут дело, какой фельдмаршал его утвердил и в качестве кого, но пришел к выводу, что умение приспособиться к ситуации крайне важна в работе ученого, в связи с чем его следует развивать на каждом шагу. Он улыбнулся Генриетте и предложил ей руку, та приняла приглашение с грозной миной, но продела свою руку в его и позволила себя вести. Пара направилась за жандармами, и, пользуясь близостью девушки, Данил тут же склонился к ней, чтобы тихонько потребовать объяснений. Ее тепло и запах действовали на него словно недавний удар в спину. Инженер даже пошатнулся и чуть не утратил равновесия от полноты впечатлений.

- Я участвую в расследовании, касающемся убийства, о котором ты наверняка слышал, - шепнула юнкер-девица. – Здесь ты в качестве научного консультанта, официально завербованного на время следствия. Мне не хотелось тебя во все это вмешивать, но раз ты сам сюда за мной пришел...

- Я и не знал, что ты работаешь в жандармерии.

- Потому что я и не работаю, - прошипела Генриетта. – Не расспрашивай, сейчас на это нет времени.

Они вошли через украшенный колоннадой портал, ведущий во внутренние помещения больницы, и очутились в светлом вестибюле со стенами, побеленными по современной моде. Жандармы вели их по одному из коридоров, не обращая на заинтересованные взгляды немногочисленных пациентов и медиков. Затем все вошли в палату, перед которой стояли двое охранников с оружием. Внутри стояла только одна кровать, в которой лежала красивая, худощавая женщина. На стуле рядом с кроватью сидел явно озабоченный элегантно одетый джентльмен лет тридцати. В углу стояли пожилая женщина и бородатый доктор, который что-то тихонько объяснял собеседнице. Увидав входящих, он досадливо наморщил лоб.

- Пострадавшая – Бронислава Довяковская, дива Варшавской Оперы, - кратко пояснила Генриетта, нетерпеливым жестом отослав жандармов. – Она подозревается в том, что стала причиной смерти барона фон Лангенау. Сама я уверена, что она не имела со всем этим ничего общего, но была использована лишь в качестве запала, активизирующего взрывчатку. Черт подери, я так надеялась, что она пришла в себя, и что из нее удастся хоть что-нибудь вытянуть. Похоже, мы пришли сюда напрасно.

Данил неуверенно глянул на лежащую без сознания бледную примадонну. Сам он ее не знал, поскольку не бывал в театре, кроме того – на ухо ему наступил медведь, так что музыкой он совершенно не интересовался. Инженер хотел было подойти к кровати, но врач заступил ему дорогу, на что сидевший у изголовья панны Довяковской мужчина схватился за ноги и незамедлительно встал рядом с медиком.

- И что это должно значить? – возмутился бородач, указывая на одежду Данила. – Я доктор Винингер, военврач в чине капитана гвардии. Здесь команду я. Как вы смеете входить в больницу в чем-то вот таком?... Вы же можете занести сюда многочисленные болезни и паразитов. Незамедлительно покиньте палату, немедленно!

- Мы агенты канцелярии наместника, представляем графа Берга и прибыли от его имени, - жестким тоном сообщила Генриетта, лишь незначительно запинаясь на польских словах. – Отойдите, пожалуйста.

- Со вчерашнего вечера нам не дают покоя функционеры самых различных учреждений, включая лейб-гвардию самого царя, - фыркнул доктор Винингер. – Мне это уже надоело. Я уже сообщал, пациентка без сознания, и ее нельзя допрашивать. Как только она придет в себя, и когда к ней возвратится сознание, а затем выразит готовность принимать посетителей, а я сам признаю это допустимым – вот тогда я и проинформирую кого следует. А теперь прочь, чучела проклятые!

Генриетта наморщила брови, на ее щеках расцвел более яркий, чем обычно, румянец. Данил сориентировался, что врачу грозят серьезные повреждения тела, чего он совершенно не понимает.

- Я инженер, специалист в различных областях, - сообщил он, пытаясь изобразить улыбку. – У меня имеется богатый опыт в общении с существами и воздействиями родом из параллельных реальностей. Похоже, что панна Довяковская была контужена в результате именно такого воздействия. Думаю, раз медицина не способна помочь, будет

хорошо, если ее осматриваю. Обещаю, что ничего плохого я ей не сделаю.

- Господин доктор, мне кажется, в этом ничего плохого нет. – Заботящийся о диве джентльмен внимательно поглядел на врача.

Винингер лишь злобно фыркнул. Он терпеть не мог мехаборгов, а еще больше – учений, основанных на сверхъестественных явлениях, и всяческой связанной со всем этим мерзости. Данил с Генриеттой будили в нем исключительно отвращение, и если бы он мог, то отослал бы их прямо к черту. Тетка панны Довяковской тоже не казалась особо восхищенной, но ничего не говорила. Ходячих мертвяков и механически усовершенствованных людей она боялась, поэтому, чтобы никто этого не заметил, она тихонечко перекрестилась.

- Моя фамилия Климович, я жених Брони. – Элегантный мужчина схватил инженера за руку и энергично потряс ею. – Попробуйте ей помочь, прошу вас!

- Довнар. Данил Довнар, – склонил голову инженер. – Канцелярия Технических и Научных Консультаций, а это фроляйн фон Кирххайм, коллежский секретарь из канцелярии заместителя. Подержите, пан.

Инженер вручил Климовичу снятый с головы немилосердно грязный платок и мешок с вонючими отбросами, после чего закатал юбку, чтобы не споткнуться. Он подошел к кровати и склонился над примадонной. Воцарилась наполненная сосредоточенностью тишина. Данил склонился еще сильнее, понюхал волосы лежащей женщины, затем ее кожу. Совершенно неожиданно, с громким треском его ужалила в нос искра электрического разряда, отскочившего от женщины. Инженер отшатнулся, словно ошпаренный и потерял свое и так уже болящее от ран лицо. Но затем вновь склонился и поднял веко певичы. Вместо глаза под ним зияла черная, бездонная пустота. Тут же в больничную палату начал сочиться мрак: холодный и поглощающий звуки.

- Поосторожней! – предупредил врач.

Данил опустил веко примадонны и изумленно причмокнул.

- Частично она продолжает оставаться на той стороне, – заявил он.

- На какой такой стороне, милостивый сударь? – вежливо поинтересовался Климович. – То есть, где конкретно? Разве она не лежит здесь, на кровати?

Данил рассеянно почесал лоб.

- Ну да, ясное дело, лежит, но не совсем, – ответил он менторским тоном. – Ею воспользовались в качестве портала в астральную плоскость; нечто воспользовалось исходящей от нее энергией и пожелаало, если можно так выразиться, присосаться к ней. Скорее всего, будучи выдающейся артисткой, панна Бронислава владеет могущественными сверхъестественными силами, о чем даже и не догадывается. Когда она творит свое искусство, в астральной плоскости светит будто маяк. Это притягивает к ней целые параллельные реальности. Артисты часто открывают разум воздействиям иных миров и позволяют, чтобы те протекали сквозь них и выгорали в нашей действительности. Весьма часто именно таким образом к нам незаметно прибывают необычные идеи, понятия, физические законы или же ненатуральные явления. Вы успеете за мной, милостивый сударь?

- Ересь, чушь, – бормотал под нос Винингер.

- Панна Бронислава представляет собой выдающуюся артистку, что, говоря гипотетически, делает ее весьма сильным источником аномалий, – не обращая внимания на эти слова, продолжил Данил. – Как правило, чуждые идеи просачиваются через хорошего творца незаметно, столь же незаметно впитываются в мир и потихоньку изменяют его. На сей же раз произошло нечто более серьезное: нашей примадонной овладело чуждое бытие. Что-то воспользовалось ею как вратами в наш мир и грубо пролезло через нее, с ее помощью материализовалось в нашей реальности, но забыло закрыть за собой дверь. Потому-то панна Довяковская до сих пор отчасти находится по той стороне, в пустом пространстве между реальностями, которое мы называем по-разному: астральной плоскостью, другой стороной зеркала, отсутствием чего-либо, миром снов...

То есть, достаточно будет ее разбудить? – догадалась Генриетта.

- Именно! – Данил улыбнулся ей, излучая радость. – Вы позволите...

Он поклонился присутствующим, после чего схватил певичу за нижнюю челюсть и открыл ей рот, сунул руку в зияющую внутри черную пустоту, погрузив плечо очень глубоко, до самого локтя. Тетка примадонны вскрикнула от ужаса и упала без чувств. Генриетта схватила ее в самую последнюю секунду, поскольку оба джентльмена не обращали на женщину внимания. Данил долгое время копался в бездне, на самом же деле концентрируясь на набирающем скорость механизме в груди. Он чувствовал, как по коже ползет к нему ледовая темнота, проникая в кровь и даже глубже, до самого механического сердца. Довнар представил ротор, вращающийся на месте легких, то, как он дергает и рвет на клочья темную энергию. Та впитывается в трубки с флюидами, растворяется в них и попадает в золотые нити, присоединенные к нервной системе инженера. Она мчит по ней и через мгновение добирается до черепа, окутывает мозг. Данил закрыл глаза и почувствовал, будто выглядывает через маленькое смотровое отверстие в подводной лодке, вот только вместо океана увидел в этом иллюминаторе бесконечно глубокую астральную плоскость. В ней вздымались духи умерших и призраки великих событий, отпечатавшихся на материи вселенной. Здесь сияли звезды, бесчисленные отдаленные миры. Далекие и – тем не менее – находящиеся на расстоянии вытянутой руки.

Инженер огляделся и через мгновение высмотрел затерявшуюся, зыбкую фигурку, за которой тянулись полосы звука. Сознание панны Брониславы пело даже в состоянии полнейшей бессознательности, даже когда оно было заброшено в измерение снов. Оно бродило во мраке, не зная, кто оно такое и где находится. Данил протянул к нему руку, зная, что в этот самый момент, разгорается, словно фонарь во мраке. Девушка инстинктивно поплыла к нему, а за ней бросилась целая толпа духов и упырей. Быстрее! Довнар напрягся и ухватил краешек ее сознания; затем крепко потянул, отступая в людскую реальность.

Тут он полетел назад и с разгону врезался в стенку; Данил сполз по ней, хватая себя за макушку. И в тот же самый миг панна Довяковская резко втянула воздух и открыла глаза. Девушка приподнялась на постели и удивленно оглянулась по сторонам.

- Броня! – Жених припал к ней одним прыжком, схватил ладони и обсыпал их чувственными поцелуями. – С тобой все в порядке, любимая?

- Я видела очень странный сон, - вздохнула певица. – Но где это я? Что случилось?

Генриетта пихнула тетку примадонны в объятия доктора, которого это действие застало врасплох, сама же подошла к Данилу. Она присела на корточки рядом с ним и, не говоря ни слова, осмотрела его затылок. Слава богу, голова не была разбита, на ней лишь вздувалась огромная шишка. Инженер, хотя и с заметным усилием, улыбнулся юнкер-девице и с ее же помощью поднялся. Оба поглядели на воркующую парочку. Певица потихонечку приходила в себя и даже улыбалась жениху.

- Мы же ничего от нее не узнаем, правда? – вздохнула Геня.

- Боюсь, что весь инцидент помнится ей как обычный кошмарный сон, - ответил Данил. – Со временем воспоминание станет еще более блекнуть, пока совершенно не затрется. Если у тебя есть к ней какие-нибудь вопросы, задай их сразу. Завтра уже может быть и поздно.

Генриетта положила ладонь на плечо Климовича и решительно отодвинула того, так что жених грохнул с кровати, на краешке которой присоседился, и тяжело осел на пол. Фроляйн фон Кирххайм склонилась над перепуганной ее резким поведением примадонной.

- Упыря из Оперы помнишь? – не рассусоливая, спросила она. – Как выглядел? Откуда взялся? Тебе что-нибудь говорил?

Панна Довяковская смело взглянула в глаза прусской воительницы, продумывая про себя не блещущий любезностью ответ, чтобы избавиться от этой страшной и грубой женщины. Но заколебалась. Через мгновение, к своему изумлению, она отметила в заядром выражении лица изуродованной мехаборгизацией девушки исключительную красоту, тонкость и впечатлительность. Под маской солдата Генриетта скрывала вдохновенную и чувствительную личность, равно как и неподдельную красоту. Примадонна пришла к выводу, что с личностью юнкер-девицы из Пруссии наверняка связана какая-то романтическая, ужасно трагическая история. Броня подобного рода истории просто обожала. В одну секунду она почувствовала к воительнице симпатию. Потому-то она закрыла глаза и потерла пальцами виски, пытаясь припомнить все подробности кошмара.

- Я стояла на сцене и пела, позволив захватить себя рассказу, я буквально вжилась в роль. И мне казалось, что за моей спиной что-то нагромождается, в меня вонзились бесчисленные взгляды, и речь здесь не шла о публике или там хористках. Приближался кульминационный момент моей роли, я выдала из себя совершенно все. Еще я чувствовала мурашки на коже, жжение в середине головы, трудное для описания вдохновение. Так бывает всегда, когда меня охватывает музыка и пение, когда я соединяюсь с ними в одно целое.

- Мне такое знакомо, - буркнул Данил. – Так выглядит процесс перехода на ту сторону. Только мне это удастся, благодаря машинке, привитой в организм; и подобное состояние я достигаю под влиянием электрического тока, а она это делает естественно. Огромный талант!

Примадонна глянула на инженера и наморщила брови. Но свой рассказ продолжила:

- Я должна была пропеть смерть и снизить голос в апозиопезисе. И вот тогда-то появился он. Все сверлящие меня взгляды исчезли, я же почувствовала волну ярости. Его ярости, некоей чудовищной тоски, печали, желания найти что-то утраченное. Он искал этого среди живых. И он прошел сквозь меня, словно я была всего лишь бестелесным призраком. Я никак не считалась – была всего лишь тропой. С каждым шагом он делался более материальным. Огромный мужчина, обнаженный, с ранами по всему телу, бесчисленными шрамами и вонзенными в спину медными трубками. Металлические проводники были поломаны, как будто бы он вырвался из медной паутины, разрывая ее и унося ее же ключья в теле. Брр, ужасно. Он разглядывался, как будто бы потерялся, но затем кого-то увидел или почуял, и вот тут его охватило бешенство. Больше ничего о нем я рассказать не могу. А после того я упала во тьму, холодную и глубокую, словно океан.

Генриетта улыбнулась, пожала примадонне пальцы.

- *Vielen Dank, Fräulein Dowiakowska*, - сказала она и повернулась к Данилу. – Прекрасная работа, *herr* инженер. Вас я тоже благодарю.

- И я! – Жених певицы уже успел подняться с пола и теперь тряс рукой Довнара. – Позволь же тебя обнять, спаситель. Пан спас нас из тяжелой ситуации, теперь я пана должник до гроба. Если бы у меня была какая-то возможность отплатить! Прошу обо мне не забывать, мы еще обязаны встретиться! Непременно!

Данил покачал головой, заставляя себя криво усмехнуться. Он махнул рукой и вышел из больничной палаты, пропустив Геню вперед. Закрывая двери перед носом все еще кланяющегося Климовича, он еще успел заметить взбешенный и наполненный ненавистью взгляд доктора Винингера. Выходит, в результате всего одной операции он заполучил приятеля и врага.

Варшава, 12 (24) ноября 1871 г.

На сей раз извозчика она не взяла, решив устроить себе прогулку, причем – быструю, чтобы хоть немного разогнать кровь в жилах. Самое время приняться за собственное состояние, вновь превратиться в твердого словно сталь прусского солдата из отборных отрядов пеших егерей. Отказалась Генриетта и от элегантного криолина, надев простое,

серое платье, единственным украшением которого был белый воротник. К этому высокие сапоги из жженой кожи, волосы поддерживаются двумя спрятанными под шляпкой длинными гвоздями, так что юнкер-девица чувствовала себя словно в мундире. Она прошла вдоль Нового Швята²⁸ до самой улицы Хмельной, а потом прямо на Шлиску. Обходя немногочисленных прохожих, Генриетта браво щелкала каблуками. Только лишь приблизившись к повороту небольшого, но ухоженного каменного дома инженера Довнара, девушка поняла, что всю дорогу размышляет именно о Даниле, а не о следствии.

Хорошо ли я делаю, удерживая поляка на расстоянии? А что ей оставалось? Не может она больше терпеть усиливающейся близости и доверенности в отношениях. Необходимо выбить из его головы всякие романы, да и у самой себя – тоже. Пора расстаться с мечтами о счастливой жизни под крылышком любящего мужчины. Хватит уже витать в облаках. Самое время твердо стать на земле и прекратить все эти идиотские любовные ухаживания. Вчера, после консультации в больнице, она сухо поблагодарила его за помощь, позволила провести себя до дома, а потом с гробовой миной попрощалась суровым, лишенным какого-либо тепла тоном, отправляя ухажера и приказывая ожидать последующих указаний. Генриетта надеялась, что Данил не услышал дрожи в ее голосе. Еще немножко, и она сломалась бы. Ведь ее так и подмывало положить свою ладонь ему на подбородок, провести пальцем по какому-нибудь из шрамов, прижаться к твердому металлу его груди и согреть ее собственным дыханием. Он же охватил бы ее рукой, погрузив лицо ей в волосы. А она подняла бы голову и завлекающе сощурила веки, и он поцеловал бы ее в твердые, хотя и распаленные губы. Тут Генриетта резко остановилась, возмущенная столь фривольными и необычными мечтаниями. Она грозно глянула на свое отражение в замерзшей луже²⁹. На нее глядела мрачная воительница с багровым лицом и двумя винтами на лбу. Сегодня она их сознательно открыла, сознательно надела самую серенькую одежду. Она обязана была представить себя Данилу совершенно непривлекательной, холодной будто рыба прусской чиновницей. Гадкой, вредной, именно такой, о которой он должен как можно быстрее забыть.

Варшава. Улица Новы Швят. Фотография 1912 г.

Девушка вынула руку из серой муфточки и вытерла стекающую по щеке слезу. После чего яростно атаковала дверь, закрепленную в деревянных воротах. Дверь на удивление быстро открылась: в них стоял, наклонившись – поскольку в проеме не помещался – чернокожий великан. Алоизий оскалил белоснежные зубы в широченной улыбке после чего

²⁸ К концу девятнадцатого века эта улица представляла собой сплошную полосу элегантных ресторанов, летних театров, кафе, магазинов и отелей – своеобразные Елисейские Поля Варшавы. До настоящего времени (учреждено в 1869 году) работает здесь кафе "Бликле", где подаются знаменитые пончики. – Прим.перевод.

²⁹ А вы когда-нибудь видели свое отражение в замерзшей луже? То-то же! Но не забывайте, что читаете даже не фантастку, но стимпанк! – Прим.перевод.

отвесил поясной поклон.

- Прекрасная дочь германских господ, правителей на Поморье, в Кашубах и Жулавах, предутренняя звезда Бранденбурга, Нюрнберга, земель клодской, познаньской и берегов Рейна, лучи красоты которой милостиво освещают недостойного меня, а через мгновение осветят это жилище; будь же столь добра и прими выражения почтения от недостойного слуги, желающего отогреться в свете твоей улыбки... - отбивал поклоны негр.

- С самого утра пьете? – сморщила нос Генриетта, но ей не удалось сдержать улыбки. – Хватит комедию ломать, джинн. Чего ты хочешь?

- Мне хотелось бы просить, чтобы дамочка относилась к моему господину с несколько большей доброжелательностью или же предпочла окончательно с ним порвать отношения, - ответил тот, впуская гостью вовнутрь. – Уж очень меня беспокоит эмоциональное состояние, в котором находится мой принципал. Он страдает, неуверенность убивает его. Поглядите только сами на беднягу.

Генриетта очутилась на внутреннем дворе. Практически всю его площадь занимало чудного вида средство передвижения на тележке железнодорожного вагона. Данил стоял на платформе и валил молотом по металлическому листу, закрепляя тот на стальном скелете. Корпус только начал формироваться, но уже начинал походить на неуклюжего стального жука. Кожух частично прикрывал приводной механизм, состоявший из чугунной печи с паровым котлом, подключенного поршнем к ротору динамо-машины. Ее катушки блестели медным проводом словно корона всего металлического *устройства*. На носу тележки был смонтирован металлический трон с закрепленной над ним проволоочной чашей, по которой и должен был протекать ток, выстреливающий в сидящего молниями разрядов.

Инженер то ли не видел гостью, то ли делал вид, будто не видит. Он страстно размахивал кувалдой, складывая свое странное изобретение в единое целое. Генриетта неспешно обошла устройство, внимательно его оглядывая и делая вид, будто личность Данила ее ну абсолютно не интересует. Тот наконец-то бросил молот на землю.

- Алоизий, черт подери! Заклепки кончились! – рывкнул он. – Ты же собирался принести новый ящик! Так где он? Я не могу работать в таких условиях!

- Выглядит импозантно, - сообщила Генриетта, ни к кому конкретно не обращаясь.

- О, панна фон Кирххайм? – Данил изумленно поглядел на девушку, после чего спустился на землю. – Какая неожиданность, совершенно не ожидал вас. Добро пожаловать, почувствуйте себя как дома.

Он протянул измазанную маслом руку и по-мужски пожал ладонь Генриетты.

- Правда, красавец? – указал Довнар на механизм. – Впрочем, внешность совершенно не имеет значения, главное, что он станет истинной жемчужиной инженерии, занимающейся путешествиями между измерениями.

- Вообще-то о такой области техники я и не слышала, - осторожно заметила гостья.

- Я сам в ней пионер, а это вот – первое транспортное средство для таких путешествий. Именно потому он и является жемчужиной. Я назову его Скарабеем. Или нет, уж слишком напыщенно и экзальтированно. Нужно что-нибудь свое. Какие у нас в Польше существуют жуки? Навозник! Так будет хорошо. С его помощью я открою необыкновенные вещи, заработаю славу и богатство. Но мне не хочется подобными мелочами морочить вам голову, у прусских дам-полицейских наверняка на уме более важные дела. Так чем я могу помочь?

- Консультациями.

- Снова? После вчерашнего совещания мне показалось, что я так быстро и не понадобится, - буркнул инженер с надутой миной. – Предоставьте, пожалуйста, письменное распоряжение от фельдмаршала, в противном случае, я не собираюсь терять времени на всякую чушь типа отслеживания демонов.

Генриетта повернулась к инженеру спиной и погладила обшивку корпуса. Затем отошла на пару шагов. Она прикусила губу, ведя сама с собой яростное сражение. Она ранила инженера, но ведь это и было нужно. Он должен был обидеться, перестать строить ей маслянистые глазки и отвлекать ее. Ох – и все демоны преисподней могут быть свидетелями – еще несколько месяцев назад, во время осады Парижа, она убивала беззащитных людей, не мигнув и глазом, перегрызала горла сдающимся солдатам, а раненым противникам разбивала головы прикладом винтовки. И вдруг растерянность, а не ранил ли она чувств какого-то шпак³⁰. Да нужно попросту взять себя в руки и пнуть этого придурка хорошенько под зад. И окончательно покончить со всем этим фарсом.

- А ты, Геня, сегодня выглядишь просто прекрасно, - раздался шепот у нее за спиной.

Генриетта обернулась и встала с инженером глаз в глаз. Тот задиристо улыбался, словно варшавский уличный мальчишка, строящий глазки посудомойке или служанке. Но во взгляде Данила не было издевки – только лишь живой интерес, надежда, радость и обещание. Генриетта почувствовала, как спина покрылась гусиной кожей, но потом внизу живота разлилось приятное тепло. Юнкер-девица заколебалась. Ее совершенно обезоружили.

- Сегодня из Петербурга прибыла следственная группа, чтобы взять расследование на себя, - сообщила Генриетта ни в склад, ни в лад.

- Замечательно, баба с возу, кобыле легче! Пошли в лабораторию, я приглашаю на чай, но и рюмочку винца можно. А не согласится ли милостивая сударыня остаться на обед? – Инженер схватил Генриетту за руку, а девушка и не пыталась ее отдернуть. – Алоизий, и чего ты там торчишь? Хватай кувалду и прибивай! Я же займусь панной фон Кирххайм.

Слуга только вознес глаза к небу, но послушно схватился за молот. Парочка исчезла во флигеле, и негр снисходительно хмыкнул. А потом, тяжело вздохнув, взялся за работу.

³⁰ Презрительная кличка гражданских, присвоенная им офицерами (правда, царской российской армии). – Прим.перевод.

Тем временем, Генриетта очутилась во флигеле, в котором ее уже несколько раз принимали в качестве лица, которому доверять можно. Приглашение в мастерскую следовало рассматривать в качестве возведения в дворянское достоинство и сигнал, что Данил не чувствует обид, и что он готов простить ей вчерашнее поведение. Хозяин смахнул со столешницы раскрытые книги, приставил к столу два стула. Он же принял от госты пальтишко с меховым воротником и повесил возле двери. Инженер крутился вокруг пруссачки, все время кланяясь и высказывая приличествующие знаки любезности. В конце концов, он вручил ей чашку с горячим чаем, а сам уселся напротив. Геня отпила глоточек. Чай еще не успел хорошо настояться, слабый, без какого-либо выражения. Ей хотелось бы, чтобы горькость напитка вызвала искривление губ в гримасе неодобрения, чтобы скрыть возможные улыбки. Ничего не поделать, нужно было действовать без подкреплений.

- Граф Берг приказал мне продолжать следствие, хотя сейчас его ведение взяли на себя агенты Третьего Отделения, - сообщила Генриетта. - Для него крайне важно, чтобы именно его люди добились успеха и схватили преступника до того, как это сделают агенты царя. Благодаря этому, граф докажет, что он способен самостоятельно обеспечить порядок в своем хозяйстве. Так что дальше я буду действовать неофициально.

- Зачем вы, фроляйн, все это мне рассказываете? - совершенно невежливо перебил ее Данил. - Ну какое мне дело до соперничества между агентами и шпионами? Мне кажется, я всего лишь случайно попавший под руку специалист, которого взяли для оказания помощи прямо с улицы, и моя задача - сидеть с замком на губах и ждать, когда милостивая паненка пожелает, чтобы я проконсультировал ее.

Генриетта наморщила лоб, сделала очередной глоток. Она не знала, как интерпретировать эти полярные проявления поведения мужчины. То он рассыпает перед ней комплименты и падает к ногам, то вдруг без повода рычит.

- Прошу прощения, Геня. - Инженер нервно потер лоб. - Что-то нервы не в порядке. Сегодня мне нанес визит банковский чиновник по вопросу оплаты первой части кредита. Он требовал сумму, которая превышает мои финансовые возможности.

- Может, я могла бы поддержать тебя ссудой?

- Нет, благодарю. Это в расчет никак не входит. - Данил рассеянно почесал шрам на лбу. - Как можно быстрее закончу свою машину и отправлюсь на ней путешествие с целью заработка и развития науки.

- В иные миры? - не могла скрыть изумления Генриетта.

- Ведь замечательно, правда? Ты только представь себе возможности, которые открываются передо мной. До сих пор мы могли лишь подглядывать за тем, что происходит по той стороне, по возможности - открывать нашу реальность нематериальным, летучим идеям, чуждым стихиям, действующим силам, излучающиеся в нашу вселенную из иных континуумов. Считается, что все сверхъестественные создания были сотворены, благодаря воздействиям, проникшим в нашу вселенную из иных миров. К примеру: мой слуга или живущие в Висле сирены. - Данил говорил с такой страстью, что Генриетта не смела его перебивать. - Если бы не пробои, образующиеся в основе реальности, наш мир был бы мрачным и до боли материальным, лишенным романтики, чего-то неосознанного и неназванного. Сам я неоднократно переходил разумом на ту сторону, позволяя, чтобы сквозь меня протекали силы, порожденные бездной. Теперь, благодаря Навознику, у меня появится возможность физически пробиться в астральную плоскость, а с нее всего лишь шаг в иные миры. Ты понимаешь? В бесконечное число чуждых континуумов. Ты только представь, что я могу там обнаружить! Уже не одни только летучие идеи или силы, но и совершенно материальные предметы: изобретения, современные технологии, возможно, диаметрально отличающиеся от наших; знания, которые нам и не снились, в конце концов, хотя бы произведения искусства, благородные металлы или иные драгоценности. Благодаря моей повозке я сделаюсь не только величайшим из ученых, но еще и самым богатым.

Генриетта глядела на него с сомневающейся миной.

- Хотя богатство меня, ясное дело, сильно и не интересует, - Данил припомнил, что фроляйн фон Кирххайм - альтруистка, желающая нести помощь слабым и нуждающимся, богатство для нее дело не главное. - Деньги мне будут нужны только лишь для облегчения своей работы, важнейшей целью которой является расширение человеческого знания и улучшение всего нашего мира.

- Естественно, - кивнула та. - Но меня интересует, почему это никому другому до тебя не удавалось пробраться на ту сторону...

- Почему же, удавалось! Вот только появились проблемы с возвращением, - беззаботно ответил Довнар. - Те люди, которых переносили в астральную плоскость, уже не возвращались. Эксперименты с путешествиями в иные миры проводились еще в те времена, когда я учился в Петербурге. Я и сам участвовал в таких исследованиях. Потом познакомился с одним профессором из Лётцена. Ему удалось. Возможно, и не до конца, потому все те, которых он отправлял на другую сторону, гибли или возвращались в состоянии умственного расстройства. Ну, то есть, они становились полностью сумасшедшими. Основываясь на технологиях, созданных группой этого профессора, а разработал собственный механизм, тот самый, что находится в моей груди и в моих мыслях.

Генриетта почувствовала странное беспокойство. Через какое-то время до нее дошло, что мучают ее беспокойство и страх. Она боялась за своего безумного ученого, мечтателя и открывателя кислых щей и баварского кваса. Наконец-то ей пришлось перед самой собой признаться - Данил был ей небезразличен. И ей никак не удавалось освободиться от этого глупейшего состояния.

- И как ты собираешься защититься от смерти или утратой разума? - спокойным голосом спросила она.

- Экранирование, - таинственным шепотом сообщил поляк. - Я открыл материал, который полностью поглощает сверхъестественные воздействия. Любая материя под влиянием сил иных миров изменяется, но только не эта. Она

отличается прочностью и неизменностью; идеи для нее – ничто. Этот материал очень сильно связан с реальностью, это абсолютно материальное тело.

- Это ты говоришь про металлические плиты, из которых создаешь кожух машины, - предположила фроляйн фон Кирххайм. – Какой-то неизвестный вид?

- Метеоритное железо, - кивнул изобретатель, восхищенный догадливостью девушки, - или же имеющиеся в нем примеси. Трудно сказать, что конкретно так действует. Аэролит содержит редкоземельные металлы в такой концентрации, которую никто и никогда не встречал в железе земного происхождения, к тому же – какие-то органические остатки. И это железо полностью поглощает сверхъестественные эманации. Образцы я испытывал на Алоизии, подсыпая опилки аэролита в водку. Буквально за минуту он пьянел до потери сознания. А ты видала когда-нибудь совершенно пьяного джинна? Он делался обычным человеком, как будто бы металл полностью поглощал его демоническую силу. И так оно по сути своей и было. Так что, если я закрою свое транспортное средство плитами из этого металла, то смогу спокойно перемещаться в астральной плоскости. Таким образом, благодаря этому Навозник в чем-то напоминает батискаф – судно для путешествий в среде, абсолютно не пригодной для жизни.

- Очень увлекательно, - скептически вздохнула Генриетта. – Надеюсь, что ничего плохого ты себе не наделаешь. – Язык она прикусила уже слишком поздно. Глупо было раскрываться, теперь она дала понять, что изобретатель ей не безразличен. Так что быстро прибавила: - Это было бы большой потерей для науки.

Данил кивнул, значительно при том улыбаясь. Генриетта почувствовала волну жара, расцветшую на щеках румянцем. Он знал. До него дошло, что ее холодная и неприступная поза – это всего лишь игра. Так, необходимо ее незамедлительно прервать! А то еще подумает, будто бы он может овладеть, что сможет завоевать ее сердце. Ошибаешься, все не так!

Тогда, зачем я к нему пришла? Действительно ли его консультации столь необходимы? Зачем я себя обманывала? На самом деле – пришла, чтобы его увидеть. Генриетта закусила губу, страстно обещая сама себе, что это в последний раз. Она торжественно поклялась сама себе на своем Железном Кресте честью прусской юнкер-девицы. Надо покончить с этой любовью!

- Возвращаясь же к вопросу моего следствия, - сказала Генриетта, отодвигая чашку, - то я хочу представить вам ход расследования и обсудить гипотезы, вот только не знаю, способны ли вы не распространяться о них.

- Но... Геня!... - возмущился инженер. – Ты же меня знаешь! Я никому не обмолвлюсь и словечком.

Девушка молча показала головой, пронзая собеседника самым ледовым из тех взглядов, который ей удалось бросить без подготовки. Инженер даже не дрогнул, вот только его улыбка из задиристой сделалась блаженной. Похоже, он совершенно неверно интерпретировал строгое выражение на лице Генриетты.

- Полиция и жандармы арестовали более двух сотен человек, но большую часть из них – исключительно на всякий случай, и чтобы дать всем понять, что решительные действия не прекращаются. – Девушка отвела взгляд от внимательно слушающего ее мужчины и начала играть чайной ложечкой. – В камеру попали все подозреваемые в революционной деятельности, в основном: бывшие ссыльные, уже покаранные за участие в восстании шестьдесят третьего года. Помимо того, под замок посадили университетских профессоров и студентов с факультета исследования сверхъестественных явлений. Помимо того, были задержаны все пребывающие в Варшаве турецкие купцы, промышленники и беженцы из Франции и Великобритании, больше всего: лютеранские пасторы и даже парочка журналистов. Собственно говоря, были задержаны все иностранцы, жители конкурентных держав, не имеющие дипломатического иммунитета. Допросы все еще продолжаются, но в канцелярии наместника уже ожидают телеграмм и писем из посольств. После этого всех этих несчастных придется освободить. И все эти действия лишь обнажают бессилие полиции. Нет ни единой зацепки, все же, что сделано, это отчаянные метания в поисках следов заговора.

Генриетта вынула из кармашка платья элегантно украшенную коробочку голландских *dama-cigaretten*. Тоненькую, ароматизированную сигарету она сунула в рот и позволила, чтобы инженер поднес огонь. Девушка глубоко затянулась.

- Я подозреваю, что это вовсе не политический заговор, - сказала она. – Вполне возможно, это только случай, вызванный учеными, экспериментирующими с проникновением миров...

- Точно так же, это могли быть спиритисты, мистики, талмудисты, оккультисты, демонологи и некроманты, - заметил Данил. – Это могло быть и случайностью, самостоятельной материализацией существа из иного мира, которое использовало примадонну в качестве перехода. Ну а посол Австрии сделался совершенно случайной жертвой. Потому-то и нет никаких следов заговора или террористов.

- Если это именно так и случилось, мы обязаны это доказать. – Генриетта покачала головой. – Необходимо или захватить это существо, или же его ликвидировать. Впрочем, я предприняла кое-какие шаги в этом направлении.

До сих пор относившийся к проблеме со скепсисом Данил неожиданно встревожился.

- Какие еще шаги? Это опасно! Почему ты не попросила меня помочь?

- Именно сейчас я и прошу, - спокойно ответила гостья. – Пока же что я переговорила с самым известным варшавским демологом, Антониом Вагой. Очень милый старичок, но не помог, только рекомендовал почитать его публикации.

Данил поднялся от стола и подошел к одному из забытых толстенными томами шкафов, провел пальцем по корешкам.

- Сообщил же он только одну ценную вещь: что ключом к этому существу может быть какой-то из характерных для него стигматов³¹. Демон перешел в нашу реальность через певицу, охваченную творческим безумием и под аккомпанемент

³¹ Здесь не имеется в виду клеймо на теле раба или характерные знаки, появляющиеся у страдающих религиозной истерией:

бухающего оркестра. Затем, в ходе принятия материальной формы, это существо заморозило звуки, словно ими питалось или, наоборот, их опасалось – не знаю. Сама я все это помню, как в тумане, неожиданно вдруг все застыло и утихло. Чудище выскочило из тьмы: такой странной, разливающейся ниоткуда, совершенно материальной.

- Эктоплазма, - Данил не переставал разыскивать книгу.

- Существо воспользовалось мгновением прекращения действия, долгой паузой в пении, и вот тут оно появилось окончательно: напало на несчастного барона и сбежало. И в тот же самый миг все вернулось к норме. Старичок рекомендовал, чтобы я сконцентрировалась на главных эффектах возникновения демона: на звуке, тишине, темноте.

- Есть! – с триумфом объявил инженер, вытащил с полки громадный томище и положил его на стол. – "Рассуждение о сверхъестественных науках, и, в особенности, о сверхъестественной истории"; сюда же сунута брошюрка авторства пана Ваги "О демонах, выдуманных поэтами и художниками". Вообще-то где-то должна быть "История демонических обычаев и их чувственности". Помню же, что покупал, только где она?

- Я решила начать от первого стигмата: звука, конкретно же: с музыки и связанных с ней видов искусства, - задумчиво продолжила Генриетта, жестикулируя сигаретой, зажатой между двумя пальцами, – отправилась в Музыкальный Институт, где меня принял сам директор, герр Апполинарий Контский³². Он терпеливо выслушал меня и старался хоть в чем-то помочь, но, к сожалению, его знания о сверхъестественных свойствах звука оказались ничтожными. В Институте занимаются практической подготовкой музыкантов и теорией музыки, а не исследованиями над ее влиянием на физическую ткань мира. Я получила от него перечень лиц, связанных с этим искусством и способных сказать нечто большее. Придется провести наступление на кабинеты театроведов, создателей опер и музыкальных редакторов.

- Хмм. Попробуй еще узнать вот что: а не обнаружила ли полиция в Опере какие-нибудь образчики эктоплазмы. – Данил, склонившись над столом, листал книгу. – Если бы тебе удалось найти для меня хоть самую малость ее, тогда, возможно, мне бы и удалось напасть на след этого существа. Но я ничего не обещаю; вначале надо покопаться в литературе, то есть пролистать это вот сочинение. Я, видно, тоже поговорю с паном Антониом Вагой.

- Наместник наверняка будет благодарен вам за участие, герр инженер, - ледовым тоном объявила Генриетта, после чего погасила окурок в лабораторном керамическом испарителе.

Она резко поднялась и направилась к двери. Данил оторвался от книжки, внимательно глядел на уходящую девушку. Зачем эта игра? Ну почему она так выдерживает делирующее их расстояние? Быть может, это некий прусский брачный обычай? Или нет? Здесь она выступает в качестве представительницы власти, как государственный служащий, и пытается создать барьер, чтобы не объединять расследования с личной жизнью. Ну да, именно это и подразумевается!

Он вскочил по стойке смирно и отдал салют.

- Так точно, пани комендант. Рапорт сдам непосредственно в пани штабе, хотя и мой участок передовой открыт для пани в любое время дня и ночи. За работу принимаюсь незамедлительно!

Геня с выражением игрока в покер поправила воротник пальто и, не прощаясь, вышла во двор. Повяло холодом. Алоизий стоял на коленях в паре шагов от двери, старательно делая вид, будто бы копается в ящике с инструментами. Ясное дело: подслушивал. Увидав Генриетту, он широко усмехнулся и подскочил к ней, чтобы провести до ворот.

- Я рассчитываю на то, что ваше сотрудничество даст гораздо большие плоды, чем арест какого-то опасного демона, - сказал он девушке, открывая дверь в воротах и кланяясь в пояс.

- Похоже, ты просчитаешься, - буркнула фроляйн фон Кирххайм и энергичным шагом отмаршировала по направлению к улице Маршалковской.

Профессор варшавской Драматической Школы, Ян Хенциньский³³, проживал в импозантном каменном доме на углу улицы Братской и площади Александра, которую местные жители называли площадью Тшех Кшижы (Трех Крестов)³⁴.

языки на руках и ногах в тех местах, где, якобы, пробивали руки и ноги Христа, но существенные признаки. – Прим.перевод.

³² Аполлинарий Контский (польск. Apolinary Kątski; 23 октября 1825 года, Варшава — 29 июня 1879 года, там же) — польский российский скрипач, композитор и педагог (в англоязычной Википедии дается намек на его дворянское происхождение: Apollinaire de Kontski).

Родился в семье музыкантов. Его брат Станислав тоже стал скрипачом, братья Антони и Кароль пианистами.

В возрасте четырёх лет начал обучение игре на скрипке под руководством отца, Гжегожа (Григория) Контского. В возрасте пяти лет выступал при императорском дворе в Санкт-Петербурге, исполняя концерт для скрипки Пьера Роде. В 1836—1849 гг. жил в Париже, брал уроки Никколо Паганини.

Выступал в многих столицах Европы вместе со своими братьями и сестрой Вандой. В 1837 году выступал на коронации королевы Виктории в Лондоне. В 1849 году выступал в Кракове, в 1850 году в Варшаве.

В 1852 году стал солистом Императорских театров в Санкт-Петербурге как преемник Анри Вьётана. Занимался также камерной музыкой вместе с Антоном Рубинштейном, Теодором Лешетицким, Александром Даргомыжским и дочерью Вандой.

В конце 1850-х годов вернулся в Варшаву. 26 января 1861 года основал Музыкальный Институт в Варшаве и стал преподавателем по классу скрипки. - Википедия

³³ Ян Хенциньский (пол. Jan Konstanty Chęciński) (22 декабря 1826, Варшава — † 30 декабря 1874, Варшава) — польский писатель, актер и театральный режиссер, профессор варшавской Драматической Школы. Был автором либретто к опере "Страшный двор" Станислава Монюшко (премьера прошла в 1865 году). - Википедия

³⁴ Название площади может ввести в заблуждение. Первые два позолоченных креста располагаются на верхушках барочных

Генриетта он согласился принять, когда та сообщила слуге, что является сотрудником канцелярии наместника. В одно мгновение хозяин сделался гостеприимным и готовым беседовать, хотя голос его и дрожал от страха, как и всех тех, до которых доходило, что если помешать в расследовании панне фон Кирххайм, это может очень не понравиться самому графу Бергу. Среди поляков старый сатрап до сих пор пользовался мрачной славой укротителя бунтовщиков и крайне сурового повелителя.

Хенциньский, помимо обучения молодых актеров, занимался еще театральной режиссурой, написанием всяческих драм и оперных либретто. Его считали одним из выдающихся знатоков этого вида искусства, так что Генриетте он показался идеальным экспертом. К сожалению, вопросы о сверхъестественной силе музыки и вокала ввели его поначалу в замешательство, потом привели к нервному заиканию. Юнкер-девица сдалась еще до того, как служащий накрыл стол к полднику; она пришла к выводу, что профессор не имеет о деле ни малейшего понятия.

Пирог с повидлом, очутившийся на столе в компании очень даже прилично сваренного кофе, настолько сносил голову своим запахом, что гранитный характер храброй воительницы начал размягчаться, а железная дисциплина заскрежетала под натиском телесных желаний. Понятное дело, ну не было никакого смысла без усталости бегать по всей Варшаве и вести следствие натошак. Опять же, сделалось уже поздно, и как-то неудобно было допрашивать очередных музыковедов и им подобных типов. Поэтому Генриетта позволила себе съесть два куса пирога, беседуя с профессором о направлениях в театральном искусстве и о перспективах развития польской сцены. Из профессорского дома Геня вышла, когда сделалось совсем уже темно.

Площадь с овальным собором под покровительством святого Александра освещалась газовыми фонарями, ведущими в направлении Уяздова и в другую сторону – к Иерусалимской Аллее³⁵, но юнкер-девица направилась в узкую и темную Братскую, чтобы добраться домой как можно скорее. В подворотне соседнего дома девушка краем глаза отметила присутствие прижавшейся в углу фигуры, но особого значения она этому не придала, посчитав данного типа нищим или подгулявшим молодчиком, облегчающим мочевого пузырь. Генриетта уверенным шагом шла по пустой в это время улочке, наслаждаясь холодом и хлещущим прямо в лицо ледяным дождем. Ноябрьский вечер побуждал идти побыстрее, придавая энергию. Канцеляристка прошла перекрестье с Новогородской и пошла прямо – в направлении огней Иерусалимской Аллеи. Там можно было остановить извозчика, но жалко было отказаться от вечерней прогулки.

колонн, изготовленных в 1731 году Иоахимом Яухом по заказу короля Август II Сильного для отметки начала "пути на Голгофу" или "Кальварской дороги" (польск. Droga Kalwaryjska). Третий крест держит святой Ян Непомуцкий, статуя которого была установлена в 1752 году Великим коронным гетманом Францишеком Белиньским в честь завершения мощения варшавских улиц. Тогда местное население и прозвало район площади "Rozdroże trzech krzyży" — "Перекрёсток трёх крестов". Четвёртый же крест венчает купол костёла Св. Александра, возведённого в 1818-1825 годах польским архитектором Кристианом Пётром Айгнером. Первоначально и сама площадь носила имя св. Александра. - Википедия

³⁵ Название улицы связано с небольшим посёлком, построенным в 1774 году Августом Сулковским для евреев Мазовии. Посёлок назывался "Новый Иерусалим", а дорога в Варшаву — "Иерусалимской аллеей" (в единственном числе, в отличие от современного названия во множественном — "Иерусалимские Аллеи"). Вскоре после основания посёлок была упразднён, и большинство евреев поселились в черте города, однако название за улицей закрепилось. Именно на ней был построен первый вокзал в Варшаве (линии Варшава — Вена).

В конце XIX в. восточная часть Иерусалимских аллей стала одной из наиболее представительных и дорогих частей города. В начале XX века, особенно после восстановления независимости Польши в 1918 году, улица была продлена в западном направлении, а пригород Воля был включён в городскую черту. Большинство домов на улице, включая памятники модерна, были уничтожены после Варшавского восстания. - Википедия

Варшава. Площадь Трех Крестов (Trzech krzyży). Снимок 1870 года <http://humus.livejournal.com/3414906.html>

Генриетта перепрыгнула широкую лужу и краешком глаза зарегистрировала тень, ползущую за ней вдоль стены дома. Выходит, нищий оказался шпиком. Или Данил вновь шел по ее следам? Он, что: то ли беспокоился о ней, то ли следил из ревности? Девушка усмехнулась и снизила темп, позволяя, чтобы незнакомец приблизился. Мало кто мог выдержать темп движения мехаборгического егеря. Юнкер-девица решила, что поиграет с шпиком среди тополей, что украшали широкие тротуары по обеим сторонам улицы. Двигаясь слаломом между деревьями и фонарями, она обязательно окажется впереди. И поглядим, выдержит ли он гонку!

Геня даже захихикала вслух. В тот же самый момент она прошла мимо последней подворотни перед перекрестком с широкой и оживленной аллеей. Из мрачной ниши выскочили две фигуры в рабочих, по-хулигански сбитых набок фуражках и в слишком коротких куртках. Шалопаи с Повишля, бандиты, ожидающие одиноких и безоружных жертв, которых можно ограбить без шума и пыли. До фонарей проспекта оставалась какая-то пара десятков шагов, там уже атаковать они не посмеют. А даже если и нападут!? Интересно, как отреагирует следящий за ней джентльмен? Генриетта значительно снизила скорость и повернулась, словно бы от страха. В полумраке она не заметила следившей за ней тени, зато встретила взглядом с блестящими из-под козырьков глазами. Бродяги презрительно лыбились, их глаза светились угрозой и звериной, лишенной хоть какой-то жалости агрессией. Они были похожи на пару изголодавших, одичавших псов, которые выслаивали незащищенную серну. Только не знали они, что серна на самом деле была тигрицей.

Бандиты приближались, им оставалось несколько шагов. В руке одного из них появилась короткая дубинка, отсвечивающая торчащими гвоздями. Генриетта почувствовала волну горячего воздуха, всю округу окутал липкий и густой мрак, от огней фонарей людей отсек невидимый занавес. Сделалось ужасно тихо, девушка слышала только лишь собственное дыхание. Дождь перестал падать. Генриетта развернулась на месте и заметила очередную пару фигур, обходящую ее с другой стороны. Эти ожидали за углом дома. Так что же, это ловушка?

Девушка вытащила руки из муфты, которая тут же упала в грязь. В одной руке она держала плоский гаечный ключ. Отработанным движением юнкер-девица наложила его на первый винт на лбу и повернула влево. На второй клапан времени не хватило. Эти бандиты не собирались вести с жертвой переговоры, перемежающиеся хиханьками-хаханьками и издевательскими насмешками, как было в обычае у варшавских босьяков. Эти атаковали, не говоря ни слова, в абсолютной тишине.

Фроляйн фон Кирххайм повернулась, лопоча платьем и выгнулась назад. Дубинка промелькнула прямо перед ее носом. Пинок в промежность и выпрямиться. Короткий замах. Плоской стороной ключа она попала бандиту прямо в лицо. Голова отскочила, неприятно хрупнув, но каким-то чудом мужик на мостовую не упал. Пинок не произвел на нем никакого впечатления, а удар, сломавший ему челюсть, вызвал лишь то, что напавший лишь злобно ухмыльнулся.

Генриетта чувствовала протекающие по телу боевые флюиды. Ее мышцы напряглись, весь мир сделался резким, то есть – биоподдержка начала действовать, но что-то было не так. Тишина и неподвижность. Мрак, вползающий в рот и в нос, отбирающий силы и парализующий. И четверо бандюг, в глазах которых нельзя было найти воли или ума, зато горела

нечеловеческое желание убить. Нет, это не простое разбойничье нападение. И это были не простое хулиганье.

Они наскочили, все четверо одновременно, нанося бешенные удары палками, окованными сталью или ежащиеся гвоздями. Генриетта завертелась в пируэте, с невероятной скоростью парируя наносимые ей удары. Один лишь удар достал ее бока, расколотил китовый ус корсета и выбил воздух из легких. Она же ответила бешеным ударом из-за головы. Хрупнул разбитый череп одного из бандитов, ключ глубоко пробил ему лоб. Мужик спазматично дергался, его кровь брызнула на руку девушки. Убитый полетел куда-то взад, а оружие выскользнуло из пальцев воительницы.

Одним движением она сбросила шляпку и вытащила из взбитых в кок волос два кованых гвоздя. Не гладкие, длиной в фут железные гвозди в ладони не скользили. Генриетта скрестила их, парируя удар сверху, и пнула ногой в ответ. На нее посыпался очередной град ударов, на сей раз наносимых синхронно и очень расчетливо. Хотя юнкер-девица и бросалась в стороны, пиналась ногами и атаковала уколами гвоздей, ни одного из противников вывести из боя не удавалось. Раны их совершенно не беспокоили. Сама же Генриетта пару ударов пропустила. Боль взорвалась в плече, бедре, в конце концов палка заехала ей в лоб. Темнота жадно прорвалась в ошеломленный разум.

Очередной удар. Генриетта согнулась в пояс и упала на колени. Тишина. Только шум крови, свист дыхания. Выпущенные из рук гвозди зазвенели на тротуаре. Генриетта замерла. Через мгновение дубинки разобьют ей голову...

Грохнул выстрел. Вопль разорвал сферу тишины, а огонь из ствола разбил тьму. Грохот прокатился по улице, вонзился в ошеломленное сознание Генриетты и сотряс бандитов. Один из них рухнул, разбросав руки, с головой расколотой револьверной пулей. Воительница перекаtilась в сторону, на лету хватая гвозди, и сбила с ног следующего бандита. Она поднялась на колени и с разгону вонзила один гвоздь в глаз, а второй – в горло противника. Брызнула кровавая струя. Над головой девушки просвистели очередные пули и мягко толкнули в грудь последнего из нападавших: одна, вторая, третья. Но мужчина все так же стоял с поднятой дубинкой и скалил зубы. Но тут последняя пуля попала ему в лоб. И он рухнул в лужу, лицом вниз. Все умерло в полнейшей тишине, не издав ни единого звука.

- С вами все в порядке? – спросил высокий мужчина в доходящем до самой земли кожаном пальто.

Генриетта не отвечала. На четвереньках она добралась до первого трупа, вырвала ключ из зияющей в голове раны и подкрутила им винт во лбу. Только после того она смогла спокойно вздохнуть и внимательно оглядеться. Тьма бесследно развеялась, от недалекого проспекта доносился стук колес извозчиков и повозок, фырканье лошадей. Кто-то со скрипом распахнул окно в доме, возле которого и произошло нападение.

- Эй, чего там, курва-мать, деется?! – раздался хриплый рык выглядывающей из окна толстухи. – Я вам дам, пьяндылыги! Полиция!!!

- Пани позволит? – мужчина склонился и подал руку.

Генриетта приняла помощь и поднялась, стиснув зубы. Болело в нескольких местах, но кости, похоже, все были целые. Корсет послужил вполне приличным панцирем. А вот платье, измазанное кровью и грязью, все было в лохмотьях. Волосы, которых гвозди уже не придерживали, упали на плечи. Вид, наверняка, был ужасный. Зато джентльмен, который прибыл к ней на помощь, выглядел так, словно бы на минутку вышел с бала в Царском Селе. Под расстегнутым пальто у него был черный, современный *lounge suit*, состоящий из пиджака и жилета, на шее бабочка. На руках перчатки из тончайшей кожи, опирался он на тросточку с серебряной, гравированной рукоятью. Мужчина был совершенно молод и чертовски красив: худощавое лицо аристократа и интеллигента украшали тоненькие усики и золотой монокль. На девушку он глядел без даже тени надменности, умными, светлыми глазами. При том слегка улыбался.

- Вы следили за мной, - без всяких экивоков заметила Генриетта.

Это он был тем пьяницей в подворотне, крадущимся за ней вдоль стен. Все сходилось, у того на голове тоже была смешная овальная шляпа, которую называли котелком, последний писк моды. Джентльмен поклонился и поцеловал Генриетте руку.

- Полковник Александр Иванович Кусов, Третье Отделение Личной Его Императорского Величества Канцелярии. – Офицер вытянулся в струнку. – Согласен, следил, фролайн фон Кирххайм. У нас сложились опасения, что вы очутились в смертельной опасности. Мне удалось вас обнаружить в самый последний момент. Прошу простить мою медлительность, но я и не ожидал столь заядлого и страшного нападения. Все разыгралось молниеносно, я едва успел добежать.

- Хорошо еще, что вы успели, - буркнула Генриетта.

Русский взял ее под руку и повел в сторону выхода из улочки. К ним мчалось двое жандармов, вдалеке стучали колеса военной кареты. Раздались полицейские свистки, немногочисленные прохожие тут же кинулись под стенки.

- Мои люди займутся телами, - сообщил офицер. – Нам необходимо тщательно их осмотреть. Боюсь, что разбойники действовали как простые марионетки. По их поведению и реакции я считаю, что их мехаборгическим путем лишили воли.

- Так это вы сегодня взяли в свои руки следствие от имени его высочества? – догадалась Генриетта.

- Да. А теперь, вы позволите, чтобы я отвез вас в безопасное место?

- В камеру?

- С чего это вы взяли? Правда, следствие вы вели вопреки воли Его Величества, зато от имени наместника, - усмехнулся полковник Кусов.

Генриетта с удовольствием отметила, что улыбается он просто прелестно и, что самое главное, с чистой душой. Он мог пробудить симпатию и сразу же ей понравился.

- И я включаю вас в следственную группу, - прибавил полковник.

Варшава, 13 (25) ноября 1871 г., 7:30 утра

За ним пришли утром. Алоизий как раз читал утреннюю молитву, стоя на коленях перед своей кроватью. Его богоспасительное занятие прервал резкий стук в ворота. Джинн благоговейно перекрестился, поднялся и поцеловал стопы Христа на распятии. Только лишь после этого он выглянул в окошко спальни, а поскольку та находилась под самой крышей, вид у него открывался на всю улицу. Внизу стояла черная повозка-кибитка без окон – карета для перевозки заключенных. Рядом с ней крутилось несколько солдат в черных мундирах лейб-гвардии, а перед самими воротами выпячивал грудь офицер в мундире с эполетами; компанию ему составляли четверо боевых големов. Великаны со стальными головами пускали клубы дыма из выхлопных труб, находящихся на месте ртов. Их продолговатые глазные отверстия бледно светились. На лбах големов сверкали таблички с двуглавым царским орлом. Боевые машины выглядели мрачно и грозно, к тому же, в своих лапах они держали крупнокалиберные пищали, стволы которых расширялись словно лейка.

Джинн бегом помчался вниз, вскочил в спальню Данила и стал резко тормозить хозяина. Инженер отталкивал руку, сердито бормоча. На ночном столике стоял подсвечник с совершенно выгоревшей свечой, там же валялась пустая бутылка, а на полу лежала раскрытая книга о демонах. Похоже, Довнар читал перед сном, и при этом заглотал цельную поллитру. Так что ничего необычного в том, что он не желал просыпаться, не было.

- Нас пришли арестовывать! – прошипел джинн. – Вставай, мы еще можем смыться.

- Арестовывать? – промычал инженер, с трудом раскрывая глаза. – Меня? И за какие грехи?

- Черт их знает, но выглядят серьезно. И не заметим, как нас заташат в какой-нибудь темный подвал, – нервничал джинн. – А я не собираюсь, чтобы меня хватали. А не то глядишь, еще и экзорцизмы³⁶ наложат...

- Так ведь ты же христианин, – махнул рукой Данил. – Ты принял священные таинства. Над тобой экзорцизмы читать не могут.

- Ну тогда засадят в лампу! А я себя засаживать не позволю, тем более, что ни в чем не виноват!

Довнар свесил ноги и почесал поочередно шрамы на животе, на шее и на лбу. Он открыл дверцу в груди, влил вовнутрь немного густой жидкости из стоящей под кроватью масленки, затем завел механизм. Все это время джинн переступал с ноги на ногу. А стук в ворота становился все сильнее.

- Полиция! Немедленно открывайте! – орал офицер. – А не то войдем силой!

- Спокойно. Это наверняка ошибка, сейчас мы все выясним.

Инженер встал и схватил висящие на спинке стула брюки.

Снаружи сделалось тихо. Данил поднял брови, вопросительно глядя на лакея.

- Ушли?

В ворота что-то сильно грохнуло, затрещала разбиваемая древесина. Вырванные из петель ворота грохнули о мостовую. По двору застучали военные сапожищи. Представив боевого голема, разбивающего ворота одним ударом, Данил почувствовал холодное прикосновение страха. То есть, это не было посещение участкового по причине неубранного перед домом тротуара, а нечто гораздо более серьезное.

- Бегите, хозяин, – героически заявил Алоизий. – Я их задержу.

- И как я могу от них сбежать? Сквозь стенку пройду? Сделаюсь невидимым? – Довнар спешно натянул мятую сорочку и жилет. – Это ты беги. Пригодишься на свободе, попытаешься вытянуть меня, если будут неприятности. Знаешь, куда я спрятал остаток денег?

- В пасти у Весека? – Алоизий впервые, сколько времени Данил его помнил, выглядел напуганным. Губы его слегка дрожали, и это, собственно говоря, был единственный видимый эффект, ибо благородное лицо африканского божества не было создано для проявления страха или каких-либо иных банальных и недостойных эмоций. – Но я не имею права оставить хозяина в беде. Может, попробуем их всех убить, а потом смоемся из Варшавы?

- Ты чего, головкой стукнулся? Убирайся отсюда, пока не случился скандал!

Данил набросил на плечи сюртук и, застегивая рубашку, вышел из спальни в коридор. Точнехонько в тот же самый момент входная дверь дома распахнулась, и в прихожую вскочило несколько гвардейцев, целясь в инженера из винтовок с примкнутыми штыками. Оставшийся же в спальне Алоизий встал, расставив ноги и сплетя руки на груди. Он закрыл глаза и пропел фразу на древнешумерском языке. Ноги его в тот же миг окутал кружащий клуб дыма. Он быстро продвигался вверх, охватил колени, затем бедра. Импозантная фигура джинна, словно разрубленная в поясе, поднималась в воздух. Все большая ее часть превращалась в дым.

Гвардейцы подскочили к Данилу, один из них пихнул его прикладом. Металлическая грудь инженера глухо загудела от удара. Пинками Довнара заставили встать под стеной, в шею нацелились целых три штыка. Хмурые лица солдат не вещали ничего доброго, у каждого из них палец на спусковом крючке так и свербел. Не говоря ни слова, Данил поднял руки над головой, дискутировать смысла не имело.

Пара москалей ворвалась в спальню, где увидели исчезавший в клубах дыма силуэт джинна.

- Убежит же, собака! Огонь!

Загрохотали выстрелы. Пули пролетели сквозь дым, не встречая какого-либо сопротивления; одна ударила в стенку, вторая отколола шмат дерева от столешницы старинной, изготовленной еще в эпоху ампира, готовальни и, рикошетом, пробила стоявшую на ней жестяную миску. Эфирный Алоизий обдул солдат, словно утренний ветерок, пролетел через коридор и выплыл наружу. Темная, клубящаяся туча была замечена командующим отрядом офицером. Он указал на нее, страшно при том матерясь. Один из големов тут же нацелил в джинна свою пицаль и нажал на курок. Из

³⁶ Религиозная практика изгнания злых духов из одержимых ими людей посредством молитв, заклинания именем Бога.

громадного ствола вылетел огненный фонтан. Шрапнель в виде свинцовой дроби помчалась со свистом, пролетела сквозь тучу и вонзилась в стенку флигеля, откалывая от нее солидный кусок штукатурки.

- Да не обычной же, башка ты жестяная! – офицер заехал кулаком по черепушке голема. – Эзотерическим боеприпасом пали!

Очередной голем сорвал с плеча двухстволку без приклада и выстрелил от бедра, не целясь, сразу из двух стволов. В джинна полетели железные обломки, целый сундук которых выдерживали в московской церкви, завернув в саван святого Александра Невского. Боеприпас пропитался мощью реликвии и убийственно действовал на всяческие сверхъестественные существа. Шрапнель с шипением пролетела сквозь эфирного Алоизия и, хотя и чуточку зацепила, но не вызвала даже его материализации, не говоря уже про уничтожение.

- Не действует, этот сукин сын, похоже, принял крещение, - злился офицер. – Сеткой его! И побыстрее, а не то улетит!

Алоизий взлетел на высоту крыши и в любую минуту мог от них смыться. Тогда один из гвардейцев поднес к щеке винтовку, на стволе которой находился овальный гранатомет. Солдат выстрелил, вызвав разрыв выталкивающего заряда. В сторону джинна с шумом полетела раскладывающаяся сетка. Ее сплели из гибкой проволоки, напитанной в берлинских философских кузницах детерминистским материализмом, затем к сетке прицепили дарвинистические грузики, выполненных в Императорском институте палеонтологии из окаменелостей. То есть, оружие имела необыкновенно жесткие корни в реализме и традиционной физике. Вероисповедание и степень адскости демона в этом случае не имели значения; любое сверхъестественное существо, попавшее в подобную сетку, тут же теряла все свои силы. Страшная сеть раскрылась в мгновение ока. Алоизий завертелся винтом, чтобы ускользнуть от нее, и поднялся высоко вверх, чтобы через секунду исчезнуть за крышами окружающих домов. Сетка же ударилась в дымовую трубу и плотно ее окутала.

Офицер погрозил кулаком, со злости вмазал пинка ближайшему голему, затем приказал привести Данила. Он неприязненно осмотрел пленного и приказал садить его в повозку.

- А теперь обыск, - объявил он. – Вывернуть дом наизнанку. Все барахло скинуть во двор, одежду и перины распороть, ковры и gobелены резать и рвать. Книги тоже рвать. Спиртное разрешаю употребить вовнутрь. Только в комнатах не ссать и не рыгать! Дом обыскать профессионально, вы же не солдатня из казацкой сотни, а, что ни говори, лейб-гвардия! Искать все, что только покажется подозрительным! Ну что, за работу, сукины дети!

Варшава, 13 (25) ноября 1871 г., 8:00 утра

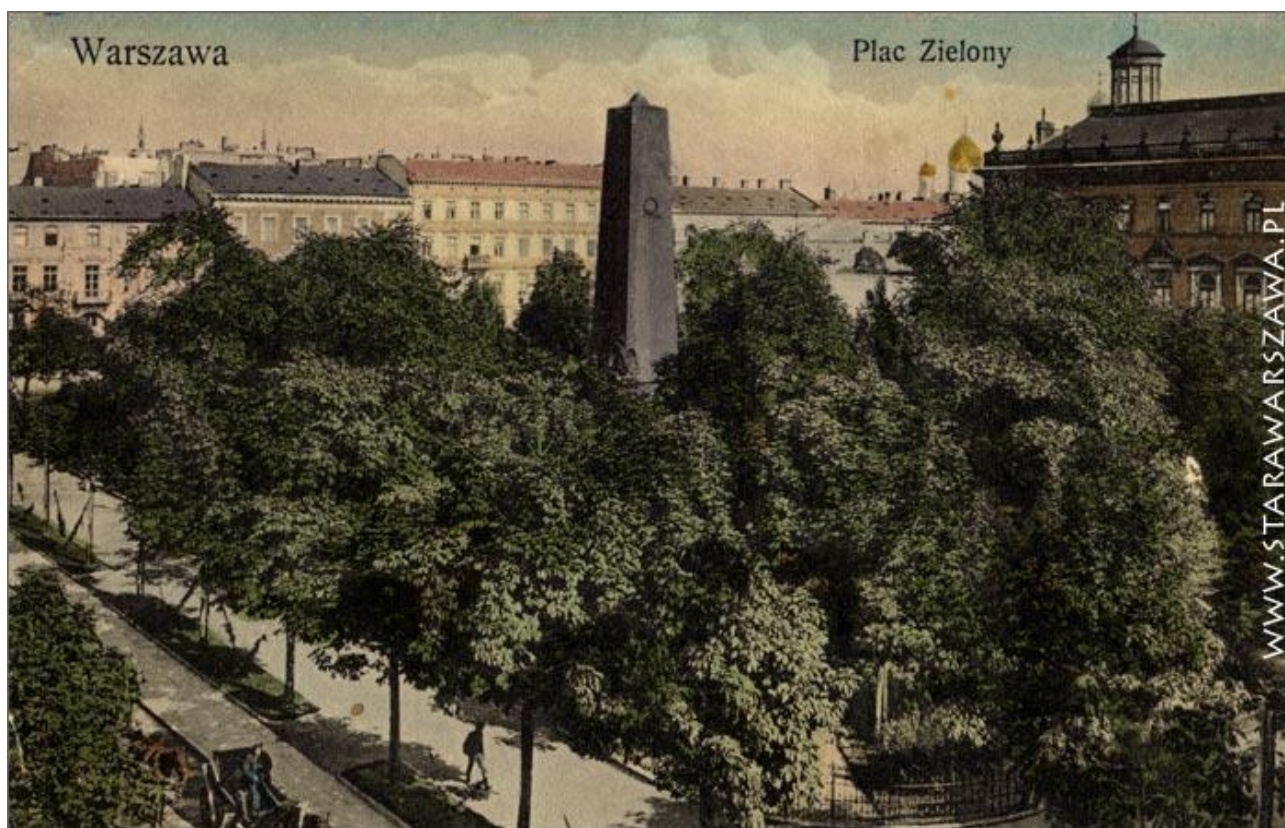
Алоизий позволил, чтобы порывистый ветер нес его, но при том изо всех сил сражался, чтобы ледовые порывы не разорвали его на клочья. Во-первых, демоны пустыни не были приготовлены к сражениям с ноябрьским польским ветром, во-вторых, давно уже он не практиковался в подобном способе передвижения. С тех пор, как джинн перешел в католичество, он старался не пользоваться собственным могуществом, в особенности же, теми его аспектами, которые могли быть расценены как слишком демонические. Так что Алоизий потел и выл от боли, когда его разрывали на кусочки холодные и мокрые порывы, когда его било о стены домов или прометали по угловатой черепице. В конце концов, он собрал все силы, завертелся вокруг дымовой трубы какой-то фабрики, стек по ней на землю и помчался по булыжникам мостовой словно выпущенный выхлопной трубой некоей машины клуб дыма.

Материализовался он на углу Маршалковской и Саского Парка. Дым уплотнился в Алоизия в кустах, неподалеку от входа в сад. Как будто бы ничего не случилось, лакей вышел из зарослей, но, преодолев несколько метров, ужасно раскашлялся. С ужасом глянул он на ладонь, на которой лежало несколько дробинок. Правда, поскольку он принял христианство, боезапас, напитанный силой реликвии Александра Невского, не мог ему повредить, но вообще-то ведь он сделался католиком, а святой принадлежал к православному обряду. Так что, когда его подстрелили, было по-настоящему больно, ну и какое-то время ему будет икаться дробью.

Оголенные от листьев парковые деревья не давали никакой заслоны от взглядов гуляющих. Несмотря на раннее время и паршивую погоду, по аллеям шастало несколько человек, а на нашем Алоизии были только ливрейные штаны и сорочка. В соединении с громадным ростом и цветом кожи, это делало его личностью исключительно подозрительной, притягивающей к себе взгляды.

Джинн прокрался мимо будки охранника и двумя скачками пересек Крулевску. Вдалеке, на траверзе Саского Дворца маршировал военный патруль; счастье еще, что в округе не было полиции.

Алоизий двигался быстрым, решительным шагом, подняв голову, как будто бы чего-то высматривал и имел четко определенную цель. Он пытался вызвать впечатление, как будто бы куда-то спешит, по весьма срочному делу, а вовсе не убегает от гвардейцев.

Варшава. Зеленая площадь (в настоящее время – площадь Домбровского) – общий вид в направлении ул. Кредитовой. Похоже, что рынок на момент съемки уже ликвидировали. Открытка начала XX века.

www.starawarszawa.pl

Он немного прошелся по Маршалковской и свернул на Ереванскую. Практически сразу же он очутился на прекрасно известной ему Зеленой площади, куда часто приходил за покупками. Так как было еще утро, площадь буквально кипела покупателями и торговцами. Вокруг квадрата, плотно заполненного лотками и несколькими крупными торговыми павильонами, стояли телеги и повозки, с которых выгружали, или же на которые погружали товар. Толпа перетекала между возами, словно вода, обтекающая валуны в реке, и точно так же как быстрый поток люди захватили с собой джинна. Алоизий позволил это без какого-либо сопротивления; он знал, что даже он, со своим нетипичным цветом кожи и выше обычного ростом, полностью скроется в путанице красок и хороводе форм. Рядом проходили чиновники и канцеляристы в опрятных сюртуках, служанки и горничные, посланные своими хозяйками за покупками, карманники и пьяницы, носильщики и торгошники всякой дешевой, юные подмастерья и поседевшие ремесленные мастера, бородатые евреи и русские солдаты. Здесь же крутились всяческие типы сверхъестественного и биомеханического происхождения: худощавые канцелярские автоматы на ногах-ходулях, приземистые паровые конструкторы, массивные големы, трупы с небрежно сшитыми разрезами на лицах; стреляющие электрическим током мехаборги и, наконец, карликовые магнитные бесенята. В общем шуме то и дело прорывались смех, пронзительные выкрики и призывы ларечниц, ну и – естественно – ругань на русском, польском и идиш.

Алоизий с удовольствием втянул в нос воздух торгового места. Сам он обожал всякие рынки, базары и торги, чувствуя себя там словно рыба в воде. Каждое из таких мест пахло чуточку иначе. Это место, на Зеленой площади, отдавало кровью домашней птицы, стекающей по канавам из лавок мясников, рыбными внутренностями и гнилыми овощами, валяющимися повсюду и раздавливаемыми каблуками торгующих. Эх, совсем не то, что запахи на Большом Базаре Константинополя. Вот там базар пах всем светом! Правда, он не занимал небольшой городской площади и не служил только лишь для оборота пищевыми продуктами – Karalî Çarşı был размерами с приличный город и представлял собой отдельный квартал в крупнейшей метрополии мира. Алоизию очень не хватало его.

- Мое почтение дорогой пани, - поклонился он знакомой, громадной словно бочка торговке.

- Восхвалим³⁷, пан Ожешко, - ответила та, и на ее набрякшем, багровом лице расцвела широкая улыбка. – У меня для вас свежайшие овощи, прямоком с мазовецких полей.

- Спасибо, но сегодня я не покупаю.

- Да чтоб меня громом спалило, если вру! Понюхай, пан, эту капусточку, пощупайте листочки. Ну, пощупайте, пощупайте! Тверденькие, кочанчик – ну словно камешек. Никакого тебе червяка! А морковочка, пан пускай только глянет – первый сорт! – и она подsunула негру под нос пучок измазанной землей морковки, с явными следами пребывания в ней

³⁷ Принятое среди польских католиков сокращенное приветствие Niech będzie pochwalony (Восславим Господа!). В тексте: Pochwalony. – Прим.перевод.

червяков.

- И почему морковка? – инстинктивно спросил Алоизий. Он не мог удержаться, чтобы хоть немножко, для порядка, поторговаться.

- По двадцать грошей. Только с поля, как Бог свят: ядреная, здоровенькая.

- Пани Кохнёва, вот слушает Христос ваши враки и во-от такими слезами плачет, – покачал демон головой. – Прямо с поля, в ноябре? Я что вам, вчера на свет появился, что вы меня сказками тут кормите?

- Ой, ой, смотрите на него, агроном нашелся, указывать мне будет, когда морковку дергать следует, сарацин проклятый! – Лицо торговли сделалось просто свекольным. – Ладно, за десять, пушай я потеряю.

- Я бы и взял, пани дорогая, от вас всегда возьму. Но сегодня не могу, – ответил Алоизий. – Фараоны³⁸ гонятся.

- Нет, меньше уже не уступлю, а то все узнают, что у меня доброе сердце, – произнесла торговка чуть ли не шепотом. – Ну не будем же мы за какие-то копейки ссориться. И что вы еще хотите? На супчик или там на бульончик?

- Да честное слово, фараоны меня отслеживают.

Лавочница измерила его взглядом, подозрительно щуря при том глаза. Наконец-то до нее дошло, что негр не торгуется, а говорит правду.

- Так и идите себе к чертовой матери! – забасила она. – Не хватало мне только с полицией неприятностей! Пошел отсюда!

Алоизий улыбнулся ей и даже отвесил поклон на прощание. Он совершенно не был оскорблен, лавочницы были самыми жестокими и беспощадными обитательницами Варшавы, так что рассчитывать на жалость с их стороны не имело ни малейшего смысла. И он позволил толпе вновь захватить себя. Он метался от одного прилавка к другому, кивал головой знакомым "стоякам", торгующим товаром с рук: чаще всего, ворованным, поддельным или испорченным, о чем знал каждый ребенок. Тем не менее, всегда находился какой-нибудь жадный провинциал, способный соблазниться "случаем".

Наконец джинн добрался в район, занятый еврейскими торговцами рыбой и домашней птицей. Часть лотков была наглухо закрыта, потому что была суббота, то есть, иудейский седьмой недели – шабат. Наиболее набожные евреи праздновали его, отдыхая от работы и отказываясь от заработка. Не столь религиозные, как и каждый божий день, сражались на рыночном турнире, заядло торговались и рвали пейсы, когда кто-нибудь заставлял их снизить цену. Алоизий в своем дрейфе добрался до своего любимого еврея, у которого, как правило, запасался рыбой. Худой словно тычка, с редкой, растрепанной бородой и в грязном лапсердаке мужчина, увидав постоянного клиента, разулыбался и выскочил из своей раскачивающейся будки. Двумя руками он пожал руку негра. Как обычно, от него несло рыбой, ладони были скользкими и холодными, как будто бы он и сам начал покрываться чешуей.

- Шалом алейхем! – дружелюбно улыбнулся еврею джинн. – И как идет гешефт?

- Паршиво, дорогой мой пан Алоизий, все счастье, что небеса вот хоть вас послали, – торгош воздел руки горе. – Таки у меня имеется свеженький окунь, прамиком из Вислы. Пускай пан подойдет и сам осмотрит, какая упитанная рыба!

- Пан Хундсфельд, у меня неприятности...

- Еще можно найти голавля и пескариков, но для милостивого сударя разве шо этот вот превосходный окунь будет, может, и простецкой, зато ж самой подходящей рыбкой. Сплошной цимес! – Еврей сорвал висающий на стойке лавчонки крюк с пучком ненамного длиннее ладони рыбешек. – Так такого окуня у мене целый ящик, по рублю за фунт.

- Мне помощь нужна, нужно человека припрятать.

- То есть, я хотел сказать, по пятьдесят копеек. Или пан желает жирного карпа, только ж такая рыба только для жидов³⁹, для пана паршивая. – Хундсфельд с отвращением скривился. – И шо вы говорите? Какого человека?

- Меня, – откровенно ответил Алоизий. – Дело политическое и, не могу скрыть, от нее сильно воняет. Я должен исчезнуть, но из города не выезжать.

Еврей недовольно прищелкнул языком и бросил связку рыб на столешницу своей будки.

- И шо я со всего этого буду иметь?

- Мою вечную благодарность, и тогда можешь считать меня своим приятелем, пан Мориц.

- А оно мне будет выгодным? Дружбой с паном я детей не накормлю, – с жалостью в голосе простонал Хундсфельд. – Жить же с чего-то надо, как-нибудь связывать концы с концами... Так пан говорит, шо дело политическое?... Тут Цитаделью пахнет. Ежели я в подвал попаду, дети с голоду помрут. Ай вэй!

- Как-нибудь рассчитаемся, убытка на мене пан не поимеет.

- Та не хочу я делать состояние на беде другого человека, – открепивался еврей. – Но пускай мене пан пообещает, если дело таки лопнет, щоб кто-то позаботился про моих детей. А я вам помогу задаром, а шо! И пускай никто не говорит, шо жид за копейку удавится. У нас тоже имеется честь, и слова дружбы мы на ветер не бросаем. Пошли, пан, а то мы тут на виду торчим, а кажется мене, шо фараоны сегодня забегали.

И правда, в толпе появились синие мундиры варшавских полицейских. Так что мужчины прошли на тылы лавки, в тесный разрыв между прижавшимися один к другому ларьками. Здесь стояли бочки с засоленной морской рыбой и ящики с рыбьими внутренностями и головами. Вонь стояла ужасная, несмотря на ветреную и прохладную погоду. Алоизия посадили на бочке, а Мориц вытащил из кармана веревочку и начал обмерять ею негра. При измерении плеч веревочка оказалась даже короткой, торговец изумленно свистнул.

- Вообще-то я хотел устроить пану лапсердак, так таких крупных жидов и не имеется. – Он грустно покачал

³⁸ В оригинале: salcesony (зельцы). – Прим.перевод.

³⁹ В напечатанном раз, но напомнить стоит. В польском (да и в чешском) языке слово żyd – еврей не имеет столь обидной, как в русском или украинском языках коннотации. – Прим.перевод.

головой. – Через полчаса мои кузены приедут по пустые бочки, так что будет возможность вывезти пана с базара.

- Но как? Разве я не буду слишком бросаться в глаза на еврейской телеге?

Не говоря ни слова, Мориц поднял крышку одной из бочек. Алоизий осторожно заглянул вовнутрь. А внутри было мокро и скользко, но прежде всего – темно. Воняло селедкой, пускай даже и не слишком сильно, но не это было самым паршивым, дело в том, что джинны болезненно не выносят замкнутых и тесных пространств.

- Ой нет, уж лучше сидеть в лампе, - скорчил рожу Алоизий.

Но тут в базарный гомон врезалась пронзительная трель полицейского свистка. Раздались крики, кто-то убегал от полицейских, а может это полиция устраивала на кого-то облаву. Конечно, джинн вновь мог превратиться в дым, только имелась серьезная опасность того, что на порывистом ветру он попросту развеется.

- Ладно, может как-то и выдержу, - простонал он и вскочил в бочку.

Хундсфельд наложил крышку и подбил ее кулаком.

Варшава, 13 (25) ноября 1871 г., 8:30 утра

В повозке имелось одно размещенное в железной двери небольшое окошко, и, хотя через него, при всем желании невозможно было протиснуть даже руку, на него дополнительно навесили решетку. Данил выглядывал из окошка с нарастающим ужасом. У него было странное, беспокоящее предчувствие, что это в последний раз глядит он на небо, что в последний раз дышит свежим воздухом. Страх нарастал по мере того, как повозка прокатилась по Новому Швяту. То есть, его не везли ни в следственный арест на Павей, ни в тюрьму в ратуше. Выходит, целью была Цитадель.

Мурашки пробежали по спине инженера. Мрачная твердыня вздымалась на север от города, притаившись над берегом Вислы, и целясь в Варшаву стволами полутысячи пушек. Цитадель была крупнейшим в Царстве Польском военным гарнизоном, и, одновременно, исполняла роль пугала для непокорных поляков. На ее стенах часто вырастали виселицы, а в земле, на окружающей ее эспланаде⁴⁰ находились тысячи безымянных могил с телами забитых, умерших под пытками и казненных людей.

Колеса повозки застучали на брусчатке улицы Фрета, а через мгновение – Закрочимского шоссе. Каменные дома Старого Мяста остались позади, Данил глядел на них со слезами на глазах. Хотя он и считал себя невиновным, это вовсе не гарантировало, что он быстро выйдет из Цитадели, более того – что он вообще когда-либо оттуда выйдет. За ее стенами бесследно исчезали бесчисленные толпы невинных людей. Впервые за много лет инженер благоговейно перекрестился, он даже был готов прочитать молитву, только вот ее слов он совершенно не помнил.

Скрежет открываемых Александрийских Ворот прозвучал, словно удар бичом. Повозка вкатилась во внутренний двор крепости. Данил изнутри увидел массивные ворота и крутящихся рядом с ними охранников. Затем они переехали через Гвардейский плац, со стоящим по его центру массивным обелиском, построенным за деньги поляков в честь царя Николая в счет извинений за ноябрьское восстание. Проехали они мимо громадного здания казарм, затем заехали между кузниц и конюшен. Открылись очередные ворота, и повозка остановилась на внутреннем дворе Десятого Павильона – покрытого исключительно нехорошей славой следственного ареста для политических заключенных.

Данил, проявляя достоинство, вышел сам. Его провели в канцелярию в здании военного караула, где за стойкой сидел чиновничий аппарат с царским орлом на жестяном лбу. Он увлеченно черкал ручкой со стальным пером в огромной книге и совершенно не обращал внимания на прибывшего. Два жандарма умело обыскали заключенного, у него отобрали ремень и шнуры. Не успел он оглянуться, как вооруженные охранники уже вели его по коридору с массивными дверями камер. Наконец одна из них была с грохотом и металлическим скрежетом открыта, и Данил очутился внутри.

В камере гадко воняло сырими соломенными матрасами, чем-то горелым и ароматизированным табаком, к тому же тянуло холодом от неплотно зарешеченного окна. Сквозь грязное стекло еле просачивался дневной свет, тем не менее, на полу посреди камеры горела свечка. Сделанная из неочищенного жира, она немилосердно коптила, так что основным ее заданием, похоже, было мучить заключенных смрадом. В помещении находилась пара нар; на одних сидел обитатель и спокойно присматривался к Довнару. Инженер кивнул собрату по несчастью и протянул ему руку.

- Данил Довнар.

- Бурхан Бей, - ответил мужчина, вынув изо рта трубку с длинным чубуком.

Именно она отвечала за запах приличного табака в камере. Пожимая руку турку, инженер внимательно осмотрел того. На вид Бурхан Бей мог казаться его ровесником, конституция тела его была не слишком выдающаяся, зато смуглое, худощавое лицо украшали импозантные черные усища. Одежда на турке была европейской, если только не считать красной фески с кисточкой на голове.

- Вас подозревают в убийстве австрийского посла? – очень мирно начал беседу Данил, пользуясь единственным известным ему иностранным языком, за исключением, понятное дело, русского.

- И в шпионаже в пользу зарубежной державы, - свободно ответил турок по-немецки, подняв предупредительно палец. – При этом так и не было сказано, в пользу которой. Лично я подозреваю, что речь может идти про Бразильскую Империю⁴¹, потому что в течение года я был там торговым аташе.

Данил уселся на свободных нарах и задрожал от холода. В углу камеры имелась встроенная печка, но огня в ней

⁴⁰ Незастроенное пространство между крепостными или городскими стенами и ближайшими городскими строениями.

⁴¹ В результате освободительного движения в 1822 г. Бразилия была провозглашена независимой империей (с 1889 г. – федеративной республикой) – Большой Энциклопедический Словарь

не было. За окном гулял ветер, посвистывая в дырявых фрамугах. Уж лучше бы был темный подвал – пускай темновато, зато не так дует.

- Вас допрашивали? – спросил Данил задумавшегося турка.

- Вчера и сегодня, - тяжело вздохнул тот. – Бить они меня не имеют права, поскольку в Варшаве я тоже являюсь торговым атташе, то есть, дипломатом. Пусть низким по рангу, но дипломатом, к тому же – дворянином. Так что меня, похоже, держат на всякий случай, и при okazji пытаются взять холодом, - указал он на окно. – Если бы у меня хоть что-то было на совести, я наверняка бы уже признался.

- А здесь хоть кормят? Еда нормальная?

Турок в ответ только хмыкнул.

- Что, и нельзя рассчитывать на стаканчик чего-нибудь покрепче? – продолжал свое Довнар.

- Вообще-то я и не спрашивал, но на вашем месте особых надежд бы не полагал.

Долгое время они сидели молча, глядя то в окно, то один на другого. Тишина, к удивлению Данила, неудобной не была, в компании Бурхан Бей молчалось очень даже приятно. Турок пыхал трубкой, забывая ее дымом неприятные запахи. В конце концов, он не выдержал и спросил:

- Прошу меня простить за несколько настырный и интимный вопрос, но не являетесь ли вы личностью, сшитой из тел нескольких покойников? Так называемым трупходом?

- Годакое название, - скривился Данил. – Точно так же, как и трупа; лично я предпочитаю называть такого рода личностей более научно. Существами имени доктора Франкенштейна. И нет, я не один из них.

- Прошу прощения, у нас, в Османской Империи, их существование запрещено. Мы считаем, что их неестественная жизнь оскорбляет божественные законы.

- А вот рабство божественным законам как-то не противоречит, так? – буркнул Довнар, намекая на все еще царящие в Турции архаичные обычаи.

Бурхан Бей совсем даже не обиделся; он широко усмехнулся.

- В Бразильской Империи я как раз и занимался оборотом живым товаром, - откровенно признался он. – Я делаю все необходимое, ради добра Отчизны, таким образом, чтобы принести ей максимальную выгоду. В России, к примеру, ради этого продают апельсины и музыкальные инструменты.

- Инструменты? И какие же, если можно узнать? – оживился Данил. В каком-то проблеске ума, он ассоциировал инструменты с базовыми стигматами разыскиваемого убийцы: мрак, тишина и музыка. В один миг турок показался ему подозрительным.

- В основном, это традиционные струнные инструменты, багламы, ребабы и кануны, но и полные комплекты янычарских оркестров⁴², включая сюда же горны, литавры и тарабаны. А вы интересуетесь их закупками?

- Закупками? Кто-то же покупает их у вас? Все эти турецкие цитры и гитары? Сколько всего этого вы уже продали в Варшаве?

- Коммерческая тайна, - ответил на это Бурхан Бей. – Могу лишь сообщить, что мандолины расходятся в Варшаве словно свежие булочки.

Данил лишь покачал головой.

- Быть может, я еще бы и поверил, что хорошо продаются турецкие булочки, как их там...

- Питы.

- ...фаршированные жареным мясом, как же его...

- Кебаб. Вот только, уважаемый мой, - тут торговый атташе Османской Империи махнул рукой, - турецкую еду в Варшаве никто и никогда не купит! Бизнес совершенно проигрышный⁴³. Зато мандолины, я вам говорю!... Поляки – очень музыкальный народ, а русские – так еще больше.

- Это вовсе не шпион, а идиот, - резюмировал про себя инженер. – С убийством ничего общего, хотя...

- А вы не продали подобного рода инструменты Варшавской Оперы? То есть, я хотел сказать, оркестру, что играет в Большом Театре, - задал он хитроумный вопрос.

- Это секрет! – поднял руки турок, защищаясь. – Не скажу, сколько и кому продал, просто не могу, уважаемый.

Данил кивнул. Нужно будет каким-то образом передать Генриетте, чтобы она проверила, не было ли у оркестрантов, которые играли в тот несчастный вечер, новых инструментов. Следовало бы еще перетряхнуть все музыкальные лавки и склады в городе. Товар, распространяемый этим турком, может быть смертельным оружием. Чем-то вроде бомбы с часовым механизмом запала.

И он дружески усмехнулся своему товарищу по несчастью.

- Так вы у нас любитель музыки, или же бизнес с инструментами – это часть вашей работы, навязанной сверху?

- По-разному бывает, - Бурхан Бей пожал плечами. Его маленькие черные глазки блестели бдительностью. - Приезжаю в новое место, знакомлюсь с территорией, обычаями и потребностями, после чего пытаюсь установить такие деловые отношения, которые принесут бы моей стране выгоду. В Бразилии я торговал рабами, в Африке – пряностями и опять же рабами, из Китая привозил в Европу опиум⁴⁴ и рабов, во вторую же сторону возил ковры и меха. В России пытаюсь

⁴² Вплоть до 90-х годов XIX века янычарскими назывались привычные нам духовые оркестры. – Прим.перевод.

⁴³ Н-да, поглядел бы Бурхан Бей на улицы современных европейских городов. Как не кебаб, так шаверма (она же шаурма)... – Прим.перевод.

⁴⁴ А вот в нашей реальности Европа ввозила в Китай из Индии громадные количества опиума, вывозя взамен серебро, фарфор, чай и шелк. – Прим.перевод.

торговать южными фруктами, верблюжьей шерстью и инструментами. У меня имеется коммерческое чутье, знаю, чего можно продать. Так что никто из моих начальников в Константинополе мне ничего не навязывает, господин офицер.

- Офицер? Да я даже и не солдат, - буркнул Данил.

- Ой, только не надо шутить. Ведь это же продолжение допроса, так? – усмехнулся турок. – Очень хитро, господин капитан! Переодеться в заключенного, а вдобавок загримироваться под трупохода. Вроде бы и товарищ по камере, обиженный и озябший, так что намного легче будет сдружиться и потянуть за язык. Поздравляю вас, майор эффенди, прошу прощения, полковник эффенди!

Довнар глянул на турка исподлобья и помрачнел. Он и не знал, чего о том думать. Быть может, он и вправду был купцом-неудачником, а никакой не террорист! Ну, и как тут разберешься...

Следственный агент *Пятьдесят Второй*, сидящий на нарах в соседствующей камере, отвел от стены медную врачебную трубку, соединенную проводом с его ухом, и потянулся к телеграфному аппарату. Длинные железные пальцы механического жандарма, с помощью гальванизации покрытые блестящим никелем, захватили передающий ключ и начали молниеносно выстукивать стенограмму подслушанного разговора. Пятьдесят Второй прекрасно знал двенадцать языков, слух был только-только после техосмотра, так что агент не пропустил ни словечка.

Через период времени, более краткий, чем один удар сердца, на письменном столе в Королевском Замке приемное телеграфное устройство начало распечатывать запись разговора на перфорированной ленте. Ленту взял в руку полковник Александр Иванович Кусов и начал читать, свободной рукой поглаживая усы. После того он аккуратно оборвал ленту и вклеил ее в книгу допросов и подслушиваний бесед подозреваемых. В конце концов, он закрыл книгу, на обложке которой кто-то каллиграфическими буквами вывел: *"Материалы дела "Апозиопезис", книга первая, диалоги"*.

Варшава, 13 (25) ноября 1871 г., полдень

По лбу Генриетты стекал пот, на нем появились набухшие жилы, все лицо сделалось кроваво-красного цвета. Девушка, глухо рыча, скалила зубы, но делала очередные отжимания.

- Триста восемь, триста десять... триста... Черт! Просчиталась.

Девушка упала на пол и какое-то время лежала, тяжело дыша. Спортивные, доходящие до колен панталоны несколько мешали растяжке и обтягивали попку, но тут не было ничего удивительного: последний раз она надевала их несколько месяцев назад, а за этот период гражданской жизни немного поправилась; то тут - то там округлилась. Теперь нужно было сальце вновь превратить в твердые, словно камень, мышцы.

Генриетта схватилась на ноги, проведя короткое сражение со слабостью, и несколько раз обежала комнату по кругу, размахивая руками, словно крыльями мельницы. Кроме панталон на ней была только легкая сорочка, которая сейчас пропиталась потом и лепилась к телу. Теперь девица остановилась перед повешенным посреди помещения наполненным песком кожаным мешком и начала наносить ему бешеные удары, уклоняясь одновременно от ударов партнера-тени.

Правой, левой, удар ногой. Раз два, удар ногой! – повторяла она про себя, бомбардируя мешок градом ударов. Вот тебе, урод, на... получи...!

Так она какое-то время скакала вокруг мешка, будто на пружинах, пока, наконец, не оперлась о стену и сползла по ней на пол, где и сидела, вытирая заливающий глаза пот. У нее болел бок, на котором расцвел фиолетовый кровоподтек, напоминало о себе плечо с не столь импозантным синяком, но это были всего лишь единственные телесные повреждения, оставшиеся после стычки с уличными бандитами. И ничего особенного, она не должна обращать на них внимания, это недостойно чести прусской юнкер-девицы.

- Панна Геня, у вас все хорошо? - постучала в двери хозяйка.

- Все в самом замечательном порядке, Яся, - с трудом выдохнула девушка.

- Я тут боялась, что вы с кем-то деретесь, такой шум...

- Это только упражнения.

- Чайку, может? И кусочек пирога с вареньем?

Генриетта уже собралась было с жаром согласиться, как прикусила язык.

- Нет, - жалобно вздохнула она. – Кружку огуречного рассола и миску с холодной водой, чтобы помыться.

Хозяйка ушла, бурча себе что-то под носом: что-то про умственные болезни и про то, что мужика нет... При этих последних словах перед глазами Генриетты встал красавчик – полковник Кусов. Элегантный, необыкновенно очаровательный, он должен был быть родом из богатой семьи и получить качественное образование. Безупречные манеры, прекрасное владение немецким и французским языками, поведение и манеры, а ко всему этому – очень мужская решительность и с трудом скрываемая брутальность. Вау! Истинная конфетка! Урожденный предводитель, нуждающийся в сильной женщине рядом с собой. Наверняка его ожидает блестящее будущее на службе Империи, а со временем – наверняка и губернаторство в какой-то провинции, и в конце концов – пост в Государственном Совете или должность при царском дворе. Женщина, которую он выберет, обязана быть сильной личностью и необычной красавицей, чтобы удержать кого-то такого и навечно сохранить его любовь.

Генриетта со стоном поднялась и перешла в соседнюю комнатку, исполняющую одновременно функцию спальни и будуара. Кроме кровати, двух сундуков и большого трехдверного шкафа, здесь помещался элегантный туалетный столик,

украшенный массой оборочек и безделушек, из которых лишь один элемент никак не соответствовал всему остальному – повешенный на керамической фигурке танцующей балерины орден: Железный Крест. Центральным элементом столика было большое овальное зеркало. Девушка оперла руки на бедра и критично пригляделась к своему отражению.

Стройная шея свидетельствовала о благородном происхождении, а выдвинутый подбородок выдавал сильный характер. Прибавьте к этому темные, блестящие глаза, манящие и кипящие энергией. Несколько узковатые губы, холодные и суровые, зато крепкие груди с небольшими, темными сосками; груди девичьи и полные, даже излишне полные, ну прямо-таки плебейские, ну да ладно! И, наконец, идеально круглые бедра и крепкие ноги с сильными играми. Смесь родовой дамы и сильной будто лошадь крестьянки.

Кусов не тот мужчина, которому могут нравиться подобные женщины. Он мил и вежлив, но это все результат хорошего воспитания. Сегодня вечером он пригласил ее на концерт, но это из обязанности, а не для того, чтобы сделать ей приятное. Наверняка он предпочитает тошнотворных, хотя и красивых славянских аристократок, которые в жизни не познали усилий, кожа у них бледная, словно алебастр, губы благородно маленькие, как у Венеры Милосской, и притом они еще и голодают, чтобы иметь осиную талию, как у императрицы Сиси⁴⁵.

Имеется кое-что еще. Генриетта коснулась винта на лбу, провела пальцами по сильно покрасневшей щеке, по шраму возле ключицы – оставшегося от французской шрапнели и по второму, на животе – от укола австрийским штыком. Нет смысла чего-либо скрывать: не дама я, но солдат.

Девушка тяжело, с болью вздохнула. Это какое уже по счету любовное разочарование? Когда уже закончатся все эти нереальные мечтания? Надо выбить себе из головы полковника Кусова, как уже раньше сделала с инженером Довнаром. От беспокойства Генриетта даже вздрогнула: она совершенно забыла о нем, со вчерашнего дня не посвятила ему ни единой мысли. И замечательно! Необходимо покончить с этой слабостью, упрекнула она сама себя.

Пора выбирать наряд к сегодняшнему концерту, приготовить к нему прическу и набор инструментов. На сей раз она отправляется туда по службе, чтобы устроить ловушку на возможного террориста. Кусов считал, что тот вновь может ударить. Не известно только: по кому, поскольку никакой австриец о своем присутствии не извещал.

Фролайн фон Кирххайм открыла одно из отделений шкафа и какое-то время копалась в висящих внутри корсетах, с вешалки сняла черный, из толстого материала, к тому же армированный стальными прутьями. Весил он пуда два. К нему она не наденет элегантный кринолин, а простое платье, зато снабженное хорошенько спрятанными карманами и кобурами. Генриетта присела у одного из сундуков и подняла крышку. Изнутри она вынула пояс с боеприпасами и два небольших короткоствольных револьвера, а к ним еще и кинжал с искривленным лезвием.

Из небольшого футляра Генриетта высыпала стеклянные бутылочки и свернутый стальной тросик с нанизанными через каждые несколько сантиметров колючками. Не забыть их только обработать ядом. В дополнение на столешнице очутились четыре гранаты с короткими запальными шнурами и коробка саперских спичек для их поджиги. В самом конце девушка взяла плоский ключ, с которым, собственно, и так никогда не расставалась, и прибавила к тщательно и любовно уложенному арсеналу. Самый подходящий наборчик для свидания с красавцем-джентльменом. Генриетта закусил губу, с недовольным видом покачивая головой.

Мрачные размышления прервала доходящая из окна знакомая мелодия. Характерно громкие звуки, как будто бы кто-то одновременно играл на губной гармонике и на цимбалах, исходили, естественно, из шарманки, то есть, смеси музыкальной шкатулки с миниатюрным органом. Официально мелодия считалась украинской народной песней⁴⁶, но в Польше под нее пели некую запрещенную песню, которую Генриетта выучила от сыновей хозяйки, и которую она тут же начала громко напевать:

- Марш, марш, вы поляки, храбрецы и забияки, отдохне-ом от трудо-ов в тени дедовских садов...

Геня взяла лежавшее на кровати портмоне, вынула из него десятикопеечную монетку, и уже хотела было открыть окно, как до нее дошло, что почти не одета. Тогда она быстро натянула сорочку и только после того выглянула во двор. Шарманщик стоял посреди площадки, окруженный пятью сыновьями Яси, которые игрались с привязанной к инструменту обезьянкой. Старик с седой бородой и в грязном лапсердаке яростно крутил ручку шарманки и поглядывал вверх, рассчитывая, что какое-нибудь окно, в конце концов, и откроется. Геня улыбнулась и бросила монетку. Лишь только та брякнула о землю, мартышка подскочила к ней и отнесла хозяину. Музыкант кивнул пруссачке и оскалил гнилые зубы в усмешке.

Девушка уселась на подоконнике и слушала мелодию, позволяя прохладному ветру врываться в комнату. Яся считала проветривание исключительно вредным для здоровья и нежелательным для мебели. Как она решительно протестовала, когда Генриетта открывала окно, как чуть ли не панически страшилась варшавского воздуха. Привычный смрад затхлости, пота и готовящейся еды заполнял каждую квартиру, и он был гораздо безопаснее свежего воздуха, но, прежде всего – он был свойским! Но вот наша юнкер-девица обожала открытые пространства и ветер, и при любой возможности она впускала их вовнутрь помещения.

Шарманщик не щадил усилий, чтобы обеспечить развлечение жителям доходного дома. И это принесло свои плоды: из окон полетели гроши и копейки. Генриетта положила голову на руки и закрыла глаза, подставляя лицо ветру. Радостные, возвышенные звуки врывались в ее мысли. Они ассоциировались с германскими военными маршами,

⁴⁵ Сиси – Елизавета Амалия Евгения фон Виттельсбах, герцогиня Баварская (24.12.1837 – 10.09.1898 г.), императрица Австрии и королева Венгрии с 1854 года после брака с императором Францем Иосифом I. Известна как Сиси или Сисси, как с детства называли ее друзья и члены семьи. Оставила после себя массу легенд и славу красивейшей коронованной особы.

⁴⁶ "Їхав козак за Дунай...". В современной Польше песня широко известна и популярна в варианте: "Гей, гей, сокОлы..." (исполняет, к примеру, Марыля Родович). – Прим.перевод.

греющими сердце любого солдата. Пруссак такую музыку обожали, Геня почувствовала себя как дома.

Как вдруг ее охватило странное беспокойство. Ветер совершенно утих, замолк хохот хозяйкиной детворы, умолк доходящий издали городской шум, как будто бы вся Варшава замерла в тишине. Слышно было только лишь шарманку, ее мелодия звучала все громче, она врывалась не только в мысли, но и грубо вонзалась прямо в реальность. Генриетта поглядела вниз. Шарманщик вертел ручкой словно автомат, уставившись куда-то отсутствующим взглядом. Обезьянка припала к земле, поджав лапки и трясясь всем телом. Из шарманки сочилась темнота, протекала сквозь дешевые украшения корпуса и стекала на землю. Пацаны отступали шаг за шагом.

Прибывает, хотела шепнуть Генриетта, вот только слова никак не хотели проходить сквозь горло.

- Он снова тут, - с огромным трудом все же процедила она..

А вокруг музыканта уже клубились полосы тьмы, как бы ожидая случая материализоваться. Шарманка играла все медленнее, звуки мелодии сонно бубнили, грязли в тенях. Через мгновение они замрут в тишине, в апозиопезисе, и вот тогда вновь появится он – Генриетта знала, что так и случится. Вновь случится что-то ужасное, снова кто-то погибнет.

Она стиснула зубы так, что те буквально скрежетнули. И этот звук диссонансом вонзился в гаснущий ритм. И он освободил ее! Девушка отклеилась от подоконника, бросилась к туалетному столику и схватила один из револьверов. Она выстрелила в окно, целясь в небо. Бабахнуло громко! Оглушающий грохот выстрела прокатился по колодцу двора, загремел в водосточных трубах, тряхнул стеклами в окнах. Зато чары рассыпались.

Шарманщик глухо вскрикнул и опал на колени. Обезьянка начала пищать, детвора хором разревелась. Генриетта же упала грудью на подоконник, тяжело дыша, как будто после отобравшего все силы бега.

- Выходит, нужна будет помощь Данила, - с трудом просопела она. – Демон близок, он только и ждет случая, чтобы снова убит.

Варшава, 13 (25) ноября 1871 г., 14:30 пополудни

На обед подали суп с капустой и ячневую кашу, в дополнение ко всему меню – по кусочку черного хлеба. Данил с достоинством принял погнутую жестяную миску и деревянную ложку, спросил даже у охранника какой-нибудь аперитивчик, но ответа не дождался. Тогда он уселся за стол напротив Бурхан Бея, который уже принялся за еду.

- Я не успел попросить машинного масла, - пожаловался инженер турку. – В подобных условиях механизм начнет сбоить, сырость большая...

- Может даже ржаветь начнет, - сокамерник покачал головой. – Конечно же, если он настоящий, господин офицер.

- Да успокойтесь уже вы, никакой я не переодетый жандарм или провокатор, - буркнул Данил и погрузил ложку в миске, - а механизм у меня не заржавеет, потому что сделан из золота. Но только пускай это останется между нами.

Какое-то время ели молча. Потом изумленный Довнар выловил из супа приличный кусок мяса. Да, жилистого и твердого, но мяса. Он с признанием покачал головой. Быть может, блюдо и не было слишком изысканным и обильным, но, благодаря нему, можно было выжить. Если бы не холод, так в этой тюрьме можно было бы даже как-то и выдержать. И наконец-то нужно было подумать, как отсюда выбраться. Алоизий наверняка уже ожидал вызова. Вот только что с того? Ведь вдвоем они никак не перебьют охрану, а даже если и перебьют, то из крепости все равно не выберутся. Слишком много здесь военных.

Только-только успели поесть, как вновь появились охранники. Они забрали миски и ложки, а под конец приказали Данилу собираться. Они не беспокоились даже тем, чтобы снять перевешенные через плечо винтовки. Заключенного провели в другое крыло павильона и впахнули в просторное помещение. Инженера ударило волной приятного тепла, бьющего из фаянсовой печи. Он с трудом сдержался, чтобы не протянуть к ней руки или вообще сразу не прижаться к ней. К сожалению, в комнате он находился не сам.

За длинным столом, покрытым сукном зеленого цвета, сидело трое. Пожилой господин в жандармском мундире и с генеральскими эполетами на плечах; элегантный джентльмен в модном современном пиджаке, с галстуком-бабочкой на шее, и автомат с жестяной яйцеобразной головой. Последний держал в пальцах перо, он был готов записывать все, что скажет заключенный. За их спинами, на стене, висел двухголовый орел из бронзы.

- Кто это у нас тут? – пожилой жандарм нырнул носом в разложенные бумаги. – Подозреваемый номер пятьсот тридцать. Уф, медленно что-то идет. Быть может, хоть из этого чего-нибудь выдадим, раз уж вы решили приехать на его допрос, - обратился он к моднику. – Так пожалуйста, можете его не жалеть. Смело, господин полковник Кусов, розги стоят вон там.

Варшавская цитадель. Один из фортвов. Современное фото

Данил глянул в указанный угол помещения. Там стояло ведро в котором – и правда – мокли розги. Рядом находились опирающиеся на стенку бамбуковые палки. Некоторые, уже переломанные на спинах несчастных, валялись тут же.

- Благодарю покорно, Константин Иванович, - поклонился Кусов, - Надеюсь, что прибегать к услугам насилия не придется. Ведь правда, господин Довнар?

- Я и не представлял, чтобы один джентльмен мог бы колотить палкой другого джентльмена. – Довнар стоял перед столом, не зная, куда деть руки. В конце концов, он сложил их за спиной. – Мы же цивилизованные люди. Пока же что я даже не знаю, за что меня арестовали, в чем меня обвиняют.

- Уже проверяю, - вежливо ответил на это генерал. – Материалы попугали. Тысяча семь, дай мне нужной дело.

Механическим жестом автомат передвинул папку по столешнице, не прерывая каких-то поисков в бумажках. Тем временем, полковник Кусов встал из-за стола и неспешно приблизился к Данилу. Он вставил монокль в глаз и обошел заключенного, словно пес, обнюхивающий подозрительную находку. Полковник был выше инженера ростом и лучше сложен телом. По сравнению с ним Довнар почувствовал себя маленьким и беззащитным. Помимо того, от жандарма исходил практически материальный холод, столь характерный для людей, склонных к жестокости и садизму.

- Не ищите, ваше превосходительство, я могу доложить и сам, - ледяным тоном сообщил Кусов. – Данил Довнар подозревается как соучастник в убийстве и шпионаже в пользу зарубежной державы. Пока что его ни в чем не обвиняют, но это очень быстро может измениться.

- Это какая-то ошибка, я все могу пояснить, - Данилу не удалось скрыть дрожь в голосе. – Я не имел ничего общего со смертью австрийского посла, не сотрудничаю я ни с какими державами. Я скромный исследователь, даю технические и научные консультации, провожу эксперименты...

- Где находится Алоизий Оржешко?! – рявкнул Кусов.

- Не знаю.

- Ну вот, господин Довнар, вы скрываете вражеского агента. Мало того, в течение множества лет вы проживали с ним под одной крышей.

- Но ведь Алоизий никакой не агент...

- Так? А это кто такой? – Модник подскочил к столу, открыл одну из папок и вытащил оттуда какую-то бумагу, после чего подsunул ее Данилу прямо под нос. На листке, покрытом экзотическим шрифтом и, похоже, вырванном из какой-то книги, находилась гравюра, изображавшая Алоизия, одетого в восточный халат и с тюрбаном на голове. Бумага уже пожелтела от старости.

- Не знаю, какой-то негр, - пожал плечами Данил.

- Выходит, не узнаете, так? Это Рафи' Абу Хашим аш-Шихаб, персональный секретарь Севки Эфенди, канцлера Дивана⁴⁷ при дворе султана Османа III. Впоследствии он исполнял функции главы канцелярии его сына, Раги Паши, великого визиря султана Мустафы III. Мне удалось установить, что с 1812 года он пребывает в Польше, поначалу под различными венгерскими именами, но, в конце концов, был зарегистрирован как Алоизий Оржешко.

- Мой лакей был канцеляристом великого визиря, да еще и в восемнадцатом веке? – Данил был неподдельно изумлен. – Да вы что! Я был уверен, что все его воспоминания – это высосанные из пальца фантазии. Да, неизвестно чего ожидать, когда принимаешь на работу слуг. Раз попадется вор, пьяница и бездельник, а в другой – бывший секретарь канцлера Дивана. Что за времена!

- А вот тут вы абсолютно правы, - согласился с заключенным пожилой генерал. – Один мой лакей исчез уже через пару дней, как его взяли на работу, вместе со всем столовым серебром. Схватили его в Радоме, где, как оказалось, он был помощником одного еврейского ростовщика. Так что мы не можем иметь претензий к господину Довнару...

- За исключением того, что господин Довнар не принял Алоизия Оржешко на работу, а получил его вместе с наследством от своего деда, графа Александра Ходкевича.

- Графа? – генерал быстро оторвался от бумаг. – Так мы содержим в столь недостойных условиях аристократа? Это возмущает...

- Я всего лишь графский незаконнорожденный, ваше превосходительство, - скромно признался Довнар. – Моя мамаша, упокой Господь ее душу, служила горничной в варшавской гостинице, в которой случилось остановиться графу Юзефу Ходкевичу, сыну Александра. И как-то так вышло, что именно тогда я и был зачат. Папаша был известен как гуляка и авантюрист, мое воспитание его совершенно не интересовало, он всего лишь сунул маме горсть золотых империялов и исчез. Вскоре после того он пал в поединке за честь некоей дамы. Дедушка узнал о моем существовании спустя несколько лет после того события и отписал мне в наследство небольшой каменный дом в Варшаве и учредил фонд, на средства которого я и получил образование.

- Чертовски интересно, - покачал головой генерал. – Это же какие кренделя жизнь выписывает. Так выходит, вы вовсе и не аристократ, так что мы спокойно можем подвергнуть вас пыткам. Лично я предлагаю вместо бичевания уколы средств, вызывающих боль. Это будет более достойным решением для столь милого и симпатичного джентльмена. Нет, мы способны оказывать уважение человеку с характером.

- Благодарю вас, Ваше превосходительство, - с дрожью в голосе ответил на это Данил. – Это истинная честь, быть допрашиваемым столь замечательным человеком.

- Вы простите, по причине массы работы я не представился, - старый жандарм поднялся из-за стола, побрякивая орденами, и протянул руку Данилу. – Обер-полицмейстер граф Розвадовский.

- Для меня это огромная честь, господин граф, крайне польщен.

- Весьма жаль, что в подобных обстоятельствах, только в жизни оно по-разному бывает, - усмехнулся генерал-оберполицмейстер. – А теперь садитесь и, положив руку на сердце, все расскажите. Вы держите в доме турецкого демона, явно уже много лет шпионящего в пользу Великой Порты. Зачем? В конце концов, именно демон атаковал и убил дипломата, чтобы рассорить империи. Как во всем этом участвуете вы? Только, пожалуйста, со всей откровенностью.

Данил осмотрелся по помещению, отыскивая взглядом стул или табурет, на котором он должен был усесться, но ничего не нашел. Тогда он кашлянул, игнорируя ледяной взгляд полковника Кусова, и, переступая с ноги на ногу, усмехнулся графу Розвадовскому.

- Всем святым клянусь, что ни я, ни мой служащий не имели с этим убийством ничего общего, - акцентируя на этих словах, произнес он, положив руку на механическое сердце. – Алоизий является верным подданным Его Величества Александра Второго. Это правда, что в течение четырех столетий он проживал в Турции и служил турецким чиновником, но он покончил со всем этим почти что семьдесят лет тому назад. Он джинн из породы каринов, духов-охранителей, слепо преданных своему господину. Он был передан моему дедушке потомком рода Раги Паши как дар в награду за спасение жизни. Дедушка Ходкевич излечил Пашу от тяжелого случая почечных камней. Он вставил турку в мужской орган серебряную трубку, которая достала до мочевого пузыря и дальше – до самых почек. Через нее он накачал микстуру, которая и растворила камни, принося турку невысказанное облегчение...

- Вы отступаете от темы, - опасно спокойным голосом перебил его Кусов.

- Да нет же! Как раз объясняю. Джинн был передан моему дедушке и дал ему присягу. С тех пор он абсолютно верен ему и мне, потомку дедушки. Полностью. Он не может одновременно служить туркам, вот такое бы противоречило его натуре. Дуализм подчиненности для джиннов исключен. Итак, я доказал, что Алоизий не является турецким шпионом, следовательно – никакого посла мы не убивали.

Данил шумно втянул воздух, удовлетворенный логической последовательностью. Мина Розвадовского свидетельствовала о том, что все удалось. Обер-полицмейстер с улыбкой покачал головой и закрыл одну из раскрытых книг.

- В связи с этим, я прекращаю дело, вы свободны. А заведите-ка сюда следующего фрукта, - приказал генерал, после чего поднялся из-за стола, чтобы вновь подать Довнару руку. – Очень рад, господин инженер. При случае, маленький такой вопросец, а не нашли бы вы какой-нибудь научный способ победить изжогу? Я страшно мучаюсь.

- Минуточку! – возразил Кусов. – Погодите, погодите. Так ведь этот граф, Александр Ходкевич, который сделался повелителем джинна, был непримиримым врагом России и царизма. Он служил полковником у Косцюшко, а потом и у

⁴⁷ Турецкая Дума.

Наполеона. Все в бумагах имеется, пускай Ваше превосходительство само убедится. – Модник раскрыл собственный портфель и вручил набычившемуся Розвадовскому очередную пачку бумаг. – А вот прапрадед нашего подозреваемого – это сам Ян Кароль Ходкевич, великий литовский гетман, командующий войска вторжения во времена московских войн, известный истребитель русских людей. И вот скажите мне теперь, разве столь уже неправдоподобным может быть союз польских бунтовщиков с турецким демоном? Джинну и не нужно страдать от какого-то дуализма, ибо в поведении его господ нет никаких противоречий. Как и предыдущие, турецкие хозяева, так и нынешние точно так же ненавидят Россию, и точно так же мечтают о нашем поражении. Джинн мог сотрудничать с турецкой разведкой по согласию и разрешению инженера, и очень даже возможно – по его же настоянию и под его присмотром. Я подозреваю, что за убийством посла стоит никто иной, как происходящий из рода польских воинов, коварный ученый Данил Довнар.

Розвадовский тут же убрал протянутую руку и тяжело упал в кресло. Болезненно вздохнув, он раскрыл только что захлопнутую книгу.

- Мало того, это покушение не единственная выходка, - продолжил Кусов. – Я подозреваю, что Довнар является предводителем или одним из предводителей целого заговора. Они планируют и последующие нападения, это точно. Вчера их наемные убийцы напали на сотрудничающую с нами агентессу прусской разведки, Генриетту фон Кирххайм. Девушка слишком много знала про инженера Довнара, так что обязана была погибнуть.

Данил почувствовал, как вся кровь оттекла от лица, он пошатнулся. Механизм в груди застрекотал быстрее, скрежетнула какая-то передача. Одним прыжком инженер очутился возле полковника и схватил того за обшлага пиджака.

- Что с Геней? С ней ничего не случилось?

Офицер отпихнул Данила небрежно, но очень сильно. Тот споткнулся и тяжело сел на пол.

- Держите себя в руках, - предупредил его Розвадовский. – Что у вас общего с этой женщиной? Кто еще замешан в заговор? Фамилии, быстро...

Данил только сидел, не двигаясь, уставившись на Кусова. Тот презрительно глянул на поляка.

- Заговор не удался, и твои бандиты попали в мои руки. Все выдали, - холодным тоном блефовал он. – Так что признавайся-ка по-хорошему, поскольку Его превосходительство знаменито тем, что может вытянуть признания из любого. В этом у него многолетний опыт.

- Ой, только не будем преувеличивать, не такой уж я страшный, - скромненько усмехнулся генерал. – А в его решении господину инженеру может помочь мой ассистент... Тысяча... сколько-то там... все время забываю. Так, 1012-й, а ну-ка продемонстрируй господину инженеру свои приборчики.

Канцелярский автомат поднял свою металлическую башку над книгой, отложил перо и закрыл крышечку на чернильнице. Продолговатое глазное отверстие злобно засветилось красным. Заскрипел металл, блеснули полированные фасонные детали. В одно мгновение 1012-й из медлительного писарчука превратился в блистающую сталью молнию. В мгновение прыжке он перепрыгнул стол, на лету раскладывая узкие лезвия скальпелей, до того скрытые в пальцах правой ладони. С шумом он приземлился перед сидящим Данилом, схватил того за горло и приподнял. Что-то блеснуло перед лицом перепуганного инженера. По щеке разлилась палящая боль, вгрызающаяся в нервы жидким огнем. Данил взвизгнул, пораженный интенсивностью этого "опыта".

- А это всего лишь прикосновение лезвия, хорошенько политого кислотой, - пояснил Розвадовский. – Помимо того, 1012-й располагает комплектом игл и крючков, с которых каплями стекают различные едкие субстанции. И вот от них остаются крайне гадкие шрамы. Правда, вам они и не помешают, поскольку, после того, как я вас допрошу, ваше тело никак к употреблению пригодно не будет. После вынесения приговора вас переделают в мехаборга или горнодобывающий автомат и вышлют в сибирскую шахту. Так что не следует, чтобы вы страдали от унижительной боли, да и у нас время не будете занимать...

Автомат отпустил свою жертву. Данил с трудом сохранил равновесие. Он успокоил механизм в груди, который уже успел перестроиться на ускоренные обороты. А вот интересно, удалось бы разоружить этого чертова 1012-го? Может быть в следующий раз... От злости Довнар стиснул зубы. Он уже не испытывал страха, только ярость. Поляк опустил голову, трясаясь всем телом. Розвадовский улыбался, сделавшись похожим на добродушного старичка. Кусов тоже казался удовлетворенным, дрожь тела инженера он принял за проявление крайнего испуга.

- Хорошо, - медленно произнес Данил. – Признаюсь во всем. Это я приготовил покушение.

Варшава, 13 (25) ноября 1871 г., 16:00 вечера

Склад в подвале был заполнен установленными один на другом длинными ящиками и переложенными деревяшками листами жести. В воздухе чувствовался запах затхлости, пыли и железа. В свете единственной свечки весь этот мусор отбрасывал нечеткие, вибрирующие тени. Алоизий сидел на каком-то ящике и ел принесенный Морицем Хундсфельдом обед. По причине шабата жена хозяина приготовила гефилте фиш, то есть заливного карпа. На вкус он был очень даже ничего, а из-за добавления миндаля и изюма ассоциировался джинну с теми далекими-далекими местами, по которым он в последнее время все чаще тосковал. В соответствии с традицией, меланхолия приходила к нему вместе с осенью и усиливалась вместе с зимой. Ох, когда еще вернется он в родные края, когда еще будет есть финики прямо с дерева и запивать апельсиновым соком...

Подкрепляясь и мечтая, Алоизий бездумно присматривался к сундукам и сваленной в угол старой мебели. Мориц

спрятал его замечательно, в подвале дома на Налевах⁴⁸, где проживал и сам. Подвал вообще-то принадлежал его брату, который использовал помещение в качестве склада собственной мануфактуры. Еврейская улочка, заполненная лавками, мастерскими и складами, запихнутыми в каждой дыре, в каждом доходном доме, даже во дворах, флигелях и подвалах, представляла собой лабиринт, который невозможно было обыскать. В его закоулках можно было спрятать все, что угодно, а полиция все равно ничего бы не нашла, даже если бы вела свой обыск до конца света.

Варшава, улица Налевки. Снимок конца XIX века www.starawarszawa.pl

В мрачном подвале джинн мог сидеть месяцами, если бы только у него имелись силы вынести что-либо подобное. Сам же Алоизий терпеть не мог темных подземелий, слишком похожих на внутренности лампы. Впрочем он только и ждал вызова от Данила, чтобы, наконец-то, отправиться ему на помощь. Но перед операцией ему нужно было отдохнуть и внутренне собраться. Слишком долго не становился он демоном, почти до конца превратился в человека. И вообще, в Варшаве он жил как у Христа за пазухой, шатался без дела, пил и обжирался, но, по крайней мере, заботился о своей гнилой душе, регулярно посещая церковь. Именно по этой причине он и забыл, кто он такой. Это было ошибкой! Сейчас хватило одной-единственной дематериализации, и он чуть не развеялся на ветру от усталости. Стыдоба!

Быть может, до того, как все начнется, еще разик заскочить на Шлискую за своим любимым палахом и пистолетами? Э, нет, наверняка там притаились москали и только этого и ждут. Придется им с Довнаром как-то справляться без оружия. Ладно, как-то пойдет! Вот только надо перестать маяться дурью, наконец-то хоть что-то происходит. После сколько-то там десятков лет отдыха вновь пора с головой броситься в водоворот приключений. Отпускай конец!

Его взгляд случайно выловил в темных завалах нечто, похожее на какое-то странное, как будто бы укороченное фортепиано. Алоизий не знал, как нечто подобное называется, европейской музыкой он вообще никогда не интересовался. Сам он предпочитал похожие на вой ветра в пустыне песнопения шаманов или же ритмичный бой барабанов, под которые танцуют чернокожие воины. Нравились ему и танцевальные моления дервишей, их естественная стихийность и энтузиазм. Церковные песнопения и псалмы казались ему нудными, лишенными свободной радости, равно как и заученное бряцание и нытье образованных европейских музыкантов. Нет, современной музыки он никак не любил.

Алоизий отложил пустую миску, вытер руки о штаны, потому что, как обычно, ел пальцами, и подошел к инструменту. Что-то его буквально притягивало к нему. Только лишь встав перед ним, до него дошло, что же это такое – страх. Этот покрытый пылью ящик возбуждал в нем непонятный страх. Джинн протянул руку, чтобы коснуться инструмента, и в тот же самый миг защелка в складских дверях с треском перескочила, и в середину вскочил запыхавшийся Мориц. Алоизий прямо подскочил от страха.

- Ай, холере! – взвизгнул еврей. – Совсем все нехорошо, пан Алоизий. Вас таки разыскивает вся варшавская полиция вместе с жандармерией. Повсюду спрашивают про крупного мужчину с темненькой такой вот кожей. Даже награду назначили, триста рублей! Пан у нас сделался врагом общества. Да что там, пана разыскивают даже босяки и жиганы, сейчас обыскивают все малины центра и Повисля.

- Всего три сотни рублей? – усмехнулся Алоизий. – Так что успокойтесь. Скажите лучше, а что это такое, - указал он на инструмент.

- Фисгармония. Триста – это прилично, тем более, что заработок легкий. Найти кого-то такого в городе, это не фокус. Слишком пан из толпы выделяется. Многие полакомились бы, тем более, что времена, что ни говори, тяжелые. Только я еврей истинный, не какой-то там шахер-махер. Можете быть в спокойствии, мое слово свято. Здесь пану ничего не

⁴⁸ Когда после 1815 года Варшава оказалась под российским правлением, свобода поселения евреев снова была ограничена. Евреи сосредоточились в квартале, самым важным местом которого была улица Налевки. Ее фрагмент, сохранившийся после войны, изменил свое название и стал улицей Героев гетто (в городском квартале – Шрудмесце, рядом с ул. Длугой). Некогда одна из самых важных улиц еврейской Варшавы получила свое название от несуществующей уже речушки – Налевки. Вся застройка, кроме здания арсенала, была уничтожена, но сохранились довоенные трамвайные рельсы и старинная брусчатка. В настоящее время название Налевки носит небольшая улочка квартала Муранув, но она не имеет больше ничего общего с довоенной улицей под таким же названием. (<https://www.warsawtour.pl/ru/164834.html?page=0,1>)

угрожает.

- И прекрасно. – Алоизия облава не слишком волновала, он даже испытывал волну удовольствия от вызова, возбуждения опасностью. Он чувствовал нечто такое, о чем совершенно забыл, но чем когда-то постоянно жил. В улучшающемся настроении занозой лишь торчала обеспокоенность странной реакцией на ничем не примечательный ящик. – И откуда здесь эта фисгармония взялась?

Ничего не понимающий Мориц лишь хлопал ресницами. Ему-то казалось, что у негра имеются более важные проблемы, чем забытый всеми музыкальный инструмент.

- Никто не желал купить, в конце концов она и попала на склад, - ответил он, чуточку придя в себя. – Видите ли, это же склад моего брата. Лейб у нас главный мастер на фабрике господина Германа Рейхля. То есть, на фабрике музыкальных инструментов, их цеха здесь за углом, на задах соседнего дома. Здесь брат хранит часть товара, ожидающего лучших времен. В ящиках запакованы органные трубы и всякие другие штуки, за которые клиенты не пожелали или же не смогли заплатить. А я знаю! Все это ждет случая, но иногда в этом мусоре гнездятся мыши, иногда все оно отсыревает, плесневеет и, в конце концов, из него делается совершеннейший мусор. Вот и фисгармония постепенно разваливается. А что милостивого господина, собственно интересует? Пан желает приобрести?

- То есть, *устройством* никто не пользовался? И нет никакой трагической истории, никаких секретов?...

- Да откуда же! Это барахло, наверняка заказанное каким-то сельским священником, который не мог позволить приобрести орган, но даже за него не смог заплатить. Ящик таскали по подвалам пана Рейхля, пока он не попал сюда, в эту кунсткамеру. Когда уже окончательно разломается, можно будет пустить на дрова.

- Можно попробовать? – Не ожидая ответа, Алоизий приставил к инструменту ящик и уселся на нем.

- Вей мз! Так оно же будет шумно, а пан оно ведь скрывается! – заломил руки еврей. – Хотя, играй, пан, если так сильно желаешь! Вот этими двумя педальками нужно все время подкачивать воздух. Вот тут меха, которые засасывают воздух. И вот он пройдет сквозь пищалки в середине, если, конечно, пан будет нажимать на клавиши.

Алоизий поставил ступни на двух широких педалях и начал попеременно на них нажимать. Он почувствовал сопротивление мехов, и в тот же самый миг раздался шум проходящего сквозь инструмент воздуха. Негр открыл крышку и провел ладонью по клавиатуре, стирая с нее толстый слой пыли. Наконец, исключительно для пробы, он нажал несколько случайных клавиш. Раздалось низкое гудение, несколько приглушенное, поскольку фисгармония задом касалась стены. У Алоизия по спине пробежали мурашки. Звук исходил как будто бы из-под земли. А может – из гробницы.

Джинн вздрогнул, но через мгновение повторил попытку, уверенно и решительно извлекая из пищалок мощные голоса и октавы. На органе он играть не умел, модные фортепиано и другие клавишные инструменты попросту презирал, но это никак не мешало ему выжимать из фисгармонии волнующую, хотя и оскорбляющей своей беспомощностью ритмику и ломаную мелодию. Еврей отступил к двери, с испугом глядя, как из-под ящика инструмента исходят полосы мрака, словно щупальца некоего кошмарного чудовища. Сам Алоизий их не видел, потому что закрыл глаза и откинул голову назад. Он полностью позволил захватить себя музыке, импровизируя и нежно касаясь клавиш пальцами. С каждой ноткой он нажимал на них все сильнее и энергичнее. Голоса пищалок сложились в печальную арию с глубокими урчащими басами, к тому же переполненную тоской по родине, которую он не видел много веков.

Темнота окутала фигуру джинна, щупальца мрака скользили по его спине, обернулись вокруг шеи, пытались ворваться под веки и в нос жертвы. Мориц застыл с рукой на дверной ручке, он не мог сделать ни единого шага.. Кровь, казалось, застыла в его жилах, испуг полностью парализовал его. Музыка полностью заполнила помещение, вибрировала в лежащих в ящиках громадных органных трубах, дрожала в стенах, пропитала воздух. А вместе с ней в подвал прорвалось что-то еще, нечто, делающееся все более реальным и вещественным.

Музыка вздымалась, басила все сильнее, гремела и сотрясала всем помещением, всем домом. Фисгармония чуть ли не поднялась в воздух, в своем первом концерте она сделалась чем-то больше, чем только инструментом, она объединилась с музыкантом в одно целое и раскрылась в бесконечную бездну. Алоизий не управлял своими ладонями, музыка протекала сквозь него самостоятельно, это она использовала его, как будто бы он был точно таким же инструментом, как и фисгармония. Музыка вздымалась все выше и выше, стремясь к кульминации. В апогее произведения случится длительная пауза, и вот тогда придет он, обретя материальную форму и вступив в реальность. Джинн чувствовал это, знал, что именно так и случится.

И тогда он расхохотался и прервал произведение в половине голоса пищалок, со стуком захлопнув крышку клавиатуры. Густая и липкая темнота замерла, зависла в воздухе морем вьющихся щупалец. Чары были переломаны.

- *Ġu-e bad i-in-sé. A-ba a-lá tu-ġen?* – спросил Алоизий на своем родном языке.

Мрак клубился над фисгармонией, как будто бы отчаянно пытался принять материальную форму. Среди колышущихся щупалец формировалась человекообразная фигура. В конце концов, в темноте Алоизий увидел силуэт мужчины, из спины которого выступали культы, с первого взгляда ассоциирующиеся с поломанными крыльями. Это нечто глухо и злобно заворчал. Мориц сполз на пол, потеряв от страха сознание. Джинн же, ни на грамм не смущенный, сидел в шаге от чудовища, вынырнувшего из инструмента до пояса.

Алоизий его не боялся – ведь он и сам был демоном. Его удивило лишь то, почему это тип не отреагировал на древний язык, известный всем сверхъестественным существам, как будто бы не понял ни слова. Странно!

- *Salve, frater, te salutant!*⁴⁹ – попробовал Алоизий с другой стороны.

- Иди к черту, - не совсем четко прохрипел пришелец.

- Эй, что за воспитание? Кто ж такое видал, чтобы так невежливо приветствовать один другого на этом свете?

⁴⁹ Приветствую тебя, брат (высокопарная латынь) или Как дела, братан (более понятный язык)

Джинн заметил, что у пришельца из темени вместо рук были культи, а из черных ран на месте отрубленных ладоней торчат металлически поблескивающие предметы.

Не удивительно, что барона разделали, словно цыпленка, подумал Алоизий. Хорошо еще, что этот сукин сын не успел до конца материализоваться. Во всяком случае, будем на это надеяться.

- Что же, коллега, привет, - свободным тоном заявил джинн. - Что-то мне кажется, что ты демон до мозга костей польский! Незнание двух классических языков нашего вида – уже наводит на размышление и удивляет. Пока что не имел удовольствия познакомиться с местным сверхсуществом, а я ведь в этой стране уже лет семьдесят проживаю. Правда, один раз на Висле встретил сирену, только она не была не слишком разговорчивой – исчезла в воде еще до того, как я успел ей "здрате" сказать.

Демон бешено крутанулся и с басовым рыком бросился на Алоизия. Джинн оттолкнулся от фисгармонии и упал на спину, перекувыркнувшись и буквально на волосок уходя от свистящих лезвий. Лежа, он мощно пихнул склонившегося над ним чужака в промежность. Вот только нога пролетела сквозь демона навывлет. Темнота заклубилась и взбешенная фигура на мгновение развеялась в облаке мрака. Алоизий поднялся и спокойненько отряхнул штаны.

- Спокойнее, браток, - обратился он ко вновь формирующейся фигуре, - частично ты все еще на той стороне, на том свете. В реальности ты пока не окреп. Мы не можем повлиять на тебя физически, так чего дергаться... Прежде, чем ты вернешься к себе, мы можем спокойно потолковать, как два джентльмена. Вот скажи мне, будь добр, чего ты ищешь в реальном мире? Быть может, я смогу тебе помочь.

- Хочу... хоччу... - прохрипел демон.

- Папироску? Каши с шкварками? Посетить будуар императрицы Сиси? – угадывал Алоизий. – Ну ладно, это я только шутил. Наверняка тебе хочется крови, делать больно, сеять разрушения и такое прочее...

Сделалось тихо. Упырь вздымался над джином, его фигура размазывалась, трепетала в полутенях, развеивалась и исчезала, чтобы через мгновение вновь кристаллизироваться. Явно у него были какие-то проблемы в нахождении за пределами астральной плоскости.

- Помолится, может? Это успокоит твой гнев, - предложил джинн.

- Сунь себе свою молитву в задницу, негритос, - произнес басом упырь. – Мне нужна моя музыка. Слышишь? Отдайте мне мою музыку!

- Я уже догадался, коллега, что ты связан с музыкой, - кивнул Алоизий. – А не мог бы ты уточнить свое желание? Ты же знаешь, что мы, джины, в желаниях доки, но будет неплохо, если бы их чуточку конкретизировать. Это нам весьма поможет, так что соберись. Кто забрал у тебя музыку, и где она находится?

- Повсюду. Нет, не знаю. Где-то здесь. Не могу отдохнуть, не могу о ней забыть. Она постоянно меня будит. Не помню: ни нот, ни аккордов, ни слов. Зато знаю, что вот она – тут... - Упырь заикался, выговаривая слова с громадным трудом. – Играет, вот я и прихожу. А потом оказывается, что это не моя музыка. Что меня обманули, обокрали. А я не познаю ни мгновения покоя, пока не найду ее! Ведь она – это часть моей души, понимаешь? А без нее – больно, о, как ужасно больно! – Силуэт расплылся в темноте, фисгармония глухо затрещала. Фигура сформировалась на грязной стенке, теперь уже плоская, ее очертания образовывали клочья паутины, подтеки и сырые пятна грибка, которые перемещались вместе с упырем. – А еще имеется она, моя любимая. Я вижу ее глаза, волосы, чувствую запах. Когда-то ее улыбка согревала мне сердце, и музыка рождалась в нем сама и звучала, звучала, все время звучала. А потом что-то произошло. Это было очень больно, у меня забрали ее, и музыка тоже ушла. И там же был он, злодей. Черный мундир, блестящий орден. Найди его и спроси. Он знает, где моя музыка. Найди его и спроси, иначе убью. Каждого убью...

Клочья паутины и пятна застыли на месте. Фисгармония простонала и с грохотом рассыпалась на кусочки. Алоизий задумчиво вздохнул. Тип с той стороны говорил о женщине, это многое объясняло. Разочарование в любви, трагическая смерть и – пожалуйста – перед нами упырь! Вот почему он не знает древние языки! Это не настоящий демон, а только страдающая душа, зато обладающая громадной силой. При жизни этот человек должен был быть кем-то необычным, с сильным характером. Так что круг подозреваемых значительно сужается. Наконец-то хоть какая-то зацепка! Необходимо срочно сообщить Данилу о прогрессе следствия.

- Вставай, пан Мориц. – Джинн легонько пихнул ногой лежащего ничком еврея. – И не надо устраивать сцен, здесь вам не театр.

- Диббук!⁵⁰ – схватился на ноги торговец рыбой. – В моем подвале! Это же конец света, что только люди скажут?! Зачем вы его вызвали, пан Алоизий? Нет, я покончу с собой! Впрочем, и так уже все равно, никто не пожелает иметь со мной дела и не захочет со мной торговать. Ой нет, уж лучше вы меня сами убейте! Раз уже вы и так затянули петлю мне на шее, то доведите дело до конца! Ну, быстрее! Или просто пробейте мне чем-нибудь мое несчастное сердце! – Еврей разорвал рубашку, открыв миру худую куриную грудь. При этом он старательно вытаращил глаза, редкие волосы торчали

⁵⁰ Диббук (идиш דיבוק — дйбэк, от иврит — прилепившийся) — злой дух в ашкеназском еврейском фольклоре, являющийся душой умершего злого человека.

Душа-диббук не может расстаться с земным существованием из-за своих преступлений (например, самоубийства) и ищет живой организм, в который может вселиться. Концепция диббуков похожа на демонов и духов, которых изгоняют в Католической Церкви в процессе экзорцизма. Предполагается, что душа, которая в своей земной жизни не закончила свое предназначение, может завершить его в форме диббука. Концепция диббуков упоминается в каббалистической литературе с XVII века.

Диббук изгоняется цадиком и десятью другими членами еврейской общины, которые при этом одеты в погребальные рубашки. При процедуре изгнания диббука сжигают ароматные вещества, читают молитвы и трубят в шофар. – Еврейская энциклопедия

во все стороны.

- То что вы любите устраивать театр, мне известно, - Алоизий только махнул рукой. – Вот и Моисей был точно такой же, тоже обожал театральные жесты: горящие кусты, каменные скрижали, расступающееся море. Знаю, знаю, только успокойтесь, я уже ухажу.

- Моисей?! Пан знал Моисея?!

- Мой дядюшка имел честь быть его духом-покровителем. – Джинн пожал плечами и направился к выходу. – Сам я видел его только раз, но это было так давно, что нечего и говорить. И не надо так беспокоиться пан Мориц, диббук сюда не вернется. Единственное, какое-то время не играйте на инструментах. Вот это вот важно! Никакой музыки!

Мориц Хундесфельд ничего уже не добавлял, только глядел на негра широко раскрытыми глазами, словно видел его впервые в жизни. Он знал Моисея! В глазах еврея заблестело неподдельное уважение и идущее от самого сердца восхищение. Он хотел было что-то сказать, но только квокнул словно курица.

- А за гостеприимство рассчитаемся, когда все это закончится, хорошо? – Алоизий похлопал хозяина громадной ладонью по плечу. – И передайте спасибо жене за превосходного карпа. Я такого не пробовал еще со времен разрушения Иерусалима...

- Римлянами? – вздохнул Мориц. – Ай-вэй! Вашему превосходительству не следует забивать голову никакими расчетами. Для меня великая честь возможность называть вас своим приятелем. И этого хватит. Ой, минуточку, не выпущу же я вас голышом, сейчас чего-нибудь найдем прикрыться. – Хозяин кланялся и скалил зубы в улыбке, на лбу крупными каплями выступил пот. – Так пан и вправду проживал в священном городе в наше, еврейские времена?

- Ну да! И тогда я еще был моисеева вероисповедания, только лишь после разгрома принял политеистическую римскую веру.

- Пан был евреем?! – Мориц остановился, будто вкопанный.

- А что в этом такого удивительного? Кто из нас не был тогда евреем! – Вспомнив молодость, Алоизий только улыбнулся.

Варшава, 13 (25) ноября 1871 г., 19:00 вечера

Главный зал "Ресурсы Обывательской"⁵¹ сиял свечением газовых бра и висевших под потолком сотен "миллеровок", очень ярких и практически не дающих дыма стеариновых свечей, заткнутых пучками в люстры. Но даже если бы свечи были из воска, на их дым и так никто не обратил бы внимания. Воздух был заполнен потрясающей мешаниной запахов дешевых и дорогих духов, мужского одеколона, сигарного и папиросного дыма. Помещение заполнялось с каждой минутой, непробиваемая толпа теснилась у входа и толкалась довольно-таки грубо. Хотя хватало и дам в кринолинах и узорных шляпках, достойно перемещавшихся в компании джентльменов во фраках, в большинстве своем зрители принадлежали к низшим слоям общества. Иногда общий гомон перебивался громким смехом студентов и подмастерьев, и даже ссоры и ругань. Это было знаком, что билеты на концерт стоили сущие копейки, так что их могли себе позволить даже не очень-то богатые любители музыки.

В узеньком входе начался скандал, быстро перешедший в драку. Кто-то вопил пьяным голосом, но швейцары быстро вывели его силой. Публика даже не обратила внимания на инцидент, все толкались, чтобы найти себе место как можно ближе к возвышению, на котором выступал оркестр.

- Прошу вон туда, фроляйн фон Кирххайм, мои люди держат места во втором ряду, - указал полковник Кусов дорогу Генриетте. – Нам нужно сесть чуточку сбоку, чтобы за всем следить. Прошу вас внимательно приглядывать за публикой, быть может, вы заметите что-то вас беспокоящее. Как жаль, что мы здесь не для того, чтобы развлекаться.

- Долг прежде всего, полковник.

Геня сумела подавить смех, но губы ее превратились в тоненькую линию.

Кусов приехал за ней на экипаже, на сей раз на нем был элегантный, но традиционный фрак и цилиндр. Единственным украшением его костюма была серебряная звезда ордена св. Владимира, закрепленная на левой стороне груди. Как и обычно, офицер демонстрировал аристократичные манеры, хотя и позволил себе несколько шуток и улыбок. Гене показалось, что Кусов глядит на нее с характерным огоньком в глазах, огоньком желания, как будто желая сорвать с нее платье. Ей даже жарко сделалось. Мужчины крайне редко глядели на нее подобным образом. Как правило, ее побаивались или проявляли к ней холодное уважение, как, например, Данил Довнар. А ведь каждая женщина любит чувствовать себя желаемой, даже если роман не имеет шансов на успех. Так что подобный взгляд соответствующего джентльмена был словно комплимент.

Полковник внимательно выслушал рассказ об инциденте с шарманщиком, даже вынул из внутреннего кармана небольшую книжечку и ручку со стальным пером и чего-то в ней записал. Потом признался, что в течение дня было заявлено три случая появления демона. И всякий раз это как-то было связано с музицированием. К счастью, нигде трагедий не случилось. Упырь появлялся, сеял испуг и ужас, а потом исчезал.

- А что мы сделаем, если он вторгнется в зал, переполненный людьми? Ведь вновь кто-то может погибнуть, -

⁵¹ Resursa Obywatelska ("Мещанский Клуб", "Мещанское Собрание" – в отличие от дворянского собрания, клуб по интересам) в Варшаве – здание по адресу ул. Краковское Предмесье 64, спроектированное Эдвардом Чихоцким и возведенное Леоном Карасиньским в 1860-1861 годах. В 1861-1939 году здесь располагалось Варшавское Купеческое Собрание. – Путеводитель по Варшаве.

сказала Генриетта, незаметно поправляя пистолеты, спрятанные в платье.

- К этому мы готовы, - усмехнулся Кусов. - Вопрос расправы с этим существом оставьте мне. Сейчас я покажу вам своих агентов, которые и осуществят арест демона. Вы же сконцентрируйтесь на публике. Мы ищем возможных жертв и террористов. Ведь кто-то может сотрудничать с бестией или даже напрямую ею управлять: демонолог, некромант, спиритист. Тут ничего не известно. Показания наиболее подозрительного заключенного из Цитадели меня, к сожалению, разочаровали, а что хуже всего, ничего не разяснили. Либо сукин сын что-то мутит, либо же он и вправду ничего не знает. Так что будьте бдительны, мы обязаны быть готовыми ко всему, что угодно.

На последних словах он положил руку на ее ладонь. Генриетте сделалось приятно, блаженно, совершенно инстинктивно она опустила взгляд. Девушка почувствовала теплую волну, расходящуюся румянцем по щекам. Черт! Еще примет ее за какую-то провинциальную забитую девицу. Какой стыд!

Гомон в зале постепенно стихал, потому что на сцене появился упитанный господин с громадными усами, в то время как музыканты рассаживались по своим местам. Раздалось треньканье проверяемых струн и шорох передвигаемых стульев.

- От всего сердца приветствую всех вас от имени Музыкального Общества, которое и организовало сегодняшний концерт, - загремел усач. - Сегодня мы слушаем мотивы из опер Станислава Монюшко, но, прежде всего, в полном виде оперу "Король Манфред". Дирижировать будет сам ее композитор, наш сегодняшний особый гость, директор лейпцигского оркестра, профессор консерватории в Кельне, Карл Рейнеке⁵². Давайте поприветствуем нашего дорогого гостя бурными аплодисментами!

Раздался настоящий ураган аплодисментов, во время которого на сцену вступил худощавый господин среднего возраста, на котором был приличествующий месту фрак. Его лицо украшали импозантный бакенбарды, гораздо более густые, чем реденькие волосы на голове. Он согнулся в поясном поклоне, повернулся к оркестру и постучал дирижерской палочкой по пюпитру. Воцарилась абсолютная тишина. Генриетта задержала дыхание. Она чувствовала его, упырь находился где-то близко. И выжидал.

- Дирижер – немец, - шепнул ей на ухо Кусов. От тепла его дыхания у Генриетты по шее пробежали приятные мурашки. - Надеюсь, что это не он станет жертвой. Если террорист его прикончит, ситуация между тремя державами значительно ухудшится, да что там, делается до крайности напряженной. Сначала чрезвычайный посол Австрии, затем один из лучших музыкантов Германского Рейха... все это может закончиться просто фатально.

- Я буду следить. Если же демон проявит себя, я вновь попробую развеять чары, - сказала Генриетта.

- Нет, а вот этого прошу не делать, поскольку упырь сбежит в мир иной.

- а разве это не хорошо? Или вы хотите подвергнуть его экзорцизмам?

- Наша задача заключается в том, чтобы его схватить, - холодно усмехнулся Кусов. - Разве что, если у нас не останется никакой иной возможности, как только его уничтожить.

Генриетта кивнула в знак того, что план поняла, а потом попыталась сконцентрироваться на музыке. Вот только соседство офицера-красавчика этому ну никак не способствовало, опять же, юнкер-девица как-то еще старалась поглядывать на зрительный зал в поисках возможных злоумышленников. Но плотную и разнородную толпу невозможно было тщательно просмотреть, к тому же каждую секунду кто-нибудь вставал или садился, пробирался на место под аккомпанемент шипений и недовольных бурчаний. Население Варшавы, казалось, чрезвычайно жаждало развлечений, и неважно - выступала ли в их качестве музыка или появление демона, слухи о котором давно уже разошлись по всему городу. И все знали, что он может появиться, когда играет оркестр.

Первая часть концерта прошла без каких-либо помех, хотя Генриетта и чувствовала нарастающее беспокойство. Она поглядывала на полковника и его людей – двух агентов, стоявших за сценой, и еще двух, сидевших в зале. Но переодетые жандармы вели себя спокойно, никто из них не проявлял ни страха, ни волнения.

Музыка сотрясала всем зданием, германский дирижер энергично размахивал своей палочкой, позволяя подхватить себя своей же композиции. Ноты полетели на пол, трепеща листами и рассыпаясь будто карточная колода. Литавры и трубы гремели басом в честь короля Манфреда, близилась кульминация первого акта оперы. Генриетта стиснула пальцами рукоятку револьвера. В барабане находилось шесть патронов с пулями, отлитыми из свинца, взятого из водосточных труб Черного Монастыря в Виттенберге, в котором жил сам Мартин Лютер. Боеприпасы настолько пропитались духом реформации, что при попадании лютеранской пули любой демон должен был вспыхнуть ярким пламенем. Во втором револьвере были заряжены пули обычные, на людей. Самое главное, чтобы в случае чего их не перепутать!

И вдруг повеяло холодом. Свет существенно пригас, как будто бы часть свечей выгорела, а в газовые бра кто-то прикрутил подачу газа. Темнота начала сочиться из углов, в одно мгновение тени сделались глубже и разлились вширь. Оркестр оглушающе визжал, музыка заполнила пространство, выпирая из него всякие иные звуки. До Генриетты дошло, что

⁵² Карл (Генрих Карстен) Рейнеке (Райнеке, Reinecke) (1824-1910) - немецкий композитор, педагог, пианист, дирижер. Служил придворным пианистом в Копенгагене, затем преподавал в Кельне, где также концертировал с Ф. фон Хиллером. С 1860 года жил в Лейпциге; возглавлял Гевандхауз-оркестр (до 1885 года) и преподавал фортепиано и композицию в Лейпцигской консерватории (до 1902 года; с 1897 года был ее директором). Как педагог и композитор неукоснительно придерживался классических традиций, очагом которых была консерватория. Среди учеников Райнеке - Брух, Григ, Риман, Салливан, Свенсен, Стэнфорд, Рёнтген, Резничек, Дилиус, Вайнгартнер, Чюрленис. В наследии Рейнеке представлены все жанры - от опер и симфоний до сравнительно простых вокальных ансамблей для домашнего исполнения; наибольший интерес представляют его фортепианные произведения (в т. ч. 4 концерта) и камерно-инструментальные ансамбли в стиле Шумана и Брамса. - Музыкальный Словарь Гроува

она сдерживает дыхание в ожидании кульминации, главного раската музыки с последующим ее ожиданием... Кусов поднял руку, сигнализируя готовность своим агентам. Темнота ползла по полу и стекала по стенам, окутывая сидящих, врывалась в их мысли и полностью парализовала. И вот тогда-то скрипки заиграли тройное стаккато, а литавры забарабанили в последний раз, и дирижер застыл в неподвижности.

Полы его фрака захлопали, словно бы в музыканта подул сильный ветер, а из-за его фигуры возник могучий силуэт, весь сотканный из тьмы. Казалось, что он разрастается, как бы появляясь из тела дирижера. Увидав демона, Генриетта зашипела – одновременно от ужаса и гнева. Это он! Из спины бестии торчали черные культы, вместо ладоней – угловатые лезвия. Чудище склонило голову, как будто бы разглядываясь по залу. Наконец оно глянуло прямо на нее и с гортанным воплем ринулось в наступление. И в тот же самый миг полковник Кусов схватился с кресла, каким-то небывалым чудом сломав чары, вытащил из кармана фрака свернутый бич и достал им мчащуюся фигуру демона. Тот завопил и, вместо того, чтобы напасть на Генриетту, свечой взлетел вверх. О потолок он треснул настолько сильно, что люстры закачались, и посыпалась штукатурка.

Темнота рассыпалась, вновь засиял свет. Дирижер без сознания рухнул на сцену, в этот же самый миг зрители схватились с мест и с криками бросились к выходу. Брякнули брошенные музыкальные инструменты, воздух пронзили вопли, ругань и вой умирающих в небывалой давке людей.

Демон припал к потолку словно громадный, черный паук. Торчащие из его спины культы поблескивали во мраке его тела, словно были сделаны из металла. Чудище проползло несколько шагов, крутя головой во все стороны. Генриетта встала с места и нацелила в него револьвер. Кусов обнял ее рукой и деликатно отодвинул в сторону, не переставая размахивать блестящим бичом. Его агенты, четверо молодых людей, натянули на глаза герметичные очки-консервы и вытащили из фраков металлические угловатые ящички. По приказу каждый из них поднял заглушку в своей коробке. Оказалось, что это фонари с закрытыми зеркалами. И вот теперь из каждого ящичка выстрелил луч необыкновенно яркого света; из кожухов начал подниматься белый дым.

Демон рыкнул от ужаса, когда сияние охватило его, и, дымя рванью темноты, скакнул вниз, напрямик на полковника Кусова. Бич щелкнул в очередной раз, но на этот раз жандарм промахнулся. Он лишь успел оттолкнуть Генриетту и в объятиях сверхъестественного существа рухнул в проходе между сидениями. Прусская воительница подскочила к дерущимся, держа револьвер в руке. Но выстрелить она не могла, чтобы не ранить полковника. Демон раз за разом рубил одной конечностью, вторая была заблокирована стальным зажимом жандармского полковника. Сражающиеся перекатывались по полу, обмениваясь страшными ударами. В воздух полетели щепки от уничтожаемых кресел. Черная фигура дымила мраком, походящим на черные языки пламени.

- В сторону, баба! – крикнул один из агентов, сломя голову мчась к дерущимся.

Наконец ему удалось нацелить на бестию свой фонарь. Через мгновение после него то же самое сделали и другие жандармы, и в демона впились лучи света. Темнота с шипением загорелась на теле чудища, и в одно мгновение испарилась. Демон бросил свою жертву и выпрямился, стряхивая с себя тьму.

- Материализовался! – заорал кто-то из агентов и протер рукавом очки. – Теперь он уже полностью на этой стороне! Хватай его!

Генриетта с ужасом глядела на мужчину могучего телосложения, каким сделался демон, стряхнув с себя черную эктоплазму. Из его окровавленной спины торчали искривленные и погнутые, а к тому же вонзенные глубоко в тело органы трубы. Из культей рук торчали два узких крумхорна⁵³ из смятого металла. Мужчина повернулся и поглядел на девушку пустыми глазницами. Его лицо несло следы разложения, кожа местами была синей и наполовину прозрачной от гнили, местами же – трупно-бледной. Демон был почти что голым, если не считать останков брюк. Скользящие по его телу снопы ослепительно-белого света оставляли воняющие дымом ожоги.

Из-за сцены бегом выскочило несколько жандармов, но уже в мундирах. Они тащили сети и багры. Демон, а точнее – живой труп, взбешенно рывкнул, и одним скачком добрался до ближайшего, задрапированного тяжелой тканью окна. Он не притормозил хотя бы на миг, только наскочил на полную скорости, разрывая толстый материал словно бумагу. Под звон стекла и ругань жандармов он выпал наружу.

Генриетта пару раз выстрелила ему вслед, но, скорее всего, не попала. Тогда она повернулась в сторону Кусова, ожидая увидеть лишь жестоко разорванные останки. К ее изумлению полковник как раз поднимался с помощью двух агентов в очках-консервах. Фрак на нем свисал кровавыми ошметками, сорочка тоже пропиталась кровью. Орден на груди даже вогнуло чудовищным ударом, спасая полковника от выпада прямо в сердце. Кусов только побледнел, но на сильно пострадавшего похож не был.

- Александр, с тобой все в порядке? – озабоченно глядя на мужчину, спросила пруссачка. – Ох, прошу прощения, господин полковник.

- Генриетта, прошу вас, останемся на "ты". Для меня это будет истинной честью, - усмехнулся Кусов и оттолкнул

⁵³ Не существует объяснения почему крумхорн имеет такую форму: загнутый крючок конструктивно ни на тембр, ни на громкость не влияет. Тем не менее.. Крумхорн - деревянный духовой инструмент с двойной тростью времен Ренессанса. Впервые появился в Европе в XV в. как представитель обширного семейства деревянных духовых инструментов. Происхождение крумхорна чаще всего связывают либо с волынкой, либо с трубами органа. Крумхорн издает характерный жужжащий носовой звук, который либо любят, либо ненавидят. Диапазон инструмента ограничивает одна с небольшим октава, кроме того если дуть слишком сильно, трость полностью блокируется так, что нельзя издать ни звука. Тем не менее, не смотря на все эти трудности, крумхорн был достаточно популярен примерно до середины XVI в. Король Генри VIII к примеру, был большим ценителем крумхорна, держал собственную коллекцию, и сам довольно неплохо играл на нем. (<http://musicabo.narod.ru/Crumhorns.html>) Главное, что крумхорны никак не могли быть металлическими – Прим.перевод.

агентов. – Со мной абсолютно ничего не случилось, так, мелкие царапины...

- Надо чтобы тебя обязательно осмотрел врач, - коротко и решительно заявила Генриетта, подходя к офицеру. – Нельзя не обращать внимания на раны, заданные зомби.

- Так ты заметила? Нам удалось стащить его на нашу сторону реальности, в мир иной сбежать он уже не может. Демон превратился в банального труподола. – Полковник глянул в окно. – Теперь это уже вопрос нескольких минут, чтобы мои люди захватили его и отправили в Цитадель. А там казенные некроманты все из него вытянут. Боюсь, что несколько задавленных в панике не слишком большая цена за захват террориста.

- Невинные жертвы всегда случаются, когда происходит что-либо нехорошее, - согласилась с ним Генриетта, подавляя неприятное чувство того, что говорит какую-то гадость. – У нас не было иного выхода, необходимо было захватить его в ловушку. А как вам удалось полностью материализовать его? Что это за оружие?

Полковник взял из рук ближайшего к нему агента фонарь с уже прикрытым зеркалом и подал девушке.

- Новейшее изобретение VI Отделения Личной Его Императорского Величества Канцелярии, то есть, сверхъестественной разведки, - с гордостью сказал он. – Пока что в состоянии испытаний, это экспериментальное оружие, но, выходит, действует. В фонаре имеется источник света реальности, сгорающего в магниевых стружках, откуда такое резкое, белое сияние и немножко выходящего в стороны дыма. Источником являются экстрагированные и сконденсированные элементы материальности: математические теории, инженерные расчеты, научные теории и философские эссе – то есть, сама эссенция людского знания, лишенного эзотерики, основанного только лишь на логике и нерушимых физических законах. Достаточно было перевести весь этот материализм в газообразную форму в огне, и теперь пучок света, обогащенного реальностью, действует на сверхъестественные существа, срывая с них все непознаваемое и нереальное.

- Очень увлекательно, - произнесла Генриетта и осторожно взяла под руку пошатывающегося полковника.

Вроде бы это он ее вел, но на самом деле это железные девичьи мышцы не позволяли Кусову упасть. Прусская юнкер-девица спокойно провела российского офицера к выходу, через совершенно развороченный зал, заполненный поломанными стульями, утерянными предметами гардероба и потерявшими сознание или задавленными в толкучке дамами.

- Сейчас нам необходимо ехать в Цитадель и прижать этого типа, которого считают мозгом заговорщиков, - сказал полковник. – Но на самом деле он, скорее всего, всего лишь орудие в лапах турецких или французских заказчиков. Ну ничего, сегодня уж я с ним поговорю. А вот интересно, что он скажет, когда увидит своего подчиненного лишенным эктоплазмы.

- На сегодня следствия уже хватит, тебе нужно отдохнуть, Александр, - заявила Генриетта тоном, не терпящим каких-либо возражений. – Все подозреваемые под замком, из Цитадели они не сбегут. Завтра ими займешься.

- Ты так считаешь, Геня? – Полковник ковылял, держась за бок. – А может и правда пора отдохнуть... Да, душенька, ты права, никуда ведь они не убегут.

А на дворе начался дождь. Издали доносились выстрелы жандармов, гонящихся за труподолом.

Варшава, 14 (26) ноября 1871 г., ночь

Раны от ранее вонзенных игл все еще болели. Несколько уколов с эликсирами правды и субстанциями, улучшающими память, Данил получил внутримышечно. В основном – в ягодичы, в результате чего не мог лежать на спине. Потому-то он и вертелся с боку на бок на нарах, закутавшись в сырое одеяло и даже в два, поскольку он присвоил себе одеяло и Бурхан Бей. Его же турецкого сокамерника забрали на допрос после полудня, перед этим тот долго прощался, как будто они провели в камере несколько лет, а затем заявил, что его сейчас же и освободят, благодаря вмешательству турецкого консула, Рустем Бей, выполняющего роль посла Турции в Варшаве.

- Мы обязательно еще должны встретиться, господин инженер, - заявил Бурхан, крепко пожимая руку Данила. – Мне кажется, вместе нам удалось бы осуществить одно коммерческое мероприятие, понятное дело, когда все это уже проявится. Меня спрашивают по адресу: Краковское Предместье 91. И обязательно свяжитесь со мной, не пожалеете. Думаю, что это может стать началом замечательной дружбы.

То ли из рассеянности, то ли по какой иной причине, турок позабыл в камере свои вещи, которые вскоре будут переданы ему тюремными служащими, а пока что ими мог пользоваться Данил. От Бурхана осталась феска, кисет с табаком, трубка и спички; но инженер к курению относился равнодушно. Это чувство осталось у него еще со времен, предшествующих превращению в механоорга, когда он тяжело болел легкими. Так что теперь до вечера он сидел совершенно бездельно, после чего безрезультатно попытался заснуть. Холод и боль после пыток эффективно мешали сну. Хорошо еще, что не дошло до худшего: генерал, граф Розвадовский, принимая во внимание факт, что имеет дело с джентльменом, который к тому же сам признался, отменил применение уколов кислот и других едких субстанций, задача которых заключалась в размягчении допрашиваемого и делании его более открытым к вопросам следственной комиссии. Автомат Тысяча-сколько-то-там-который тоже старался действовать деликатно, и заключенного не покалечил. Он на него даже особо и не давил. В качестве "аллаверды" инженер часа два, бесстыдно фантазируя, плел, что только приходило на язык. Он щедро сыпал фамилиями придуманных заговорщиков, сдав с головой пару сотен несуществующих обывателей и нескольких совершенно правдивых, зато нелюбимых Данилом банкиров и судебных исполнителей, которым он ничего хорошего никогда и не желал. Полковник Кусов сдался уже после первого часа словесного поноса и исчез, зато Розвадовский внимательно выслушал каждое словечко, после чего вновь попросил у инженера совета по поводу

собственной изжоги.

Данил уселся на нарах, трясаясь от холода и усталости. Стоявшая посреди камеры свечка догорела и погасла. Не прошло и пары минут, как дверь в камеру с грохотом отворилась, и в середину вошли двое охранников. Они зажгли новую сальную свечу и ушли. Правила есть правила: в камере все время должен гореть свет. Инженер критически осмотрел свечку и по ее длине оценил приблизительное время горения. У него было где-то с час.

Он размотал одеяло и расстегнул сорочку, открыл дверцу на груди и осторожно сунул во внутренности собственного тела ладонь. Какое-то время что-то выискивал, в конце концов – сунул руку по самый локоть. Понятное дело, внутри у него столько уж пустого места не было, просто он сам инсталлировал, помимо механизма-шлюза в параллельные миры, постоянно открытый порт к вспомогательному пространству – подчиненного измерения, не соприкасающегося с какой-либо реальностью, существующего на самой обочине вселенной. Это небольшое подпространство с ограниченными размерами должно было служить всегда находящимся с тобой и рядом тайничком, правда, сам Данил пользовался им редко. К примеру, он никогда не прятал туда деньги, считая их слишком грязными, чтобы носить в груди. Внутри находились только две вещи: жестяной медальончик с Богоматерью – единственная памятка от матери, и небольшой, ничем не примечательный артефакт.

Инженер вытащил его с некоторой осторожностью и осмотрел в свете сальной свечки. В его руке находилась изготовленная из меди масляная лампа. Выглядела она не стоящей ни копейки архаичной рухлядью. Погнутая и поцарапанная, она не имела каких-либо украшений, форма у нее была самая простая и неинтересная. Довнар взял лампу за ушко и потерял корпус. Теперь достаточно было подождать.

Сквозь щель в оконной фрамуге влетел клуб дыма, в углу камеры сформировалось нечто человекоподобное, из которого уже появилась могучая фигура Алоизия. На плечах негра был наброшен еврейский лапсердак, доходящий ему только до колен, а не до земли. В руке у лакея была наполовину объединенная копченая рыба. Увидав своего хозяина, негр спрятал ее в карман и отвесил поясной поклон.

- Приветствую тебя, хозяин, - произнес он своим глубоким словно колокольный звон, официальным голосом. – Сердце мое радуется, видя тебя здоровым. Я не мог дожидаться вызова на службу.

- Шепотом, темный ты придурок, - прошипел Данил. – Мы в тюрьме находимся. Пришлось дожидаться okazji, чтобы вызвать тебя сюда. Здесь я не могу делать всего, чего я только желаю.

- Я и сам пытался сюда прорваться, но Цитадель окружена эспланадой реальности и кордоном святости, - шепнул джинн. – На стенах стоят урны с мощами святых, а в землю вокруг крепости вкопаны инженерные артефакты. Так что незамеченным прорваться никак невозможно. Никогда бы я сюда не вошел, если бы не мое сопряжение с лампой. А вот хозяин выглядит паршиво.

- А как я должен выглядеть после пребывания в таком месте? Здесь тебе не курорт в Баден-Бадене, - буркнул Данил. – Ладно не будем тут устраивать дискуссии. Нам нужно отсюда смыться, поскольку боюсь, что очередной допрос может быть уже не столь мягким. У тебя что-нибудь выпить есть?

Алозий отрицательно покачал головой и разложил руки.

- Царство за бутылку водки! – простонал Данил.

- Я мог бы перенести тебя за решетки, только это ничего не даст, - Алозий уселся на нарах Бурхан Бея. – Магические запоры крепости действуют в обе стороны. Пытаясь вырваться наружу, мы только запустим системы тревоги и упрямся в барьеры. Реальность лишит меня сил, после чего мы станем легкой добычей для охранных автоматов и стражи. Боюсь, что позвав меня сюда, ты лишь ухудшил ситуацию, поскольку теперь за решеткой находимся мы оба...

- Не бурчи. Достаточно лишь головой чуточку поработать, - махнул рукой Данил.

Он встал и сунул медную лампу в сверток с вещами Бурхан Бея, после чего улыбнулся Алозию.

- Ну, понял, пустынная ты башка? Теперь остается лишь подождать, пока охранники сами вынесут нас из камеры, из Десятого Павильона и – наконец – из Цитадели, - торжественно объявил он. Ну, чего ждешь? Забирай нас обоих в лампу.

- Так я что, в лампе должен сидеть? – удивился джинн. – Ну нет, я заболел от одного вида этого предмета. Я не сидел там уже лет сто, и все равно становится плохо. Нет, в середину я не полез, что бы ни случилось!

- Тихо! И без дискуссий! Лезь и не болтай!

Данил подскочил к лакею и схватил того за плечо. Потянул сильно, но чернокожий упирался. Его гордое и благородное лицо искривилось в гримасе отвращения и даже чуточку как бы страха.

- Ну не могу я вот так, просто взять и лезть... - слезливым тоном заявил он. – Это же словно я вновь будто самый обычный пустынный демон, закрытый в лампе и ожидающий милости от обычного смертного... Это меня унижает. Помимо того, я страдаю болезненным отвращением к тесным помещениям. По этой причине у меня сыпь может пойти, приступы жара... У меня в этом плане даже имеется папирус, выписанный придворным сину фараона Тутмоса III.

- Кем? – спросил изумленный инженер.

- Сину. Так называли дипломированного врача в древнем Египте. А знаешь, какими замечательными медиками были древние египтяне?

- Хватит уже. Сейчас сюда охранники пожалуют, и вот тогда у нас начнутся неприятности, - зашипел Данил. – А ну лезь в лампу. Я приказываю!

Алозий встал с болезненным вздохом и вытер нос рукавом. Он взял своего хозяина под руку и закрыл глаза, затем произнес магическую формулу на древнем и уже мертвом языке, и Данил почувствовал, как резко теряет вес. Он глянул вниз и еще увидел, как ноги их окутывает дымный водоворот. Они поднимались в воздухе, легкие, словно пушинки, и через мгновение превратились в облако. Облачко закружило и помчалось в сторону узелка с вещами турка, где со свистом всосалось в носик старинной лампы.

Варшава, 14 (26) ноября 1871 г., утро

Генриетта с особенным вниманием осматривала обширное помещение, восхищаясь искусными рельефами, что окружали потолок и окна, а также старомодные канделябры, помнящие времена польских королей. Со стен на нее глядели державные деятели в кунтушах и французских костюмах с белыми париками на головах. Королевский Замок девушка получила возможность увидеть изнутри впервые в жизни, и ее любопытству даже не мешал тот факт, что в столь ранний час сюда ее вызвал ужасно разгневанный фельдмаршал Берг. Сейчас юнкер-девица сидела за столом президиума в Зале Совета, где много лет назад собирались советники короля Станислава Августа. Царские наместники тоже любили устраивать здесь дебаты, представляя себе, что могут усестись на стоящий под стеной трон.

- Надеюсь, что наш дорогой наместник не забыл, что созвал чрезвычайное совещание, - шепнул прямо на ухо девушки полковник Кусов. - Что-то в последнее время здоровье его все чаще подводит, - и офицер выразительно постучал себя согнутым пальцем по лбу.

Фроляйн фон Кирххайм в ответ лишь улыбнулась. Близость полковника воздействовала на нее чрезвычайно приятно. Его запах, представляющий собой смесь запахов накрахмаленной сорочки, табака, одеколона и помады для волос, она могла распознать уже с закрытыми глазами. И как только этот запах попадал ей в ноздри, девушка буквально теряла сознание, представляя себе, как красавчик-офицер обнимает ее и целует. Генриетта инстинктивно затрепетала ресницами и захихикала, будто распоследняя дурочка. Этот ее смех в высоком и строгом зале прозвучал чуть ли не как святотатство.

Тогда она испуганно закрыла рот пальцами и глянула на сидящих за столом офицеров. Кусов едва сдерживал насмешливое фырканье. Оберполициймейстер Розвадовский снисходительно улыбался; начальник следственного отделения Специальной Канцелярии, полковник Михаил Анненков не поднимал взгляда от бумаг, и только начальник полиции, варшавский оберполициймейстер Винценты Около-Кулак и сидящий рядом с ним командир корпуса жандармов полковник Людвик Савицкий смерили девушку грозными и суровыми взглядами. Последний офицер, Сергей Муханов – красивый брюнет средних лет, оскалится в усмешке и заговорщически подмигнул пруссачке. Генриетта почувствовала, что краснеет; лицо, должно быть, сделалось кирпично-красным.

Крылья широких дверей распахнулись настежь, и в зал въехал наместник Берг на своей медицинской коляске. Машина фыркала и скрежетала, паровой свисток выпускал белые облачка, а медные трубки, подключенные к шее государственного деятеля, колыхались словно щупальца поднимающегося к поверхности воды осьминога. Сам фельдмаршал сидел выпрямившись, с неизменным рыжим париком на голове; в его руке была пачка бумаг. Помутневшие от старости глаза как и всегда глядели на удивление живо, в них горели искры злорадного разума.

- Через два часа на Петербургский вокзал прибудет поезд, - сообщил Берг еще до того, как коляска подъехала к столу. - На нем в Варшаву прибудет некий чешский аристократ. Граф Розвадовский сообщит вам, кто это такой, хотя и так все прекрасно об этом знают.

- Князь Богуслав Хотек? - Похоже, что Розвадовский смешался, как не уверенный в собственных знаниях ученик, которого вызвали к доске. - Ну да, он же чрезвычайный посол Австро-Венгрии, возвращающийся в Вену из столицы.

- Хорошо, Константин Иванович, можете садиться, - милостиво предложил Берг так и не поднявшемуся офицеру. - Замечательная сегодня погода, жалко только что льет дождь. О чем это я, того-сего? Ага! На два дня посол останется в Варшаве. Все это время наши люди обязаны неустанно оберегать его. Наши лучшие агенты, чиновники, офицеры - абсолютно все! С глаз его они не имеют права спустить даже в сортире! Прошу прощения за выражение. Снова катетер давит, черт подери, чтоб Господь наказал всех этих коновалов, которые меня лечат! Ладно! - хлопнул он пачкой бумаг по столу. - А сейчас скажите мне, как так случилось, что подозреваемые до сих пор не гниют в Цитадели? А?

- Это которые, ваше высокопревосходительство? - спросил Розвадовский. - У нас еще две сотни пока что не допрошенных, а с учетом тех, что по камерам, так это человек шестьсот.

Кусов тут же побледнел и беспокойно заерзал.

- Довнар сбежал? - догадливо спросил он.

- Ну да, сбежал, сукин сын, - Берг приподнял парик, почесал лысину и снова надел, только в этот раз криво. - Я с самого начала говорил разобрать его на куски, бросить в яму и переплавить, но вот фроляйн фон Кирххайм утверждала, будто бы он верный царю россиянин. Того-сего! Но пока что прусская полиция, в лице дамочки, только путает нам карты! Не удалось схватить демона-террориста, который в настоящее время в лице зомби бегаёт по варшавским улицам; никто понятия не имеет, где следует искать являющегося турецким шпионом джинна, а теперь еще выпустили из рук подозреваемого в руководстве всем заговором этого польского профессора кислых щей и баварского кваса и неудачливого бунтовщика. Это вам что, шуточки? Царские службы, при поддержке всей мощи Империи, не могут справиться с этим жалким сбродом?

- Ваше высокопревосходительство, у нас в Варшаве и не такие проблемы случались, но всегда мы как-то справлялись, - с энтузиазмом вмешался Михайлов.

- Ой, Сережа, Сережа, - чмокнул Берг. - Только не надо мне вспоминать про времена, когда ты был адъютантом великого князя Константина, а то в котле моей коляски даже вода возмущается! Если бы я вовремя не прибыл в Варшаву, польские мятежники слопали бы вас обоих живьем! Хрен вы там с чем справлялись! Твое счастье, что к тому времени ты подал в отставку, ведь если бы государь спросил с тебя за неспособность, сидел бы ты сейчас где-то на Кавказе или киргизских степях, а не балерин лапал в Варшаве. Вместо того чтобы провозглашать дурацкие комментарии, пошевелил бы башкой, ведь раньше тебе это иногда удавалось.

Муханов только кашлянул и со злостью дернул себя за ус, вот отваги ответить наместнику чем-нибудь обидным у него не было. Генриетта с любопытством глянула на видного полковника в мундире, который сейчас исполнял должность директора государственных театров и по личному указанию Берга пытался превратить Варшаву в самый веселый город Империи. Якобы, он принадлежал к кругу наиболее доверенных людей старого наместника и его советников, и только лишь потому он находился здесь сегодня, ведь никаких серьезных должностей он не исполнял.

Берг окинул мрачным взглядом всю компанию и повторил вопрос:

- Так узнаю я что-либо осмысленное о жалкой неспособности жандармерии и полиции?

- Ваше высокопревосходительство, позвольте мне... - отозвался сосед Генриетты.

- О, мой дорогой князь Кусов. – Берг усмехнулся настолько пугающе, демонстрируя искусственные зубы из керамики, что все вздрогнули от испуга. – Это же чуть ли не вчера я носил тебя на руках, приглаживал твои черные волосики, когда ты игрался в саду моего поместья в Курляндии. Теперь ты вырос красивым и способным молодым человеком, кто знает, когда-нибудь, возможно, ты даже займешь мое место... Только тебе много чему еще следует научиться. Во-первых, не выскакивай со своими замечаниями, когда твой начальник взбешен и раздает порку направо и налево. А то ведь начальник может вспомнить, что это именно ты представляешь специальные службы Его Величества, и что именно ты главный ответственный за ведение следствия. Но пока что вот тут, в этих вот бумажках, никаких осмысленных выводов я не вижу, одни глупые гипотезы...

- Имеется стенограмма допроса инженера Довнара, который я лично проводил, - вмешался Розвадовский.

- Чуть. – Берг взял в руку стопку листов с показаниями Данила и отбросил их на пол. – Похоже, что вы начинаете страдать старческой немочью, раз вы, следовательно с таким громадным опытом, серьезно относитесь к подобного рода бредням. Довнар не сказал ни слова правды. Я уже начинаю думать, а имеется ли вообще какой-то международный заговор, или вся эта авантюра – это попытка сеять хаос некими анархистскими группировками. Ведь этот анархизм в последнее время сделался, вроде бы, даже модным.

На мгновение Генриетта отключилась и дальнейшего хода разговора не слышала. Поначалу она поежилась, когда поняла, что именно Довнар и является упомянутым ранее важнейшим подозреваемым. К тому же он сбежал из Цитадели, то есть, совершил невозможное. Так кто же он на самом деле такой?

Она загляделась на полковника Кусова, сидящего с мрачной миной и раздавливающего фельдмаршала взглядом. Так выходит, Александр из княжеского рода, он принадлежит к высшей российской аристократии. Теперь становились понятными его легкая эксцентричность и превосходные манеры. К сожалению, возможная связь между князем и Генриеттой делалась еще менее вероятной, любые романы с ничем не примечательной пруссачкой, происходящей из мелкопоместного юнкерства, был бы чудовищным мезальянсом. А жаль! Хотя, с другой стороны, сердцу ведь не прикажешь! Случались браки и по любви, и влюбленные никак не принимали в расчет собственное происхождение. Но вот испытывает ли он хоть что-нибудь в отношении нее? Быть может, это она неверно интерпретирует его поведение? Ну а что же еще должны были означать все те ласковые словечки, жесты, улыбки и шуточки, мелкие нежности, практически незаметные прикосновения? Сегодня, перед тем, как войти в Зал Совета, он поправил ей бант в волосах и поцеловал в лоб, а точнее – в один из винтов. Весьма значащий и интимный жест. Разве мог означать что-либо иное, как не заинтересованность и нарождающуюся любовь?

- А вы, фроляйн, меня слышите? – вырвал из размышлений голос фельдмаршала. Все офицеры внимательно глядели на нее. Похоже, она надолго задумалась и прошаляпила часть беседы. – Мы тут размышляем над тем, почему это в обоих случаях нападения демона фроляйн всегда находилась в самом центре событий. Террорист всякий раз сталкивается с вами. Может вы его чем-то притягиваете? А может это и не случайность?

Генриетта почувствовала, что краснеет. Она не привыкла, чтобы на нее пялилось столько высокопоставленных мужчин.

В обоих инцидентах у меня было впечатление, будто бы демон выбирал именно меня в качестве цели атаки, но буквально перед тем, как нанести удар, он как бы раздумывал и бросался на находящегося рядом мужчину.

- Мы установили, что этот тип был чудовищным способом замучен и убит, а после смерти, вероятно, еще и обусловлен. Им управляют эмоции, которые он переживал в момент смерти. Именно ими пользуется тот, кто всеми этими покушениями управляет. Возможно, фроляйн фон Кирххайм ассоциируется демону с женщиной, которую он знал при жизни. Быть может, имеется физическое подобие между Генриеттой и дамой, которая демона обидела, - заявил полковник Кусов. – Небывалая красота нашей прусской приятельницы может действовать на демона словно бикфордов шнур, поджигающий бочку с порохом. Она может действовать на него словно детонатор.

- Но демон не в состоянии сделать ей что-либо нехорошее, поэтому он наносит удар в находящегося рядом мужчину, - вошел ему в слово Розвадовский. – Он испытывает жалость к женщине, похожей на фроляйн фон Кирххайм, но истинное бешенство будит в нем сопровождающий ее мужчина. Это ревность! Им управляет банальная ревность! И убивает демон тоже из ревности!

- Мы узнали бы об этом со всей уверенностью, если бы жандармы захватили убийцу, - вздохнул Кусов. – Его сразу бы допросили, до утра ему бы не осталось ничего скрывать.

- Вот только не надо валить вину на моих людей, - отозвался полковник Савицкий. – Ваши агенты тоже там находились, но им как-то не удалось обездвижить самого обычного живого труп.

Берг закрутил рукоятку в кресле, и зал сотрясся от грохота, исходящего из медицинской машины. Предохранительный клапан с шипением выпустил в потолок клубы пара. Фельдмаршал зевнул, как будто все ему ужасно надоело.

- Труподод, в которого сейчас превратился демон благодаря моему вмешательству, - не обращая ни на кого

внимания, продолжил Кусов, - теперь представляет собой лишь частично сверхъестественное существо. Он содержит лишь следовые количества эктоплазмы, которая, впрочем, очень скоро начнет исчерпываться. Он не был заякорен в реальности и зафиксирован механическим образом, так что сейчас он является обычным, можно сказать – каноничным, зомби. Он уже гниет, и в один прекрасный день начнет терять конечности и части тела, разум начнет отказывать ему, он будет терять память. Если мы желаем хоть что-то вытянуть из него, следует захватить его как можно быстрее. Ну а реальной угрозы он уже не представляет. Так что за безопасность князя Хотека мы можем не беспокоиться.

- Ах ты дорогой мой мальчик, держи конфетку, - Берг вытащил из кармана мятный леденец и бросил его полковнику. – А теперь соси и молчи, будь уж так добр, - прибавил он совершенно холодным тоном. – О том, стоит ли беспокоиться о безопасности чешского князя, решать буду я! Анархисты, демократы или какие-то другие сукины дети, которые за всем этим стоят, не откажутся от собственных намерений, даже потеряв одного демона. Доставят следующего, воспользуются големами, наемными убийцами или марионетками, как в случае покушения на фролайн фон Кирххайм. Да, собственно, хоть что-то мы о них узнали?

- Да, мы провели экспертизу тел, - в первый раз отозвался начальник следственного отделения Аненков. – Их даже удалось идентифицировать, все четверо – это безработные балбесы с Повишля, убийцы на побегушках. Они были опьянены, после чего опутаны путем инъекций эктоплазмы и монтажа механизмов в затылках. Обычный имплантат, который одноразово можно вмонтировать в черепе марионетки, если напрямую вонзить его в мозг. Устройство ужасно архаичное, армия пользовалась такими во время крымской войны, теперь никто их не употребляет по причине низкой жизнеспособности марионеток. Эктоплазма сторае за пару часов, и марионетка падает трупом.

- Устройства были французскими или турецкими? – по-деловому спросил директор театров Муханов.

- Российские. Много лет назад они должны были быть уничтожены по акту. Похоже, что какая-то партия исчезла с военного склада, что, как мы знаем, случается довольно часто.

- Ну а кофе уже подали? – совершенно уставшим голосом спросил Берг. – А о чем, собственно, мы беседуем? И что это за женщина тут? Ах да, вспомнил уже. Ну ладно, дорогие мои. Найдите мне этого несчастного труполода, несостоявшегося инженера и сумасшедшего джинна. И резать ремни из спин, пока все не расскажут. Нам следует напомнить жителям, кто здесь в Варшаве управляет. Повесьте нескольких подозреваемых из Цитадели, с полдюжины мелочи расстреляйте. Казакам дайте водки, пускай кого-нибудь изнасилуют, прибьют до смерти... глядишь, может разграбят и спалят несколько домов. А теперь пускай мне принесут кофе, а не то душно, и спать мне хочется, хотя погода и такая замечательная. Жалко только, что дождь как из ведра!

Варшава, 14 (26) ноября 1871 г., то же самое утро

Склад Струн и Инструментов в воскресенье, понятное дело, не работал, но именно в его двери с грохотом постучал прибывший из Цитадели жандарм. Долго ждать ему не пришлось, поскольку открыл ему худой приказчик, у которого выходного дня сегодня не было, вот он и полировал сияющий новизной товар. Жандарм сунул ему в руку пакет, потребовал написать расписку и ушел. Приказчик запер дверь на засов и помчался на второй этаж, где постучал в одну из квартир.

- Лично в руки Бурхан Бея, - сказал он, кланяясь одетому в ливрею мужчине с громадным пузом. – Из Цитадели принесли.

Великан со смуглой кожей и невероятно громадными лапами бесцеремонно вырвал посылку у служащего. При этом он искривил свое полное лицо, буркнул что-то под нос и захлопнул дверь.

- Сарацины чертовы, - буркнул молодой приказчик и вернулся вниз, на склад.

Сверток, тем временем, добрался до кабинета, где за письменным столом сидел закопавшийся в бумагах турок. Он глянул на евнуха в ливрее, одного из двух своих приближенных, одновременно исполняющих функции слуг и охранников, после чего заговорил по-турецки:

- Положи это на столике, Ферди. Наверняка это мои трубка и феска. А Хакки все еще следит за упаковкой товара?

Евнух заурчал что-то невыразительно, жестикулируя при этом обеими руками. Бурхан наморщил брови. Ферди был верным и послушным, к тому же был знаменит как один из самых умелых душителеей во всей Османской империи, но имелся у него один маленький недостаток – вместе с яйцами ему отрезали и язык. Так что дискутировать с ним бывало довольно затруднительно. Правда, это же обладало и своей положительной стороной: Ферди принадлежал к числу замечательных и терпеливых слушателей, опять же – никому и никогда не выдавал секретов. А Бурхану иногда бывал нужен кто-то, перед кем он мог выговориться. Возможность высказаться позволяла ему снять с себя бремя забот, одновременно сконцентрироваться над решением проблемы.

- Меня беспокоит последняя партия товара, - сказал он. – Времена сделались беспокойными, лично я предпочел подождать с отсылкой, пока горячка немного не спадет. За нами идет куча царских шпигов, всех их мне не перекупить. Не хватало еще, чтобы жандармы ворвались на склад и начали обыск в подвалах. Вот тогда бы нам досталось на халву...

- Буугххх, харооогххх амууууу, - задумчиво проблеял евнух.

- И что с того, что переход скрыт? Тщательный досмотр – и нам конец! Было бы лучше перевезти товар в новое место, а еще лучше – найти новое, более безопасное транспортное средство. Такое, чтобы удалось избежать обыска на рогатках, на таможне и так далее. Эх, вот если бы тот инженер вышел из тюрьмы и пожелал сотрудничать с нами. Я слышал о нем много хорошего, похоже, у парня появляются необычные задумки. Наверняка ведь что-нибудь нам предложил. А нам в этой стране обязательно нужна научно-техническая поддержка. Ведь нам как-то нужно облегчить себе жизнь, а то

повсюду такие взятки давать нужно, что скоро пойдем милостыню просить. Да, да, знаю. И все равно – для нас это будет выгодно, – хитро усмехнулся турок. – В Константинополе уже ожидает толпа ожидающих моего товара. А ведь у старого, доброго Бурхан Бей товар такой, что пальчики оближешь. Если бы эта вот транспортировка удалась, и мы заработали, сколько следует, мы могли бы расширить деятельность на Петербург, Киев и Москву. После того я захватил бы Пруссию и Кенигсберг – и вся восточная Европа стояла бы передо мной на коленях. И вот тут уже деньги, богатства неслучайные... Несколько лет трудов, и мы перешли бы на заслуженный отдых. На сей раз я не позволю, чтобы все пенки снял бейликчи⁵⁴, который наверняка пожелает наложить свои грязные лапы на наши доходы и обложить их налогом. Ну да, Порта защищает и финансирует, Порте полагается чего-то отдать. Но разве не плачу я родине своей верной службой? Разве, благодаря мне, не получает она самый лучший, самый свеженький товар? Так следует мне хоть что-то от жизни? А? Или так и буду пахать за несчастные объедки? А вот вам!

Бурхан Бей показал внуку, чего он собирался им дать, и в сердцах схватился из-за стола. Какое-то время он ходил туда-сюда по кабинету, после чего потянулся за узелком, чтобы взять оттуда любимую трубку. Он сунул ее в рот, после чего вновь сунул пальцы в сверток за кисетом с табаком. Неожиданно внутри он нащупал небольшой металлический предмет.

- А это чего такое? – Он вытащил масляную лампу и, морща брови, начал ее разглядывать. – Это не мое! Выглядит что твой антиквариат. Интересно, сколько эта штука может стоить, и откуда она взялась. Ты гляди, а возле ручки совсем патиной покрылась. Тут какие-то буквы. Надо протереть...

Едва лишь он прошелся пальцем по лампе, как из носика вылетел клуб дыма. Целое облако дохнуло прямо в лицо турку. Он взвизгнул и отскочил назад. Дым закружил, из него сформировались две фигуры. Но тут же между ними и Бурхан Беем очутилось массивное тело Ферди. На громадном, что твоя буханка, кулаке толстяка блеснул железный кастет.

- Прошу прощения за непрошенный визит, милостивый государь, – поклонился Данил. – Ни в коем случае не стал бы навязываться столь грубо, если бы не обстоятельства.

- Это вы? – удивился турок, который к этому времени успел добраться до стола и даже вытащить из его ящика американский шестиствольный револьвер, который все любовно называли "перчицей". – Как я рад вас видеть, дорогой инженер. Вы словно мне с неба свалились!

Алоизий пошатнулся и, оттирая пот со лба, оперся о стену. Его вытесанное в камне лицо искривилось в гримасе отвращения после потрясения его пребывания в лампе. К нему вернулись кошмарные воспоминания о далеком прошлом, когда он пролежал в этой медной тюрьме, закопанной в речном песке, несколько сотен лет. Данил выглядел намного лучше, тем более, удостоверившись, что он находится далеко за пределами Цитадели.

- Могу я вам чем-нибудь помочь? – вежливым голосом спросил он турка.

- Думаю, что мы оба сможем помочь друг другу, – усмехнулся Бурхан Бей, забросил револьвер в ящик стола и с грохотом задвинул его

Варшава, 14 (26) ноября 1871 г., перед полуднем

Подворотня дома на улице Шлиской потеряла ворота – разбитые и превращенные в кучу щепок боевым големом. Полиция заменила их временными, сбитыми из нескольких досок и запертыми изнутри на железный брус с висячим замком. Генриетта остановилась перед бывшими воротами и, немного поколебавшись, пошла дальше. За объектом могли следить, как полиция, так и террористы. Девушке дали свободу в ведении следствия, но ей не хотелось, чтобы открылось, что она интересуется беглецом. Так что она не просила разрешения на то, чтобы зайти в дом, а попала сюда как бы случайно. В глубине души она рассчитывала на то, что Данил мог появиться здесь, хотя вот это было бы настоящей глупостью.

Генриетта даже не могла сказать, почему для нее все это так важно. Ведь она старалась забыть о Даниле, выбросить из сердца и памяти. По после совещания у наместника Берга почувствовала потребность проверить, что делается с Довнаром. Какое-то непонятное, зато жгущее беспокойство не дало спокойно согласиться с тем, что инженер сделался врагом общества номер один. Генриетта не верила в его вину – ну ведь это же невозможно, чтобы этот милый, скромный мужчина руководил целой сетью террористов и убийц. Тогда бы это означало, что это именно он наслал на нее запрограммированных бандитов. А ведь все выглядело так, будто бы что-то он к ней испытывает, что она ему не безразлична. Необходимо было поглядеть ему в глаза. Неважно то, что их союз закончился еще до того, как смог хорошенько начаться. Генриетта еще раз хотела увидеть Данила и спросить, во что же такое он влез.

Похоже, князь Кусов не имел бы ничего против того, что она заботится о знакомом? Всего лишь приятеле, больше ни о ком! Тем не менее, она ни слова не сказала своему новому обожателю, что интересуется Данилом. И надеялась, что тот об этом тоже не узнает.

Генриетта свернула на Тварду, широкую улицу, идущую от Виленского вокзала, через весь центр, и за ближайшим перекрестком пошла по улице Плаской. Таким способом она обошла квадрат доходных домов, потом скользнула в открытые ворота одного из домов, внутренний дворик которого соседствовал с тылами флигеля дома Довнара. К счастью, местных сторожей поблизости не было видно, а на площадке играла пара мальчишек, гоняясь за деревянным колесом, которое они подталкивали кривыми палками. Те даже остановились, увидав уверенным шагом прошедшую на самую середину двора даму в черном платье и в шляпке. Совершенно не обращая внимания на зрителей, она направилась бегом к высокому забору, разделяющему участки. Девушка отразилась от земли в могучем прыжке, схватилась за ограды и

⁵⁴ Явно какой-то начальник турецкой налоговой службы. Если даже я и ошибаюсь, то не сильно. – Прим.перевод.

перемахнула ее ну совсем как в цирке. Исчезла она столь же неожиданно, как и появилась. Все случилось настолько быстро, что онемевшие дети какое-то время не двигались, размышляя над тем, а что они, собственно, видели.

Тем временем Генриетта приземлилась в узеньком проходе, заполненном гниющим мусором и, в связи с чем, немилосердно вонявшем – между забором и стенкой флигеля. С отвращением прикасаясь к замшелой стене, девушка осторожно пошла вперед и вышла во двор дома Данила. Увидав валявшуюся посреди площадки кучу мусора, она даже всплеснула руками. Прямо под дождем валялись разбитая мебель, одежда, книжки и уже ни на что не пригодное лабораторное оборудование. Рядом стояло незавершенное транспортное средство, на которое любящие здоровую шутку солдаты затащили кровать вместе с постелью. В ходе обыска практически все движимое имущество было вытаскано во двор и уничтожено. И это было всего лишь формой предостережения, говорившего, что подозрения в отношении обвиняемого весьма серьезны, и что относиться к нему будут со всей суровостью.

Дверь, ведущая вовнутрь флигеля, болталась на ветру, окна в головном здании скрипели открытыми ставнями. Выходит, в последнее время хозяин дома не появлялся.

Выходит, нечего мне здесь делать, поняла Генриетта и уже повернулась было, чтобы вновь перепрыгнуть забор.

И тут она застыла на месте. Ее взгляд встретил невидящий взгляд черных глазниц труп, сидевшего под стенкой флигеля. Зомби! Это он. Культы поломанных органных труб торчали у него из спины, носившей следы гнили, смешанной с трупной бледностью. Насильно лишенный демоничности, зомби выглядел, скорее, жалко – это были только лишь чудовищно изуродованные людские останки. Зомби сидел неподвижно, уставив глаза на сложенные на коленях и лишенные кистей руки. С момента появления Генриетты он даже не шевельнулся, вот почему та заметила его лишь спустя какое-то время.

В течение нескольких ударов сердца они глядели друг на друга, хотя трупод и был лишен зрения. Но, похоже, после смерти это ему совершенно не мешало.

В конце концов, девушка сунула руку в карман своего пальто и вытаснула револьвер. Второй рукой она вытаснула плоский гаечный ключ, чтобы в случае чего отвернуть клапаны на лбу. Зомби лишь поднял обе культы рук, как бы сдаваясь.

- Ты искала меня? – спросил он не совсем четко. Как и все творения, которым не нужно было дышать, у него были определенные проблемы с артикуляцией слов. – Теперь-то я вижу, что на нее ты не очень даже и похожа. Музыка многое изменяет.

- Даже не пробуй шевелиться, - рявкнула Генриетта в ответ. – Ты откуда здесь взялся?

Зомби опустил руки, как будто вонзенные в них лезвия представляли для него значительную тяжесть, затем склонил голову, словно смертельно уставший человек.

- Я не сделаю тебе ничего плохого. Ноги перестали меня слушаться, я теряю силы, - жалобно сообщил зомби. – Сюда я добрался, потому что помню это место еще по той стороне. Оно не раз светилось во мраке, когда живущий здесь исследователь заглядывал в пустоту между мирами и протягивал руку к другим реальностям.

- Так тебя призвал Довнар? Ты выполняешь его приказы?

- Меня призывает только музыка. Могчая, сильная, такая – что пробивается в мир умерших, несомая самыми способными артистами. Моя музыка. Это ее я ищу...

- Зачем тебе музыка в мире теней? – Генриетта опустила револьвер.

- Без нее я не могу успокоиться. Я страдаю. Злодей находится где-то близко, я его чувствую. Это он украл у меня тебя, любимая, а когда ты ушла, исчезла и музыка.

Девушка спрятала оружие в карман и подошла к трупку. От того ужасно воняло вскрытой могилой: землей, тухлыми останками и сладкой вонью разлагающегося мяса. Человек пал жертвой жестокого убийства, а его труп не был захоронен в освященной земле. Ему еще повезло, что разложение не зашло слишком далеко, и эктоплазмы хватило добраться сюда. Наверняка, когда он шлепал в темноте по варшавским улицам, прохожие принимали его за пьяницу, который только-только выполз из сточной канавы.

- Ты вернулась, моя дорогая? – зомби поднял голову, и Генриетта вновь глянула в его пустые глазницы.

"Нет, какая же сволочь так с ним поступила?" – с ужасом подумала юнker-девица. На войне она видела много случаев жестокости, тем не менее, поежилась, представляя себе страдания этого несчастного. Ничего удивительного, что он превратился в демона. Чудовищная несправедливость, любовное разочарование и утраченная музыка. Результатом всего этого стало появление ущербного духа, ищущего мести в мире живых.

- Я не твоя любимая, - буркнула Генриетта. – Ты ведь и сам заметил, что я на нее не похожа.

- Простите, пани, - вздохнул тот, и из его рта потекла струйка черной крови. – Мой разум все чаще и сильнее теряется. Я так устал, так ужасно измучен...

- Я прослежу за тем, чтобы тебя похоронили надлежащим образом. Больше не будешь страдать, но вначале скажи: а что ты здесь делаешь. Зачем ищешь Довнара? Быть может, это он украл у тебя музыку? Ты убиваешь по его приказу, чтобы вновь обрести часть собственной души?

Зомби отрицательно покачал головой, затем пошевелился, как будто пытался встать, но упал на место.

- Я не знаю, о чем ты говоришь, - с трудом пробормотал он. – Никакого Довнара я не знаю. А сюда пришел затем, ибо, если не считать костелов, церквей и синагог, это единственное место, которое на том свете светится силой. Я знаю, что ученый, который ею владеет, сможет мне помочь. Он вышлет меня на тот свет с моей музыкой, позволит найти любимую.

- А кто приказывал тебе убивать?

- Ярость. Голод. Жажда, - сообщил тот. – И еще – он. Злодей и изменник. Это он сделал мне все это, это он за все отвечает. Это он украл у меня любимую женщину, и музыка меня покинула.. Когда я прибываю на зов, он снова там. Стоит

рядом с моей дражайшей. Издевается надо мной. Я обязан его убить, и убиваю, но он все время возвращается.

- Ничего не понимаю, - раздраженно отмахнулась Генриетта. – Какие-то бредни чертовых трупиков. Тут пригодился бы некромант.

Девушка глянула на груды вытасченного из дома и превращенного в мусор ценного имущества. Под дождем мокли раскрытые книги, древние издания и бесценные инкунабулы. В коллекции Данила имелась и знаменитая и проклятая Книга Мертвых. Быть может, в ней удалось бы что-то вычитать и самой допросить трупика? Промелькнула мысль вызвать полицию и незамедлительно привезти сюда полковника Кусова. Но вот что же с Данилом? Зомби может снять с него все обвинения в шпионаже и терроризме.

Генриетта энергично направилась в сторону ворот, но на полпути остановилась. А что если при виде жандармов трупик начнет сопротивляться? Достаточно будет приличного пинка, чтобы башка у него отвалилась, и тогда все шансы очистить Данила пойдут псу под хвост. Необходимо с зомби переговорить, зафиксировать, чтобы он не подвергся деструкции, после чего спокойно перевезти в Цитадель. Там он попадет в лапы царских некромантов, которые выжмут из него любое, даже самое малое воспоминание. Его наколют эктоплазмой и смонтируют механическое поддержание псевдо-жизни, чтобы после того пытать сколько им будет угодно.

Девушка глянула через плечо на несчастное создание. Жалко беднягу, он и так настрадался при жизни, так за что же ему терпеть пытки еще и после смерти. Быть может, гораздо этичнее было бы допросить его по-хорошему? Да, он убивал, но одурманенный приказами некоего демонолога или какого-то другого шустрого мерзавца. Он всего лишь жертва, орудие в руках бесчувственного убийцы. Нельзя обрекать его на дальнейшие страдания! О нет! Необходимо выбить себе из головы подобные мысли! Ведение следствия за спиной союзников противоречит всем уставам. Нельзя нарушать закон во имя жалости и заботы в отношении какого-то там зомби и неудачливого любовника! Ведь фон Кирххайм – в первую очередь – остается прусской дворянкой, юнкер-девицей и солдатом! Обязанность, посвящение, железная мораль! Никаких частных дел, никакой жалости!

Тем не менее, вопреки рассудку и уставам, она вернулась к трупика, который с трудом, опираясь о стену, поднялся на ноги. Генриетта крепче схватила одну из погнутых органических пицалок, торчащих из спины зомби, и, рванув, вытащила.

- Благодарю тебя, прекрасная панна, - зомби искривил рот в кошмарной имитации улыбки. Из-за зубов выпало несколько белых личинок. – Мне сразу же стало легче.

Он выпрямился и потянулся, треща суставами. Сунул лезвие, торчащее в культи правой руки в зубы и с хрустом вырвал, после чего выплюнул кусок жести на землю.

- Сейчас избавимся от всего лишнего и пойдем в лабораторию Данила, поищем чего-нибудь для подкрепления и освежения памяти, - решительным тоном заявила девушка. – У инженера имелся приличный набор всяческих эликсиров. Как-то он мне его показывал. Интересно, пережило ли хоть что-то обыск. Настойки на травах, искусственные токсины, смолы реальности, растворы субстанций, меняющих сознание; машинные масла, экстракты из препаратов сверхъестественных существ и эссенции чужих реальностей. Надеюсь, что русские всего не выпили.

Варшава, 14 (26) ноября 1871 г., перед полуднем

- То есть, вы хотите сделать меня контрабандистом! – отметил Давид.

Бурхан Бей искривил губы в жесте отвращения; определение ему явно не понравилось. Тем не менее, он услужливо пододвинул в сторону инженера турку с кофе, пристроенную на спиртовой горелке, и даже собственноручно наполнил чашку гостя. Алоизий, третий из сидящих за столом, приподнял брови, сигнализируя смущение неудобной ситуацией, после чего разрезал булку, которую до этого держал в пальцах, и нафаршировал ее солидной порцией варенья. Довнар не обратил внимания на угрюмые мины товарищей, он всегда говорил то, что думал, как правило – без раздумий, не заботясь о последствиях. Турок предложил ему долю в подозрительном и незаконном предприятии, суть которого заключалась в незаметном вывозе какого-то товара с территории Российской Империи, перевозке его через всю Австро-Венгрию до самых границ Империи Османской. И чем это могло быть, как не контрабандой?

Инженер пожал плечами, сделал глоток горячего кофе, жалея, что это не кружка пива, и протянул руку за печеньем.

- Вам и не нужно будет лично участвовать в перевозках, - заговорил турок. – Мне бы лишь хотелось, чтобы вы придумали какой-нибудь способ незаметного вывоза деликатного материала. Чтобы вы сконструировали тайники, применили эзотерику или биомеханику, воспользовались своим ничем не ограничиваемым воображением – ну, не знаю. Вы должны кое-что сделать, чтобы наш товар сделался совершенно невидимым.

- Вы уговариваете меня совершить преступление. Вы попросту хотите скрыть перевозки от глаз таможенников, - сунул Данил печенье в рот.

По сравнению с тюремным содержанием, самый простенький завтрак у турка казался ему изысканным приемом. Свежие белые булочки и печенье были для него пищей богов.

- Ой, не будем играть в детей, господин инженер, - пыхнул Бурхан дымом с трубочки. – Через царские таможенные склады ежедневно проходят сотни пудов незаконных товаров, а чиновники, глядя на это сквозь пальцы, зарабатывают себе состояния. Мои транспорты до сих пор двигались официально, по венской железной дороге, с официальными печатями и полной документацией. А рядом в сундуках находилось оружие, спирт, золото и даже нелегальные автоматы и мехаборги. Все эти товары перемещались вне официальной юрисдикции, весьма часто они отсылались высокопоставленными официальными лицами Российской Империи. Так что ничего чрезвычайного я не делаю.

Вот только, понимаете ли, мне делается плохо от сования взяток.

- Плохо от самого факта вручения взятки или от суммы, которую вам приходится отдавать? – спросил Данил.

Бурхан понимающе усмехнулся.

- А вы мне нравитесь, – сказал он. – Вы уже торгуетесь, еще до того, как прозвучали какие-либо суммы. Понятное дело, что мне претит выбрасывать деньги на взятки, но, как вы наверняка догадываетесь, платить необходимо не одним только таможенникам в Варшаве, но и пограничникам, а потом еще австрийским чиновникам. Один транспорт обходится мне где-то в тысячу рублей.

- Это вы пошутить изволили, – басом вмешался Алоизий. – Если это несколько сундуков, то расходы наверняка превысят тысячу рублей.

Бурхан Бей готов был испепелить Джинна взглядом, но вместо того широко улыбнулся Данилу.

- Замечательно. Предлагаю вам пять тысяч за разработку способа перевозок, а после того – тысячу двести рублей за каждую удачную перевозку.

Данил встретился взглядом с Алоизием. Джинн отрицательно покачал головой, тем самым давая понять, что оплата слишком низкая. А вот турку такое изобретение было явно крайне необходимо, и он готов был заплатить за него бешеные деньги. Инженер какое-то время вел внутреннюю борьбу с собственной жадностью и собственным чувством приличия. Перед глазами его встал банковский исполнитель и хитрая мина чиновника, с которым Довнар подписывал договор ипотеки. В банке все еще ожидали выплаты первой рассрочки на общую сумму тридцать тысяч рублей плюс проценты.

- Вначале я должен увидеть этот товар, – осторожно начал Данил. – Стоимость может зависеть от специфичности перевозок, которые, в свою очередь, будут зависеть от параметров и общих характеристик материала.

- Вот нравится мне такой научный язык, – обрадовался Бурхан. – Если вы уже закончили завтракать, тогда прошу пройти вниз, на склад.

Данил отложил наполовину съеденную булку и встал из-за стола. Алоизий тоже поднялся и с достоинством надел свой коротковатый еврейский лапсердак, как будто бы надевал элегантный фрак. По лестнице все спустились в склад, по которому бегала пара приказчиков, а один мужчина в годах явно исполнял роль их начальника. Пожилой, не говоря ни слова, поклонился турку и делал вид, будто не замечает его необычных гостей. Бурхан повел Данила с Алоизием в другое помещение, где стояли футляры с виолончелями, скрипками, мандолинами и гитарами. Турок остановился возле фортепиано, поднял его крышку и, закусив губу, тщательно наиграл одним пальцем простенькую мелодию. Как только отзвучала последняя ее нота, что-то стукнуло, загрохотало, и в кирпичной стене с шипением возник замаскированный проход.

Из отверстия вырвались клубы пара, в который Бурхан вошел первым. Алоизий пропустил хозяина, после чего, склонившись, и сам втиснулся в проход. Все трое очутились на верхней площадке лестницы, ведущей в подвалы. Турок щелкнул пальцами, и в отверстиях, расположенных вдоль стены, загорелись огни газовых ламп. Данил осмотрел изнутри паровой механизм, обслуживающий скрытые двери, и удивленно хмыкнул. Похоже, Бурхан любил технические новинки и частенько вкладывал в них средства. Быть может, не поскупится он за идею относительно транспортировки. Когда замешательство с неоправданным обвинением в шпионаже наконец-то закончится, пригодится каждая копейка. Ну а если обвинение все так же будет оставаться в силе, сотрудничество с турком может оказаться единственным способом скрыться из Варшавы.

Все трое спустились вниз, где в очередной двери стоял могучий толстяк, словно две капли воды похожий на встреченного наверху Ферди. В руках у него была короткая плетка, в ремешок которой на конце был вплетен деревянный шарик. Он склонился перед Бурханом и пропустил прибывших с хозяином дальше.

Похоже, что этот подвал помнил еще времена шведских войн. На старинных каменных стенах выступали капли воды. Сырой воздух был пропитан запахами сгнившей древесины, земли и страха, откуда-то тянуло неприятным холодком. Ряд овальных пещер, исчезающих далеко в темноте, должно быть, раньше служил для сохранения запасов пищи или бочек с вином. Теперь же каждую пещеру запирала железная решетка, за которой жались по две-три молодые женщины.

Данил остановился будто вкопанный, несмотря на прохладу, чувствуя волну расходящегося в груди жара. Алоизий высился за ним словно статуя. Громадная ладонь негра опустилась на плечо хозяина, как будто бы Джинн хотел остановить Данила или же только успокоить. На него самого вид мрачной тюрьмы не произвел особого впечатления, народы Востока относятся к женщинам по-иному, чем европейцы, и единственное, что Алоизий почувствовал, это туманные воспоминания давних времен.

- Что это вы так поблдедели? – Бурхан Бей не расставался с трубкой, вот и сейчас он пыхнул ее ароматным дымом прямо в лицо Довнару. – А вы чего ожидали? Что я вывожу из России незаконно медвежьи шкуры и лесной мед?

- Работароговец... – процедил инженер.

- А вы за словами-то проследите, – возмутился турок. – Не забывайте, что слова могут больно ранить. Моя же благородная профессия – это еще семейная специализация. Род Бурханов торгует живым товаром уже несколько поколений. И не надо корчить подобные мины. Скрежет зубовой и фыркание ничего особо не изменят. Вот сейчас тут вы надуваетесь и шипите, а если я скажу, что предлагаю увеличить в десять раз начальную сумму, сразу разговор будет другим. Пятьдесят тысяч за одну только идею. И что? Не лучше? Эх, ханжество христианского мира...

- Вы похитили этих несчастных женщин? – рявкнул Данил, глядя на перепуганную девочку, прижимающуюся к не сильно старшей подруге. Обе были красивыми, а кроме холода и испуга, похоже, их ничего не беспокоило.

- Не всех, – пожал плечами Бурхан. – Вон те две сами согласились поработать за границей. Их наняли в качестве гувернанток и сиделок, некоторых – в качестве кухарок, остальных – служанок и уборщиц. И так оно на самом деле и будет.

Доберутся до Константинополя, где их продадут турецким вельможам и богачам. Там они очутятся в гаремах, то есть, домах для женщин, где они станут заботиться о детях, которых родят, учить их и вести достойную жизнь, соответствующую всякой женщине. Все они родом из бедноты. Что ожидало бы их в Варшаве? Сами ответьте.

- Публичный дом, воровство или работа на фабрике, - ответил Алоизий, опередив Данила.

- На фабрике сигар или в швейной мануфактуре, по четырнадцать часов в день, за пять, возможно, десять рублей в месяц, - прибавил Бурхан. - Хватит на кусок хлеба и угол в какой-нибудь холодной норе. Все шансы найти хорошую партию и выйти замуж за джентльмена с приличным доходом – на грани чуда. Женщина в Польше, России или Германии может самостоятельно зарабатывать только блядя, либо пахать как лошадь за несчастные гроши. Без каких-либо прав и шансов на достойную жизнь. В Константинополе же они станут женами влиятельных и богатых господ, их жизнь будет настолько изобильной, что они о такой и мечтать не могли. А самые красивые могут очутиться в гареме даже самого султана! Вы понимаете, что это означает? Каждая из них может сделаться женой падишаха. И если глаз султана на ней и не задержится, все равно, ее обучат и выдадут за кого-нибудь из гвардейских офицеров.

- Но ведь они этого не желают... - возразил Данил. - Вы их похитили, держите за решеткой...

- Да хрен там! – разозлился Бурхан и начал стучать трубкой по решетке, чтобы высыпать пепел. – Они и сами не знают, чего хотят, глупые же бабы! Ведь потом еще благодарить меня будут. Их ждет такая роскошь, которую в Варшаве они никогда не дождутся. Солнце круглый год, драгоценные подарки от любящего мужа, самые лучшие одежды, дорогие благовония, каждодневное купание в бане, сон на шелках и атласе, свежие фрукты, возможность целый день валяться кверху пузом. Этого мало? Я освобождаю их от бедности, холода, голода, польско-русской безнадёги. Да я даю им шанс на лучшую жизнь! А вы называете меня работником и контрабандистом!

Бурхан Бей театрально всплакнул и отвернулся, чтобы вытереть слезы рукавом. Данил почувствовал, что свалил дурака. Он глядел то на трясущихся от ужаса девушек, то на оскорбленного турка... и метался в сомнениях.

- А ведь польки уже не раз попадали в турецкие серали⁵⁵, - тихо произнес Бурхан. – И я не знаю ни единого случая, чтобы они сами бежали или же хотели вернуться домой. Вовсе даже наоборот; бывало, что в Турции им везло, они становились самыми важными в Империи женщинами. Самая знаменитая султанша, жена падишаха Сулеймана Великолепного, которую называют Роксоланой, на самом деле звалась Анастасией Лисовской и родом была родом с польской Червонной Руси. Ее тоже захватили силой в ясырь, а она сделалась одной из могущественнейших женщин на свете, влияла на политику Империи, стала матерью очередного султана, так что, благодаря ей, в жилах повелителей из династии Османов течет и польская кровь.

- Полмиллиона рублей, - отозвался Алоизий. – Можно и в золотых лирах. А Данил через несколько дней разработает способ надежной и бесплатной доставки девушек до самого Константинополя.

- Сумма слишком уж большая, - заикнулся Бурхан.

- Ты же сам говорил, будто бы польки являются превосходным, чрезвычайно ценным товаром, - возразил на это джинн на превосходном турецком языке. – И это не изменилось за сотни лет. Ты погляди на этих красоток. Волосы золотистые, яркие голубые глаза, кожа – что твой алебастр, ну а бедра, груди, фигура! Тонкость и решительность! Стиль и влечение. Каждая из них родит по десять детей, и все рано сохранит силу и красоту. Не то, что худосочные гречанки, тощие египтянки, злорадные армянки и взрывные грузинки. Польки всегда были в цене. За этот товар ты возьмешь состояние, и разойдется он сразу же. И ты прекрасно о том знаешь!

Данил не понимал ни слова из их беседы, в это время он сражался с собственной совестью. Логика выводов турка убеждала в том, что, помогая ему, он делает услугу и этим несчастным девушкам. Да еще полмиллиона рублей впридачу получит! Целое сокровище!

- А почему это от вашего имени торгуется какой-то негр? – возмутился Бурхан Бей. – Что это за привычки? Что может знать о коммерции какой-то там слуга?

- Я был секретарем великого визиря еще в те времена, когда твой прадед на Большом Базаре продавал краденых у горцев коз, - пробубнил Алоизий. – Так что я прекрасно знаю, сколько может стоить пара десятков белых девушек. И, как я догадываюсь, ты ведь готовишь уже и следующую посылку, правда? Так что полмиллиона рублей – это сумма самая соответственная. За полученное от Довнара ты сможешь заработать раз в десять больше.

Турок стоял, сжав кулаки и переваривая предложение про себя.

- Несколько дней – это слишком долго. Я прибавлю еще двести тысяч, если справитесь со всем до завтра.

Данил почувствовал, как стиснуло гортань. От впечатления он не мог слотнуть слюну. Предложенная сумма ошеломляла своими размерами. Семьсот тысяч. В мыслях инженер уже видел себя у алтаря вместе с Генриеттой, одетой в красное платье, так замечательно совпадающее по цвету с ее кожей. Да имея такие деньги, он сможет дать ей все. Теперь-то девушка ему не откажет.

- Согласен, - протянул он руку.

Бурхан Бей пожал ее, тем самым припечатал соглашение.

Варшава, 14 (26) ноября 1871 г., полдень

В полностью разрушенной и разграбленной лаборатории Данила, несмотря на распахнутые двери и окна, воняло

⁵⁵ Серай, сераль - дворец султана и вообще мусульманского владетеля, коего часть есть гарем, женская половина – Словарь Даля

химикалиями. О чудо, разбили только часть бутылок со стеллажей, похоже, исходящие из них дымы и смрад отпугнули солдат. К сожалению, кто-то из них, похоже, повис на чучеле аллигатора и разорвал его на две части. Сейчас они печально свисали сверху, словно полутуши на бойне. У Генриетты в мыслях промелькнули воспоминания о нескольких чрезвычайно милых вечерах, проведенных под этим висящим под потолком аллигатором. В ходе увлекательнейших бесед с Данилом о науке, искусстве или даже обычной жизни их души и мысли охватывала эйфория, почувствовать которую способны только влюбленные. Тогда почему же так скоро поддалась она чарам полковника Кусова? Девушке даже стыдно сделалось.

- Может вот это выпить? – зомби указал культей на бутылку, заполненную чем-то похожим на черную смолу.

Девушка подошла к сидящему на столе трупоходу и с отвращением скривилась. Разлагающиеся останки воняли настолько, что выдержать было просто невозможно. Эта вонь в чем-то ассоциировалась со смрадом поля битвы, осажденного города и полевого госпиталя, так что Генриетте сделалось нехорошо. Она взяла бутылку.

- Смолы реальности, – прочитала она этикетку. – Это сконцентрированная действительность и материальность. Если бы ее выпило какое-нибудь сверхъестественное существо, оно тут же подверглось бы разрушению или, в самом лучшем случае, утратило бы все свои силы. Подозреваю, что ты превратился бы в абсолютно мертвый и неподвижный труп.

- Мне необходимо принять хоть сколько-нибудь эктоплазмы, – прохрипел зомби.

- А вот этого, скорее всего, и нет. Данил говорил, что это материал труднодоступный, да еще и нестойкий. Находясь в реальности, он тут же подвергается разложению.

Девушка нагнулась и подняла бутылочку, валяющуюся под столом. На прикрепленном к ней листочке кто-то написал: *"Выпей меня"*. Генриетта оставила субстанцию на полку. В конце концов, среди остатков оборудования и реактивов она заметила бутылку темного стекла, заполненную жидкостью, излучающей бледное сияние. Должно быть, это была эссенция чужой реальности, собранная Довнаром во время открытия врат в иные миры. На небольшой этикетке инженер написал всего лишь одно слово: *"Флогистон"*.

- Хммм, что-то это мне напоминает, – наморщила Генриетта брови. Она потрянула бутылкой, и жидкость тут же засветилась ярче. – Так, вспомнила. Это связано с давным-давно низвергнутой научной теорией. Флогистон должен был представлять собой элементом огня, наполнявшим материю и ответственным за процесс сгорания. Данил рассказывал, что его дедушка свято верил в существование этой вот частицы материи, опирая на ней свои теории и гипотезы. В честь его памяти мой жени... тьфу! мой приятель решил открыть вселенную, в которой флогистон и на самом деле существует, вселенную, действующую на основании иной физики. Он открыл в нее врата и позволил пропитаться чужой реальностью. Вот он – несуществующий элемент огня! Увлекательно, правда?

- Ша-а... – зомби махнул культей, позабыв, что кисти давно уже нет. – Во дворе кто-то есть.

Генриетта выглянула в окошко и от ужаса со свистом втянула воздух в легкие. На куче вытащенных из дома вещей стоял стройный автомат с узким черепом, светящим двумя плоскими огнями глазных отверстий. Одна из его длинных рук сверкала выпущенными из пальцев лезвиями, второй рукой он копался в мусоре. Корпус автомата носил следы ржавчины, на лбу виднелся свежий след от стертого герба. Чужак прибыл не один. Рядом с кучей стоял небольшой голем с толстым чугунным корпусом и короткими лапами, в которых он держал шестиствольное ружье с кривошипной рукояткой, называемое картечицей. К ужасу девушки из двери дома выглянул третий пришелец – автомат с угловатой, битой черепушкой, в его единственной руке был военный палаш. Вместо второго плеча у него торчала культя с оголенными проводами.

- Это полицейские мехаборги? – спросил трупоход.

- Нет, – шепнула в ответ Генриетта. – Все правительственные знаки и таблички сняты, они выглядят так, словно их вытащили со свалок..

- Кто же их прислал?

- Тот же самый сукин сын, который наслал на меня марионеток, – буркнула юнкер-девица и скрежетнула зубами.

Ей уже доводилось драться с машинами, как с австрийскими големами, так и с французскими автоматами. Генриетта знала, что необходимо очень тщательно целиться, чтобы обезвредить подобного противника. Его можно было победить и силой огня. Воительница припала к стене, осторожно выглядывая наружу. Худощавый автомат ловко спрыгнул с мусорной кучи и направился в сторону флигеля. Генриетта знала, что сбегать может только вверх, выбраться на крышу и спрыгнуть на двор соседнего дома. А что же с зомби? Тот шатался и безрезультатно пытался ухватить какую-нибудь бутылку. Нет, он не годится ни для побега, ни для сражения.

- Ну хорошо, – злобно ухмыльнулась Генриетта. Она почувствовала приятное возбуждение, как всегда перед боем. Вот именно его ей немного и не хватало. – Станцую с этими сволочами. Но вначале тебя необходимо как-то активировать. Держи, выпей хотя бы этот флогистон. Похоже, сейчас тебе уже ничего не повредит.

Она подскочила к трупоходу, зубами вырвала пробку из горлышка и вылила содержимое бутылки в горло зомби. Тот проглотил жидкость, словно малыш молочную кашку. И тут же в его темных глазницах загорелись белые огни. Генриетта, несколько напуганная этим, даже отступила. Трупоход вновь показался ей огромным мужчиной, как будто в одно мгновение он вырос на фут. Или это он просто выпрямился?

- А как тебя, собственно, зовут? – спросила Генриетта.

- Не помню, – пожал плечами трупоход.

- На время я буду звать тебя Фойриген⁵⁶, хорошо?

Времени на ответ не хватило. Дверь флигеля с грохотом распахнулась и в дом вскочил тот худощавый автомат со

⁵⁶ Feurigen. Если считать это имя смесью греческого и немецкого языков, означать оно будет нечто типа "Огнем порожденный" – Прим.перевод.

скальпелями и ланцетами вместо пальцев. Медицинский мехаборг! – мелькнула мысль в голове Генриетты. В автомате должен был быть вмонтирован разум врача, осужденного за какие-то преступления. Девушка вытащила из кармана плоский гаечный ключ и повернула головку винта на лбу. Автомат смерил взглядом находившихся в помещении, а его глазницы еще сильнее сузились, как будто бы он грозно щурил глаза. Юнкер-девица наложила ключ на другой винт и повернула, тем самым открывая оба боевых клапана.

Мехаборг ринулся в атаку: он поднял блистающую лезвиями руку и прыгнул. Генриетта почувствовала резкий прилив крови к голове. Бешенство. Ярость. Автомат несся, словно размазанный скоростью, блестящий снаряд. Девушка глухо заворчала и метнула ключ, а сама бросилась в сторону. Ключ впечатался в башку машины. Хирург промахнулся буквально на пару сантиметров. Хрупнула древесина разбиваемой столешницы. Вместе с зомби и мехаборгом стол полетел напрямик в раздавленное стекло. Все это грохнуло в шкаф. Тот свалился на клубок тел, наваливая сверху толстенные тома и бутылки. Геня перекувыркнулась, вытаскивая на лету из карманов револьверы. Один с пулями на людей, второй с освященными – на демонов. Жаль только, что нападавший был ни тем, ни другим.

Автомат выскочил из развала, словно на пружинах. В стороны полетели книги и лабораторная посуда. Звон, хруст, грохот. Но Генриетта тоже уже стояла на ногах, целясь в противника из обоих стволов. Тот прыгнул. Девушка потянула спускные курки. Раз, два, раз, два. Воздух разорвали колонны огня их стволов и дым от сгоревшего пороха. Выстрелы грохотнули словно канонада. Пули дырявили корпус автомата, глухо сталкиваясь с находящимися внутри поршнями и котлом. Но летящей машины остановить они не могли. Лезвия вытянутых скальпелей были направлены в сторону лица девушки. Та уклонилась одним плавным движением, с достойной балерины грацией. При этом ей еще удалось грохнуть рукояткой револьвера прямо по башке пролетавшего мимо автомата.

Тот снова упал в обломки, раздавив стул и шкафчик с рюмками. Но отскочил от стенки, по инерции еще пробежал по ней вертикально вверх, обеими ногами отразился от потолка и спрыгнул вниз, выставив руку с клинками перед собой. Еще уклонение. Грохот падающего автомата. Он повернулся со скрежетом металлических суставов и вновь атаковал противницу. Геня рявкнула и отбросила оба уже бесполезных револьвера. Ей удалось уклониться от тычка остриями и заблокировать рукой удар машины. Больно! Юнкер-девица скакнула с места, выполнила сальто назад, упала на пол в приседе, затем распрямила ногу, нацелив ее прямо в коленку автомата. Хрупнуло, стальной стержень лопнул, и колено выгнулось в другую сторону. Металлический хирург зашатался, размахивая руками, чтобы удержать равновесие. Генриетта подскочила и поправила вторым пинком, напрямик в продырявленную грудь мехаборга. Тот полетел назад, прямо в кучу обломков.

- Сзади! – завопил басом Фойриген, который только-только успел выползти из-под шкафа.

Генриетта, не поворачиваясь, наклонилась. Клинок свистнул над ней стальной молнией. Поворот и пинок. Второй, однорукий мехаборг даже не вздрогнул от удара, зато начал рубить с ошеломляющей скоростью. Палаш рассекал воздух с постоянным и непрерываемым свистом, превратившись в занавес, поднимающийся и падающий на Генриетту под различными углами. Девушка кружила, избегая лезвия буквально на волосок. Она била руками и ногами в металлическую обшивку, пытаясь попасть в самую чувствительную точку автомата. Для обыкновенного человека она походила на спазматично мечущуюся сумасшедшую, окруженную полосами лезвий. Через несколько ударов сердца лезвие рассекло ее платье в нескольких местах, а один раз даже с хрустом скользнуло по стальной арматуре корсета.

Краем глаза девушка заметила первый автомат, который на карачках выполз из завалов и, прихрамывая, направился к ней. А ведь с двумя я не справлюсь, мелькнула мысль. Генриетта отклонилась назад, позволяя фехтовальщику приблизиться, и невообразимо быстрым движением перехватила его руку в запястье. Используя инерцию наступления и массу автомата в качестве противовеса, она дернула за железное плечо, крепко упершись ногами. Мехаборг полетел вперед, сделав разворот, и оторвался от пола. Генриетта напрягла все мышцы и, не отпуская противника, провернула его вокруг собственной оси. Сделав полный оборот, отпустила, и фехтовальщик полетел напрямик в идущего в атаку хирурга. Оба автомата столкнулись и с грохотом покатались по земле.

- Ложись! – завопил труполод и пихнул Генриетту.

В дверях встал чугунный голем, пузатый словно бочка, с плоской, овальной башкой.

Он нацелил в них картечницу и завертел рукояткой. Шесть стволов закружило будто на карусели, поочередно выплевывая пули. Девушка прижалась к доскам пола, спиной чуя пролетающую свинцовую смерть. Грохот работающего словно фонтан пулемета наверняка был слышен в целом квартале. Гильзы звенели, непрерывным потоком стекая на пол. Лаборатория Данила превращалась в фаршируемую металлом преисподнюю. Оставшиеся целыми после солдатского погрома бутылки и посуда взрывались одна за другой, предметы мебели рассыпались в опилки, пули стучали, вырывая дыры в стенах. Дым, пыль, обломки стекла и дерева летели во всех направлениях, облаками осыпаясь на Генриетту. С басовым гудением разорвало котел одного из двух автоматов, пули застучали в металлические листы корпуса, расправляясь со следующим.

Один лишь труполод держался на ногах, а потом, к изумлению Генриетты, он с криком бросился на голема.

Пули хлюпнули и в его гнилое тело, пробивая навывлет. Но из выходных отверстий, вместо гнилой мази, выстрелили фонтанчики огня. Через мгновение Фойриген выглядел словно еж, у которого вместо игл огненные ленты. Двумя могучими скачками он приблизился к голему и занес кулак для удара.

Кулак? Генриетта подняла голову. Ведь только что у него еще не было рук. Сейчас же ладони были наполовину прозрачными, они опалесцировали и стреляли огнями. Появиться они должны были, благодаря флогистону, словно видения, сгенерированные чистым элементом огня. Флогистон как жидкость заполнил тело труполода и воспроизвел утраченные его части, основываясь на клеточной памяти носителя.

Кулак обрушился на чугунный череп и взорвался, как будто бы в голема попало пушечное ядро. Толстый корпус

отлетел назад, а в разбитой голове загорелись папирусы с заклетами. Магическое творение еще пару раз дернуло ногой и замерло.

Генриетта схватилась с пола и подняла свой плоский гаечный ключ, после чего перекрыла клапаны на лбу. Сразу же сердце перестало бешено биться, боевая ярость начала испаряться. У нее уже не было желания рвать все и вся в клочья. Юнкер-девица внимательно поглядела на Фойригена. Тот стоял над големом и пинал его ногой, как бы желая убедиться в том, что грозный противник уничтожен. Под влиянием флогистона трупход очень сильно изменился. При жизни он и вправду был великаном, что стало заметно лишь теперь, когда он зафиксировался в реальности. Гнилостные пятна и трупная бледность с его кожи исчезли, и она сейчас чуть ли не светилась внутренним блеском. Лицо после исчезновения трупной опухлости оказалось приятным на вид, с мягкими чертами слегка вдохновенного характера, столь типичными для артистов и музыкантов. Вместо зияющих глазниц теперь сияли видения огненных глаз, а чудовищные раны на культиях рук перекрывали видения огненных ладоней. Фойриген весь сиял, от него исходило тепло и голубоватое свечение. Сейчас он походил на ангела.

- Тебя как будто бы живьем взяли на небо, - тихонько сказала девушка, разыскивая в обломках револьверы.

- Не понял. - Даже голос мужчины сделался приятнее: глубоким и звучным.

- Да нет, ничего. Нам надо отсюда убираться, пока нам на голову не свалились жандармы, - заявила Генриетта. - В противном случае нас засадят в Цитадель. Но вначале я должна осмотреть эти чертовы автоматы. Быть может и удастся установить, кто их наслал. Ну почему этот сукин сын так сильно желает меня убить?

- Но, может, в этот раз охотились не на тебя? - ответил на это трупак. - А вдруг пришли за мной.

Генриетта изумленно поглядела на Фойригена.

- Ты что-то вспомнил?

Тот отрицательно покачал головой, но поднял призрачные руки и пошевелил пальцами.

- За то я вновь могу играть! Ко мне начинает возвращаться музыка, я слышу ее зов. Позволь мне сесть за фортепиано, и все ко мне вернется. Память и покой. Я буду знать, кто меня убил, я все буду знать.

Девушка беспомощно оглядела дымящееся побоище.

- Это замечательно. Но где я могу взять тебе фортепиано?

Варшава, 14 (26) ноября 1871 г., 13-00

Лицо Юзефа Вернера, семнадцатилетнего приказчика со Склада Струн и Инструментов господина Бурхан Бея, мгло под неприятной моросью. Парень съехался, втиснул голову в воротник и поправил картуз, еще сильнее натягивая его на глаза. Проходя перекресток Твардой со Шлиской, он ускорил шаг. Его провел внимательный взгляд городского, который Юзек почувствовал, словно бы его огнем припекли. Счастье еще, что торчащий на углу полицейский не мог видеть спрятанных под фуражкой ушей приказчика, поскольку те загорелись ярко-красным цветом. Интенсивная окраска и жар не исчезали, хотя парнишка и ускорил шаг и значительно удалился от представителя власти.

С каждым очередным шагом парень все сильнее нервничал. В конце концов остановился в подворотне; осмотрелся по сторонам, но нигде не заметил ни жандармов, ни солдат, да и вообще - движение здесь было практически на нуле. Мимо него прошел только какой-то старичок, и пробежала парочка мальчишек. По булыжнику прогрохотали колеса нагруженной бочками телеги, в другую сторону промчался извозчик. Парень сплюнул, принимая решение о начале операции, и перебежал на другую сторону улицы. Подворотня дома, в которую он залетел, была снабжена временными воротами с громадным висячим замком. Приказчик взял его в руку и приложил к отверстию для ключа вынутое из кармана небольшое устройство. Жестяная коробочка была снабжена небольшой раскладной рукояткой. Юзек энергично крутил ею пару минут, все это время нервно выглядывая из подворотни. Пружинный механизм, спрятанный внутри аппарата, накачал небольшой котел воздухом, нагнетаемым миниатюрными мехами, приводимыми в движение рукояткой. Затем приказчик освободил сжатый воздух, перестав крутить рукоятку. Собранный воздух дохнул в механизм висячего замка, и он со щелчком открылся. Юзек, нервничая, снял цепь с ворот и скользнул в середину.

Несколько секунд он пилился на кучу обломков и мусора посреди двора, рядом со странным аппаратом. Наконец сунул руку в карман и вытащил медную масляную лампу. Но не успел он ее даже толком нащупать, как за спиной с грохотом распахнулась дверь, и из дома выскочила пара жандармов.

- Блин, ну я и влип, - вырвалось у парня.

Он бегом бросился прямо вперед, в сторону флигеля. Но до двери даже не добежал, поскольку та открылась, и изнутри вышел высокий джентльмен в гражданской одежде, а с ним еще двое жандармов. Эти целились в парня из пистолетов. Юзек поскользнулся на валяющейся в грязи размокшей книжке и с размаху грохнулся на землю, прямоком перед красавцем в гражданском. Полковник Кусов склонился и схватил приказчика за воротник. Одним рывком он поставил пришельца на ноги.

- Тебя Довнар сюда прислал? - без экивоков спросил он. - Зачем? Отвечай, говнюк!

Юзек был слишком перепуган, чтобы отвечать. В случае чего, Бурхан приказал ему строить из себя обычного домушника и брать все на себя, вот только жандарм в гражданском не выглядел легковым. Парень задумался над своей судьбой. Ведь москали наверняка станут бить. И за что все это? Стоит ли подставляться ради этого чертова турка за такую несчастную зарплату? А ведь он мог пойти приказчиком на склад российских товаров, и сейчас никаких неприятностей не знал бы. Нет, захотелось ему сделать карьеру в международном предприятии, связанном с развлечениями, и вот вам результат. После того, как его допросят с пристрастием, обязательно ведь в Сибирь вышлют, где он станет продавать дудки

из березовых веток. Вот же судьбина подлая!

- Как зовут? Фамилия? – орал Кусов.

- Юзеф Вернер! Я только посылку принес, - заявил паренек в соответствии с правдой. – Мне заплатили за то, чтобы я вскрыл замки и подбросил ее во флигель.

Юзек вытащил лампу из кармана и отдал ее мужчине.

- Кто тебе заплатил?

- Один такой господин со шрамами на роже, а с ним был еще чернокожий громила, - слегка подтасовывал факты приказчик.

- Где ты их встретил и когда? Адрес?

- Где-то с полчаса назад, в трактире на Электоральной, прямо напротив Фабрики Машин для производства содовой воды, - на сей раз ложь прошла как по маслу.

- Слышали? – повернулся Кусов к жандармам. – Моя группа остается в доме, фельдфебель со своими гвардейцами обеспечивает фланг со Шлиской, все остальные – бегом на Электоральную. С собой забирайте големов с эзотерическим оружием и автоматы для погони! А ты, дружок, пойдешь со мной, мы еще не обо всем переговорили.

Он схватил парня за ухо и потащил его во флигель. Жандармы бросились бегом выполнять приказы, на дворе какое-то время продолжалась катавасия, прозвучали громкие команды. Кусов запихнул юношу в просторное помещение, в котором, с первого взгляда, скорее всего, воспроизводили битву при Геттисберге⁵⁷. В растрескавшихся стенах зияли дыры от сотен пуль, а в воздухе слышалась вонь пороха и гарь. В разбитых при обстреле обломках копался лысый, крепко сложенный мужчина в не укомплектованном жандармском мундире. В мундире не было рукавов, похоже, затем, чтобы полностью высвободить четыре металлических руки, украшенные полированными медными плитами, на которых были выгравированы странные загогулины. Мехаборг безразлично глянул на Юзефа и вернулся к небрежному перетряхиванию места побоища. Кусов подтолкнул приказчика в сторону единственного уцелевшего стула и присмотрелся к старинной лампе.

- И что ты должен был с ней сделать? Кому отдать? – спросил он.

- Да никому же. Я должен был только подбросить ее и смываться.

- Хммм... любопытно, - буркнул полковник себе под нос, затем обратился к мехаборгу. – А вот будь добр, Михаил Павлович, глянь-ка на эту штуку. Что это может быть? Что инженер Довнар хотел нам этим сказать?

Лысый и четырехрукий тип подошел к командиру и взял лампу у него из рук. Какое-то время он крутил ее в железных пальцах, под конец даже понюхал.

- Паранормальной падалью несет, - сказал он. – Может скрывать в себе демона. Я бы, на всякий случай, послал бы за освященной водой или же сразу бы переработал в жезл.

- Дави гада, - принял решение Кусов и отодвинулся на пару шагов.

Жандарм стиснул металлическую кисть, в которой лампа совершенно затерялась. Металлические пальцы скрежетали, на лице мужчины появилась гримаса сначала изумления, затем страшного усилия. В конце концов, он стиснул зубы, перехватил лампу между ладоней и нажал изо всех сил. Механические руки, приводимые в действие системой передач и зубчатых колес, могли развить давление в несколько сотен пудов на квадратный дюйм. Прапорщик Михаил Павлович Скобелев мог поднять локомотив над головой и бросить его на расстояние в несколько десятков шагов. Удар его кулака мог сравниться с попаданием пушечным снарядом, пальцами же без особых усилий он бриллианты растирал в порошок. Но, несмотря на все усилия железного жандарма, на медной лампе не появилось ни единой вмятины, ее тонюсенькие стенки оказались крепче обшивки новейшего царского броненосца.

- Могучий артефакт, - сопя, заявил прапорщик.

- Или же расположенный физически в иной реальности, - взял Кусов небольшую лампу. – Этот инженер занимается, якобы, параллельными мирами, так что ушлый хват. В этом сосуде он мог что-то спрятать и защитить это нечто явлением, не порожденным нашим пространством-временем. Ну да ладно, отошлем его в Петербург, наши профосы⁵⁸ додумаются, чего тут и как.

Он уже хотел было сунуть лампу в карман, но перед тем инстинктивно потер ее ладонью. Прислушивавшийся к разговору Юзек закрыл глаза, ожидая взрыва. Но вместо этого из лампы с шипением вылетел клуб дыма. Кусов бросился на пол и вытащил револьвер. Дым сформировался в две объединенные объятиями фигуры. Но, еще до того, как толком материализоваться, они разделились и бросились в наступление. Алоизий накинута на прапорщика всей тяжестью тела и повалил того на землю. Данил же накинута на Кусова и схватил его за запястье вооруженной револьвером руки.

- Мать его женщина, это всего лишь обычная лампа с джинном, - рявкнул полковник, сражаясь с Данилом. - Михаил Павлович, разорвите-ка этого пустынного демона в клочья!

Свободной рукой он ударил Довнара в лицо. Попал он ему в бок головы, не зная, что у инженера под кожей частично металлическая черепушка. Полковник заорал от боли и потряс рукой, но от битвы не отказался, и очередной удар

⁵⁷ Битва при Геттисберге (англ. Battle of Gettysburg) — самое кровопролитное сражение в ходе гражданской войны в США, произошедшее 1—3 июля 1863 года в округе Адамс, штат Пенсильвания, считающееся переломной точкой в конфликте. Потомаская армия Союза выдержала атаку Северовирджинской армии генерала Ли и нанесла ей урон, который сделал невозможным продолжение Геттисбергской кампании. - Википедия

⁵⁸ Профос — воинская должность в управлении вооружёнными силами (ВС) (армия и флот), существовавшая для нижних чинов до XIX века. Профосы в полках существовали вплоть до 1868 года (нижние чины, заведовавшие очисткой нечистот). От названия этой должности произошло современное слово "прохвост". - Википедия

кулаком нацелил в живот противнику. Данил застонал, а в ответ отклонился, после чего, подскочив, треснул лбом прямо в лицо красавчику жандарму. Кусов только хрюкнул и без сознания упал на спину.

Тем временем Алоизий очутился в железном зажиме четырех рук равного ему ростом Михаила Павловича. Два великана мерялись силой, с грохотом разбрасывая простреленную мебель. Стекло хрустело, а дерево трескалось под их ногами. На шее Алоизия появились толстые жилы, когда прапорщик, вопреки приказу, вместо того, чтобы разорвать на ключья, сначала попробовал раздавить джинна. При этом он обладал с усилием парового молота для производства листового металла. Украшения на табличке раскались от жары, зубчатые колеса в руках жандарма стрекотали на самых высоких оборотах. У нормального человека от такого "объятия" все внутренности давно бы уже вылезли через уши и нос, но Алоизий не был человеком. Совершенно неожиданно он оскалил в усмешке свои белоснежные зубы и дунул в лицо жандарму струей дыма и песка. Старинная штучка пустынных демонов и на этот раз оказалась весьма эффективной. Скобелев стиснул веки и спазматически закашлялся. И в тот же самый миг, до него дошло, что сжимать-то и нечего. Негр выскользнул из его захвата и очутился за спиной. Он толкнул окаменевшего от ужаса Юзека со стула и схватил тяжелую мебель обеими руками. А затем треснул ею сверху по башке ослепленного прапорщика. Стул рассыпался на мелкие кусочки, сам же жандарм тяжело осел на пол.

- Солідные дубовые стулья, по пятнадцать рубчиков за штуку, - буркнул через плечо Данил, целясь в стоящего на четвереньках Кусова из отобранного у него же револьвера. - Из Берлина их привез, чтобы как можно дольше нам служили.

Джинн схватил какой-то чудом уцелевший фаянсовый испаритель и приложил им по голове протиравшего глаза прапорщика. Прибор рассыпался, зато Скобелев наконец-то без чувств упал на валявшийся на полу мусор.

- А испарители от дедушки остались. Вроде бы, он заказал их в Мейсене, еще в свои алхимические времена, - прибавил Данил. - Но не стесняйся, завершай процесс уничтожения, и так ведь практически ничего не осталось. Вон, гляди, там лежит медный алембик еще станиславских⁵⁹ времен. Его тоже можешь расколотить.

Полковник Кусов оттирал кровь, обильно текущую из разбитого носа. Левую руку он незаметно протянул к сапогу. В самый последний момент Данил ногой ударил его по руке, выбивая стилет с обоюдоострым клинком. На всякий случай, он приставил ствол револьвера ко лбу жандарма.

- Дом со всех сторон окружен, - с достоинством заявил полковник. - Вы куда не сбежите.

- А мы и не собираемся убегать, - легко ответил на это Данил. - Так, заскочили сюда, чтобы кое-что с собой захватить. Вставайте, ваше благородие, пошли.

Алоизий с благодарностью пожал руку Юзеку, а потом шепнул ему на ухо, чтобы он заполз в какую-нибудь щель на крыше флигеля и смылся через парочку часов, когда вся катавасия наверняка закончится. Приказчик отвесил поклон и, в соответствии с советом, убежал по лестнице наверх.

Данил позволил Кусову подняться и подтолкнул его вперед, приставив ствол к спине. Алоизий распахнул перед ними двери и, кланяясь, прошел вперед. Как только они вышли на двор, из жилого дома выбежало несколько вооруженных жандармов. С крыши прыгнули два худощавых автомата, вооруженные до зубов и блещущие глазами, лезвиями и стволами.

- Отходите, а не то полковник попробует пулю! - заявил Данил решительно.

Жандармы остановились. Каждый из них целил из своего пистолета. Сделалось тихо.

- Не стрелять, - буркнул Кусов.

Жандармы послушно опустили оружие, но никто из них не отступил хотя бы на шаг.

- Алоизий, будь добр, раскопчегарь котел и устрой местечко для гостя, - попросил инженер, жестом головы указывая Навозника. - Мы через пару минут выезжаем, и господин полковник поедет с нами.

Варшава, 14 (26) ноября 1871 г., 13-10

Сюртук и жилетка, найденные в доме Данила, для могучего Фойригена оказались чуточку малы. В одежду инженера тот втиснулся с трудами и неуклюже, как будто бы уже много лет не одевался, что, впрочем, соответствовало истине. Тем не менее, Генриетта приняла его превращение в опрятно одетого джентльмена с удовольствием. Коротковатые штанины и слишком темный сюртук редкостью не были, и на улицах частенько можно было видеть студентов и молодых мастеровых в одежде, из которой сами они давно уже выросли, или же унаследовали от родителей. Зато сияние, исходящее от зомби, придавало ему истинно аристократический вид и отвлекало внимание от несовершенства костюма.

На голову ему Геня натянула цилиндр Давида и так вот одетого повела по улицам. Они шли под ручку, словно супружеская парочка, а девушка только и молила, чтобы не встретить никого из знакомых, и уж более всего – князя Кусова. Они спокойно добрались до Маршалковской, обгоняя или встречая немногочисленных прогуливающих варшавян. Большинство горожан уже посетило утреннюю воскресную мессу и по причине паршивой погоды сидело теперь по домам в ожидании праздничного обеда. Немногочисленное людское движение, с одной стороны, было благословением, поскольку значительно снижало риск встретить знакомого, с другой же стороны – по той же самой причине они двое в глаза бросались.

⁵⁹ Имеется в виду великий князь Литовский и последний польский король Станислав Антоний Понятовский (имя Станислав Август он принял при коронации) (1732 – 1798). Алембик – небольшой перегонный куб, используемый для алхимических опытов. – Прим.перевод.

Генриетта остановилась перед входом в Фортепианную фабрику Кралла и Седлера, загрохотала в двери кулаком, да так, что эхо пошло по всей улице. Ответила ей глухая тишина. Девушка стояла перед входом и глядела на него так, словно желала выжечь в древесине дыру. Понятное дело, что в воскресенье на фабрике не было ни единой живой души, ну а сторож, напившись вдрободан, где-то спал. Черт подери! Ей нужно было фортепиано, самое обычное фортепиано. Буквально на несколько минут, чтобы Фойриген немного на нем поиграл и наконец-то все вспомнил. Ведь пианино, это самый популярный инструмент, который наверняка имеется в большинстве домов. Наинедобходимейшая штука в мебелировке любой мещанской квартиры, без которой ни одна нормальная семья просто не может обойтись. Да в одной только Варшаве этих инструментов должно иметься несколько тысяч.

Генриетта прикусила губу. В этом городе она жила уже несколько месяцев, по, собственно, никого и не знала. Она восстановила в уме все свои варшавские знакомства: четверо канцеляристов из государственного архива, в котором работала, но их, собственно, ничего и не связывало. Эти четверо относились к ней подозрительно, потому что появилась ниоткуда и, скорее всего, занималась шпионажем, что отчасти было правдой. Канцелярия была всего лишь прикрытием, временным занятием для спящего агента. Кроме чиновников Геня знала хозяйку своей квартиры Ясю и ее семейку, а еще – очень поверхностно – нескольких дам из Общества Благотворительности, где она иногда помогала в качестве волонтера и сборщика средств. Но ни одной из них нельзя было назвать подругой, чтобы вот просто так прийти в гости, да еще и трупхода с собой притащить. Может, пани Чверчакевич? Женщина современная, с открытым умом, эта могла проявить понимание. Нет, похоже, это все же преувеличение. Это дело могло бы плохо повлиять на доброе имя писательницы.

Улица Маршалковская в сторону Саксонского (Саского) парка, фотография начала XX века

- И что теперь? – заинтересовался Фойриген.

- Будем ходить по музыкальным складам, которых в городе имеется несколько. Быть может, в какой-то из них нас и впустят. К сожалению, их адресов я не знаю, а эту фабрику запомнила совершенно случайно, потому что проходила рядом. – Генриетта неуверенно разглядывалась. Но в тот же миг заметила сонно движущегося извозчика. Девушка тут же выскочила на мостовую. – Извозчик! Да стой же ты, черт подери!

Извозчик остановил свой уже потасканный экипаж и с поклоном пригласил желающих клиентов занять места. Тут до Генриетты дошло, что глазки у возницы бегают во все стороны, да и сам он сидит на козлах как-то пошатываясь.

- Какие-нибудь магазины с фортепиано знаешь? – не рассусоливая, спросила она.

- Да как же не знать, моя королева, - радостно заявил извозчик, и Генриетта с расстояния в пару шагов почувствовала идущий от него такой сильный запах водки, которого не постыдился бы и целый ликероводочный завод. – Да я все фортепианы в Варшаве знаю. Один даже мой добрый приятель, живет на Длугой, временами поигрывает в Швейцарской Долине⁶⁰. Еще знаю, где находится дом пана Монюшко⁶¹, да и некоторых фортепианов из Музыкального Общества сколько раз в бордель возил, и в выступлениях по домам. Я много адресов знаю!

⁶⁰ Летний сад с концертным залом в дореволюционной Варшаве. – Прим.перевод.

⁶¹ Станіслав Монюшко (польск. Stanisław Moniuszko, белор. Станіслаў Манюшка, лит. Stanislovas Moniuška; 5 мая 1819 года, д. Убель под Минском — 4 июня 1872 года, Варшава) — польский композитор; автор песен, оперетт, балетов, опер; творец польской национальной оперы, классик вокальной лирики. - Википедия

- Да о чем пан говорит?! – возмутилась серьезно встревоженная Генриетта, которая вдруг начала подозревать свой польский язык. То ли она как-то грамматически неправильно просклоняла инструмент, или же на местном, варшавском жаргоне он имело какое-то иное значение?

- Ну, уважаемая дамочка ведь про фортепианы спрашивала? – в свою очередь возмутился извозчик. После чего он прищурился и внимательно поглядел на молчащего Фойригена. – Ну вот, ведь этот тут пан тоже фортепиан! Мое почтение мил'сдарь! – Извозчик снял шапку и, замашисто поклонившись, чуть не грохнулся с козел. – Ой, это же сколько раз я возил пана из Музыкального Института к графине Марии. И пан совершенно не изменился, хотя это же сколько годков прошло... Я хорошо пана помню, красиво сударь играл и на чаевые никогда не скупился. Садитесь, прошу, повезу, куда желаете!

Фойриген одним скачком запрыгнул на козлы и схватил извозчика за полы его одежды.

- То я такой? Как меня зовут? Где моя музыка? – прохрипел он ему прямо в лицо.

Генриетта схватила музыканта за руку и оттащила от изумленного возницы, силой усадив на место.

- Эт, мил'сдарь, похоже, недавно пан хорошенько выпивал, точно? – буркнул извозчик. – Пан у нас музыкант, а зовут пана Игнаций. А больше я ничего не знаю.

- Пан упоминал о графине Марии, – припомнила ему девушка. – Кто она такая?

- О, милостивая пани Калергис! У-у, великая красавица когда-то была! Вечно о музыкантах и всяческих там артистов заботилась, словно опекунша. Толпы джентльменов в салонах у нее гостили, а пан Игнаций одним из них был. Всегда мы останавливались на площади Тших Кшижи, где он покупал ей букет цветов или там шоколадки.

Калергис, Калергис – откуда-то эта фамилия Генриетте была известна. Вот только она не могла приписать ее ни к одному знакомому. Во всяком случае, кое-что у нее уже имелось, хоть какой-то след.

Генриетта поглядела на Фойригена, кровавого демона, оказавшимся паном Игнацием, варшавским пианистом. Тот сидел с поблудневшим лицом и, не шевелясь, глядел куда-то перед собой. Похоже, чего-то самого существенного извозчик так и не вспомнил. Но уже совсем немного до того, чтобы несчастный открыл, кто он такой, что произошло, и кто его убил, и что же после смерти толкнуло его нападать на людей. Для полного комплекта нужна была еще и утраченная музыка.

- А пан, случаем, не знает где-нибудь поблизости склада с музыкальными инструментами? – спросила Геня.

Извозчик снял шапку и почесал в голове. Редко когда у клиентов были подобного рода желания. В конце концов, он кивнул и заявил, что один такой склад наверняка имеется на Краковском Предместье. Генриетта тут же приказала ему везти их туда, причем – миглом. Возчик усмехнулся от уха до уха, так угостил свою лошадку кнутом, что прямо жалостливо пискнула и резво пошла прямо с места.

Варшава, ул. Крулевска (Королевская) www.starawarszawa.pl

- Что-нибудь вспоминаете, пан Игнаций? – обратилась юнкер-девица к ошеломленному товарищу по путешествию, но тот не отвечал: оперев голову на сложенных руках, он задумчиво пялился на пол коляски.

Они проехали по средней линии улицы Крулевской и с грохотом свернули в Новы Швят. При этом они чуть не выпали из коляски, которая несколько секунд двумя колесами не касалась мостовой, мчась под острым углом. Генриетта

схватила шляпку и выругала возчика по-немецки. К счастью, вскоре они остановились. Девушка бросила вознице три монетки по десять копеек, вышла вместе с Игнацием и приказала извозчику ехать прочь.

Они стояли перед узким каменным домом, как бы силой втиснувшимся между двумя соседними домами, и глядели на просторную витрину, за стеклом которой были выставлены и разложены скрипки, виолончели, гитары и мандолины. Юнкер-девица, сильно не раздумывая, схватила старомодный дверной молоток и энергично застучала им. Пару минут они стояли в тишине, мимо них проходили немногочисленные прохожие, не обращавшие на пару внимания. Игнаций все так же казался унесшимся куда-то далеко-далеко в мыслях, скорее всего, он что-то интенсивно переживал, исследуя недавно возвращенные ему территории памяти.

Наконец, изнутри донеслись глухие шаги. Генриетта оценила, что к ним приближается весьма тяжелая, а судя по темпу – еще и весьма полная особа. Прежде чем таинственный обитатель дома добрался до двери и отодвинул засов, девушка подняла голову, чтобы прочесть вывеску, извещающую по-польски и по-русски, что они находятся перед Складом Струн и Инструментов Бурхан Бея. В этот же самый миг дверь открылась, и неприязненным взглядом их измерил громадный толстяк с темным, южным оттенком кожи, а потом он еще и пробормотал нечто на сложном для идентификации языке.

- Я хочу видеть хозяина, - не терпящим противоречий тоном заявила Генриетта, сразу же почуяв в стоящем перед ними слугу. – И немедленно!

Поддействовало. Толстяк отступил на пару шагов, открыв проход. Пара вошла в погруженную в полутьму прихожую. Слуга закрыл дверь и с грохотом задвинул огромный железный засов.

Варшава, 14 (26) ноября 1871 г., 13-15

В топке гудел огонь, хотя поначалу его было сложно разжечь. Но Алоизию удалось найти в куче мусора немного сухого дерева и парочку не слишком замокших инкунабул. Он забросил все это в топку, пока не видел Данил, и изо всех сил дунул жарким, демоническим дыханием. Уже через мгновение из трубы Навозника валили клубы дыма, а огонь быстро подогрел воду. Полковник Кусов стоял на коленях у основания железного трона; его руки были связаны у него за спиной его же собственным ремнем. Довнар сидел на своем металлическом кресле, нацелив револьвер в голову жандарму. Он грозно поглядывал то на бегающих по двору представителей закона, то на своего пленника. Тем временем, перед странной повозкой выстроился уже целый кордон вооруженных людей, появились четыре боевых голема с крупнокалиберным оружием. Один из них держал под мышкой приличных размеров пушку.

- Никуда вы отсюда не уедете, - буркнул Кусов, пытающийся сохранить достойный вид, несмотря на измазанное кровью лицо и одежду и позицию, в которой он находился.

- А это мы еще поглядим, - спокойно ответил на это Данил. – Алоизий, как там с температурой в котле?

- Пока что еще не закипело, - заметил джинн и сунул в топку ножки от поломанного стула. – На тылах Навозника он собрал очень даже приличную кучу топлива, сложив ее на кровать, заброшенную на машину веселыми жандармами, которые разломали все и вся в ходе первого обыска. Там же он держал ведро, которое наполнил водой из бочки, в которой хранилась дождевая вода. Котел ведь нужно пополнять, чтобы поддерживать высокое давление.

- Ты поспеши там, а то неохота торчать на дожде, - прибавил Данил.

- Да я же делаю все, что только могу, - с обиженной миной Алоизий спрыгнул с агрегата и закинул на него приличный шмат разбитого комода, столик и несколько книжек. Когда высохнут, тоже пойдут в топку. – Если хочешь сделать чего-нибудь как следует, спешить нее нужно! Так говаривал султан Саладин, когда приступал к окружению армии Иерусалимского королевства. Я все это помню, как вчера, так он сказал своему визирию, который хотел направить всю кавалерию в погоню за отступавшими крестоносцами. Потихонечку, друг мой, без спешки, их нужно бить не спеша, зато порядочно. Не все сразу. И точно так же и с розжигом печи.

- Ты знал Саладина? – удивился Кусов.

- Да кого он только не знал, - махнул рукой Данил. – Алоизий, ты, случаем, не его личной подножкой был?

- Кем-то в этом роде, - пожал джинн плечами. – Служил военным демоном в его личной гвардии.

Данил постучал согнутым пальцем по лбу, тем самым выражая недоверие словам Алоизия. Кусов же с изумлением глядел на странную парочку, которым явно плевать хотелось на свою безнадежную ситуацию. Краем глаза он заметил на крыше притаившийся за дымовой трубой автомат с винтовкой – выходит, уже и снайперы прибыли. Следовательно, все минуты жизни преступников были уже подсчитаны. И много их у них не осталось.

- Закипело, - с гордостью объявил Алоизий. – Подаю пар на динамо.

Он вновь залез на Навозника и повернул какой-то рычаг. Смонтированный над печкой тройной барабан с тройной медной моткой начал вертеться под аккомпанемент шипения пара. Теперь задача для снайперов значительно усложнялась. Странный кожух машины из метеоритного железа защищал бока, нос и тылы Навозника, ограничивая поле выстрела, а тут еще клубы пара и дыма. Кусов ругнулся про себя. Но через мгновение он уже забыл про желание уничтожить похитителей, поскольку у него появилась возможность видеть удивительнейшее зрелище.

Данил бросил револьвер Алоизию и судорожно втиснулся в спинку железного трона. Он вонзил пальцы в подлокотники и выпрямил ноги, напрягая мышцы. Из чаши, висевшей у него над головой, посыпались искры. Первые молнии электрических разрядов ударили в спинку и стекла по коже инженера, а он лишь оскалился в чудовищной усмешке.

- Есть моща! – доложил Алоизий.

- Давай! На всю катушку! – приказал Данил.

Генератор вращался со свистом, по толстым медным проводам потек электрический ток и ударил в чашу. С треском стрельнул фонтан искр, электричество металось в белых молниях, кусало Данила в голову и барабанила по сидению трона.

- Надеюсь, заземление ты смонтировал, - процедил инженер сквозь зубы.

- Чего? – в нарастающем шуме Алоизий ничего не слышал.

- Заземление! – заорал Кусов. – Заземление смонтировал?

Джинн разложил руки, а его каменное, благородное лицо искривилось в беспомощной гримасе.

- Какое еще заземление? – ломающимся голосом спросил он.

Тем временем электрический ток огненной колонной бил в трон. Данил метался в конвульсиях, бормоча что-то неразборчивое, фыркая и плюясь. Тело его так тряслось, что чуть ли не взлетало в воздух. Кусов чувствовал жар горячей на инженере одежды. Металлические внутренности Довнара разогревались все сильнее и жадно поглощали электроэнергию. Золотой череп Данила раскалился и начал светиться оранжевым светом сквозь кожу, в связи с чем инженер походил на фонарь из тыквы, которые ирландцы вырезают на Хэллоуин. Полковник припал к полу Навозника, молясь только лишь о спасении. Молнии от механизма били во все стороны; они делались толще и взрывались с грохотом и треском. Над машиной из них образовался истинный огненный зонтик. Жандармы разбежались с воплями; какой-то из автоматов словил молнию прямоком в жестяную черепашку и загорелся что твой факел.

- Смонтируй заземление! – завыл Кусов. – И быстрее, глупый джинн!

Алоизий нервно качнул головой, осмотрелся по палубе, наконец схватил толстенный прут, припаянный к медному проводу, и бросил его куда-то за Навозника. Прут коснулся земли, и пандемониум тут же завершился. Данил все так же светился, но вот ураган разрядов утих. Электрический ток потек по проводу и разрядился в землю.

- Даааааай, - прохрипел инженер.

Механизм в его организме, открывающий врата в иные реальности, именно сейчас активировался. Под закрытыми веками Данил видел бездну астральной плоскости, в которой плавали пузыри бесчисленного количества вселенных. Впервые в жизни он не пробовал воспринимать их воздействие и осторожно расширять разрывы, а просто-напросто бросился в тьму. За собой он потащил Навозника и все, что в нем находилось.

Ошеломленные жандармы увидели только лишь антивспышку – свертывающийся сам в себя шар мрака, охвативший машину, поглотивший ее и в мгновение ока уменьшивший. Удивительное транспортное средство застыло висящим в воздухе черным шариком, а потом лопнуло будто мыльный пузырь.

И исчезло.

Варшава, 14 (26) ноября 1871 г., 13-30

Бурхан Бей вышел из кабинета и спустился по лестнице еще до того, как Ферди удалось за ним отправиться. Турка притягивал доходящий снизу приятный в звучании женский голос. На него Бурхан отреагировал, словно охотничий пес. Ведь он принадлежал к числу величайших знатоков женской красоты во всей Османской империи и был способен смаковать любой аспект женственности и различать все ее нотки и тона, словно пробуя вино дегустатор. Сам он утверждал, что оценивать женщину только лишь по формам ее груди и бедер или по чертам лица – это примитив, можно даже сказать – варварство. Истинный знаток замечает значительно больше, и он способен оценить совершенно летучие и невидимые для обычных самцов элементы, образующие женщину.

Весьма часто вопросы цены и возможного назначения рабыни решали как раз такие скрытые нотки, послевкусия, запахи фона и впечатления. Ими могли быть мелкие элементы внешности: пятнышки на радужной оболочке глаз, форма ногтей, расклад родинок или же оттенок волос. Иногда дополнительным козырем мог стать какой-то характерный жест: как женщина поправляет волосы, как она усмехается самими уголками рта, как надувает губки, когда злится или же испытывает любовное возбуждение – то самое, что отличало данный товар, делая его эксклюзивным.

На сей раз Бурхан своим безошибочным инстинктом охотника и ловца рабов почувствовал это нечто в женском голосе. По-польски она разговаривала с жестким немецким акцентом, ужасно калеча славянский язык твердыми германскими "р". В ее голосе дремали громадная сила и решительность, огонь, жар, которые были столь обожаемы турецкими коллекционерами. Так что если бы к тому же еще оказалось, что немка красива, что, к сожалению, правилом не было, она могла быть зачислена в высшую категорию и, что за этим следовало, стать добычей просто-напросто бесценной. Многие паши или эфенди⁶² готовы были заплатить целое состояние за европейку с сильным темпераментом и высоким чувством достоинства. Такую можно было бы целыми неделями учить покорности, хлестать шелковыми веревками, рвать на ней одежду и поработать силой. А уже потом, когда такую объездишь, словно непокорную кобылу, эта дама может сделаться истинным украшением гарема – прекрасной и жаркой в постели любовницей.

Турок спустился по лестнице, и лицо его сияло самой милой улыбкой, которую он только мог изобразить.

⁶² Эфенди (турецкая переделка новогреческого слова *ἐφέντης*, т. е. "начальник") — почетный титул, соответствующий русскому "господин"; дается в Турции всем чиновникам, ученым, поэтам и вообще образованным людям. Специальными титулами являются *рейс-Э.* — прежнее название турецкого министра иностранных дел; *хаким-Э.* — первый лейб-медик султана; *имам-Э.* — мулла в серале. Титул Э. может прибавляться к более высоким титулам, например *паша-Э.*, *бей-Э.*, *ханым-Э.* Оно применяется и в смысле "принц" при именах лиц султанского дома. — Энциклопедия Брокгауза и Ефрона 1890-1907

Реальность превзошла его самое смелое воображение. Немка оказалась высокой дамой, вытянутой словно струна, и сжигающей молниями гневного взгляда шаркающего ногами Ферди. В ее черных глазах блистал жар огромного темперамента, но вот лицо девушки было суровым, но порождающим симпатию, просто-напросто, милым для глаз. Слегка курносый нос, дарящий элемент юности, благородный высокий лоб и мощные, черные брови. К тому же два винта на лбу и нетипичный оттенок кожи – женщина в каком-то смысле оказалась мехаборгом! Замечательно! Штука исключительно для знатоков, быть может, из самого султанского дворца. На первый взгляд она могла стоять столько же, сколько два десятка танцовщиц, поставляемых Бурхану его русским сообщником.

- Приветствую от всего сердца! Чем могу служить милостивой пани? – спросил турок, кланяясь в пояс.

- Имею удовольствие общаться с хозяином? – суровая мина незнакомки немного смягчилась.

Только сейчас Бурхан заметил сопровождавшего ее джентльмена. Красавец, с гордым, чистым лицом и совершенно отсутствующим взглядом. Можно поспорить, какой-то обедневший аристократ, но точнее – некто не слишком уж значительный. Наверняка морфинист и алкоголик. Нужно побыстрее придумать, как от него избавиться, но, похоже, особых проблем в этом не будет. Петлю на шею и в Вислу, все как обычно. Бурхан жестом дал знак Ферди, после чего поцеловал даме руку и представился.

- Прошу прощения за беспокойство и настырность в выходной день, но у меня имеется одна деликатная просьба, - дипломатично заявила девушка. – Нам крайне необходимо получить возможность испробовать фортепиано. Продолжится все это буквально пару минут, мой пианист сыграет несколько тактов, и мы пойдем. Я даже готова материально возместить ваши труды.

- И чьего производства инструмент пани желает испытать? У меня имеются фортепиано польских фабрик, но есть оригинальный американский "Стейнвей" и даже легендарный австрийский "Бёзendorфер". Поиграть можно на любом инструменте, никаких проблем не вижу. Прошу вас сюда, в соседнее помещение.

Он завел своих неожиданных клиентов в выставочный салон с наиболее крупными музыкальными инструментами и представил стоящие под стеной фортепиано. Склад представлял собой прекрасно подготовленное прикрытие для истинной деятельности торгового атташе и функционировал как самый настоящий магазин с товаром наивысшего качества. Его частенько посещали профессиональные музыканты, что склонило Бурхана принять на работу продавцов-поляков и разбирающихся в деле приказчиков. Он и сам немного понимал в инструментах, поскольку, как и всегда, прекрасно подготовился к своей деятельности. Не напрасно ведь он вел торговлю живым товаром уже два десятка лет с постоянным успехом, и хотя все больше и больше стран отменяло рабство, его дела всегда шли как по маслу. Так что фортепиано были самыми настоящими и готовыми к продаже.

Наполненный высоким духом или чем-то там надыхавшийся аристократ выбрал австрийский инструмент, классический по форме, хотя кое-кто мог бы назвать его и несколько старомодным. Ферди услужливо подвинул клиенту стульчик и даже открыл крышку фортепиано. Мужчина сел поудобнее и положил пальцы на клавишах. Так он сидел, закрыв глаза, несколько минут. "Артист", - подумал про себя Бурхан.

- Быть может, мы позволим господину наслаждаться инструментом, а сами пройдем ко мне в кабинет, - предложил он. – Там пани сможет подождать своего спутника, а я заварю пани кофе.

- Нет, спасибо, - словно настырную муху отогнала его жестом Генриетта.

Сама она от нетерпения не могла устоять на месте, любопытство прожигало ее до живого.

- Только что пожаренный кофе, только что привезенный из Турции, - искушал Бурхан. – У меня имеется специальная жаровня, и, смею утверждать, нигде в Варшаве пани не попробует такого как у меня кофе.

Игнаций ударил по клавишам, и в салоне прозвучали звуки энергичной шопеновской мазурки. Генриетта нервно усмехнулась и, совершенно игнорируя турка, подошла к музыканту и положила ему руку на плечо.

- И что? Это твоя музыка?

Тот отрицательно покачал головой, но глаз не открыл. Все-таки, что-то вспомнить он начал, из-под плотно закрытой веки скатилась слеза. Мазурка плавна перешла в танцевальную миниатюру неизвестного Генриетте автора. Музыка бурлила радостью жизни и энтузиазмом, она поднимала настроение и провоцировала тихонько напевать ее и отбивать пальцами ритм. Игнаций быстро глянул на девушку и печально улыбнулся.

- Вот моя музыка, - сказал он. – Это я ее написал.

- Ты вспомнил, кто ты такой?

На сей раз мужчина утвердительно кивнул.

- А кто все это с тобой сотворил? Кто тебя пытал и убил?

В живую мелодию ворвалась фальшивая нота. Игнаций заколебался, музыка рассыпалась бессвязной какофонией. Но пальцы музыканта не переставали бегать по клавишам, лицо посерело и вытянулось. Он стиснул зубы и ударил сильнее, отчаянно, но упорно выхватывая убегающие ноты. И музыка вернулась, но на сей раз с другой мелодией. На сей раз это был тяжелый и ухающий басами полонез, бьющий по ушам мрачной, раз за разом повторяющейся барочной линией и неспешным, достойным ритмом. Генриетта чувствовала, как музыка пронзает ее от макушки до пят. Похоже, когда-то Игнаций был замечательным и известным исполнителем. Так кто же, черт подери, убил его, а теперь насылает убийц еще и на нее?

Она не обращала внимания на хозяина и его толстого слугу, не заметила она и появления еще одного великана, как две капли воды похожего на Ферди. Генриетта стояла за спиной Игнация, держа обе руки на его плечах, как будто бы это чем-то могло тому помочь. Она ждала, когда музыкант закончит свое выступление и хоть что-то скажет. Тем временем, сам Игнаций плыл на волнах мелодии в глубины собственной памяти, все глубже и глубже ныряя в прошлое.

Шли минуты. Музыкант, похоже, совершенно забыл, где он находится, и что с ним происходит. Он глянул на

Генриетта отсутствующим взглядом, с блаженной улыбкой на лице, наверняка считая, будто бы имеет дело с графиней Марией. Юнкер-девица наморщила брови. Снова он это делает, вновь принимает меня за нее – подумала она. Ну совершенно так же, когда еще демоном он выплыл из бездны.

- Приди в себя! – гаркнула она и ущипнула Игнация за плечо. – Возвратись к реальности! Что ты вспомнил? Кто тебя убил?

Тот прервал игру на половине ноты, делая незапланированную паузу – словно неожиданный апозиопезис – и огляделся по сторонам с нарастающим испугом.

- Это тут, – простонал он. – Меня убили здесь, в этом самом доме.

Только теперь Генриетта отметила, что помещение погружено в какой-то злобной полутьме. Все инструменты показались ей вдруг удивительно мрачными, словно бы это были искусные инструменты для нанесения боли. Неожиданно она почувствовала дуновение холодного, подвального воздуха, пропитанного затхлостью и страхом. Девушка прекрасно знала этот запах. Точно такой же смрад исходил от людей, панически боящихся смерти – солдат перед боем, от осужденных под виселицей, от пленников, которых приказали расстрелять. Инстинктивно она сунула руку в карман за револьвером и развернулась на месте.

На шею ее упала ременная петля и сильно стиснулась, запирая дух. Второй конец ремня держал в руке громадный толстяк. Он резко потянул за ремень, заставив девушку упасть на колени. В тот же самый миг на шее Игнация затянулась фортепианная струна, которую держал второй великан. Музыкант инстинктивно попытался ослабить зажим обеими руками, хотя в дыхании у него необходимости не было. Генриетта знала, что сражаться с ремнем, это только терять время. Нужно было просто победить того сукина сына, который его держал.

Она схватилась с колен и с размаху пнула толстяка в промежность. Но тот и не дрогнул, лишь злорадно оскалился. У него нет гениталий, пришло в голову воительнице. Тогда она рванула из кармана револьвер, схватила его за ствол, потому что все патроны расстреляла в доме Данила, и грохнула рукояткой прямо ему в лоб. Тот в ответ дал ей пощечину, небрежно отмахнувшись левой рукой. Генриетте показалось, что это где-то рядом рванул артиллерийский снаряд, и обломок попал ей прямо по голове. На мгновение она утратила как зрение, так и слух. Когда же пришла в себя, то вновь стояла на коленях, а точнее – висела на ременной петле.

- Поспокойней, дамочка, – сказал стоящий рядом Бурхан. – Сопротивляться нет смысла. Моих близнецов невозможно победить, они у меня истинные богатыри, хотя и не до конца мужчины.

Тем временем второй евнух сражался с Игнацием, таская музыканта по всему помещению. Струна перерезала кожу труподола и его гортань, и теперь скрежетала по позвонкам. Тем не менее, пианист все еще защищался, раздавая тумаки и махая ногами. Из раны на шее бил огонь. Не так легко убить кого-то, кто раз уже умер, а теперь его тело накачено флогистоном.

Генриетта висела на ремне и все пыталась сомлеть. Она чувствовала тупые удары в висках. Это артерии накачивали кровь в мозг, хотя та практически перестала протекать сквозь стиснутые сосуды на шее. Язык девушки выпал из ее рта. Слезы наполнили глаза. Она захрипела, как и следовало породистому висельнику. Револьвер выпал из руки. Перед глазами закружили темные пятна, звуки доходили словно из-за стенки. Генриетта теряла сознание. На сей раз – навсегда...

Астральная плоскость, в то же самое время

Борта Навозника ежесекундно омывали струи эктоплазмы и волны разорванных в клочья воспоминаний, чувств и обрывков памяти давным-давно не живущих людей. Странный аппарат пересекал рифы пустоты, торчащие в астральном пространстве словно скалы на дне реки, отражался от невидимых границ иных вселенных, отираясь о дюны событий, выжженных в структуре реальности в силу сильнейших переживаний лиц, их испытавших. Машина колыхалась, когда духи бились в его кожу или когда меньшие демоны пытались порвать его на куски. К счастью, метеоритное железо оказалось очень глубоко укорененным в материализме, так что после контакта с ним все неестественные существа бежали куда глаза глядят.

- Теперь мы уже понимаем, почему одинокие ныряльщики не возвращались из путешествий в бездну, – заметил Данил, довольно сильно высунувшись за борт на носу "Навозника". – У них не было батискафа! Без кожаных материальностей у человека нет ни малейшего шанса! Слишком уж много здесь замученных жизнью сознаний, питающих исключительный аффект в отношении всего, что еще не умерло. И эти вот демоны, вытолкнутые из действительности, охотящиеся за возможностью, жаждущие крови, жизненной энергии, воспоминаний и сам только черт знает чего еще. Голодные и взбешенные сволочи, которые только и выжидают, что только выставит нос из какой-либо вселенной.

Полковник Кусов, уже развязанный, обеими руками ухватился за край панциря Навозника и очень осторожно выглянул наружу. Ему сразу же сделалось плохо. Их неуклюжий и наскоро сколоченный аппарат дрейфовал в черной пустоте, в которой светлячками поблескивали огоньки загубленных душ, кометами мчались взбешенные огненные демоны, а упыри парили словно отдаленные туманности. Кроме этих движущихся существ вокруг таились бесформенные пузыри иных реальностей, самых различных форм и размеров, они висели над и под агрегатом словно острова или даже целые континенты. Привидения великих событий поблескивали то тут, то там, отражаясь от границ вселенных, ежесекундно какое-либо из них с шипением врывалось в ближайшую реальность, впадая в нее, то будто страшный сон, то побудительной силой, руководящей целыми народами. От наблюдения за проплывающими вселенными, которые иногда сталкивались и воздействовали одна на другую, Кусов побледнел и подавился содержимым желудка. Он сполз на пол агрегата и начал оттирать лицо.

- Преисподняя, - прошептал он. - Я нахожусь в аду.

- Да где там! - отрицательно покачал головой со всем возможным комфортом развалившийся на кровати Алоизий. - До ада еще далековато.

- Любая из вселенных, мимо которых мы проплываем, может быть адом, - философски прибавил Данил. - Все зависит от точки зрения. Вот если бы мы высадили господина полковника, скажем, вон в той, очень похожей на нашу, но, насколько мне помнится, там царят гигантские насекомые, разводящие людей в качестве корма, то вы сами могли бы воспринять свое пребывание в такой вселенной, словно визит в аду. Местечко, естественно, неприятное, но похожих на него в округе бесчисленное множество.

- А не могли бы вы меня попросту убить? - Впервые в жизни Кусов испытал неподдельный страх. Он и подумать не мог, что человек может столь сильно бояться.

Он потряс головой, сражаясь со столь неаристократичной слабостью. Он, потомок российских князей, не станет трястись перед лицом самой смерти, даже стоя у врат бесконечного числа преисподних. Полковник встал и поправил одежду, отряхнул пиджак и брюки, пожалев, что котелок его где-то потерялся. Не очень-то элегантно идти в ад без головного убора.

- Да легко, - с усмешкой заявил Алоизий. - Как пожелаете. Свернуть вам шею для меня будет истинным удовольствием.

- Ну нет! - Данил погрозил лакею пальцем. - Только этого еще не хватало! Меня и так уже обвинили в терроризме и шпионской деятельности, а тут еще и похищение заложника. Нет у меня желания стать виновным в убийстве царского офицера. Мы высадим господина полковника где-нибудь в Варшаве, а потом отправимся сам знаешь к кому и продадим ему Навозника. Таким образом мы заработаем достаточно денег, что позволит нам освободиться от предъявленных обвинений или же выехать из Империи. Только никаких убийств! Категорически запрещаю тебе, Алоизий, кого-либо убивать!

- Вот только не надо бросать слова на ветер, - буркнул чернокожий. - Еще неизвестно, кого мы встретим.

- Так вы утверждаете, что никак не замешаны в заговор, цель которого состояла в свержении монархии, и это не вы спровоцировали убийство посла? - Кусов молниеносно пришел в себя и вновь сделался офицером Третьего Отделения.

- Да сколько же раз мне это повторять?! - рявкнул Данил. - Ваши подозрения всегда были безосновательными!

- Тогда, что должно означать все это? - не сдавался полковник. - Агрегат для путешествий в астральной плоскости! Как это согласуется с законами? Ведь сейчас вы находитесь за пределами царской юрисдикции, вы незаконно пересекали границы государства, без паспорта, без таможенного досмотра. А кто может знать, что вы тут перевозите? А вдруг какую-то контрабанду?! А может вы ловите демонов и вынуждаете их убивать официальных лиц, чтобы спровоцировать очередную войну за независимость Польши!

- У вас эти заговоры уже навязчивой идеей стали! Или как? - возмутился Данил.

- Прошу прощения. - Кусов выпрямился и обтянул полы пиджака. - Это профессиональное. Ведь я функционер службы, выискивающей шпионов и заговорщиков.

- Тогда попытайтесь представить, что ошибаетесь! Я самый обычный ученый и предприниматель, но никак не бунтовщик! - взбесился Довнар. - Контрабанда, действительно! Да, я продам этот агрегат, и он послужит одному джентльмену для целей контрабанды. А должен был служить исключительно исследовательским целям! Но вы сами вынуждаете меня использовать его в качестве спасательной доски, пытаетесь освободиться от подозрений и обвинений. Уф, мама родная, какой же у меня сушняк. Руку бы отдал за глоток водки.

Кусов, без слова, сунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил оттуда серебряную фляжку. Данил принял ее дрожащей рукой, осмотрел гравировку с княжеским гербом, после чего отвинтил пробку и понюхал содержимое. Со слезами на глазах он распознал превосходнейший коньяк, присосался к горлышку, сделал жадный глоток. Ароматный напиток стек в горло живительным ручейком. Довнар с громадным трудом удержался, чтобы не вылакать все. Отведя горлышко от губ, он вздохнул и отдал фляжку.

- Благодарю вас, - с огромным достоинством произнес он. - Прощаю вам все, даже пытки. Так где пан желает, чтобы его высадили?

Кусов не ответил сразу, поскольку допивал остатки во фляжке. Дегустацию он тоже завершил вздохом.

- Об этом не будем. Варшава не так уж велика, доберусь быстро. Лишь бы место было скрытным, - ответил он наконец. - А как вы собираетесь этим своим аппаратом управлять? Где, собственно, находится наш мир?

- О, управление очень простое, - небрежно махнул рукой Данил. - Астральную плоскость, на что указывает само название, можно рассматривать как плоскость, но если мы того пожелаем, как одинарную точку. Знаю, что звучит это странно, но прошу представить, что то, что вы сами воспринимаете как глубину, верх и низ - тоже достаточно относительно. Точно так же и расстояния. Здесь из точки А в точку Б мы перемещаемся скачком за нулевое время. Видимое нами черное пространство в принципе является лишь проекцией в мозг, подготовленной нашими собственными чувствами. Людской разум попросту приспособливает доходящие до него стимулы к собственным потребностям, чтобы их можно было переварить. Чтобы не сойти с ума. Это так же, как если бы мы смотрели на листок, на котором кто-то поместил бесконечное количество объектов, а уже наш разум сам прибавил к нему глубину и расстояние. Именно этим и является астральная плоскость: пространством между бесконечностями, пространством, принципиально не существующим.

- Ужас и кошмар, - заметил Алоизий.

- Потому-то навигация на территории, которая физически не существует в принципе, до банальности проста, - продолжал Данил. - Раз уж расстояния, которые мы наблюдаем, являются всего лишь воображением, то и путешествие мы можем осуществить точно таким же образом. Точно так же я открывал врата в иные реальности. Я не блуждал мыслями в пустоте, а просто представлял себе целевое пространство. Щелк! И мы на месте. Ну-ка, выгляните.

Кусов помотал головой, пытаясь переварить услышанное, но как то не мог вот так просо воспринять законы астральной физики. Но он подошел к носу Навозника и осторожно выглянул наружу. Перед ними все так же расстилалась тьма, но вместо мыльных пузырей иных вселенных ее заполняла полупрозрачная мгла, в которой были видны очертания города. Издали доносились невыразительные звуки: грохот колес на булыжной мостовой, разговоры, обрывки смеха, крики лоточниц и стук подкованных сапог марширующих гвардейцев. Полковнику казалось, что он даже чувствует запах Варшавы: сырой осенний воздух, конский навоз, дымы из десятков дымовых труб. Все так же шумело переливающееся ар сторонам море эктоплазмы, бьющее черными волнами в самую границу реальности и, внося искажения, отвлекало внимание от действительности.

- Смело! – отозвался Алоизий. – Выпрыгивайте! Достаточно броситься в туман, думая о том месте в Варшаве, в котором вы желаете очутиться. Только прошу сконцентрироваться и не думать о нескольких местах одновременно, потому что тогда вас просто разорвет на куски. Ну, представьте себе кресло в собственном кабинете и – щелк! Вы тут же будете в нем сидеть.

Данил кивнул, подтверждая слова лакея. Он подошел к железному трону и поднял с сидения принадлежащий полковнику револьвер. Он взял его за ствол и подал рукояткой офицеру. Кусов взял оружие и сунул его в карман пиджака.

- Мне крайне жаль, господин Довнар, но все равно я вынужден буду вас преследовать с целью ареста, – сообщил он. – Но я обязательно постараюсь изменить квалификацию деяния. Я верю, что вы никакой не убийца, не заказчик каких-либо убийств, не действуете вы и в качестве шпиона чьей-то державы. Тем не менее, вы замешаны во всю эту аферу, и вы дали неправдивые показания, тем самым вводя следственные службы в обман. Так что нам еще придется много чего пояснить.

- Охотно помогу и даже сам приду в участок, но вначале мне нужно устроить не терпящие отлагательств финансовые вопросы, – легким тоном ответил на это Данил.

- Что же, мне пора, – сообщил Кусов и как-то неуверенно поглядел на расстилающуюся перед и под агрегатом мглу. – Наверно, я даже полечу.

Но, не успел он еще перебросить ногу через борт, мощная волна эктоплазмы ударила в границу реальности и на мгновение смысла туман нереальности. Глазам путешественников открылся город, над которым высились блестящие медью крыши десятков дворцов с развевающимися красно-белыми флажками и хоругвями с Богородицею и гербами польских родов. Еще до того, как Кусов смог объявить, что это вовсе не тот город, на образ наслепилась уже другая Варшава – в которой было множество башен-минаретов с полумесяцами, над которыми сияло громадное, кроваво-красное солнце. А уже через мгновение они увидели металлический город с путаницей рельсов железной дороги, размещенной над крышами на могучих столбах-опорах. Сотни дымовых труб десятков громадных фабрик дымили черными столбами дыма. Картина вновь изменилась, и теперь они уже глядели на почерневшие развалины и опустевшие улицы, по которым шастали лишь худые псы.

Кусов отступил и вопросительно глянул на Данила.

- Ох ты, блин, – вздохнул инженер. – С этой стороны Варшава представляет собой отражение всех своих гипотетических реальностей. Она – это город-узел, в котором сплетаются альтернативы. Они одновременно существуют в астральной плоскости в качестве всех возможных версий. Я и не знал, что этот город настолько значителен, чтобы сделаться узловым пунктом, и вот... на тебе...

- И что это означает? – спросил Алоизий, соскакивая с кровати.

- Мы в чашобе, господа, – заявил инженер. – Я понятия не имею, как добраться до НАШЕЙ Варшавы. Здесь обычного воображения уже не достаточно, необходимо нечто более мощное. Нам необходимо, чтобы кто-то или что-то указало нам дорогу.

- То есть, мы заблудились? – хотел убедиться Кусов.

- Можно сказать и так, – согласился с ним Данил. – Мы могли бы поочередно высаживаться в Варшавах, похожих на нашу, но это длилось бы до бесконечности. Откуда, черт подери, мне было знать, что город спутан со всеми своими версиями? С нашей стороны этого не видно... Ах, может быть именно потому наша реальность столь податлива на влияния из иных реальностей! Потому-то нам так легко попадать на эту сторону. Мы находимся очень близко к границе, в самом центре миллиардов возможных Варшав. Они напирют на наш мир и потихонечку проникают в него. Разве это не увлекательно? Сами мы являемся средней арифметической из всех возможностей этого города!

- Но как мы попадем домой? – допытывался Алоизий.

- Не знаю.

Кусов спокойно сунул руку в карман и достал золотой портсигар, предложил обоим попутчикам. Все сунули в рот мундштуки, покрытые прекрасно оформленной папиросной бумагой, на которой обнаженные дамы демонстрировали свои прелести. Алоизий дохнул в сжатые клубком ладони так, что внутренность заполнилась огнем; он дал прикурить обоим мужчинам, прикурил сам. Все трое уселись на краешке трона, откуда была видна бездна над краем панциря аппарата. А перед ними Варшава проникала сама себя во всех своих вероятностях.

Варшава, 14 (26) ноября 1871 г., 15-00

Песок взрывался достигающими самого неба фонтанами. В воздухе рычала и свистела шрапнель, винтовочные пули жужжали словно крупные насекомые. С отвратительным хлопанием они впились в тела бегущих пехотинцев, вгрызались им в грудь, разрывали мышцы и артерии. В воздухе висел смрад гари, пороха и крови. Генриетта бежала куда

глаза глядят с тяжелой винтовкой в руках, спотыкаясь на травянистых кочках, перескакивая через воронки от артиллерийских снарядов. Жара палила сквозь шлем и синий мундир. Пот катился в глаза, щипал и слепил. Рядом она, скорее чувствовала, чем видела, распыленную колонну егерей, искусываемую ураганным обстрелом и дождем пушечных ядер. Высота вся была затянута клубами душного, обжигающего горло дыма. Австрияки палили залпами, отступая линия за линией. Их силуэты маячили в дыму и пыли. С каждым шагом они делались все ближе. Еще немного, и можно будет столкнуться с ними в бою лицом к лицу. Бить и колоть. Погрузить штык в кишки врага. Всего лишь несколько шагов.

Вражеская тиральера разбежалась, бросившись к родным окопам. Зато из дыма появились австро-имперские мехаборги: приземистые, сгорбившиеся, с лапами, представляющими собой пушечные стволы. Они ползли на железных гусеницах, вырывающих траву и комья земли. Свои бронзовые головы они втиснули в плечи, лупая светящимися в клубах дыма глазными отверстиями. Они не стали ждать, когда егеря добегут до них – подняли руки и выпалили из двенадцатифунтовых пушек. Земля под ногами Генриетты вспыхнула и выстрелила в синее небо. Песок и огонь смешались в одно облако, лезущее в лицо и врывающееся в легкие. Боль стиснула горло, не давая дышать. Что-то раздавливалось гортань, давило шею с трахеей. В нее попало. Шрапнель? Просто кусок земли? Следующего шага сделать она уже не могла. Сил просто не было. Нужен был воздух, хотя бы на один вдох. Воздуха!

Генриетта открыла глаза и уселась, отталкивая склонившуюся над ней девушку. Боль все так же пульсировала в горле, заставляя давиться и выжимая слезы. Она сделала глубокий вдох, затем еще какое-то время спазматически глотая воздух и массируя горло рукой. Больно было от самого прикосновения. Наверняка на ее шее теперь имелась приличных размеров полоса от турецкого ремня.

Находилась она в мрачном, сыром подвале, который выглядел так, словно его перенесли в сегодняшний день из каких-то забытых времен. Камера представляла собой овальную пещеру, отделенную от мрачного коридора железной решеткой. Помимо прусской воительницы в пещере находились еще две молодые женщины: отпихнутая только что блондинка в скромном голубеньком платьице и девушка, на глаз лет пятнадцати, сидящая на корточках, завернувшись в одеяло. Она глядела на сопящую Генриетту громадными карими глазами серны с длинными ресницами.

- По-нашему понимаешь? – спросила блондинка. – А то во сне ты по-немецки причала.

- Понимаю, - фройляйн фон Кирххайм кивнула и, пошатнувшись, встала.

Свод пещеры был низкий, пришлось наклониться, чтобы не удариться головой. В камере находились три набитых соломой матраса и закрытый крышкой ночной горшок. Свет сочился от едва-едва светящихся ламп, развешенных вдоль коридора. В мрачном пространстве разносилось капание воды, покашливание и шепотки других женщин, размещенных в соседних камерах. Какая-то из них хныкала, время от времени заносясь в плаче. Блондинка подошла к решетке и энергично потрясла дверь с громадным висющим замком.

- Нечего ныть! Держитесь, девушки! Покажем этим сволочам, что нас сломать не так-то просто.

Неожиданно блондинка усмехнулась и протянула руку Генриетте.

- Я Зуза Мостовскувна, герба Доленга⁶³, - гордо заявила она. – В Варшаве проездом. А вон та малая – это Габрыся Запольская⁶⁴, начинающая актрисуля из Львова.

- Никакая я тебе не актрисуля, - буркнула девица.

- Генриетта фон Кирххайм, офицер разведки Германского Рейха, - не думая, представилась пруссачка. – Что здесь происходит? Где мы находимся?

- Слушайте, девушки! – крикнула Зузанна. – У нас тут германская воительница! Уже вскоре она нас всех отсюда вытащит! Надейтесь на лучшее! – Она смерила новенькую внимательным взглядом, затем, не задавая излишних вопросов, коснулась одного из винтов на лбу у той. – Ты мехаборг. Можешь порвать цепь или развести прутья решетки? Боже, какие глупые я задаю вопросы! Если бы ты была настолько сильной, тебя бы так просто за решетку не бросили, а приковали к стене, как вон того там.

Геня глянула в указанном Зузой направлении. Пришлось прижать лицо к сырой решетке, чтобы выглянуть под острым углом. К перпендикулярной коридору стенке за связанные проволокой руки приковали пианиста Игнация. Голова его висела на груди, от шеи поднимались полосы дыма. Похоже, мучителям не удалось ликвидировать его окончательно, и по каким-то причинам пленника оставили при жизни. Вот же не везет человеку, подумала девушка. Только-только вернулся к псевдо-жизни, а его уже снова пытаются.

- Ты спрашивала, где мы находимся, - отозвалась Зузанна. – Из того, что нам удалось установить, в подвалах дома на Краковском Предместье. Нас держат в плену некий турок, скоро всех нас усыпят и отправят в Константинополь. Там мы очутимся на рынке рабов, а потом – в публичном доме или же в гареме какого-нибудь богача. Но, скорее всего, в самом обычном борделе, где каждой из нас придется обслуживать грязных и бородатых любителей овец и простых

⁶³ Зуза = Зузанна, Сусанна. "Мостовскувна" означает, что она незамужняя девушка из семейства Мостовских. А не родственница ли она знаменитого польского автора межвоенного периода, Тадеуша Доленги-Мостовича, автора знаменитых книг "Карьера Никодима Дызмы", "Профессор Вильчур", "Знахарь" и многих других? Но никаких подтверждений найти не удалось. – Прим.перевод.

⁶⁴ Здесь все понятно. Запольская (Zapolska) (псевдоним; настоящая фамилия Корвин-Петровская, в замужестве — Снежко, Яновская) Габриеля (30.3.1857, Подгайцы, ныне УССР, — 17.12.1921, Львов), польская писательница и актриса. Печаталась с 80-х гг. XIX века. В прозе З. знание нравов, смелость обличения сочетались с натуралистическими тенденциями. Для драм и комедий З. характерны мастерство композиции и обрисовки персонажей, выразительность диалога. Лучшая из них — "Мораль пани Дульской" (1906) — сатира на лицемерие мещанства. З. Писала о распаде буржуазной семьи ("Их четверо", 1907, и др.), искалеченных женских судьбах ("Лягушонок", 1896, и др.). Обращалась и к темам патриотической борьбы ("Тот", 1899), интересовалась идеями социалистов ("В Домброве-Гурничей", 1899; роман "Зашумит лес", 1899). - БСЭ

козюбков, прибывших в Константинополь на базар. Когда же утратим красоту, получим ножом по горлу и закончим жизнь в Босфоре.

- Банальная карьера обычной бляди, - серьезным тоном резюмировала Габрыся. – Все мужики – грязные хряки. Ненавижу их!

- Не бойся, Габа, мы смоемся, я тебе обещаю, - Зузанна похлопала подружку по спине.

- А как вас схватили? Сколько их всего? Шайка большая? – Генриетта уже начала приходить в себя и тут же ломать голову над тем, как освободиться. В первую очередь ей следовало узнать противника, узнать, с какими силами врага придется иметь дело. Потом следует узнать его слабые пункты, ну а под самый конец – нанести удар и прикончить. Нуда, убить! После того, как отнеслись к ней самой, иное решение просто не входит в расчет.

Похоже, обе подруги по несчастью и плену почувствовали решительность и подавляемую ярость в голосе Генриетты, потому что Габриэля даже сбросила одеяло и встала по стойке "смирно", словно докладывающий солдат.

- В Варшаву я приехала из Львова, чтобы изучать актерское мастерство. Моя мама была здесь когда-то балериной, - сообщила она. – Я пошла в Большой Театр и обратилась к ее бывшему импресарию, но он отослал меня в "Альгамбру" или же "Эльдорадо", поскольку в государственных театрах, понимаете, нет места для подростков. После моря пролитых слез они поначалу согласились взять меня помощницей в гардероб. Проработала я всего один день. Вечером, когда я вышла из театра и направилась на квартиру, ко мне подошел один из этих проклятых толстяков и приложил ко рту платок, пропитанный какой-то гадостью. Проснулась я со страшной головной болью в этом ужасном подвале. Я уверена, что меня сдал и продал туркам кто-то из работников театра. В городе я человек новый, без знакомых, без друзей. Да обо мне никто и не вспомнит. В гардеробе меня все осмотрели так, словно я была каким-то товаром... А они еще сплюнку пускали, свиньи, чтоб всех их кондрашка схватила. Когда-нибудь я еще все это опишу. Этих, понимаешь, так называемых джентльменов, вежливых и милых с дамами, а после заката направляющихся в публичный дом, где могут заняться копуляцией даже с ребенком, лишь бы успокоить собственное желание. Лживые, двуличные гады... Тьфу!...

- Я тоже была в городе новой, - отозвалась Зузанна. – Как уже упоминала, здесь я только проездом. Направлялась с Подолья в Краков, к своей тяжело больной тетке. Из поезда я вышла на Петербургском вокзале и искала извозчика, чтобы добраться до какой-нибудь гостиницы. Один милый джентльмен, говорящий с сильным российским акцентом, которого я видела и в поезде – уж слишком он ко мне приглядывался – предложил, что подвезет меня своим экипажем в уютный, порядочный пансион. И он привез меня к воротам этого вот дома. Вместо гостиничного служащего за багажом вышел Хакки, евнух, обожающий избивать девушек бичом. Но об этом я узнала уже позднее.

Генриетта кивнула.

- Охотники за рабынями, - буркнула она вполголоса. – Ну а кроме пары евнухов, Бурхан Бея и таинственного русского здесь кто-нибудь еще появляется?

Обе девушки отрицательно покачали головами.

- Дольше всего торчат здесь в подвале девушки из первой камеры, дней уже десять, но они ни о ком не говорили. Всегда здесь появляться один только Хакки, который приносит нам еду и бьет кнутом, иногда только так, для своего развлечения. Каждую девушку осматривает хозяин дома, отвратительный турок, Бурхан Бей, - сообщила Зузанна. – Но вчера он появился в компании двух странных типов: одного такого пана со шрамами на роже и огромного негра в еврейском лапсердаке. Они разговаривали по-немецки, так что я ни слова не поняла.

Генриетта почувствовала прилив жара. Данил и Алоизий? Были здесь? Все-таки, в какие-то гадости они замешаны! Нет! Она не могла поверить в подобное. Пруссачка оперлась о решетку и бездумно массировала продолжавшую болеть шею. Нет, ну какая же судьба-мерзавка! Она сама чуть не влюбилась в мужчину, сотрудничающего с похитителями женщин, шпионами и убийцами. Да, убийцами, причем, самого паршивого сорта. Игнаций узнал дом как место собственной смерти. Выходит, это здесь его замучили, превращая в демона, который потом был натаскан на исполнение покушений. Ее Данил, такой умный и благородный, пускай и немного сумасбродный, и все же благородный, был самым обычным, подлым сукиным сыном! Что сделает полковник Кусов, как только узнает, что это она пыталась встретиться с инженером и предупредить его о полковнике. Какой стыд! Она нарушила устав, проявила несубординацию, действовала за спиной своего такого красивого почитателя, чтобы спасти Данила, оказавшегося самой распоследней сволочью. Теперь князь перестанет ею интересоваться. Мало того, что сама она уродливый мехаборг, так еще на ней нельзя полагаться. И таким вот образом, по причине наивности и мягкого сердца она потеряла обоих конкурентов.

Погоди, погоди, ведь она же сама собиралась выбить из головы всякие любовные увлечения! Она солдат, а не девица на выданье! Генриетта выпрямилась, поправила смятое платье, после чего проверила снаряжение. Из карманов пропали портмоне и оба револьвера, не было и пристегнутого к икре кинжала. Зато нашлась обмотанная вокруг корсета гаррота с колючками, пропитанными парализующим ядом. И за это спасибо! Она развернула свое оружие и щелкнула им в воздухе словно бичом.

- Ну, девицы, чего пялитесь? – одарила она товарок не сулящей ничего доброго усмешкой. – С одним толстяком, думаю, мы ведь справимся, или я не права?

Обе ответили улыбками, а Габрыся еще и закивала головой с энтузиазмом.

Астральная плоскость, в то же самое время

Навозник спокойно плыл по мягким волнам моря черной эктоплазмы. Сейчас он дрейфовал вокруг проникающих друг друга образов всех возможных Варшав, приближался и удалялся, словно голодная муха, которая никак не может

решиться, желает она или нет приземлиться на лакомом куске. А вокруг пролетали то воюющие, то чего-то бормочущие духи, все клубилось от отголосков и призраков великих событий из жизни города и его обитателей. Черные волны с шумом разбивались на рифах реальности и взбешенно пенились, омывая границы нашего мира. Они не могли их победить, точно так же, как рои упырей и затерявшихся сознаний умерших людей.

- Вы только поглядите, господа, на эту вот Варшаву, - полковник Кусов указал на возникающий из мглы образ города. - Если глаза меня не обманывают, эти дома стеклянные.

Крыши зданий сияли гладкими поверхностями, словно зеркала отражая изображение неба. Стены домов тоже блестели матовым стеклом, чаще всего, молочным, довольно редко окрашенным в какой-то иной цвет. Дома различались только деталями, издали же выглядели совершенно одинаково; чистенькие, умытые параллелепипеды с чуть более темными отверстиями окон, один рядом с другим, словно вышли из-под матрицы. Их окружали тротуары из белого камня и просторные, широкие улицы, и те и другие тут же подметались служителями в белых халатах. Идентично одетые рабочие и ремесленники спешили на работу, все вежливо кланялись друг другу, шли с гордо поднятыми головами, неспешно и с достоинством.

- Наверное это какой-то идеальный мир, в котором поляки никогда не бунтовали против царя, в результате чего оба наши народа живут в согласии и достатке, - Кусов довольно покачал головой. - Вот видите, инженер? Было бы достаточно, чтобы ваши земляки проявляли большее трудолюбие и дисциплину, а не витали в облаках и вечно искали способности к скандалам, и стали бы замечательной, современной частью империи. Страной благосостояния и справедливости, где простой народ может жить в счастье и удобствах.

- Да ну, это слова, - махнул рукой Данил. - Это какая-то утопия, выдуманная идеалистом. И совершенно оторванная от реальности. Вы видите? Ее границы просто светятся от напряжений. Этот мир термодинамически нестабилен, слишком он выдуманный и ненастоящий. Ну вот, уже развеялся, и только мы его и видели.

- Похоже, обеденная пора уже прошла, - вмешался Алоизий. - А у нас ни крошки съестного. Если мы быстро не найдем свой мир, быстро очоуемся от голода.

Данил высунулся за борт, высматривая чего-то в тумане. Образы Варшавы все время сменялись, будто в калейдоскопе, они исчезали, заменяемые очередными картинками, если только наши путешественники не уделяли им достаточно внимания. И хотя здесь они торчали уже часа два, похоже, что быстро вернуться домой им было не суждено.

- Мы должны попробовать еще раз, - принял решение Данил. - Господа, внимание, еще раз концентрируемся и думаем о нашей Варшаве. Очистите, пожалуйста, мысли от всяческих идеалистических представлений и других фантазий. Мы должны представлять одно и то же самое, как самый реальный город. И сила наших мыслей приведет нас туда в мгновение ока. Только лишь благодаря ним мы сможем пробиться сквозь эту бесконечную путаницу альтернатив. Внимание, готовы?

- Нет, не готовы, - сердито возразил Кусов. - Как мне собраться, когда я все время вижу это постоянно меняющееся зрелище. Ну вот, сейчас по улицам громадные ящеры тащат повозки, они похожи на драконов. А теперь над городом летают бесчисленные сигары дирижаблей. У одного из них, похоже, какие-то неприятности. Он горит! И падает куда-то возле Венского вокзала!

- А там имеется крупная площадь, как будто посадочная площадка? - буркнул Данил.

Алоизий тяжело свалился на кровать, игнорируя очередную версию Варшавы. Эта поездочка ему уже осточертела. Данилу придется еще много чего доработать в Навознике, прежде чем продавать его. Прежде всего, он просто обязан выдумать какой-то способ надежной навигации в астральной плоскости. Пока же что они здесь просто блуждали...

- ...словно Одиссей, - закончил он вслух. - А я так надеялся на то, что не придется испытывать всего того заново. Тогда мы плыли из-под Трои на Итаку. Так нам тоже казалось, будто это чуть ли не за углом, проведем несколько дней в море и вернемся домой, так где там! Годами блуждали, от одного острова до другого, изэх!

- Ты принимал участие в Одиссее? - изумленно спросил Кусов.

- И повторять ее мне ну никак бы улыбалось, - Алоизий поднял палец. - Я был самым обычным воином в армии царя Агамемнона, потом, после того как Троя была завоевана, я связался с Одиссеем, который набирал моряков и компанию в обратный путь. Так он чуть ли не груши на вербе нам обещал, вот я и дал себя обмануть!

- И сражался в троянской войне? - полковник глядел на лакея с нарастающим изумлением.

- Да где там! - махнул рукой Данил. - Как обычно - врет, у него перевозбужденное воображение. Так что, полковник, не слушайте вы все эти глупости. Прошу вас, сконцентрируйтесь еще раз! До сих пор мы что-то делали не так. Мы обязаны думать об одной и той же Варшаве, вот что важно!

- Похоже, что каждый из нас видит ее несколько иначе, - заметил Кусов. - В мыслях у каждого иной образ этого города. И даже у Навозника нет ни малейшего шанса добраться до подходящей. Нам необходимо найти какую-то общую точку зацепки.

- Лучше всего представить себе какое-то место, которое все знают, - предложил Данил. - Как насчет площади перед ратушей? Вокзал Венской железной дороги? Замковая Площадь?

- Но ведь даже это способно привести нас в огромное число Варшав, - покачал головой Кусов.

- Тогда давайте представим себе какую-то особу, - предложил Алоизий. - Кого-то абсолютно исключительного, кого мы все знаем!

Данил нетерпеливо взмахнул рукой, как будто отгонял настырную муху.

- Такой особы нет. У нас с господином полковником нет общих знакомых!

- Да неужели? - буркнул Алоизий. - А панна Генриетта фон Кирххайм?

Мужчины внимательно поглядели один на другого. В их глазах блеснула подозрительность и враждебность. Данил

в мгновение сориентировался, что имеет дело с конкурентом на руку Гени. И мысль эта ударила его столь неожиданно, что какое-то время он не был способен выдать из себя ни слова. Та же самая мысль посетила и полковника. Нельзя сказать, чтобы он испытывал к пруссачке такое уж жаркое чувство, но девушка его и вправду интриговала и притягивала. Подсознательно он уже привык к мысли, что девица принадлежит ему, что он без труда может ее соблазнить. И не таких дамочек затаскивал он в кровать! А тут – на тебе – какая неожиданность! Сумасшедший бунтовщик тоже подбивает к ней клинья!

- Это сможет подействовать, но при условии, что в наших мыслях имеется идентичный образ фроляйн фон Кирххайм, - осторожно заметил Данил.

- Но ведь ничто нам не мешает попробовать, правда? – буркнул Кусов. – Ну что, начинаем. Закрываем глаза и думаем о Генриетте. И вы тоже, господин Алоизий.

- Может, возьмемся за руки? – джинн слез с нагретого местечка и подошел к набывшимся мужчинам, схватил одного и второго за ладони. Оба дернулись, но Алоизий держал крепко. – Спокойно, ведь физический контакт лишь усилит умственные мощности. Согласись, Данил, что я прав. Даже спиритисты в обязательном порядке должны держаться за руки.

- Это правда, - пускай и неохотно, но согласился инженер. – Физический контакт способен сгенерировать обратную связь, которое усилит мощность. Дайте мне руку, полковник. Давайте уже побыстрее с этим покончим.

Русский подал свободную руку Довнару и закрыл глаза. Так они стояли, держась за руки и повернувшись друг к другу лицами. Вокруг агрегата клубилось море эктоплазмы и билось о панцирь. Перед ними, в темноте, маячили контуры Варшавы, время от времени кристаллизуя новую версию города, чтобы затем вновь затянуться туманом нереальности. На какое-то мгновение город совершенно исчез в океане эктоплазмы, чтобы внезапно появиться более единообразным и выразительным. Очередная версия неспешно закрепилась, стабилизировалась и замерла в ожидании. Мужчины отпустили руки и подошли к борту агрегата. Тем не менее, расстилавшаяся перед ними Варшава не была единой, поначалу могло показаться, что образ на несколько секунд расплывается, как бы складываясь из нескольких диапозитивов, которые, время от времени, сдвигались относительно друг друга. Но самым паршивым было то, что пучок городов-близнецов держали, не давая рассыпаться, бледные полосы, окружающие реальность тысячами скрепляющих сплетений.

- А это еще что за черт знает что? – удивился Кусов.

- Пучок похожих одна на другую реальностей, изолированных какой-то дрянью, - буркнул Алоизий. – Но, заметьте, господа, что, во всяком случае, эти Варшавы практически идентичны. Те же самые здания, никаких революционных изменений, никаких тебе странностей типа стеклянных домов или посадочных площадок для дирижаблей. Мы приблизились к цели, один из этих сплетенных миров – наш. Именно в нем живет Генриетта, только нужно ее каким-то образом найти.

Данил задумчиво почесал голову.

- Что же это такое: гнездо миров в узловой точке. Гнезда в узлах, ловушки в ловушках – да это лабиринт какой-то! От этого с ума сойти можно! Если бы я только знал, что с этой вот стороны наш город представлен таким вот образом, никогда бы не лез в бездну без проведения соответствующих расчетов и выставления каких-нибудь меток, по которым можно было бы вернуться в наш собственный мир.

- Нужно было приготовить парапсихологические буйки, - покачал головой Алоизий. – Или веревку, обозначающую в оккультном плане астральную плоскость, что-то типа нити Ариадны.

- Ты был знаком с Ариадной? А может и с Тесеем? – заинтересовался Кусов.

- Да откуда! Это же мифический герой, персонаж рассказов, никакого настоящего Тесея не было, - возмутился джинн. – А господин полковник, будучи человеком образованным, должен различать истинных личностей и выдумки простонародья.

- Но ведь Одиссей – это тоже мифический герой, - неуверенно защищался полковник. – А ты говорил, что хорошо его знал...

- Одиссей был самым настоящим. А то еще минута, и вы заявите, будто бы циклопы, сирены и гарпии тоже выдуманы! – еще сильнее возмутился Алоизий. – А может, по-вашему, и джинны не существуют? Эх, пан, на каком свете вы живете? Нужно уметь отличать фикцию от реальности! Вот вы знаете какого-нибудь вампира или оборотня? Нет! А потому что подобного рода существ и нет, но вот, к примеру, нимфы или сборщики налогов...

- Хватит! – перебил его Данил. – Могу тебя заверить, Алоизий, что если бы мы хорошенько обыскали взаимопроникающие миры, то нашли бы и такой, в котором Тесей существовал, зато там никогда не было ни единого джинна. Все относительно, а количество возможных реальностей неограниченно. Так что не говори глупостей, но давайте подумаем над тем, как нам узнать наш мир, и что это за странная оплетка, образующая из миров гнездо.

Алоизий выпрямился, затем поклонился в пояс, как и всегда, когда на него находило желание строить из себя верного и униженного слугу. Кусов пожал плечами, давая понять, что понятия не имеет об этих вещах, и что он не член экипажа, а всего лишь пассажир Навозника, к тому же – вопреки собственной воле. Он уселся у основания железного трона и вытаскивал портсигар. Но папиросу вынуть не успел, поскольку снаружи начало твориться нечто странное.

На свертках, отплетающих накладывающиеся одна на другую реальности, появились какие-то отвратительные создания. Они были похожи на насекомых: то ли на клопов с блестящим панцирем, то ли на пауков. Перемещались они необычно быстро на угловатых, необыкновенно многочисленных конечностях, и длинными жвалами пряли сжимающие миры нити. Даже сам их вид был неприятен для глаз, ассоциируясь с грязью и паразитами. Данил инстинктивно начал почесывать шрамы, а перед его глазами встал набитый соломой матрас из камеры Десятого павильона, буквально кишачий ползучей гадостью. Кусову же вспомнились казармы Царской Военной Академии. Он тоже начал почесываться.

- Паразиты в астральной плоскости? – удивился он вслух. – Это что, какая-то разновидность мелких бесов?

- Никогда о подобных не слышал, О покачал головой Данил. – Недавно я просматривал работы крупнейшего в

Царстве Польском демонолога, но о чем-то подобном там не было ни слова. И я догадываюсь, почему так. Астральная плоскость совершенно не исследована. Мы – пионеры на неведомых территориях, исследующие белые пятна на карте. Вот почему нас встречает столько неожиданностей. Как жаль, что мне придется продать Навозника. Ох, сколько же тут еще изучать! Можно посвятить целую жизнь на раскрытие тайн вселенной, на разработку данного пространства.

- Которое, как вы сами говорили, принципиально не существует, но является всего лишь проекцией разума, - вздохнул Кусов и начал обеими руками массировать виски.

- Вы ничего не поняли, - покачал головой инженер. – Здесь не существует физическое состояние, к которому приспособлены наши органы чувств. Нет пространства и расстояния, нет воздуха и притяжения. Так что эти аспекты являются всего лишь проекцией, выдумкой.

- Вы только поглядите, что эти насекомые творят! – перебил их беседу Алоизий.

Часть клопо-пауков металась туда-сюда и плела нити, окутывающие реальности, другая же часть воткнула в границы этих действительностей свои жвалы и подняла свои панцири. Ну совершенно словно сосущие кровь блохи или клопы. Данил даже вздрогнул и вновь начал интенсивно чесаться. Тем временем, жирующие на Варшавах паразиты толстели, их тела делались все более набухшими и прозрачными. Они просвечивали солнечным сиянием и невыразительными картинками, словно мгновениями событий.

- Нашими Варшавами питаются, - злобно заметил Данил. – И вы только гляньте на действительность, которую они мучают.

Через какое-то время "насекомые" разбежались и исчезли в море эктоплазмы, а в высосанном городе сорвался ураганный ветер, секущий градом и снежной крупой. Тополя, растущие вдоль Иерусалимских Аллей⁶⁵, один за другим начали ломаться. Посыпалось разбиваемое ветками стекло. Перепуганные извозчики лошади понесли и, фыркая, галопом понесли по тротуару, давя разбегающихся во все стороны прохожих. Одно дерево придавило женщину, толкавшую детскую коляску; к ее отчаянным крикам присоединились басовые громы разгоняющегося урагана. Молния ударила в здание фабрики железных изделий на Сольце⁶⁶, в воздух взметнулся столб черного дыма. Горели склады, взрывались бочки с маслами и нефтью; они взлетали в черное, хмурое небо и тащили за собой огненные хвосты. Бочки падали в различных районах города, разбрызгивая горящее содержимое, словно Варшава очутилась под обстрелом зажигательных артиллерийских снарядов. Новые и новые дома становились добычей огня, а безумствующий ветер только раздувал пожары. Город стал жертвой истинного катаклизма.

- Астральные паразиты высасывают жизненные силы из действительности, - тихо заметил Данил. – Глядите, что творится с Варшавой. Она болеет, рушится, страдает. Теперь понятно, откуда взялись катастрофы, нанесшие городу столько ущерба: заразы, эпидемии холеры и оспы, пожары и войны. А еще резня Праги⁶⁷ и сожжение Воли, ноябрьское восстание, строительство Цитадели, шведская, прусская и российская оккупации, виселицы и расстрелы, губернаторы и наместники.

- Ну, знаете ли, с царским правлением вам еще и повезло, - буркнул в ответ, хотя и без особой уверенности, Кусов. – Но Варшава и вправду очень многое выстрадала. Так вы утверждаете, будто бы все это по причине демонов, что высасывают положительную энергию из реальности? Тогда их необходимо как можно скорее уничтожить! Тем более, что жируют они на целом гнезде миров, в том числе – и на нашем. Кто знает, как пошла бы наша жизнь, если бы не несчастья, приносимые паразитами? Быть может, мещане проживали бы в стеклянных домах, а я сам уже занимал бы какой-нибудь высокий пост при царском дворе вместо того, чтобы выслеживать террористов...

Данил прохаживался по палубе агрегата, сложив руки за спиной, интенсивно размышляя о чем-то. Он проигнорировал рассуждения полковника, бурча что-то себе под нос.

- И куда же подевались астральные клопы? – спросил он наконец.

- Наверняка, там же, куда прячутся и обычные паразиты, - пожал плечами Алоизий. – Залезли в какую-то темную дыру.

- Они кормятся положительными аспектами реальности, жизненной сутью, теплом и удачей, - тихо произнес инженер. – Когда же в городе начало происходить что-то нехорошее, они попросту сбежали. Им не хотелось прикончить своего носителя и донора, либо они хронически не выносят несчастий, смерти и испорченности. Это необходимо записать, а потом обязательно проверить.

- Я составлю тщательный рапорт по данному вопросу, - сказал Кусов. – Думаю, что как можно быстрее необходимо организовать военную экспедицию, которая очистит нашу реальность от вредителей. Это важно не только для одной Варшавы, но и для всей Российской Империи. Ведь город является частью всей нашей действительности и великой России.

- Еще поглядим, на сколько, - пробурчал себе под нос Данил, - а вслух сказал: - В настоящее время клопы не являются для нас приоритетными. Они только лишь усложняют нам жизнь, поскольку сплели друг с другом кисть реальностей-близнецов. Могу поспорить, что наша Генриетта находится в одной из них. Самый главный вопрос: в какой?!

Кусов не отрывал взгляда от гнезда проникающих один в другого городов. Практически идентичные Варшавы то накладывались одна на другую, то разъезжались. Тот город, в котором только что безумствовал ураган, поблек и отступил

⁶⁵ См. сноску 35. – Прим.перевод.

⁶⁶ Улица и район города, находящийся на юго-востоке Варшавы, между Повишлем и Уяздовом.. – Прим.перевод.

⁶⁷ Один из страшных мифов в российско-польских отношениях – штурм варшавского района Прага войсками под командованием А.В. Суворова 24 октября (4 ноября) 1794 г. во время которого, якобы, русские солдаты накалывали младенцев на штыки и жарили их на кострах... О возникновении мифа и его старательном поддержании можно почитать здесь: <http://www.runivers.ru/lib/reader/144553/> - Прим.перевод.

на задний план, измученный и покоровшийся страшной судьбине.

- А откуда такая уверенность, будто бы Генриетта только одна? – спустя какое-то время отозвался полковник. – Ведь в подобных Варшавах могут проживать ее различные версии.

- Наша – только одна, - с хорошо слышимым в голосе раздражением ответил на это Данил. – Я бы рекомендовал вам думать только про настоящую, а не про ее гипотетические версии! Нам уже удалось выделить ограниченное количество версий города, теперь мы могли бы поочередно посещать их, пока не нашли бы нужную, вот только это могло бы длиться месяцами, да и опасно. Давайте попробуем сконцентрироваться еще раз, договорились? Думаем только о Генриетте, и ни о чем ином. Никаких иных версий, никаких фантазий!

- Да что вы все время глаза колете с этими фантазиями? – вспыхнул Кусов. – В каких еще фантазиях вы хотите меня обвинить? За кого вы вообще меня считаете? За какого-то эротического мечтателя!?

- Ничего я вас не колю, но мне хотелось бы уже овладеть навигацией в этом континууме, так что в очередной раз прошу всех соблюдать умственную дисциплину, и мысли прошу концентрировать исключительно в заданном направлении. Можно обдумывать о Генриетте и приятные вещи, но можно придерживаться и сухих фактов.

На сей раз за руки они не держались. Алоизий выдвинулся на бак, двое же мужчин стояли друг напротив друга словно дуэлянты. Они поглядели один другому в лицо, строя при этом страшные мины. После этого Данил закрыл глаза и, стискивая зубы, собрался из всех сил. Кусов отвернул голову и вонзил взгляд в затуманенный, окутанный паутиной город. Он глядел на него с немим приказом, как будто бы желал заставить Варшаву подчиниться одним лишь своим взглядом.

Уже через несколько мгновений образы Варшавы начали морщиться и разрушаться. Сети, сплетенные паразитами, лопались с сухим треском; они рвались и улетали во тьму. Разумы разгневанных мужчин оказались сильнее уз паразитов. Те же, словно по приказу, зароились вокруг агрегата, оставшиеся мчались сквозь пустоту в направлении Навозника. Они обсели его всей громадой и стали ползать по панцирю. Алоизий отскочил от борта, о который только что опирался, и схватил предназначенную для сожжения ножку стула. С размаху треснул он ею по высывающейся из-за борта голове величиной с человеческий кулак, зато снабженной приличных размеров жвалами. Что-то гадко чавкнуло и брызнуло, когда энергия уже покидала мертвое тело астрального насекомого.

- У нас неприятности, - заявил джинн. – Листовой металл материальности совершенно не отпугивает эту гадость. Сейчас клопы ворвутся на палубу, и нам хана!

- Тогда пора начать действовать решительно, по-мужски, - предложил Кусов и вытащил револьвер.

Он нацелился в Данила и отвел курок. Инженер слотнул слюну, видя гнев и решительность в глазах офицера. Черная дыра стола глядела на него ну точно сама смерть. Довнар почувствовал чесотку где-то посреди лба, куда, скорее всего, и был нацелен ствол. Он поколебался: то ли закрыть глаза, то ли проявить отвагу и глядеть русскому прямо в его лицо. Похоже, что гад разъярился и решил расправиться с конкурентом и находящимся в поиске мятежником в одном флаконе.

Грохнул выстрел. Пуля просвистела рядом с ухом инженера и с чмоканьем впиалась в ползущего сразу за спиной Данила "клопа". Инженер почувствовал волну тепла, когда паразит распадался на клочки, а поглощенная им энергия, украденная у Варшавы, освободилась в сопровождении вспышки. Само ее касание подействовало, словно приличная доза какого-то препарата. Данил испытал подъем эйфории и наполнившую его тело необыкновенную силу. Сейчас он был способен горы двигать.

- Ходу! – закричал он. – Полный вперед! Поглядите, остались всего лишь взаимопроникающие три или четыре образа города. Один из них – наверняка наш. Вот если бы Геня дала нам какой-то знак. Ну как до нее добраться?

Кусов выстрелил в очередной раз, уничтожив клопа, который вцепился в лапсердак Алоизия и тут же начал пожирать его. Джинн ругался сразу на десятке языков, прикладывая импровизированной дубинкой то направо, то налево. Полковнику тоже пришлось действовать побыстрее, потому что все больше и больше "насекомых" перелезало над краем панциря. Он уже перестрелял все свои патроны, схватил револьвер за ствол и действовал им словно небольшим буздыганом⁶⁸.

- Выдумайте-ка чего-нибудь поскорей! – проорал он Данилу. – Или давайте полетим к какому-то из этих чертовых миров, глядишь, и попадем на наш!

Данил махнул рукой и встал на носу. Он всматривался в проникающие одна в другую Варшавы, практически одинаковые, но, наверняка, совершенно разные. В конце концов, он набрал воздуха⁶⁹ в легкие, и заорал:

- Генриетта! Геня! Это я – твой Данил! Ты меня слышишь?! Подай какой-нибудь знак!

Алоизий же взвизгнул от боли и изумления, когда один из паразитов укусил его за икру. Кусов направился на помощь джинну, перескакивая через панцири ползающих по всей палубы "насекомых". Негр в одно мгновение сделался бледным, что, приняв во внимание цвет его кожи, выглядело весьма опасно. От наседавших паразитов он отмахивался с еще большей энергией.

⁶⁸ Буздыган (от тур. *buzdurgan* — булава). Также буздыхан, буздуган, буздурхан. Является разновидностью булавы, головка которой усеяна шипами (аналог — моргенштерн); чаще имеет несколько приваренных пластин (аналог шестопёр, пернач). Слово, вероятно, было заимствовано населением, проживающим к северу, северо-западу от границ Османской империи, после чего проникло в некоторые славянские языки, в частности, в русский язык. В русском языке, согласно словарю Даля, палица или трость, с комелем или набалдашником, часто окованным металлом. В районе Приднестровья, этнографически близким к украинским Буковине и Карпатскому региону, буздыганом называли деревянные палицы: Молдавские "гайдуки" устраивали поединки на "буздуганах", искусное владение которыми часто решало вопрос: принять или не принять молодого человека в "гайдуки". - Википедия

⁶⁹ Уважаемый автор, помилуйте, какой еще воздух в астральной плоскости? Вы же только что все нам объяснили...

О чудо, ни один из "клопов" не добрался до Данила. Скорее всего, они чувствовали исходящий от него запах металла и смазки и принимали его за машину. Инженер стоял на носу с высоко поднятой головой, игнорируя вопли товарищей. Навозник потихоньку дрейфовал, а точнее – падал в приближающиеся версии Варшав.

- Отзовись, Геня, - шепнул Довнар. – Прошу тебя, не медли...

Варшава, 14 (26) ноября 1871 г., 18-00

Генриетта сидела на сеннике, опустив голову на соединенные колени. На ее плечо опиралась дремлющая Габрыся. Тепло юной девушки и ее спокойное дыхание действовали успокаивающе и усыпляюще. Зузанна лежала рядом, молча, провожая взглядом спадающие с потолка капли. Геня постепенно попала в оцепенение, а потом чуть ли не задремала. Внезапно она вздрогнула, пробуждая Габриэлю, и вскочила на ноги.

- Вы слышали? – шепнула она и склонила голову. – Кто-то меня звал.

- Тебе показалось, - заметила Зуза. – Некоторым людям, сидящим под замком и в темноте, в голове путается. Они слышат голоса и пение, им кажется, будто бы они на свободе.

- Это комплекс осужденного, - прибавила Габрыся. – Похоже, тюрьму ты выносишь крайне плохо.

- Это правда, в неволе я никогда не была. – Геня все так же стояла, не двигаясь и прислушиваясь. – Но я ведь и правда что-то слышала. Это голос моего знакомого, того самого, со шрамами на лице, который разговаривал с Бурхан Беем. Быть может, он наверху и разыскивает меня? Вот только откуда он узнал, что я сюда попала? Ему турок сказал?

- Ты знаешь одного из сообщников ловцов невольниц? – удивилась Габриэля. – Вот тебе раз!

- А что поделать, - буркнула Генриетта. – Я и подозревать не могла, что он водится с похитителями женщин. Если бы знала... Эх, все-таки, мне это, похоже, только почудилось. Да, вы правы, у меня от этого подвала уже шарики за ролики заходят. Пора что-то со всем этим сделать.

Она подошла к решетке и высунула голову так, чтобы поглядеть на висящего Игнация. Музыкант пару раз приходил в себя, но быстро терял сознание, так что контакта с ним установить не удавалось. Генриетта уже свыклась с мыслью, что пользы от него не будет никакой.

Где-то наверху раздалось шипение и металлический скрежет открывающихся автоматических дверей.

- Хакки идет, - прошипела Зузанна. – Наверняка тащит нам еду. Обычно он обожает избивать новеньких.

- И замечательно, - криво усмехнулась Генриетта. – Надо, чтобы Габрыся на секунду отвлекла его внимание, а потом я этому сукину сыну устрою смотрины.

Девушки побледили от страха, но обе кивнули в знак того, что помогут. Одно дело планировать мятеж, и совсем иное дело – встать лицом к лицу с безжалостным великаном. Даже пруссачка чувствовала себя не в своей тарелке, вспоминая его силу и грубость. Неосознанно она стала массировать вусе еще болеевшую полосу на шее.

В подвале сделалось светлее, когда евнух отвернул клапан, впускающий газ в коридорные лампы. Девушки сощурились, а Игнаций пошевелился и что-то проговорил. В тот же самый миг в двери появился Хакки – болезненно толстое, сопящее чудище. Одетый в обширные турецкие шаровары и халат с ориентальной вышивкой, он выглядел враждебно и чуждо. В одной руке он держал за ручку огромную кастрюлю, под мышкой каким-то чудом держались жестяные миски; во второй его лапе была большая буханка хлеба.

По подвалу разошелся запах похлебки: ароматических приправ, вареных овощей и мяса. Генриетта сглотнула слюну. Ведь сегодня она, считай, ничего и не ела. Толстяк остановился возле первой решетки, оторвал пальцами три шматка хлеба и бросил в середину, словно кур кормил. Затем наполнил миски половником, что торчал в кастрюле, и сунул их под решетку.

"А ведь дверь не открыл!", - вздохнула про себя Генриетта. – "Нужно эту скотину спровоцировать, чтобы влезла в камеру. Вот только как? Она не знала ни единого слова по-турецки.

Хакки передвинул кастрюлю ногой к следующей пещере и наклонился, чтобы наполнить миски.

Висящий за его спиной Игнаций поднял голову, открывая горящую рану на шее, и рванул цепь. Звенья, касающиеся запястий рук, сотворенных флогистоном, засветились багрово от жара и со звоном распались. Музыкант молча бросился на толстяка и схватил того сзади за горло. Хакки выпрямился и завел одну свою руку за спину: одним движением он перебрал Игнация вперед, словно тряпичную куклу, и схватил его обеими ладонями.

От ужаса Генриетта даже зашипела. Немедленно! Необходимо сейчас же освободиться, или евнух порвет Игнация как Тузик грелку. Она затрясла решеткой. Железки были крепко посажены в камень, а имеющаяся в решетке дверка была закрыта толстой цепью с висячим замком. Девушка со злостью рывнула и схватилась за одну из головок винтов на лбу. Ей необходима была биомеханическая поддержка, вся сверхчеловеческая сила воина-мехаборга. Но без ключа отвернуть клапан она не могла.

- Мне нужен какой-то рычаг, чтобы открутить эту чертову штуку! – обратилась Геня к девушкам.

Обе глядели на нее перепуганными, ничего не понимающими взглядами. В конце концов, до Габриэли дошло, в чем тут дело, так что по камере она разглядывалась уже более осмысленно.

- Вон там! – указала она на поперечное соединение вертикальных решеток. – Упрись лбом вот об это! А мы тебя провернем, словно гаечный ключ!

Не раздумывая ни секунды, Генриетта упала на колени и прижала голову к прутьям. Шестигранная головка одного из винтов заклинилась на месте соединения. Девушка напрягла мышцы шеи и попыталась сдвинуться всем телом, но поворот, балансируя на одной ноге, совершить не удавалось. Габриэля подскочила к пруссачке, схватила в пояс и при

этом позвала ошеломленную темпом событий Зузанну.

- Хватай ее за ноги, после чего вместе поднимаем! – приказала юная актриса.

- Поворачивайте влево! Вверх! – командовала Генриетта, обеими руками хватаясь за голову и прижимаясь к решетке.

А за оградой Хакки, рыча басом, метался из стороны в сторону, пытаясь обезвредить огненные кулаки Игнация. К сожалению, большая часть флогистона в теле музыканта уже выгорела, так что он уже не мог справиться с противником столь же легко, как с автоматом в доме Довнара. Тяжелое дыхание и хрип сливались с грохотом и шлепками наносимых ударов. Наконец евнух сломал руку Игнация в локте, но труполод не обращал на увечье ни малейшего внимания и все так же барабанил кулаками по великану.

Девушки подняли Генриетту, которая заставила тело быть одним жестким инструментом, и выполнили оборот в 180 градусов, так что пруссачка висела головой вниз. Винт попустил и повернулся. Девушка почувствовала жаркий фонтан боевых флюидов, протекающий по жилам. Энергия заполнила тело всего за пару ударов сердца. Девчата отпустили новенькую, и та в грациозном пируэте встала на ноги, затем подскочила к дверце, схватила висячий замок и потянула. Она чувствовала, как жар бьет ей в лицо, как расцветает он кирпично-красным румянцем на щеках. На шее девушки набухли жилы. Она уперлась обеими ногами о решетку, продолжая тянуть цепь с замком обеими руками. Треснули швы на плечах платья, когда мышцы воительницы напряглись и значительно увеличились в объеме.

С болезненным стоном одно звено не выдержало, и Геня упала на землю. Прежде чем ее подруги сориентировались, что дверка открыта, Генриетта уже мчалась, словно локомотив, вдоль подвала.

Из ран на набрякшем лице Хакки текла кровь. Из носа кровь лилась двумя струями, к тому же морда у турка была сильно обожжена, поскольку наносящие удары руки Игнация, несмотря на утрату мощности, от жара были багровыми. Если бы евнух был обычным человеком, он давно уже выл бы от боли и не был способен драться. Но Хакки лишь еще сильнее схватил противника за голову и одним рывком свернул ему шею. Лицо Игнация очутилось на спине как раз в тот момент, когда подбежала Генриетта. Музыкант подмигнул ей.

Девушка подскочила, размахивая страшной гарротой. Она позволила оружию смерти обернуться вокруг шеи толстяка. Проволоку с колючками оттягивали с обеих сторон свинцовые шарики, служащие в качестве рукояток. Генриетта держала один из них в руке и протянула пальцы к другому через мгновение, после того как гаррота оплела шею евнуха, тем не менее – не успела. Хакки, словно бы нехотя, оттолкнул воительницу открытой ладонью, так что та получила могучий удар по виску. Земля убежала у нее из-под ног, словно внизу взорвалась бомба. С широко расставленными руками Геня полетела в сторону, и лишь в последний миг инстинктивно охватила голову ладонями. Она ударилась в стенку и со стоном сползла на холодный каменный пол.

Снова турок обеими руками схватил голову труполода и провернул ее еще сильнее, продолжив оборот, теперь уже на все триста шестьдесят градусов. Игнация плюнул Хакки в лицо огненной слюной и ударил носком ноги в коленную чашечку. Потом он вытянул руку и схватил шарик-рукоятку гарроты. К сожалению, второй рукой, сломанной в локте, он совершенно не владел. Но он дернул, и колючки глубоко вонзились в кожу толстяка. Правда, парализующие токсины, казалось, никак не действовали на эту громадную тушу.

Генриетта схватилась за ноги. В голове у нее шумело, во рту чувствовалась металлический привкус крови. Она подозревала, что у нее треснули все ребра, да и череп, наверняка, тоже разбит, но пока биологическая поддержка действовала – она могла убивать. Тогда она подбежала к громадной кастрюле с похлебкой, подняла ее над головой, после чего со всего размаху грохнула ею по башке евнуха. Что-то глухо загудело. Горячее варево залило Хакку и Игнация, великан пошатнулся, но равновесия не потерял. Зато, похоже, разнервничался!

Он грохнул кулаком труполода, разбивая тому грудную клетку. Музыкант, широко расставив руки, полетел назад, ударился спиной о решетку, где его и заклинило. Взбешенный толстяк повернулся к девушке, которая, по сравнению с ним, казалась маленькой девчушкой. Она подпрыгивала, словно боксер во время поединка, горячо размышляя над тем, ну как бы нанести вред этому чудовищу.

Разложив руки, турок с ревом бросился на пруссачку. Та же скакнула ему навстречу и колом прокатилась между ногами гиганта. На ходу инстинктивно схватила того за мужское достоинство, совершенно забыв, что яйца тот потерял уже давно. Зато ее пальцы ухватились за пенис.

"И так пойдет", - подумала она и потянула изо всех сил.

Евнух завыл удивительно тонким голосом и склонился, чтобы схватить девушку. Та же находилась у него за спиной, с лицом на высоте ягодиц. Турку пришлось согнуться и сунуть голову себе между ног, в чем ему сильно мешало выпирающее пузо. Какое-то мгновение ситуация была патовая, но тут Генриетта стиснула зубы и рванула еще сильнее.

Точно так же, как ранее разорвала цепь, теперь с той же легкостью она оторвала мужское достоинство турка, вместе со шматком кожи низа живота и шароварами. После чего отвесила добрый пинок в громадный зад и кинула Хакки в лицо его же собственный пенис. Как только евнух увидел это, глаза у него закатились, обнажая одни белки. И он сомлел.

Для верности Генриетта отвесила еще один пинок по виску, а поскольку никакой реакции не последовало, глубоко вздохнула. Пальцами она завернула головку винта на лбу, но не дожидаясь до конца. Генриетта отстегнула пучок ключей с пояса толстяка и кинула его выглядывающей из-за решетки Зузанне.

- Освободи остальных девушек, - коротко приказала она. – Пошли!

Пруссачка помогла Игнацию вырваться из клещей железных прутьев. Большая часть костей музыканта была переломана, голова же держалась исключительно на частично перерезанной коже.

Игнация пошевелил губами, но, к сожалению, рояльная струна, которой душил его евнух, перерезала ему гортань. Так что Генриетта уже не могла с ним общаться. Музыкант похлопал ее по плечу и бледно усмехнулся. От него страшно

несло гарью, флогистон с каждым мгновением вытекал из несчастного. Похоже, он понимал, что ему уже недолго осталось, тем не менее, он, вроде бы, даже был доволен этой своей псевдо-жизнью: он ведь нашел свою музыку, вспомнил, кто он такой. Ну а со своими убийцами планировал посчитаться чуточку позднее.

Около полутора десятка девушек стояли одна за другой, словно гуси. С ожиданием и надеждой глядели они на Генриетту, ощупывающую собственное тело. Толстяк, похоже, оставил ее кости в целости. Опять же, весьма пригодился бронированный прусский корсет

- Ну что, девушки, говорила же я вам, что Геня нас освободит? – отозвалась возбужденная Зузанна. – Раз-два, и расправилась с жирной сволочью!

Игнаций кивнул женщинам и пошел впереди к лестнице. Там он еще на мгновение задержался и указал Генриетте место, рядом с которым был прикован. Пруссачка заметила почерневшие пятна, въевшиеся в камни.

- Именно здесь тебя и убили? Под этой стенкой? – спросила та. – Это следы твоей крови...

Музыкант утвердительно качнул головой и сжал кулаки. До того, как заснуть вечным сном, он еще намеревался отплатить своему убийце. Игнаций понимал, что ему следует поспешить, пока сила окончательно не выветрится. Так что он энергично стал подниматься по лестнице, больше не оглядываясь за спину. Генриетта шла за ним, затем – опять же гуськом – девушки. Через пару минут они добрались до тайных дверей, отрываемых скрытым механизмом. Игнаций переставил рычаг. С шипением и в облаках пара ворота открылись. Беглецы очутились на задах склада. Уверенным шагом труполод направился в главное помещение. Они прошли мимо ведущей вверх лестницы и вошли в магазин с огромной застекленной витриной.

Среди ровнехонько выставленных, блестящих новизной инструментов находилась стойка с огромной кассой, приводимой в движение изогнутой ручкой. Рядом с ней, небрежно опершись о стойку, стоял Бурхан Бей. На турке был восточный халат, на голове – надетая набекрень феска. Он спокойно брал сушеные финики с небольшого блюдечка и не прервал свое занятие, даже когда увидел заходящего в магазинный зал Игнация.

- Нужно было сразу приказать тебя расчленить и сжечь, - меланхолично заявил он. – Надеюсь, ты не слишком сильно повредил Хакки? Ага, а вот и наша прекрасная панна! Я так и знал, что у девушки огненный темперамент. Никому еще не удавалось обмануть Хакки и вырваться из его лап. Но боюсь, что дальше уже дамочка никуда не пойдет.

Из-за стоявшего в углу органа вышел очередной евнух-толстяк – Ферди. В своих лапах он держал тяжелый молот, рукоять которого была выполнена из богато разукрашенной стали; на обухе были выгравированы надписи арабской вязью. Игнаций его даже и не заметил. Точно так же, как и Генриетта, он обернулся, услышав писк собравшихся в предыдущем помещении девиц. Издалека, из подвала, доносилось взбешенное, басовое рычание.

- Хакки пришел в себя, - заявила сразу же побледневшая Габриэля. – И, похоже, теперь он взбесился по настоящему.

На лестнице раздался грохот, словно по ней мчалось стадо лошадей. Басовое рычание нарастало. Генриетта с трудом сглотнула слюну и положила пальцы на головке винта. Это же она проявила к турку милосердие и не добила, когда он валялся без сознания. Она совершила ошибку, которую опытный воин никогда бы совершить не позволил. Эх, совсем она размякла в Варшаве, словно первая попавшаяся девица...

Бурхан Бей подал незаметный знак, и близнец Хакки замахнулся молотом, одновременно делая три шага вперед. Оружие блеснуло золотыми арабскими надписями и прорезало воздух с басовым гулом. Генриетта бросилась назад. Игнаций же лишь повернулся к новому противнику, он даже не успел поднять руки, чтобы защитить себя. Молот попал ему в голову.

Вспышка. Голова музыканта взорвалась с грохотом. Сгорающий флогистон пожрал свет, на мгновение погрузив магазин во тьму. Игнаций тяжело упал на пол, теперь окончательно мертвый. Генриетта же одним движением повернула головку клапана. Теперь она размышляла: сражаться с Ферди или с быстро приближающимся Хакки.

Обоих она успела узнать настолько хорошо, чтобы понимать: ни с тем, ни с другим у нее нет ни малейшего шанса. Геня прикусила губу и вздохнула, тихонько, про себя:

- Данил, и ты, князь Александр Иванович, спасайте меня, причем – поскорее.

Астральная плоскость, в то же самое время

Навозник пикировал в налагающиеся один на другой образы города во вспышках взрывающихся "клопов", которых давили сражающиеся мужчины. Агрегат летел в облаках положительной энергии, эссенции счастья и удачи, что высвобождались из тел паразитов. Он тянул за собой хвост из них, словно спадающая комета, которая, при случае, привлекала еще больше гадов. А вот что пришло на помощь, то ли обычное стечение обстоятельств, то ли счастье, исходящее во все стороны от машины, трудно сказать. Во всяком случае, когда астральные насекомые уже ползали по всему телу Алоизия и уже повалили полковника Кусова, когда походило на то, что они слопают пассажиров живьем и без соли, после чего разорвут Навозника на клочки, появился он – огненный демон.

Он вылетел снарядом из одной из Варшав, в языках огня и под аккомпанемент "врезающей" со всего духу симфонического оркестра. Демон обладал внешностью высокого мужчины, охваченного пламенем, которое, однако, не пожирало его, наоборот, придавало энергии. Клопы разбежались с писком, словно от упыря исходило само зло и несчастье. Город за ним кристаллизовался окончательно, все его альтернативные версии отступили в тень.

Полковник Кусов поднялся на ноги со стоном и шипением. Укусы "клопов" болели как тысяча чертей, зато их яд отравлял его огромным оптимизмом и радостью жизни. Офицер с трудом удерживал себя, чтобы не запеть в такт музыке,

сотрясавшей всей астральной плоскостью. Источником ее был демон, размахивающий руками, словно дирижер, управляющий невидимым оркестром.

- Он похож на негатив того самого упыря, за которым я гонялся, - радостно заявил Кусов. – Тот был окутан мраком и тишиной, он пожирал звуки, которые его притягивали. А этот светится и лучится счастьем, к тому же, он сам является источником музыки. Неужто мы спадаем на Варшаву, являющуюся зеркальным отражением той, в которой мы живем?

- Понятия не имею, все возможно, - пожал плечами Данил. – Похоже, мы должны воспользоваться случаем, пока демон не исчезнет отсюда. Ведь "клопы" наверняка таятся повсюду, плавают в эктоплазме и выжидают okazji.

- Снова они приближаются, - вздохнул Алоизий и схватил очередную ножку стула, потому что последнюю разбил в щепки.

Перепуганные ранее паразиты вернулись и уже ползали по обшивке Навозника. Похоже, печаль и отрицательная энергия, исходящие от демона, быстро испарялись. Теперь к агрегату приближался целый рой астральных паразитов.

- Вы слышите? – Данил поднял руку, чтобы все замолчали.

Кусов прислушался, одновременно подавляя желание расхохотаться. Сквозь затихающую музыку пробивался зов, знакомый женский голос, подавленный и далекий, с трудом пробивал эктоплазму. Демон тем временем удалился, через мгновение он уже выглядел одним из тысяч светлячков – загубленных душ.

- Это Геня, - уверенно заявил Данил. – Она зовет меня, ей нужна помощь.

- Меня она тоже звала, - усмехнулся Кусов. – Я сам слышал. Ну, чего вы ждете? Это ведь только подтверждает, что данная реальность – действительно наша. Вперед! Поспешим на помощь фроляйн фон Кирххайм!

Данил кивнул головой.

- Приземляемся.

Варшава, 14 (26) ноября 1871 г., 18-15

Хакки вломился в помещение склада словно фурия, но затем, широко расставив ноги, остановился у входа. Дыру в его шароварах окружало громадное кровавое пятно. Евнух скалил зубы, словно дикий зверь. Девицы разбежались во все стороны, пытались спрятаться за музыкальными инструментами. Великан что-то гортанно прохрипел и указал на Генриетту.

Пруссачка смирила его враждебным взглядом, вновь сожалея, что не добила раньше. Краем глазом она заметила, что Ферди опускает молот и протягивает к ней руку. Выходит, они все еще хотели взять ее живьем. Для Бурхан Бея она оставалась лакомым кусочком, и он все еще рассчитывал получить за нее кучу денег. Геня глянула на хозяина исподлобья. А тот все так же стоял, опершись о стойку, и невинно улыбался.

Генриетта оценила расстояние: два шага и прыжок. Подсчит к нему, заложит свою руку ему за шею, а пальцы другой руки сунет ему в глаза. И будет угрожать, что если евнухи не отступят, вырвет гаду его гляделки, после чего разорвет горло. Прикажет освободить себя и всех девушек. А там посмотрим...

Она двинулась. Раз, два и... Уже напряглась, чтобы прыгнуть, но в тот же самый миг турок раздвинул полы халата и вытащил многоствольный револьвер. Шесть стволов "перечницы" уперлись в грудь девушки. Хотя оружие было и старомодным, и точностью не страдало, с такого расстояния промаха просто не могло случиться. Генриетта не знала, что делать.

Этого мгновения хватило, чтобы Ферди схватил ее за волосы и потянул назад. Он резко дернул, чуть ли не свернув ей шею, повернул девушку к себе лицом и другой рукой отвесил две быстрые пощечины. На мгновение Генриетта утратила зрение. Лапища евнуха весила с пару пудов и обладала мощностью парового молота. Несмотря на всю химико-биологическую поддержку, несколько секунд пруссачка совершенно не понимала, что с ней происходит. Она почувствовала лишь сильный рывок, когда за горло ее схватил взбешенный Хакки. Но чувство зрения вернулось к Гене лишь тогда, когда витринное стекло посыпалось с грохотом.

Звон разбитого стекла и треск дерева потрясли всем домом. Прижавшиеся по углам девицы пискнула как одна. Могучий металлический корпус, дымящийся струями черной эктоплазмы, влетел в магазин, давя ценные инструменты, а само помещение превращая в свалку.

Трое джентльменов, выглядывающих из-за борта Навозника, увидели окровавленную, практически потерявшую сознание Генриетту, которую избивали два громадных толстяка. Данил с ужасом понял, что они приземлились в магазине Бурхан Бея, которому он собирался Навозника продать. Он намеревался получить огромные деньги, семьсот тысяч рублей. Но откуда, как будто это могли знать все демоны астральной плоскости, здесь взялась Геня? Почему эти два чудовища пытаются ее забить насмерть?

Но времени на раздумья просто не было. Кусов уже перескочил через борт панциря и мчался спасать убиваемую девушку. Алоизий, не раздумывая, бросился ему на помощь. Данил на минуту остался сам, совершенно потерявшись в столь абсурдной ситуации. Громадная куча денег уходила из-под его носа! И что подумает о нем Генриетта? Нужно было немедленно заткнуть рот Бурхан Бею, чтобы тот не разболтал, будто бы инженер вступил в договор с работником. Панна фон Кирххайм строго соблюдала заповеди морали, и сама по себе была без страха и упрека. И никогда уже не заговорит она с человеческим отбросом, который устраивает шахеры-махеры с мучителем женщин. Она окончательно оттолкнет его и будет презирать. А вот этого Данил бы не пережил.

Взгляд инженера заметил крадущегося вдоль стенки Бурхан Бея. В руке турок держал шестиствольный револьвер, из которого целился в сражавшихся.

Тем временем, полковник схватил свалившуюся на пол виолончель и, используя ее в качестве тарана, атаковал

Хакки. Евнух отклонился и нанес жандарму удар кулаком, который разминулся с головой офицера буквально на волосок. Алоизий же подскочил к Ферди и стиснул свои громадные черные пальцы на шее толстяка. Тот ответил тем же самым, презрительно при этом усмехаясь. Ведь он прославился как самый лучший душитель во всем Константинополе!

Генриетта сползла на пол, невидящими глазами разглядывая разгромленный торговый зал. Словно в тумане увидела она нацеленные в себя дула старинного револьвера. Работотговец целился в нее с мрачной и злой миной.

Бурхан Бей охватила ярость. Только что он утратил прикрытие для своего приносящего богатства делового предприятия. Все возвышенные планы, все прекрасные мечтания о спокойной старости в богатстве и разврате развеялись дымом. И теперь он собирался отплатить за это всем им, а особенно – той бешеной сучке, которая и навлекла на него все несчастья. И ему было плевать на то, что при этом может ранить своих помощников. Бурхан потянул за курок.

Данил прыгнул мгновением раньше. Приземлился он на полпути между девушкой и турком. Прогремел первый выстрел, а за ним и остальные. Клубы дыма окутали лицо инженера. Укусы горящего пороха были ужасно болезненными, тем более, что чуть ли не весь он попал в лицо. Первая пуля попала ему в грудь, очередная свистнула рядом с ухом. Три следующие чмокнули где-то рядом с сердцем, из-за чего все тело Данила сотряслось.

Он бы пал трупом на месте, если бы имел сердце, а не механическое *устройство* с шестеренками и стеклянными насосами, дополнительно защищенными бронзовой дверкой. Свинцовые пули с металлическим гулом расплющились на бронзе, не причиняя инженеру ни малейшего вреда. Данил схватил револьверные стволы и потянул их вверх, желая вырвать оружие из руки турка, но тот уперся и даже попытался освободить свой старинный смертоносный аппарат. У него оставалась одна пуля, которую он намеревался вклепить поляку прямо в лоб.

А рядом Алоизий сцепился с Ферди. Великаны душили друг друга с истинной страстью, напрягая мышцы и сопя через нос. Евнух быстро сориентировался, что имеет дело с достойным противником, которому не удастся свернуть шею, а мышцы шеи у этого противника прямо из стали. Он ударил его коленом в промежность, но попал в бедро. Его ладони уже начали скользить на поту крови негра, сочащейся из многочисленных ран от укусов. Вдруг Алоизий ухмыльнулся идохнул в лицо противника дымом и струей песка. Ферди взвизгнул от изумления, только сейчас поняв, что имеет дело с демоном. Теперь он уже не пытался атаковать, желая лишь освободиться от захвата проклятого существа. Он схватил негра за запястья и попытался их выворачивать, испытывая все больший страх. Алоизий оскалил зубы и усилил нажим.

Тем временем, полковник Кусов, вместо того, чтобы атаковать, пытался остаться в живых. Хакки наносил ему удары кулаками, каждый удар можно было сравнить с пушечным выстрелом. Громадная лапа толстяка несколько раз задевала лоб жандарма, из-за чего тот чуть ли не терял сознание. Офицер все еще размахивал неудобной виолончелью, пытаясь надеть ее на башку евнуха. Толстяк попал по инструменту кулаком и полностью разбил резонансный корпус и при оказии порвал все струны. Полковник споткнулся и упал на колени. Он вывернул разгромленную виолончель и сделал классический выпад, вложив в него весь своего тела. Опорный стержень длиной в локоть вошел в живот турка до упора. Хакки только пискнул и отступил на шаг, вырвав виолончель из рук полковника. Он упал на пол, прижимая изуродованный инструмент к телу, как бы желая хоть таким образом задержать уходящую жизнь.

А рядом Алоизий склонился над стоящим на коленях Ферди. Лицо у близнеца Хакки было багровым, язык вывалился на всю длину. Его глаза уже подернулись мглой, защита его делалась все слабее. Евнух уже намочил штаны, мышцы сфинктера в агонии отпускали. Джинн то скалился, то облизывался. Как давно не убивал он людей! Он уже и начал забывать, насколько это приятное дело, как сильно радуется оно черное, демоническое сердце.

Грохнул выстрел. Лицо Бурхан Бей взорвалось фонтаном крови, когда "перечница" выпалила ему прямо под подбородок. В ходе их состязаний Данилу удалось направить руку турка в его же собственную голову. Все остальное торговец людьми сделал совершенно самостоятельно.

Инженер отскочил от умирающего, оттирая забрызганное чужой кровью лицо. Он огляделся в поисках Генриетты. Девушка слабо махнула ему рукой – она сидела на полу, опираясь на сваленную фисгармонию. Ее лицо было опасно бледным. Обычный румянец исчез бесследно. Инженер подскочил к пруссачке, припав к ней, чуть не столкнувшись с Кусовым.

- Ты понимаешь, с этим турком я познакомился только вчера, в камере Десятого павильона. Он подговорил меня помочь ему в контрабанде, но я же не знал, что он похищает и продает женщин, - горячо начал объясняться Данил.

Пруссачка слабо улыбнулась ему. Она верила инженеру, но – как обычно – не до конца. Ей было известно, что Данилу случалось иногда расходиться с правдой. Но, несмотря на этот свой мелкий недостаток, он был человеком порядочным, умным и правым, но прежде всего – у него было золотое сердце. За это она его и любила.

Любила она и заботливо склонившегося над ней полковника Кусова. Аристократ, пускай окровавленный и израненный, одежда которого была изодрана клочьями, выглядел так, как будто вышел только что из гардеробной. Он улыбался шельмовски и в то же время соблазнительно, в его глазах горело восхищение ее красотой и собственное желание обладать ею. Его она тоже любила, но чуточку иначе, чем Данила. Любила так, что при одной мысли о полковнике по телу пробегали приятные мурашки.

Она улыбнулась обоим своим обожателям и закрыла глаза. У нее болело все тело, в голове шумело и тупо бухало. Это закончилось действие боевой поддержки, ей необходим был отдых.

Данил нежно поцеловал ее в лоб и смерил Кусова грозным взглядом. Сквозь разбитое витринное окно и снесенные входные двери вовнутрь заглядывали прохожие, в том числе – полицейский патруль и прибежавшие от Замковой Площади гвардейцы с винтовками в руках.

- Если бы дело было приватное, я позволил бы вам уйти, - оправдываясь, сказал полковник, - но вы же сам понимаете – служба! Я должен вас задержать до выяснения. То же самое касается и вашего лакея.

- Вы позволите, если лакея задержу я сам, - сказал Данил, после чего разорвал и так уже рваную сорочку. Он

открыл дверцу на груди и сунул руку в свое вспомогательное пространство. Из него он вынул небольшую медную лампу и обратился к Алоизию. – Полезай-ка в середину.

- Не может быть и речи, - буркнул негр, любующийся собственноручно задушенным душителем.

- Лезь, а то до твоей задницы доберутся царские демонологи, - рявкнул Данил. – Ну, лезь, темная⁷⁰ ты масса!

Джинн только буркнул себе под нос что-то по-шумерски и через мгновение превратился в клубящееся облако, которое со свистом промчалось через носик лампы в середину ее. Данил закинул лампу в грудь и закрыл дверцу.

- Клянусь честью выпускника Петербургского Технического Института, что не выпущу джинна вплоть до разьяснения дела и моего освобождения, - пообещал он Кусову.

Князь-полковник милостиво кивнул, принимая клятву.

- Да, конечно, можете его не отдавать, - сказал он. – Думаю, что сам я уже узнал о вас достаточно много. Я верю, что вы невиновны, тем не менее, ради добра следствия и вашей же безопасности, я обязан вас обоих задержать. Обещаю сделать все, что только будет в моих силах, чтобы вас больше не пытали и не мучили допросами.

- Рад был познакомиться, пан полковник. – Инженер поклонился. – Это большая честь, быть арестованным офицером столь высокого класса.

- Мне весьма жаль, что обстоятельства поставили нас в столь неудобную ситуацию, - ответил на это Кусов. - Надеюсь, что весьма скоро все обвинения снимут, а вас освободят. Я же сниму обвинения о моем похищении и избиении. Мне тоже было очень приятно познакомиться со столь способным исследователем и изобретателем. А сейчас прошу сюда...

Он властным жестом призвал протискивающихся в магазин полицейских и обменялся с ними несколькими словами, после которых городовые встали по стойке смирно и отдали ему салют. Через минуту на улицу вывели всех девушек и едва стоящую на ногах Генриетту. Под самый конец, под охраной, вышел и Данил. Протискиваясь мимо Навозника, он нежно погладил его корпус. Кто знает, а вдруг он видит его в последний раз. Прежде чем усестись в полицейскую карету, которая между тем прибыла из Цитадели, он глянул в небо – темное и дождливое, но, по крайней мере, реальное и знакомое.

- Снова в тюрьму, - вздохнул Довнар. – Только это, похоже, лучше, чем торчать в бездне.

Он уселся в тюремный экипаж, размышляя над тем, не покормят ли его в тюрьме ужином. И не угостят ли выпивкой... Он готов был руку отдать за бутылку водки.

Варшава, 15 (27) ноября 1871 г., утро

На Мировской площади⁷¹, выставив штыки, ровными рядами стояли роты Лейб-гвардейского Волынского полка. Темные шинели пехотинцев сливались с фоном – длинными и мрачными зданиями мировских казарм. Свинцовые, низкие тучи только усиливали эффект серости и делали атмосферу более гнетущей. Не помогли чистка сапог до глянца и смазка оружия; гвардия не сияла, как случалось обычно во время парадов и смотров. Штыки не желали блестеть, даже полковой штандарт с желтым крестом и двуглавым орлом опал и висел печально, словно цветастая тряпка.

⁷⁰ В польском языке слово "ciemny" означает как "темный", так и "тупой, глупый, непонимающий". – Прим.перевод.

⁷¹ Западная часть Саксонской площади (Placu Saskiego). В давних зданиях Мировских казарм сейчас размещается пожарная часть Варшавы. Рядом расположен Мировский рынок. – Прим.перевод.

На одной из самых ранних фотографий Варшавы мы видим бивуаки русских войск, сконцентрированных в городе (как раз на Саксонской площади) в связи с начавшимися волнениями. Концентрация войск не смогла предотвратить широкомасштабное польское восстание 1863-64 гг.

Офицеры в черных парадных мундирах и белых лосинах обнажили сабли перед принимающим смотр наместником. Фельдмаршал Федор Федорович Берг ехал на своей паровой коляске, которую толкал приятный на вид полковник жандармерии в отставке, но остающийся доверенным советником, Сергей Муханов. Их сопровождал командир волынцев, генерал-майор Дмитрий Дмитриевич Прохоров.

Берг грозно глядел на неподвижных солдат. Пехотинцы знали, что от старого офицера не скрыть даже малейшее нарушение устава или порядка. Все должно было быть идеальным и соответствующим предписаниям. В глаза фельдмаршала могла броситься какая-то деталь, портящая совершенную картину, к примеру, недостаточно начищенный орел на кивере или не застегнутая пуговица, и тогда беда командиру полка, наказание от которого незамедлительно получит командир разгильдяйской роты, который, в свою очередь, жестоко отомстит подчиненным ему фельдфебелям, ну а те уж постараются, чтобы рядовые не забыли этого дня на всю оставшуюся жизнь. Так что воздух был наэлектризован напряжением и ожиданием. Солдаты втягивали животы и удерживали дыхание; они замерли, словно вытесанные из камня или отлитые из стали, совсем словно стоящая на самом конце рядов батарея боевых големов.

Точно так же чувствовал себя и полковник Кусов, находящийся на конце площади, во главе собственного небольшого отряда: четырех офицеров – агентов, шести жандармов – мехаборгов и двух боевых автоматов. К отдельной оперативной ячейке III Отделения Личной Его Императорского Величества Канцелярии отнеслись, словно к обычному подразделению, равняющемуся по статусу лейб-гвардии. Это свидетельствовало о немилости в глазах графа Берга. Приказ о необходимости присутствовать на смотре Кусов получил лично от одного из младших адъютантов наместника, который довольно-таки грубо, еще до наступления рассвета, вытащил его из постели. Тем самым, жандармы из элитарного разведывательного подразделения были приравнены к обычным пехотинцам, следящим за порядком в Варшаве. Стыд и позор! А прежде всего, показатель того, что Берг взбешен.

Фельдмаршал похвалил гвардейцев, отчего мина генерала Прохорова прояснилась, как будто из-за туч выглянуло солнце. После того наместник неспешно подкатил к отряду Кусова и, не говоря ни слова, осмотрел стоявших по стойке смирно агентов. Выглядели они гротескным сборищем экспонатов из кунсткамеры, далеко им было до вышколенных, неподдельных военных. Рядом с облаченным в парадный мундир жандармским полковником Кусовым стоял могучий прапорщик Скобелев с четырьмя металлическими руками и в мундире без рукавов. Дальше стоял худенький, седенький старичок с белой бородой – религиовед, мистик и экзорцист, поручик поп Анучкин. Рядом с ним покачивался амбал с покрытой коростами рожой, в мятном и грязном сюртуке: фельдфебель Огранович, специализирующийся в проникновении в преступную среду. Далее выпячивал грудь высокий и худой тип с паучьими, медными ногами: языковед и снайпер, хорунжий Черевин. Дальше стояла парочка молодых подхорунжих, практикантом родом из дворянских семейств, а за ними – очередные чучела с механическими частями тел, с боевыми шрамами и следами ожогов на мордах. На первый взгляд, подразделение можно было сравнить разве что с цирковой труппой или беглецами из желтого дома.

Берг внимательно оглядел их, но его старческое лицо ничего не выражало. Он доехал до конца ряда, после чего Муханов по его кивку развернул тележку, чтобы остановить ее перед Кусовым.

- Александр Иванович, мой маленький мальчик, который должен был сделаться генералом, - покачал головой фельдмаршал. – Только если ты и дальше станешь так поступать, надежды твоего отца прахом пойдут. С военной службы тебя попросят, так что кончишь ты как лишенный офицерского патента неудачник. Послушай-ка моего совета, брось все это. Подай рапорт на отпуск для поправки здоровья, и в это время умоляй отца, чтобы он устроил тебе должность в административных петербургских структурах. Покинь жандармерию, сделайся чиновником. Там оно будет и легче, и безопаснее. Через несколько лет доберешься до чина тайного советника, заработаешь состояние и женишься на какой-нибудь сисястой княжне, которая родит тебе кучу малышни. Эх, погода какая сегодня прекрасная! Но могло бы и дождику позволить, потому что воздух сухой, в горле меня дерет. Душно мне.

Граф зашелся в кашле, так что даже его паровая коляска начала стучать шестеренками и травить пар через свисток. Кусов все так же стоял по стойке смирно, не шевелясь и глядя прямо перед собой. Понятное дело, что он и не собирался слушаться фельдмаршала, считая себя превосходным солдатом и разведывательным агентом.

- Ваше превосходительство изволит шутить, - заговорил он без разрешения. – Но ведь убийцу мы идентифицировали и обезвредили...

- Ну да, шутить изволю, - фыркнул Берг. – Ха. Ха. Вот тебе и на! Как смешно. Так, говоришь, идентифицировали?

- Да. Убийцей был Игнаций Кржижановский⁷², выдающийся польский музыкант и композитор, исчезнувший в не выясненных обстоятельствах в 1862 году. Благодаря госпоже фон Кирххайм, мы установили, что его жестоко убили в подвале дома на Краковском Предместье, и в этом же доме, опять же, благодаря следственным действиям нашей союзницы, мы при случае выявили гнездо похитителей, занимавшихся торговлей живым товаром.

- И это ты считаешь успехом, мальчишка? – Берг глянул на обеспокоенно кивающего головой Муханова. – Ха. Вот скажи ему, Сергей. Пускай вынош наконец-то протрет глаза.

- Трупоход был ликвидирован без допроса, так что у нас нет никаких доказательств того, что это именно он убил австрийского посла. Нам не известно к тому же, зачем он это сделал, а вдобавок, как следует из вашего же рапорта, он сбежал в астральное пространство, откуда вновь может вести агрессивную деятельность, - спокойно сообщил Муханов. – Так что, единственное, что вам удалось, это только идентифицировать преступника. Но он все так же способен представлять опасность и, скорее всего, и представляет.

- Я убежден в том, что убивал он случайно, отыскивая свою музыку и жаждая мести за нечеловеческую смерть, - вздохнул Кусов. Когда он обрел память, стал совершенно не страшным. Сейчас же он один из бесчисленного числа малых упырей, кружащих за границами реальности. Его уже не подгоняет месть и страшная тоска по утраченной музыке. Мне кажется, что мы можем о нем забыть...

- Забыть?! – прорычал Берг. – А что я доложу в Петербург? Что князь Горчаков передаст австрийцам? Что их чрезвычайный посол пал жертвой несчастного случая, а его опять же случайный убийца спокойно отправился на тот свет? И, собственно, так и не известно, кто же за эту смерть ответственный! Приди в себя, парень! В этом мире все делается не так.

- Можно подсунуть им турецких похитителей, - робко предложил Кусов. – Ведь это же явно они девять лет назад убили музыканта, сотворив, таким образом, демона.

Несколько мгновений Берг игрался рукоятью подлокотника своего кресла, но его мина ничего доброго не обещала.

- Турки, - процедил он сквозь зубы. – Вместе с польским бандитом, ты, мой маленький Александр, посмел убить турецкого торгового атташе и двух его служащих. И мы должны представить это в качестве очередного успеха? Убийство дипломата державы, с которой у России и так напряженные отношения. Ты что, желаешь этим своим следствием спровоцировать начало новой войны?

- Так ведь этот бей был похитителем женщин и распоследней сволочью, - буркнул под нос Кусов. – Вот и получил, чего заслуживал.

Муханов громко чмокнул губами, смущенно покачивая головой. Берг успокоил его жестом руки.

- А мне плевать, кем там он был в частной жизни, - вновь процедил он сквозь зубы. – Считается то, что он обладал дипломатическим статусом. В моем городе погибли уже два дипломата! В моем, понимаешь! – Столь же неожиданно, как вспылал, он успокоился и огладил черные усы. – Вообще-то, обвинение турок в том, что это они спровоцировали убийство австрияка – штука не такая уже и глупая, мой мальчик, но по причине глупой бравады вы их всех без какой-либо пользы отослали в преисподнюю. Их нужно было всего лишь арестовать! Мы бы выдали их австрийцам и убили бы одним камнем двух зайцев. Мы бы еще сильнее углубили конфликт Франца-Иосифа с султаном, после чего еще больше приблизили его к России. Только мы не можем осуществить данный маневр, имея в руках только трупы вместо обвиняемых!

⁷² Самое интересное, в нашей реальности такой человек действительно существовал: "Игна́тий Кржижа́новский (польск. Ignacy Krzyżanowski; 24 декабря 1826, Опатув — 10 февраля 1905, Варшава) — польский композитор и пианист.

Учился в Кракове у Францишека Мирецкого, затем в Парижской консерватории; в 1844 г. в Париже взял несколько уроков у Фридерика Шопена. С 1852 г. жил и работал в Варшаве. Автор множества фортепианных сочинений, по поводу которых Энциклопедия Брокгауза и Ефрона утверждает: *Музыкальные произведения Кржижановского (каприччио, ноктюрны, мазурки, фантазии, романсы, элегии и т. д.) отличаются благородством стиля, изяществом и мелодичностью.*

Много работал также как музыкальный педагог". – Российская Википедия.

Польская Википедия добавляет: С большим успехом концертировал в Польше, Франции и Англии. В 1852 году переехал в Варшаву, где очень быстро завоевал славу одного из лучших преподавателей игры на фортепиано. Кроме того, занимался музыкальной публицистикой.

Творчество Игнация Кржижановского, пускай и оцениваемое весьма высоко, сейчас забыто". Но его произведения можно найти в Сети. Например: <https://www.youtube.com/watch?v=IsUwiSrlBPo> – Прим.перевод.

Теперь все будет выглядеть банальной провокацией. Великая Порта обвинит нас в убийстве своего дипломатического представителя только лишь затем, чтобы вызвать конфликт с Австрией. А Вена ведь тоже может этого не купить, она посчитает, будто мы строим козни, чтобы спровоцировать войну Австрии с Османской Империей и ослабить нашего соседа, вместо того, чтобы заключить с ним союз.

- Как все это сложно и запутанно, - вздохнул Кусов.

- А политика – она штука сложная и запутанная, - милостиво прокомментировал его слова Берг. – И как раз потому-то я тебе и советую заняться чем-нибудь другим. Офицер-разведчик обязан чутко чувствовать политику, вылавливать ее на ходу, интуитивно понимать, какие действия способны повредить государству, а какие – помочь. Создатель же этим даром тебя не наделил.

- Я научусь, - горячо возразил полковник. – Пускай ваше превосходительство само согласится с тем, что подключение госпожи фон Кирххайм к следствию было превосходной идеей! Это она захватила убийцу и выследила убежище турок. Мы можем официально похвалить ее в Берлине и даже представить к ордену! Это будет замечательный жест в направлении Германской Империи, который наверняка сделает наши отношения более теплыми и даст возможность заключения союза. По крайней мере, это мы на этой афере можем выиграть.

Берг поглядел на Муханова.

- А ведь неплохо головой работает, правда? – спросил он советника. – Парень не дурак, но всей картины не улавливает. – Он критически осматривал Кусова, как будто оценивал товар с изъяном. – К сожалению, дорогой мой мальчик, выстрелил ты в белый свет, как в копеечку! Вчера мы получили несколько телеграмм из Берлина, выдержанных в гневном и не слишком дружелюбном тоне. Выслал их сам Железный Канцлер, Отто фон Бисмарк. Так вот, оказывается, фройляйн фон Кирххайм – это самая старшая дочка Мальвины фон Кирххайм, девичья фамилия которой – Бисмарк. Тайной полишинеля является большая любовь, которой канцлер дарит свою сестру и ее детей.

- Так Генриетта – племянница Железного Канцлера? – не мог поверить Кусов.

- Здесь она должна была отдохнуть после военных травм в качестве усыпленного агента. Бисмарк договорился об этом непосредственно с князем Горчаковым, потому-то даже я не имел понятия о ее существовании. Ее никогда не собирались использовать по назначению. Для нее Варшава должна была стать переменной, чем-то вроде санатория, в который она прибыла, чтобы успокоить нервы, - спокойно рассказывал Берг. – Мы же, вместо этого, бросили ее в самое пекло, она пережила несколько покушений, ее похитили, избивали, душили. Сейчас в тяжелом состоянии она находится в правительственном госпитале. И я не скажу тебе – в котором, никак нет!

Кусов впал в ступор.

- И что я должен телеграфировать Бисмарку? Что мы чуть не послали на тот свет его любимую племянницу? И как это способно сблизить наши народы? – Берг потер лоб. Рука его явственно тряслась. – В шесть вечера начинается торжественный ужин и концерт, организованный Музыкальным Обществом. Князь Хотек, чрезвычайный посол Австрии, будет там в качестве почетного гостя. Вновь над нами повисла угроза катастрофы. Если музыка в очередной раз приманит демона, который возвратится, чтобы убивать... Нет, нет, я даже думать об этом не желаю. К сожалению, мы так и не знаем, кто же заказывал покушения на госпожу фон Кирххайм. Вполне возможно, что турки, но точно так же это могли быть польские сепаратисты, которые так и ждут любой нашей ошибки.

- Я прослежу, чтобы на сей раз...

- Э-э, нет, - перебил его Берг. – В четырнадцать ноль-ноль на Петербург отходит поезд. Сядешь на него со всем своим зверинцем. Я не желаю видеть в Варшаве ни тебя, ни твоих страхолюдинов. Послушай моего совета: возьми отпуск или сразу подай в отставку. За австрийцем проследят мои жандармы и варшавская полиция. Я сам решу все это дело, как и планировал с самого начала. Ох, ну и духота здесь... Воды! Или нет, не хочу. Только распахните окна!

Кусов инстинктивно глянул в небо. Подул холодный ветер, над каре гвардии затрепетало полковое знамя.

- Ну, мальчик мой, тебе еще повезло, что я дружил с твоим отцом, да и тебя люблю. Если бы было иначе, царь еще сегодня получил бы письмо, касающееся тебя лично, после которого ты мог бы ожидать быстрого назначения в крепость куда-то в Тобольске или Красноярске. А в Сибири карьеру ты бы ведь не сделал, а? Того, там... О чем это я? Ага, ты не принимай близко к сердцу, просто эта работа не для тебя. Ты вынош способный, справишься и в другом месте. А теперь время покушать, второй завтрак, понимаешь. Сегодня у нас овсянка с вареньем, а к ней чашка теплого молочка, мать ее за ногу. Куда подевались те времена, когда на завтрак я ел мясо с кровью и вином запивал?...

Коляска с фельдмаршалом, пофыркивая, отъехала; а Кусов остался на плацу, с которого мерным шагом уже ушли гвардейские роты. Полковник тупо пялился в пространство перед собой, пока, в конце концов, не повернулся к своему отряду и оценил его критичным взглядом.

- Вольно, - тяжело выдохнул он. – Шагом марш в расположение и паковать.

Издали доходил городской шум: стук копыт, дребезжание колес повозок и галдеж, доносящийся с ближней площади За Железными Воротами, где шумел большой рынок. Из-за туч на землю выглянуло солнце, серость исчезла словно по приказу. А в Петербурге, наверняка, уже упал первый снег...

Варшава, 15 (27) ноября 1871 г., то же самое утро

На сей раз Данила поместили в камере повышенного разряда, скорее всего, предназначенной для заключенных-аристократов. Сквозь плотно закрытые окна ветер не дул, от печки исходило приятное тепло, а матрас оказался сухим и даже не сильно населенным насекомыми. В тишине и покое инженеру спалось превосходно. Его даже не разбудили визиты

охранников, каждые два часа зажигавших новую свечку на середине помещения. Не мешало ему и постоянное присутствие нетипичного стражника – автомата, неподвижно сидящего под стенкой и молча следящего за Довнаром. Автомат оставили на тот случай, если бы инженер снова попытался сбежать.

Автомат подключили толстым кабелем к телеграфному распределителю, чтобы в случае чего незамедлительно поднять тревогу. За присутствие жестяного стражника Данил должен был благодарить коменданта Десятого Павильона, который не хотел рисковать возможностью нового побега. После вмешательства полковника Кусова к заключенному относились даже с определенным уважением, но не забывая о наивысшей степени бдительности. Ведь Довнар принадлежал к очень узкому кругу лиц, которым удалось сбежать из Цитадели, а это делало его заключенным наивысшей категории.

На завтрак ему принесли миску каши с молоком и горбушку хлеба, автомату же – несколько темных брикетов и кружку воды для пополнения котла. Данил ел, глядя на стражника, который открыл дверку в животе, открыв печку. Весьма искусно он вытащил из укрытия в животе цепочку с гайками и спрятал ее в ладони, как бы опасаясь, что инженер может заметить странный предмет.

- А вы служите в жандармерии или в полиции? – спросил Данил по-русски. – Или в армии? Правда, я не вижу ни знака подразделения, ни чина.

Автомат молчал, но не отрывая багровых горящих глаз от заключенного.

- Не очень-то хорошо к вам относятся, правда? – не сдавался инженер. – Чашка паршивой минерализованной воды и несколько брикетов торфа. Более дешевого и худшего качеством топлива уже не было, так? Калорийность, считай, никакая, а к тому же куча сажи и золы. А ведь автоматы из командования наверняка получают дистиллированную воду и каменный уголь.

- Да ну, сударь, - махнул металлической рукой чиновник, - это еще и ничего. Гвардейцы и машинисты из Петербурга лопают исключительно антрацит. А вот секретари и охрана флигель-адъютантов и самого, ну, вы сами понимаете – кого, в печах топят исключительно графитом. Некоторые получают даже новое поколение печей – на керосине.

- Ну да, кое-что я об этом даже читал, - кивнул Данил. – Похоже, газовые печи как-то не принялись. Серьезные проблемы с непроницаемостью газовых резервуаров и слишком уж нежные установки привели даже к взрывам.

- Такова судьба всех прототипов, - пожал "плечами" автомат. – Вижу, что вы проблемах мехаборгов вы ориентируетесь...

Данил красноречиво похлопал себя по бронзовой дверце на груди, после чего нарисовал на ней неточное очертание шестеренки. Металлический, гудящий звук и характерный знак подействовали словно тайный пароль, в результате чего неподвижное лицо автомата посветлело.

- Ах, я и не знал, что мы братья по железу, - можно было подумать, что чиновник улыбается. – Да распространит над нами свою опеку машинный бог...

- ...а вековое сияние пускай защитит нас от ржавчины, - закончил Данил.

Он догадался, что имеет дело с последователем Железного Бога, которому поклонялись некоторые автоматы и мехаборги. Цепочка, что пряталась во внутренностях машины, была современной версией четок, в которых бусины заменялись гайками. Новейшее ответвление христианства официально еще не было запрещено, но открытое признание к нему не приветствовалось чиновниками и казенными машинами. Отсюда и конспиративные действия при извлечении цепочки.

Создающаяся чуть ли не на глазах новая христианская доктрина грозила очередной ересью, но олигархи – как православные, так и католические – пока что совершенно не придавали ей значения. Точно так же и гражданские власти, но вопросом времени оставалось, когда братья в железе сделаются преследуемой и осуждаемой сектой.

Данил улыбнулся про себя. Ему удалось убедить надзирателя в том, что он его собрат по вере. Нужно этим как-то воспользоваться.

- Я жандарм, - представился охранник. – Автомат Триста Два.

Инженер представился и пожал металлическую, узкую ладонь, спроектированную для того, чтобы печатать на машинке, но сильной настолько, чтобы без труда раскрошить кости захваченного преступника.

- А вы, мил'с'дарь, не знаете, случаем чиновника Семнадцать из полицейского отделения центрального района? – невинным голосом спросил Данил. Он прекрасно помнил, что знакомый автомат тоже имел символ машинного бога.

Триста второй замялся, после чего внимательно поглядел на двери камеры. Какое-то время он не шевелился и только после того, как выяснил, что их никто не подслушивает, ответил:

- Мы, братья в железе, знаем один другого очень хорошо. Епископ Семнадцатый – это воистину святая машина. Это он ведет нас к свету, это он спасет наши души и уберет от ржавой преисподней.

Данил пытался сохранить серьезное выражение лица. Семнадцатый – высокий сановник подпольной Церкви? Он вспомнил знак, выгравированный на плече механического полицейского – он изображал угловатую фигуру Иисуса, распятого на шестеренке, а не на кресте. Над знаком располагался таинственный многоугольник. И инженер уже знал, что напомнила ему та форма. Ведь то была митра, епископский головной убор!

- Мне необходимо незамедлительно связаться с епископом, - произнес он уверенным тоном. – Мне нужно получить кое-какие сведения.

Триста Второй металлически вздохнул.

- Это противоречит регламенту, - заявил он.

- Я никак не создам опасности для общественной безопасности. Я всего лишь хочу завершить одно частное дело.

- Ага. Так сразу и нужно было говорить. Чего не сделаешь для приятеля, - улыбнулся автомат одними глазами и

застучал медным ногтем себе по лбу. Похоже, лоб его был как-то связан с телеграфом, потому что он передавал пару мгновений, выбивая на голове неровный ритм азбуки Морзе. Минутку он застыл в ожидании, но серия тресков, которая прошла после того, свидетельствовала о том, что он получил ответ.

- Его преосвященство Семнадцатый передает вам привет, инженер, - сообщил автомат. – И спрашивает, чем мы все вам можем помочь.

- Хочу узнать, где в данный момент находится панна Генриетта фон Кирххайм. Боюсь, как бы ее не депортировали в Пруссию.

Автомат застучал себе по лбу. Данилу показалось, что он не по телеграфу передает, но таким красноречивым жестом комментирует его ответ.

- Дела сердечные. – Триста Второй понимающе покачал головой. – Можно было и догадаться. Я и сам предпочитаю романы политике, они безопаснее. А панна фон Кирххайм до сих пор пребывает в Варшаве. Ее содержат в военном лазарете на территории уяздовских⁷³ казарм. Ее ведущим врачом является доктор Винингер, недавно он сдал рапорт в канцелярии наместника, из которого следует, что пруссачка сильно избита, но живая. У нее трещины на трех ребрах, отек шеи, повреждена гортань, к этому следует прибавить сотрясение мозга и многочисленные мелкие повреждения.

- А что означает, что "она содержится", - возмутился Данил.

- Она находится в закрытом военном лазарете, ей запретили с кем-либо общаться. Кроме того, у нас имеется доступ к приказу наместника, выпущенного по данному вопросу. Кратко изложить?

Данил даже подскочил к автомату, желая потрясти им, но вовремя удержался.

- Похоже, для вас она очень важна, пан Довнар, - металлическим голосом заявил жандармский автомат. – К сожалению, приказ сводится к тому, что девушку следует содержать под ключом, в особенности же – сегодня, во время концерта Музыкального общества, а после излечения самых крупных ран ее следует под эскортом отправить на вокзал Венской Железной Дороги и перевезти к границам Империи, где ее необходимо передать германским медикам.

- Холера, - понурился Данил. – Никогда я ее больше не увижу.

Он потерял любимую женщину, агрегат, который должен был принести ему целое состояние, к тому же попал за решетку без шансов на освобождение. Он был банкротом-одиночкой без какого-либо будущего. Что оставалось – только повеситься.

- Погоди, погоди! Как зовут ее врача? Доктор Винингер? Эта фамилия мне известна!

И перед его глазами встала фигура бородатого медика из Больницы Святого Духа, который лечил варшавскую примадонну, панну Довяковскую. Данил этому типу не очень-то нравился за демонстрацию умения и за обнажение бессилия традиционной медицины. Через него инженер не имел ни малейшего шанса связаться с Геней. Тем не менее, пока было время, следовало действовать как можно скорее, ведь когда девушка выедет в Германию, он утратит ее навсегда. Довнар начал мерить камеру энергичными шагами, так что, сам того не желая, погасил свечку.

- Минуточку! Так ведь имеется еще пан Климович, жених оперной дивы! – стукнул он себя ладонью по лбу.

Молодой джентльмен должен был обладать достаточным влиянием, раз устроил примадонне опеку военного врача, обычно занимающегося здоровьем царских офицеров. Может быть, это удастся как-то использовать? Климович предложил свои услуги и готовность как-то отблагодарить за спасение невесты.

- Дорогой мой пан Триста Второй, - Данил упал перед автоматом на колени. – Установите мне связь с Климовичем. Даже не знаю, чем этот мил'с'дарь занимается, даже не знаю, как его зовут. Но мне нужно ему кое-что передать. И как можно быстрее.

Красными глазищами автомат поглядел на умоляющего инженера. Жестяная физиономия механического жандарма не выражала каких-либо чувств, зато во взгляде можно было заметить теплое сияние. Кем был он при жизни, прежде чем его мозгом воспользовались для управления машиной? Наверняка, человеком нехорошим, но, тем не менее, с добрым сердцем.

- Ну конечно же, мой брат в железе, - ответил автомат. – Мы найдем тебе этого Климовича, причем, быстрее, чем ты ожидаешь. Молись свету, чтобы обильно смазывал наши души и не скупился на пар в поршнях. Надеемся на лучшее!

Он взял ладонь Данила и вложил в нее четки из гаек, сам же начал выстукивать пальцем по своему лбу.

Варшава, 15 (27) ноября 1871 г., полдень

Сделав глубокий вздох, Генриетта уселась в кровати. Колющая боль тут же пронзила бок, отозвалось и набухшее горло. В больничной палате не было зеркала, но пруссачка готова была поспорить, что выглядит будто висельник, которого только-только вынули из петли. Это даже хорошо, что ни князь Кусов, ни инженер Довнар не могут увидеть ее в таком состоянии. Девушка инстинктивно поправила доходящую до самых стоп ночную рубашку, после чего, стискивая зубы, выпрямилась и сделала несколько шагов к окну. Перед зданием как раз остановился крытый экипаж, говоря точнее – карета. Генриетта не обратила на нее особого внимания, она глядела на прохаживающихся по плацу охранников и группу казаков, что занимались лошадьми.

Ее посадили под ключ на территории каких-то казарм, что доводило воительницу до белого каления. Чтобы хоть немного успокоиться, она прошла в другой конец помещения. Доктор, правда, запретил ей двигаться, но, похоже, забыл, что

⁷³ Уяздув (Уяздов) – район на юге Варшавы. – Прим.перевод.

имеет дело с солдатом, а не изнеженной дамочкой. Ничто не было способно надолго удержать Генриетту в постели. Ну... разве что какой-то привлекательный молодой джентльмен...

Генриетта погрузила лицо в букете цветов, стоящем в огромной плетеной корзине. Прелестный подарок от полковника Кузова, к которому офицер присовокупил изящную бонбоньерку с конфетами и записочку с фрагментом любовного стихотворения Гёте. А интересно, каким образом Александр узнал, где ее содержат? Ох, как жаль, что он не мог прийти лично. Зато подарок был милым и романтичным – цветы и стихи.

Неожиданно в двери палаты кто-то постучал и, не ожидая приглашения, энергично их распахнул. Генриетта даже не успела выпрямиться: сейчас она стояла прозрачной сорочке, согнувшись наполовину и выпячивая попку в сторону гостя. Шипя от боли, она попыталась развернуться к чужаку как можно быстрее.

А в палату как раз втискивалась красивая женщина в кринолине, с собой она тащила приличных размеров корзину; с тяжким вздохом поставила ее на полу и, протягивая руку в знак приветствия, подошла к изумленной Генриетте. Пруссачка узнала нежданную гостью, и тут ее совершенно покинул дар речи. Врач и охранники на входе явно давали понять, что Геня находится в полной изоляции, что она не может ни с кем общаться. Тогда, каким же чудом сюда попала панна Бронислава Довяковская, примадонна Варшавской Оперы?

- Ужасно рада вновь тебя видеть, моя милая, - Довяковская пожала ладони воительницы, а потом расцеловала в обе щеки. - Я так рада, что тебе уже лучше. Доктор Вингер утверждал, будто бы ты не поднимаешься с кровати как минимум неделю, а тут такая неожиданность! Давай будем на "ты", дорогая, хорошо? Помню, что вместе с инженером Довнаром ты спасла мне жизнь, и мне ужасно приятно, что хоть таким образом могу тебя отблагодарить. Пан инженер обратился к нам с просьбой, чтобы от его имени передать тебе, Генечка, несколько подарков и позаботиться о своем удобстве.

- Ы-ы... спасибо, - проблеяла совершенно сбита с толку Генриетта. - Собственно говоря... ничего мне такого и не нужно... но мне весьма мило, что вы... мм, Бронислава... лично побеспокоилась.

- Броня. Для моих друзей я просто Броня, - лучисто улыбнулась дива.

Генриетта должна была признать, что вблизи певица выглядела даже красивее, чем когда выступала на сцене. К тому же голос у нее был очень сильный, с весьма приятным окрасом для слуха. Знаменитость засмеялась: звучно и легко, и больничная палата тут же осветилась теплом. А потом варшавская красавица провела Геню до кровати и, не переставая болтать, начала ей прислуживать.

Оказалось, что Данил прислал корзинку, полную всякими вкусностями, опасаясь гадкой военно-больничной кухни и зная потребности изголодавшегося боевого мехабора, которым, как ни крути, была девушка. Пруссачка сглотнула слюнку, глядя на продукты, которые Бронислава расставляла на столике. Действительно, инженер попал в самое яблочко: в животе она чувствовала страшную пустоту и чертовское сосание. Разваренный рис никак не пропихивался в горло, так что с самого утра она ничего не ела. Тем с большей охотой она сунула в рот шмат поданной оперной дивой ветчины, а потом – уже собственноручно – оторвала кусок сильно чесночной колбасы.

Стараясь придержать обжорство, Геня, все время себя сдерживая, съела: булочку, половину буханки белого хлеба, три сорта желтого сыра⁷⁴, восемь видов различных копченостей, кислое повидло и пикули, четыре копченых рыбины, жареную перепелку и баряни котлетки, приготовленные, якобы, лично знаменитой певицей. Все это она запивала, попеременно, пивом и говяжьим бульоном; под конец ко всему этому еще добавила кусок мяса под горчичным соусом и несколько смоченных в оливковом масле сушеных помидоров. В ходе обеда она узнала массу любопытных случаев из варшавской жизни, поскольку Броня ни на мгновение не переставала болтать. Голос дивы Генриетта слушала с наслаждением, содержание пропуская мимо ушей.

"Вот это удовольствие устроил мне Данил!" – улыбнулась про себя Генриетта, после чего глянула на корзину с цветами от Кузова. Пиво и мясо против цветочков и стишков. Материализм против романтизма. Чего мне больше нужно, чего я желаю? Один воздыхатель прагматичен и материален, второй – элегантен и одухотворен. С которым из них мне было бы лучше? Что или кого выбрать? Эх, похоже, и так из всего этого ничего не выйдет...

- ...и парадный ужин, как обычно, украсит выступление учеников Музыкального Института, и вдобавок, в этом году, вроде бы, выступит хор басков. Правда, сама я к фольклору отношусь равнодушно, да и толкотни не люблю, так что, скорее всего, там меня не будет. Хотя туда приглашены и высокопоставленные лица, такие как президент города, генерал Витковский, и чрезвычайный посол Австрии, князь Хотек, - тараторила Бронислава.

- Чего? – пришла в себя Геня. – О каком ты ужине говоришь?

- Который ежегодно организовывается по причине дня святой Цецилии, покровительницы музыкантов, - ответила совершенно не обиженная рассеянностью новой приятельницы певица. – По ходу благотворительного приема собирают средства для молодых, бедных музыкантов, а завершается все великолепным концертом. Когда я только начинала карьеру, эта финансовая помощь мне весьма пригодилась, я ее потратила на занятия вокалом. Потому-то каждый год принимаю участие в ужине, но в этом году попробую как-нибудь выкрутиться. Мой Климович со вчерашнего дня что-то плохо себя чувствует, похоже, простудился. Так что я останусь с ним, но, естественно, какие-то средства передам курьером.

- Австрийский посол на концерте? – заинтересовалась Генриетта. – И кто еще должен там быть? Может, графиня Мария Ка... Ке... как-то не приходит в голову!

- Мария Калергис? Понятное дело, что она будет. Как и каждый год. Она ведь самая известная покровительница искусств в Царстве. И самая щедрая, но чему тут удивляться, когда унаследовала сумасшедшее состояние от первого мужа.

⁷⁴ Имеется в виду твердый сыр (швейцарский, гауда), в отличие от рассольных и мягких сыров. – Прим.перевод.

- Scheiße⁷⁵, – шепнула Генриетта.

Еще сегодня должен был состояться концерт, на котором появится давняя возлюбленная Игнация. Если тот все еще не нашел успокоения и жаждает мести, а музыка еще раз притянет его душу, то снова он в качестве демона вторгнется в эту реальность. И что если, в безумии он еще раз спутает жертву и приберет очередного невинного человека? Князь Хотек⁷⁶ в опасности. Если с ним что-нибудь случится, результатом может стать серьезный политический кризис, даже война. Но кому об этом сказать? Надутому врачу? Охранникам?

- Мне необходимо попасть на этот концерт, – решила она наконец. – Броня, ты не отдашь мне свое приглашение?

- С удовольствием, – улыбнулась певица. – А тебе это не повредит? Ты себя хорошо чувствуешь?

- Отлично! – Генриетта соскочила с кровати и застонала от боли.

- Ты лучше присядь, – Бронислава что-то достала из корзинки. – Ага, чуть не забыла. Инженер Довнар послал тебе еще кое-что. Лично я считаю, что подарок оригинальный, хотя сама предпочитаю, чтобы мужчина дарил драгоценности...

И она вручила Генриетте небольшой футляр темного дерева, похожий на сигарную коробку. Подарок оказался неожиданно тяжелым. Девушка открыла его и с изумлением увидала внутри лежащий на бархате плоский гаечный ключ под шестигранную головку. Инструмент был выполнен из полированной стали и, даже на глаз, идеально соответствовал винтам у нее на лбу. Пруссачка весело усмехнулась. Именно этого ей и не хватало!

Импульсивно она поцеловала красавицу-певицу в щеку, незаметно подстраиваясь под открытое и дружеское поведение польки. При этом она стиснула зубы от боли, но сдержать стон ей удалось. Она взяла полученную от Кусова еще не открытую жестяную коробку шоколадных конфет, украшенную изображением вооруженной саблей сирены с приличных размеров бюстом.

- Не хочешь конфетку, дорогуша? – спросила она, улыбаясь. – Угощайся, пожалуйста.

Певица отрицательно покачала головой и указала на удивительно узкую талию. Генриетта похвалила идеальную фигуру дивы и задумчиво начала снимать крышку с коробки. Она размышляла над тем, как бы это незаметно улетучиться из больницы. Лучше всего было удрать сейчас, ведь следующий визит доктора должен был состояться только под вечер. Так что, в течение нескольких часов никто бы и не догадался, что она исчезла.

Крышка со звоном отскочила, конфеты посыпались на постель и на пол. А из спрятанного потайного дна выдвинулся какой-то предмет и мягко упал на подушку. Генриетта с изумлением взяла в руки еще один плоский гаечный ключ, на сей раз выполненный из черной стали. Выходит, оба ее обожателя подумали об одном и том же. Они были способны позаботиться о ней да еще и попытались угодить ей, каждый по-своему. Оба были сама прелесть.

Генриетта минутку крутила в пальцах оба ключа – блестящий стальной и матово-черный.

- Броня, ты сможешь мне незаметно выбраться отсюда?

Примадонна лишь коротко кивнула, поглядывая на двери.

- Вход охраняют два драгуна, в лазарете буквально роится от казаков, я даже двух гусаров видела. Так что протащить тебя будет сложновато, в особенности, потому что у нас для тебя даже одежды нет.

Генриетта лишь усмехнулась и отдала краткие инструкции. Бронислава забрала пустую корзинку, громко, чтобы охранники хорошенько слышали, попрощалась, а потом вышла. Не успела она закрыть дверь, как в палату заглянул один из драгун. Пруссачка проигнорировала его любопытствующий взгляд и даже не пыталась прикрыть свои очень даже экспонирующиеся прелести. Геня подождала, когда дверь закроется, затем подошла к окну и осторожно его приоткрыла. Одним из подаренных ключей она подвернула винт на лбу, тот самый, что прибавлял силы и энергии. Тут же ее жилы наполнились боевыми флюидами, подавляющими боль, зато придающими импульс к действию.

Без какого-либо усилия Генриетта запрыгнула на подоконник и закрыла за собой окно. Какое-то время она постояла на карнизе, а под ее ногами открывалась пропасть глубиной не менее четырех саженей⁷⁷. Человек с ее ранениями, самое большее, мог упасть и окончательно попрощаться с жизнью. Но Геня, к счастью, была прусским солдатом, а не каким-то там обычным человеком. Девушка втянула холодный воздух в легкие. Ее практически обнаженное тело обдувало ветром. Слишком долго на высоте она оставаться не могла, ведь проходящий патруль тут же ее высмотрит. Тогда она еще раз глубоко вздохнула и прыгнула головой вниз.

В полете она перекувырнулась и с грохотом приземлилась на крыше кареты, в которую как раз усаживалась Бронислава Довяковская. Певица от изумления и страха тихонько пискнула. Генриетта схватилась за край двери и скользнула вовнутрь перед испуганной дивой. Потом затащила и ее, и закрыла дверь. Пруссачка улыбнулась Броне и постучала кулаком в стенку, за которой дремал кучер.

- Поехали!

⁷⁵ А вот не буду переводить, ведь книгу могут читать дамы... - Прим.перевод.

⁷⁶ Богуслав Хотек фон Хотков (1829—1896) — австрийский дипломат. Был в 1869—1871 гг. австрийским посланником в Петербурге, в 1871 г., при Гогенварте, наместником Богемии, с 1872 г. посланником в различных второстепенных государствах. Но в нашей реальности он не князь (или герцог), а только граф. Любопытные факты о нем: Является персонажем рассказа «Убийство князя Людвиг фон Аренсберга, военного австрийского агента» (из книги Сорок лет среди грабителей и убийц) и написанного по его мотивам детективного романа Леонида Юзефовича «Костюм Арлекина», а также телесериала «Сыщик Путилин». Имел сына и семерых дочерей, одна из которых — графиня София-Мария-Йозефина-Альбина Хотек фон Хотков унд Вогнин (1868—1914), с 1907 г. носившая титул светлейшей герцогини Гогенберг — морганатическая жена австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда, убитая вместе с ним в Сараево накануне Первой мировой войны. - Википедия

⁷⁷ Больше 8,5 метров (8 метров 64 сантиметра для точности). – Прим.перевод.

Варшава, 15 (27) ноября 1871 г., после полудня

Поезд Петербургско-Варшавской железной дороги с грохотом и свистом проехал Воломин и, все больше набирая разгон, помчался далее на северо-восток. Полковник Кусов принужденно улыбнулся гвардейскому капитану, который должен был эскортировать его на перрон, а потом исчезнуть. Вместо этого, офицер вместе с четырьмя солдатами при оружии, загрузился в вагон с намерением вывезти эскортируемое жандармское подразделение до самых Лап, последней железнодорожной станции в Царстве Польском.

За окном перемещался пейзаж, клубы дыма из германского локомотива каждые несколько мгновений закрывали вид, чтобы тут же развеяться на набирающем силу ветру. Кусов затаился папироской, про себя голыми руками душа гвардейца. Чертов сопляк представлял, будто бы отвозит каторжников, которые из Петербурга отправятся в Сибирь в кандалах, или что? Похоже, в головах у всех этих волынцев и литвинов, располагавшихся в Варшаве, в голове все перепуталось. Натянули на себя черные мундиры элитарных подразделений, а теперь им еще и кажется, будто бы могут помыкать дворянином и свысока глядеть на жандармов. Если бы не приказ заместителя, давным-давно уже капитан получил бы по лбу и пробочкой вылетел из вагона, а за ним все четверо жалких его помощников. Да каждый из сидящих в купе агентов Кусова победил бы их всех с завязанными глазами.

Гвардейцы сойдут в Лапах и тут же телеграфируют в Варшаву донесение. До этого момента Кусов был обязан исполнять приказы графа Берга, чтобы не попасться под горячую руку старца и – что обязательно следовало за тем – не испортить себе карьеры. Иэх, да ну ее к черту, такую карьеру!

Он выкинул папиросу за окно и улыбнулся капитану, затем кивнул ему же и отправился в купе. Четырехрукий хорунжий Скобелев делал вид, будто бы читает газету, поп Анучкин молился шепотом, а один из молодых подхорунжих симулировал дремоту.

- Начинаем? – спросил Анучкин.

- И как можно скорее, – рявкнул Кусов. – И обязательно перед Лапами, в противном случае, я не успею добраться до города.

Скобелев кивнул и вышел из купе. Он о чем-то заговорил с капитаном и его гвардейцами, угостил всех папиросами. Похоже, он рассказал какой-то анекдот, поскольку все шестеро расхохотались. Кусов схватился на ноги и сбросил пиджак, а потом и жилетку. Их он бросил подхорунжему, который взамен отдал свой сюртук. Анучкин уже приклеивал молодому человеку на ходу искусственные усы, что-то бормоча себе под нос на старо-церковно-славянском⁷⁸. Прочитав заклинания, он дунул в лицо подхорунжего каким-то порошком. Парень чуть не чихнул, но героически втянул в ноздри и рот мелкую пыль и тряхнул головой. Цвет его глаз изменился, лицо постарело и сделалось более угловатым. Несколько секунд Кусов глядел в его лицо – абсолютное отражение своего собственного, потом похлопал парня по плечу и подбежал к окну.

Автомат, называемый Тройкой, уже открыл его и пропустил офицера вперед. Полковник подтянулся и быстро вскарабкался на крышу мчащегося вагона. Механический жандарм, тем временем, вылез вслед за ним и словно железный паук пробежал по боковой стенке вагона, чтобы через мгновение исчезнуть под его тележкой.

Кусов, покачиваясь, поднялся, чтобы вступить в битву с ураганным ветром, который пытался силой напаковать ему в легкие дым их трубы локомотива и в то же самое время сдуть с крыши. Он удержал равновесие и направился в сторону, противоположную направлению движения поезда. Не глядя под ноги, полковник перепрыгивал с вагона на вагон. Сапоги с подковками скользили по мокрой поверхности, ветер сталкивал в проносившуюся рядом бездну. Каким-то чудом он добрался до последнего вагона. Приостановился, чтобы немного отдышаться, и в этот самый момент крыша убежала из-под ног.

С металлическим лязгом поезд начал резко тормозить. Сила инерции бросила полковника, словно тряпичную куклу, и он полетел назад, но ему удалось перекувыркнуться и, вслепую, схватиться за край крыши. Так он поболтался так пару секунд, затем разжал пальцы.

Удар выбил весь воздух из легких, в рот ворвались песок и грязь. "Только не под колеса..." – мелькнуло в голове, когда жандарм кувыркался по мокрой насыпи.

Тройка заслуживал медали: он заблокировал тормозные колодки, вызвав чуть ли не остановку поезда, чтобы потом тот вновь набрал скорость. Эти несколько секунд должны были хватить полковнику, чтобы безопасно покинуть поезд. Да, практически все оно и удалось...

Кусов лежал несколько мгновений, приходя в себя. Оказалось, что с невысокой насыпи он перекатился прямо в кусты. Так что сейчас он валялся на листьях целый и здоровый, а поезд все быстрее удалялся от него. В конце концов, Кусов поднялся и поправил сюртук. Перед ним высились здания какого-то городка. Скорее всего, это Тлуц, то есть, он находился верстах в тридцати от Варшавы. Нужно достать какую-то лошадь, чтобы добраться до города побыстрее.

И лучше всего – механическую.

Варшава, 15 (27) ноября 1871 г., вечер

⁷⁸ А что вы хотите, чтобы он на иврите их читал? Не забывайте, что это ммм... параллельная вселенная. – Прим.перевод.

Генриетта вышла из будуара и маршевым шагом прошла по квартире. Яся-хозяйка даже застыла от неожиданности, увидав костюм пруссачки; впервые в жизни она удержалась от материнских советов и многочисленных напоминаний о том, как пристойно вести себя девушке. Она лишь открыла перед Геней дверь и скромненько сделала книксен на прощание. Во дворе пятеро ее сыновей, катавшихся по земле в драке за какую-то мелочевку, увидав воительницу, замерли и торчали с раскрытыми ртами, пока их жилища не исчезла в подворотне. Дворник вытянулся по стойке "смирно" и открыл перед юнкер-девицей дверки экипажа. Генриетта кивнула, и потрясенный труженик совка и метлы инстинктивно поднес пальцы в салюте к своей сидящей набекрень шапке.

Пруссачка проехала чуть ли не всю Варшаву, по пути проверяя вооружение и размышляя над тем, как можно было бы защитить посла. На сей раз она оделась так, чтобы Игнаций, если он вновь воплотится в демона, не спутал ее со своей давней любимой женщиной. Теперь он обязан распознать свою истинную любовь и, возможно, атаковать джентльмена, который напал на убийцу. Уже дважды напал он на спутников Генриетты, считая, будто то и есть его преследователь и источник всех бед. Но в чем все они были на него похожи? В первый раз то был барон Лангенау, мужчина в возрасте; второй раз то был полковник Кусов, красивый на вид офицер, которому еще и не исполнилось тридцати лет. Что их объединяло? Только лишь компания Генриетты, или же что-то еще?

Девушка глянула на свои вычищенные, блестящие сапоги, наглянцованные до такой степени, что в них можно было смотреться. Костюм! На обоих были черные фраки, украшенные блестящим орденом! Да, так оно и должно быть! Таким образом, чешскому князю ничего не грозит, если только на нем не будет черного фрака с имперской наградой!

Экипаж остановился на небольшой площади перед "Швейцарской Долиной" – прелестным парком, располагавшимся при Уяздовских Аллеях. Кроме парка здесь же располагался просторный дворец с огромным, импозантным концертным залом, снятым на сегодня Музыкальным Обществом. Перед зданием клубилась толпа зевак; здесь же останавливались экипажи, из которых высаживались дамы в кринолинах и господа во фраках и цилиндрах. Хватало здесь и следящих за порядком полицейских и жандармов, правда, одетых в парадные мундиры. Помимо элегантных гостей, прибывающих в ландо и каретах, пешком пришло довольно много музыкантов победнее и студентов, которые, словно по приказу, расступились перед марширующей Генриеттой. Та отдала пригласительный билет стоящему у входа камердинеру. Мужчина вежливо поклонился и растворил перед девушкой дверь.

Юнкер-девица прошла через фойе с гардеробом и очутилась в просторном, очень высоком зале, потолок которого был украшен кассетонами⁷⁹ и картинами с амурами. Сверху свисали две громадные люстры, блистающие тысячами свечей. Праздничную иллюминацию дополняли выставленные на столах многочисленные камфиновые лампы⁸⁰. По залу прохаживались гости, с любопытством поглядывающие на прибывающих. С появлением Генриетты разговоры утихли, все лица повернулись в ее сторону. Да, она произвела настолько шокирующее впечатление, что даже усмехнулась про себя.

И ничего удивительного: сегодня на Генриетте не было ни платья, ни шляпы. Собравшиеся увидали высокую женщину в синем парадном мундире, с офицерской рапирой у пояса. Плечи Генриетты были украшены серебряными майорскими эполетами, с левого плеча свисал толстый аксельбант офицера-пехотинца⁸¹. Опухоль на шее скрывала черная бархотка со свисающим под подбородком Железным Крестом, полученным за битву под Садовой⁸². На сердце девушка носила еще один черный крест, но уже на белой ленте, украшенный золотой литерой "L" – то был орден Луизы, высокое отличие для заслуженных перед родиной прусских дам. Все это дополнялось характерным черным шлемом с шишаком-пикой – прусским пикельхаубе⁸³. Генриетта сняла его и поправила ладонью "армированный" железными гвоздями кок.

⁷⁹ Кассетоны, кассеты (итал. cassetta) – квадратные или многоугольные углубления на потолке или внутренней поверхности арки, свода или потолка. Играют конструктивную и декоративную роль, а также применяются для улучшения акустики помещений. – Словарь архитектурных терминов

⁸⁰ Древесный спирт под названием **камфина** использовался для освещения. Его применяли в смеси со скипидаром (3 ч. мефила – 1 ч. скипидара). Применение этой смеси давало яркое, без копоти, пламя. Лампы, работавшие на этой смеси, применялись в течение трех лет в солдатских казармах, госпиталях, Академии художеств и частных домах. Для таких ламп стекол не требовалось. – Справочник химика.

⁸¹ Описание мундира исключительно на совести автора. – Прим.перевод.

⁸² См. примечание 1.

⁸³ Пикельхельм, пикельхаубе (нем. Pickelhaube), также называется шлем с пикой (нем. Helm mit Spitze) — остроконечный кожаный шлем, носившийся в XIX и XX веке военными русскими, германскими и английскими вооруженными сил, пожарными и полицейскими. – Википедия

Концертный зал в "Швейцарской Долине", фотография 1870 г.

<http://humus.livejournal.com/3414906.html>

- Дитя мое, как я рада тебя видеть! – загремел у нее за спиной дамский бас.

Генриетта обернулась и попала в море оборочек и бантов, украшавших импозантное платье пани Чверчакевичевой. Пухлая дама захватила изумленную пруссачку в объятия и любовно прижала к своему обильному бюсту. Затем представила своего супруга: худого, несколько обескураженного всей этой суетой и шумом типа, который занимал какую-то высокую должность в паспортном управлении.

Пани Чверчакевичевой было наплевать на взгляды любопытствующих, наоборот, судя по всему, она развлекалась на всю катушку. Толстуха взяла Генриетту под ручку и повела ее в обход вокруг зала. Правда, слишком долго поболтать они не успели, не узнали никакую знаменитость, потому что на середину выступил президент города, генерал Витковский⁸⁴, в

⁸⁴ Каликст Касперович Витковский (2 апреля 1818 — 24 июля 1877) — государственный деятель Российской империи и Царства Польского, генерал-лейтенант. Президент (городской голова) Варшавы.

Поляк. В 1843 году окончил Императорскую Николаевскую академию Генерального штаба. Генерал-майор Генерального Штаба российских войск в Царстве Польском с 1863 года.

сопровождении князя Хотека. Их окружало несколько жандармских офицеров и полицейские в гражданской одежде. Генриетта даже зашипела, увидав чешского князя, исполняющего функции австрийского посла. Мужчина среднего возраста был практически лыс, зато у него были импозантные, седые бакенбарды. Хуже всего было то, что он одел черный фрак и украсил грудь имперским орденом.

- Ты чего шипишь, девица? – спросила Чверчакевичева. – Что, не любишь австрияков, а? На войне с ними билась? И многих порубила? Можешь не отвечать, наверняка много, судя по наградам. Я сама хотела стрелять в москалей во время восстания, но мой уважаемый супруг не соблаговолил согласиться. И вот тебе на, из-за всего этого мужичья, мы, варшавяки⁸⁵, теперь должны кланяться каким-то отвратным австриякам и русским!

Она кивнула в паре мужчин чиновного вида, после чего повела Генриетту к столу и усадила рядом с собой. Начались речи, которые объявлял Аполлинарий Контский⁸⁶, директор Музыкального Института и распорядитель сегодняшнего вечера. Затем, уже по-русски, ораторствовал генерал-президент, после него, теперь уже по-немецки, князь Хотек. Его выступление мало кто понял, а жаль, поскольку посол оказался оратором веселым, как и соответствовало характеру чеха, который глядит на самого себя да и на весь свет чуточку со стороны.

Генриетта сидела как на иголках, разглядываясь во все стороны. Речь закончилась, гостям подали закуски в виде холодного копченого мяса, сыра и крутых яиц, а к ним подали вино. Пока официанты разносили блюда, на импровизированной сцене разместили фортепиано и стулья. Оказалось, что четверем ученикам Института была оказана честь украсить вечер концертом. Не ожидая особого приглашения, молодые люди вышли на сцену, поклонились и начали исполнять квартет Моцарта для фортепиано, виолончели и двух скрипок.

Стоящие за спинами официальных лиц жандармы начали нервничать. Генриетта высмотрела и переодетых в гражданское платье полицейских, инстинктивно потянувшихся к спрятанному в складках костюмов оружию. Все разглядывались по сторонам, ожидая признаков появления демона. Тем временем, молодые музыканты энергично играли танцевальную мелодию, под которую улыбающийся князь Хотек начал выбивать ритм ладонью о стол. Произведение близилось к коде все быстрее и быстрее, очень скоро прозвучит апогей и финал.

"Лишь бы только не кровавый", - мелькнуло в мыслях Генриетты.

Она до сих пор не могла высмотреть женщину, похожую на нее саму, среди более двух сотен гостей просто невозможно было выследить графиню Калергис – великую любовь Игнация. Быть может, женщина и не приехала, так что демону не за кем было приходить? Или же Игнаций уже познал успокоение и покинул мечты о мести своему убийце? И он отправился в рай музыкантов или куда там уходит композиторы и исполнители после своей кончины...

- А вы знаете госпожу Калергис? – шепотом спросила Генриетта у Чверчакевичевой.

- Естественно. А кто же ее не знает? – пожалала дама плечами. – Вон она сидит!

И она указала на соседний, длинный стол, буквально в паре шагов от них. Среди всех там сидящих находилась дама в инвалидной коляске. Худая, сильно измученная долгой болезнью, с сильно поседевшими волосами и в черном платье. Не удивительно, что Геня и не обратила на нее внимания. Мария Калергис выглядела старой, незаметной мышкой. Только лишь хорошенько приглядевшись, пруссачка заметила в ее лице отзвуки давней красоты. Аристократическая поза, высокий лоб и идеально симметричная форма лица свидетельствовали об истинно благородном происхождении. И действительно, нос и овал лица были знакомы Генриетте по собственному отражению в зеркале, равно как черные, блестящие глаза. Они были похожи одна на другую, как мать и дочка.

Тем временем, смычки скользили по струнам все скорее и резче, клавиши фортепиано, казалось, играли все одновременно. Произведение закончилось еще до того, как Геня в этом сориентировалась. Все начали аплодировать, изможденное лицо графини Калергис осветилось печальной улыбкой.

"Апозиопезиса не было", - подумала Генриетта. – "Демон не пришел!"

Раздался шум разговоров, официанты начали разносить основное блюдо, а молодые музыканты в сиянии почета и славы спустились со сцены. Люди вставали от своих мест и кружили между столами. Генриетта попросила пани

В ходе подавления польского восстания руководил Комиссией по расследованию действий повстанцев, проводил допросы. 16 сентября 1863 года назначен на должность градоначальника Варшавы.

В 1871 присвоен чин генерал-лейтенанта.

К. Витковский находился у власти в Варшаве до 1 октября 1875. Период его правление, несмотря на значительные меры по обустройству польской столицы и расширение города, поляки связали, в первую очередь, с беспощадной контрибуцией с горожан, как наказание за январское восстание. Сам К. Витковский рассматривался, как символ царской власти в Польше, ответственный за раздел их отчизны, подавление демократизации и независимости.

За время президентства К. Витковского в Варшаве:

- открылся Александровский мост, первый постоянный мост через реку Вислу {1864}
- открылся первый железнодорожный мост (1875)
- пущен в эксплуатацию первый конный трамвай
- пущен в эксплуатацию первый водопровод в предместье Варшавы — Праге {1869}

Каликт Витковский умер в 1877 и похоронен на Повонзковском кладбище в Варшаве. – Википедия + польские исторические сайты.

⁸⁵ Варшавяк = урожденный варшавянин, как и краковяк (не танец = быстрый танец польского происхождения в 2/4; форма двухколенная, мелодия оживленного характера, часто имеет акцент на второй восьмой в такте, которая синкопируется с третьей. Ритм острый, с частыми синкопами. Исполняется весело, темпераментно, с горделивой осанкой.) = уроженец Кракова. - Википедия

⁸⁶ См. сноску 32.

Чверчакевичеву представить ее графине. К сожалению, она уже была окружена кольцом обожателей и просителей. Пруссачке показалось, что среди них мелькнуло знакомое лицо.

"Ах, да! Это же полковник Муханов, советник и неформальный адъютант графа Берга", - с ужасом подумала она. – "Господи, еще узнает меня и прикажет отвезти в госпиталь!"

Но ретироваться было уже поздно. Пани Чверчакевичева тянула ее за руку, без стеснения отпихивая офицеров и музыкантов.

- Пани Калергис, позвольте? – заговорила она прямо в ухо достойной дамы. – Мне хотелось бы вам представить эту робкую девочку. Она желает познакомиться с вами. Майор Генриетта фон Кирххайм.

Графиня с любопытством поглядела на воительницу и подала ей слабую кисть, ладонь вниз, словно для поцелуя. Девушка же крепко, по-мужски, пожала ее и щелкнула каблуками.

- Ведь вы же не танцовщица и не певица, правда? – усмехнулась графиня Калергис. – Вы не станете пытаться у меня про Шопена, Гейне и Вагнера⁸⁷?

- Вы их знали? – была изумлена Генриетта.

- Я была ученицей первого из них, остальные посвящали мне поэмы и произведения.

- Интересно, - отрезала Геня.

Прислушивающиеся к беседе джентльмены рассмеялись, указывая тем самым на невежество пруссачки, кто-то попробовал вернуть какой-то шуточный комментарий, но графиня остановила его жестом руки.

- О чем вы хотели спросить меня, пани майор?

- Об Игнацие Кржижановском, - не увиливая, ответила девушка. – Ведь он любил вас, правда? Потому его и убили.

Женщина в одно мгновение побледнела, она поглубже втиснулась в свою коляску, съежившись там. По группе окружавших мужчин пробежал гул возмущенных голосов.

- Да как вы смеете! – гневно воскликнул кто-то.

- Убили? – шепнула графиня. – Из-за меня? Да что ты говоришь, дитя? Игнаций пропал без вести несколько лет назад, никто его не убивал.

Между Генриеттой и графиней Калергис втиснулся полковник Муханов. Лицо одетого в черный фрак мужчины побагровело от гнева. Он стискивал зубы, глаза горели бешенством. Он схватил девушку под руку и оттащил от круга беседующих.

- Что вы, черт подери, здесь делаете? – прошипел он.

- Выслеживаю убийцу.

- Прошу вас немедленно уйти отсюда! Сестра в поезд и больше никогда уже не показываться в Варшаве.

- Никуда я не пойду, пока графиня не ответит мне, кто выигрывал от смерти Игнация! Кто был его конкурентом!

Муханов сильно толкнул пруссачку и потянул ее за руку к выходу. Он оказался неожиданно сильным, почти поднял Геню на руки. При этом он придвинул свое лицо к ее щеке и шепнул прямо на ухо:

- Конкурентом он сам был ее покойному мужу, упокой Господь его душу, да паре сотне воздыхателей. Каждый из этой толпы истекающих по ней слюной жеребцов мог убрать настырного музыкантишку. А тебе, гусыня ты прусская, Мария больше ничего не скажет. Ничего больше ты от нее не узнаешь. Теперь же убирайся к чертовой матери!

И он выпихнул Генриетту в объятия двух рослых жандармов. Не успела Генриетта начать протестовать, как ее вывели наружу и заперли в черную карету.

Данил уселся на нарах и глянул на торчащего в углу Триста Второго. Автомат уже не следил внимательно за заключенным и даже позволил себе некое соответствие дремоты, после чего переключился в режим ограниченного бодрствования. Глаза его едва-едва светились, жестяная голова упала на плечо. От него исходило тихое бульканье из котла, нечто вроде похрапывания. Инженер сорвался со своего места и потряс рукой машины.

- Чего? Да чтоб тот пар, что из котла по трубкам к поршням... - пробормотал не пришедший в себя автомат.

- Вставайте, - прошипел Данил. – Можете подключиться к канцеляристу из Архива Кадастровых Актов?

- Что? Где? В такое время? Неудобно ведь...

- Побыстрее, от этого может зависеть жизнь моей люб... моей знакомой!

⁸⁷ Автор верен себе, во вселенной его книги действуют "отображения" реальных исторических лиц, в чем мы уже не раз имели возможность убедиться. Смотрим по адресу <http://ru.rodovid.org/wk/Запись:325183> : Мария Фёдоровна Нессельроде (Сверчкова, Калержи (Калергис), Муханова) р. 7 август 1822 ум. 22 май 1874: племянница канцлера, дочь генерала. После развода родителей вместе с младшей сестрой в 1828 была привезена в СПб и удочерена своей родственницей, Е.Д.Сверчковой (урожд. графиней Гурьевой), и получила фамилию Сверчкова; знаменитая пианистка, ученица Шопена и Листа. В 17 лет (в янв.1839) была выдана за Ивана Эммануиловича Калержи (1814–1863) – наследника миллионного состояния (в качестве свадебного подарка супруг преподнес жене 600 тыс. золотых руб. и участок с домом, раньше принадлежавшей матери жениха). Через год после свадьбы супруги разъехались – Мария Калержи уехала покорять Париж. После смерти мужа в 1863 тут же вышла замуж за тридцатилетнего Сергея Сергеевича Муханова (1834–1897). Ладно, проверим последнего (по материалам <http://sr.rodovid.org/wk/Посебно:ChartInventory/325058>): Сергей Сергеевич Муханов: род. 7 август 1822, умер: 1897 г.: В 1862 ротмистр. В 1868 заведующий Императорскими дворцами в Варшаве, в 1870 председатель дирекции Варшавских театров. Жена: племянница канцлера К.В. Нессельроде Мария Федоровна, в первом браке за Иваном Калержи. Так что, он! – Прим.перевод.

Автомат потряс головой и, гневно поблескивая глазами, начал стучать пальцем по лбу. По проводам тут же потекли заряды с зашифрованной информацией.

- И что я, собственно, должен узнать?

- Все, что только можно, о доме на Краковском Предместье, в котором находился Склад Струн и Инструментов. От кого его купили турки? Мне нужны имена владельцев, арендаторов, посредников. Все! - Данил сложил руки за спиной и начал прохаживаться по камере. - И как я только раньше об этом не подумал? Достаточно узнать, кому принадлежал дом в начале шестидесятых годов, и мы узнаем фамилию того лица, которое было непосредственно замешано в убийство музыканта. Это же настолько очевидно, что нечего и говорить.

Автомат молчал, раз за разом постукивая себя по лбу. В тишине он яростно дискутировал с канцеляристом и, похоже, убеждал его, чтобы тот занялся работой в свободное время. Собеседник не горел желанием помочь, что явно раздражало механического жандарма. Об этом могли свидетельствовать клубы пара и дыма, вылетающие из выхлопной трубы Триста Второго.

- Посольство Османской Империи купила дом в начале текущего года, - доложил Триста Второй через добрые полтора десятка минут. - Ранее он принадлежал члену правящей семьи.

- К-ком-му? - от изумления Данил даже начал заикаться.

- Великому князю Константину Николаевичу Романову, брату милостиво правящего нами царя Александра.

- О, железная мать!... - простонал инженер. - Да как такое возможно? Князь Константин исполнял функции наместника до восстания, потом выехал в Петербург...

- Принадлежащими ему объектами собственности занимался один из его адъютантов, а продал он их только год назад, по приказанию княгини, - невозмутимо разъяснял автомат. - У этого адъютанта имелось разрешение на свободное пользование тремя княжескими домами, что, впрочем, он и делал, сдавая их в аренду, а полученные средства выплачивая на благотворительные цели. Лишь один только этот дом несколько лет стоял совершенно пустым.

- Да кем же был этот чертов адъютант? Фамилия?!

Механический жандарм долгое время молчал, как будто бы к чему-то прислушивался. Данил замер в неподвижности. Он знал, был уверен, что это именно адъютант убил музыканта, а потом сотрудничал с турками, предоставив им помещение и поставляя женщин. Это он был тем самым помощником русской национальности, о котором упоминал Бурхан Бей.

- Адъютантом великого князя в то время был оберполицмейстер Сергей Сергеевич Муханов, - сообщил автомат. - Это он продал дом туркам.

Данил на несколько минут впал в раздумья. Фамилия ничего ему не говорила, зато элементы головоломки начали сходиться. Высокопоставленный офицер, для которого появление давней жертвы в виде демона было делом крайне неудобным. Ведь оно могло раскрыть его как убийцу. Потому-то и появились наемные убийцы, охотящиеся за Генриеттой, идущей по следу женщины-агентом. С их помощью Муханов пытался затирать следы.

То есть, никакого заговора против посла не было. С австрийцем попросту произошел несчастный случай, он очутился в неподходящем месте и попался на глаза взбешенному демону. Так что нет никакой международной шайки провокаторов и шпионов. Вся афера является побочным эффектом давнего преступления на любовном фоне.

Но дело в том, что этот сукин сын все так же действовал и затирал следы. А что если Геня вновь попадется ему в лапы? Ведь он наверняка захочет успокоить ее навечно.

- Немедленно найди мне полковника Кусова! - рявкнул Довнар на автомата.

- Его нет в городе, он сегодня отправился в Петербург...

- Тогда буди наместника Берга, а может - и самого царя! Объявляй тревогу, черт подери, только не сиди так просто! Поскорее, а не то погибнет невинная женщина!

Автомат покачал головой и выстучал на лбу код аварийного соединения.

Кусов прыгнул с верхового автомата, бока которого, выполненные из листовой меди буквально обжигали. Он похлопал "лошадку" по угловатой голове, бухающей клубами пара даже из ушей, бросил вожжи какому-то полицейскому и помчался по направлению к дворцу в "Швейцарской Долине". В середину он так и не попал: перед входом наткнулся на группу жандармов, вытаскивающих какую-то верещащую толстую женщину.

"Опоздал!", - подумал он. "Демон появился и кого-то убил. Это же какая-то впасть в истерику дама. Что же с Геней?"

- Какой скандал! Да как так можно поступать с иностранными подданными?! - кричала женщина. - Ее похитили! Жандармы уволокли прусскую женщину-офицера! На глазах у сотен варшавяков, да это же просто неслыханно! Да отпустите меня, сволочи! Вы еще увидите, как вспыхнет международный скандал, уж я за этим прослежу!

Кусов заступил дорогу жандармам и помахал у них перед лицами документом, к которому была прикреплена бляшка с выгравированным номером и царским орлом.

- Немедленно оставьте эту даму! - коротко приказал он. - Разрешите представиться, - обратился он к толстухе, - я полковник, князь Александр Иванович Кусов. Что произошло, если можно узнать?

Дама подозрительным взглядом смерила молодого человека в покрытом грязью сюртуке, без головного убора, а вдобавок, с взлохмаченными волосами. Не был он похож ни на офицера, ни, тем более, на князя, хотя в его позе явно было нечто аристократическое.

- А я – Люцина Чверчакевичева, очень приятно, - сообщила она не обещавшим ничего доброго тоном. – Случился фатальный инцидент, пан полковник. Моя подруга, Генриетта фон Кирххайм, в перерыве концерта пожелала познакомиться с графиней Марией Калергис, известной покровительницей людей искусства. После весьма краткого разговора начался скандал и...

- Вы простите, что я вас перебую, но о чем говорила фроляйн Кирххайм с графиней? – тут же спросил Кусов.

- Да ни о чем, собственно, она только спросила у нее про Игнация Кржижановского, пианиста, который пропал несколько лет назад. – Чверчакевичева говорила громко и жестикулировала при этом будто урожденная перекупщица. – Геня высказала предположение, будто бы его убили по причине пани графини. Тут вспыхнул ужасный скандал, и мою подругу, подданную Германского Рейха, кстати, муж пани графини силой вывел из дворца. Когда я выбежала наружу, жандармы запикивали ее в карету, которая уехала неизвестно куда. Никогда еще такого не бывало, чтобы по столь мелкой причине устраивать такой скандал. Я, конечно, понимаю, что...

- Так вы говорите, вывел ее муж графини?

- Ну да, муж. Директор казенных театров, полковник Сергей Муханов. Он женился на графине уже несколько лет назад. Как мне помнится, поженились они во время восстания, вскоре после смерти первого мужа пани Марии.

Кусов почувствовал, как по спине поползли ледяные мурашки. За убийство музыканта и за сотрудничество с турками мог быть ответственным любимец наместника Берга. Только лишь кто-то стоящий столь высоко мог обладать властью, чтобы заказать покушение на женщину-агента из Пруссии. Это могло объяснить, откуда взялись убийцы-марионетки, управляемые военными имплантатами, и предназначенные на переплавку военные автоматы. Муханов не побоялся применить самый тяжелый, украденный с военных складов арсенал, лишь бы помешать следствию. Если бы стало известно, что он занимается какими-то подозрительными делишками с турками да еще и приложил руку к жестокому убийству, с ним было бы покончено.

"Он же убьет ее", - с ужасом подумал полковник. "Сделает так, что Геня попросту исчезнет, точно так же, как много лет назад исчез несчастный пианист. Как же найти полковника? Где может быть его очередное убежище? Где он хранил выведенные из активного применения боевые автоматы? Понятия не имею..."

- Действовать нужно быстро, - произнес он вслух.

- Не поняла? – переспросила его пани Чверчакевичева.

- Так, немедленно освободите эту даму, - приказал Кусов жандармам. Он поклонился и поцеловал женщину в руку.

- Вы простите, но служба зовет. О Генриетте прошу не беспокоиться, я лично прослежу, чтобы с ней ничего не случилось.

Он дал знак жандармскому офицеру.

- У вас имеется какой-нибудь скоростной экипаж? Я должен незамедлительно попасть в замок, вы же по телеграфу должны сообщить туда, чтобы будили наместника.

- Кого?

- Понимаю, что это столь же хлопотно, как если бы я приказал вам вытащить из варшавских подвалов василиска, но я ведь выразился четко: на-мест-ни-ка! Графа Берга, если вы до сих пор не знаете, кто правит нами от царского имени.

Молодой офицер побледнел от страха и отдал салют.

Одну руку Гени громадной лапой блокировал жандармский унтер-офицер со шрамом на роже, вторую – столь же рослый поручик с бегающими глазами. Девушка сидела между ними на сидении раскачивающейся арестантской кареты. Напротив них свободно развалился полковник Муханов, все время внимательно приглядывающийся к девушке. Под его рукой лежало отобранное у пруссачки оружие, в том числе: два револьвера и кастет. Директор казенных театров крутил в руке блестящий гаечный ключ с шестигранной головкой.

- Весьма неприятная ситуация, фроляйн майор, - произнес он. – Вы могли посидеть в больнице, а потом спокойно вернуться домой. Вы получили бы награду за старание и образцовую службу и жили бы себе спокойно. Но вот какова была цель этой сегодняшней демонстрации?

- Ты убил Игнация ради нее? Или он попросту слишком много знал о твоих шахерах-махерах с турками?

- Мои коммерческие контакты с подданными Османской Империи начались всего лишь с год назад, Игнаций к тому времени давно уже был мертв, - возмущенно возразил Муханов. – Его же смерть была неприятным недоразумением, собственно говоря – несчастным случаем.

- Пытки, нанесение увечий и убийство – и это было только несчастным случаем? Интересно...

- Интересно? – задумчиво буркнул Муханов, поглядывая в небольшое, зарешеченное окошко. – И вправду, интересно. Он пал жертвой силы любви, вот как. Он встал на пути этой любви, и любовь задавила его до смерти.

- А разве графиня Мария стоит такой жертвы?

- И не только такой, - усмехнулся полковник. – Из любви к ней я сделал бы абсолютно все. Мы, славяне, способны любить таким образом, который прусские холоднокровные рыбы не в состоянии и представить. Эх, словно сегодня помню первый взгляд, первую улыбку Марии, от которой моя кровь закипела. Случилось это вскоре после моего прибытия в Варшаву, в самом конце пятидесятых годов. Как раз тогда высоких полицейских чинов – поляков заменяли российскими жандармами, и я, тогда совсем еще щенок, сделался – на минуточку – полицмейстером. С Марией я познакомился, ясное дело, в Опере, во время антракта, еще задолго до того, как она начала болеть. Она блистала будто звезда, причем, звезда первой величины. И теперь представьте меня, пылкого, но неопытного юношу, и ее – зрелую, ошеломляющую красавицу. Ее окружала аура славы – ученица Шопена, обожаемая самыми выдающимися людьми искусства Европы. Поэты писали

для нее поэмы, музыканты сочиняли произведения. Муж, старый, холодный сукин сын, ее совершенно не понимал и, к счастью, совершенно ею не интересовался. В связи с чем ее окружала толпа обожателей – конкурентов, которых я должен был убрать с дороги. Большая часть из них даже не была достойными противниками, сама Мария не относилась серьезно к этим исходящим слюной паяцам, но некоторые представляли собой серьезную помеху. Много хлопот мне доставил граф Скарбек, но я нашел его векселя, оказалось, что он в долгах как в шелках, и достаточно было нажать на одного и другого кредитора, чтобы те ободрали ветрогона как липку. И ему пришлось бежать от них из Варшавы. Одного французика, вроде как художника, я вызвал на дуэль и хорошенько порубил саблей – совсем немного, исключительно в качестве предупреждения. Польского поэта Циприана Норвида⁸⁸, мне удалось скомпрометировать в глазах Марии, представив его как неисправимого блядуна.

Геня внимательно слушала, не переставая размышлять над возможностями побега. Два амбала удерживали ее в стальном зажиме, к тому же перед тем ее полностью разоружили. Шансов не было, разве что тогда, когда ее станут выводить из кареты. Нужно было ждать.

- В конце концов, муж ее перебрался на тот свет, так что дорога передо мной была открыта. Я объяснился в своих чувствах, предварительно отказавшись от функции адъютанта великого князя и вместе с тем – оберполицимейстера. Вы понимаете, фроляйн? Свою карьеру я бросил ради любви! А ведь сейчас я мог стать флигель-адъютантом, все время быть рядом с государем, генералом, готовящимся стать фельдмаршалом. Но все это я бросил ради нее, – вздохнул Муханов. – И вот тут приблудился этот вот Игнаций. Композитор и пианист в одном флаконе. И все время торчал у Марии перед глазами, ублюдок. Понятное дело, что для меня он конкурентом не был, она ведь уже давно дала мне слово. Но паяц меня раздражал, ведь он посмел просить руки моей будущей супруги. И я решил дать ему урок: приказал своим ребятам, – тут он кивнул на удерживающих Генриетту жандармов, – чтобы те затащили его в подвал одного из княжеских домов, за которыми я следил, ну там немножечко его помяли. А чтобы посильнее напугать, они должны были натравить на него один из предназначенных в утиль боевых автоматов. У меня к ним был постоянный доступ, благодаря связям с интендантскими офицерами. Мужики затащили музыкантишку в подвал, в котором дамочка сама имела удовольствие пребывать, и бросили его на потеху двум списанным мехаборгам. А знаете ли вы, фроляйн, что старые боевые автоматы с возрастом делаются странными, агрессивными, склонными к насилию. Вы же имели удовольствие встретить некоторых из них, которых я выслал, чтобы они фроляйн выследили и уничтожили.

- Действительно, очень агрессивные, – согласилась Геня.

- Мои хлопцы бросили Игнация двум таким автоматам, не проверив их предварительно в картотеке. И по стечению обстоятельств выбор пал на две машины – ветерана крымской войны. Для военных потребностей, в качестве управляющего начала для боевых автоматов тогда использовали разумы преступников и извращенцев. После применения на поле боя они должны были быть уничтожены, поскольку делались слишком опасными. Те двое давно уже должны были быть отправлены на разборку, но интендантское ведомство ликвидировало только безнадежные случаи, а оборудование, пригодное для употребления, сплавлялось на сторону за звонкую монету.

- Игнаций попал в лапы безумцев?

- К сожалению. Исключительно по причине недосмотра. Мои ведь ребята приказали автоматам только лишь погугать, а сами пошли пить водку. Мехаборги отрезали музыканту обе руки, чтобы больше он уже не мог играть. Из ближайшего костела они сперли органные трубы и так долго дули ему в уши, что тот совершенно оглох.

- У него забрали музыку, – шепнула Генриетта.

- А потом этими же органными трубками нашиповали ему тело. Когда я пришел, он уже умирал.

- И на вас тогда был фрак с орденом?

- Наверное, да; все это происходило после какого-то бала, – полковник пожал плечами. – Мне не оставалось ничего другого, как только приказать автоматам завершить начатое. Так те сукины дети еще и выколупали ему глаза, чтобы после смерти он не смог добраться к Марии. Тело я приказал закопать где-то в сторонке, чтобы никто не видел, ну а автоматы еще в тот же день попали в доменную печь. Вот и все. Я же говорю, что смерть Игнация была просто несчастным случаем.

- Но ведь ваше сотрудничество с торговцами рабынями случайностью уже не было? – перебила того Геня.

- Это уже по причине бедности, – ответил на это Муханов, поправляя фуляр, украшенный громадной жемчужиной, на которую обычный чиновник должен был бы собирать лет двадцать. – Предлагая Марии руку и сердце, я вынужден был отказаться от высоких должностей. Правда, мой добрый приятель, фельдмаршал Берг, устроил мне пост директора казенных театров, так что несколько лет мы еще могли более-менее жить, но настоящее богатство сбежало у меня из-под носа. Я совсем не жадный, мне хватало того, что у нас имелось. К сожалению, пару лет назад Мария начала болеть. Врачи утверждают, будто состояние ее безнадежное. Надеяться мы можем исключительно на биомеханику, ее необходимо

⁸⁸ Норвид (Norwid) Циприан Камиль (24.9.1821, Лясково-Глухы, близ Варшавы, — 23.5.1883, Париж), польский писатель, поэт, художник. Учился в гимназии, художественных школах (1831 — 40), с 1842 жил за границей, где познакомился с А. Мицкевичем, Ю. Словацким, Ф. Шопеном, З. Красиным, А. И. Герценом. Странствовал, терпел нужду; с 1877 жил в приюте. При жизни Н. опубликована незначительная часть его поэзии и прозы (многое из наследия утеряно). Основная проблематика произведений Н. — история цивилизации, судьба личности, христианство и гуманность, искусство и действительность. Романтическое живописание, эмоциональное восприятие вытеснялись в его поэзии стремлением к философским обобщениям; отсюда параболлизм, ирония в восприятии и оценках противоречий действительности. Среди лучших произведений Н. — поэтический цикл "Vade mecum" (1865 — 66), философская поэма "A Dorio ad Phrygium" (1871), трагедии "За кулисами" (1865 — 66), "Клеопатра" (1870 — 72), "Перстень великосветской дамы" (1872).— БСЭ. В 60-х годах XX века Норвид сделался популярным у польской молодежи, благодаря творчеству рок-певца Чеслава Немена (например, "Траурная рапсодия памяти генерала Бема" с диска "Немен Энигматик" 1969 года). — Прим.перевод.

перестроить в мехаборга. – Какое-то время он задумчиво молчал. – Но Мария не желает на это согласиться. Я ее выбор уважаю, но не собираюсь глядеть на то, как она постепенно угасает. Я нанял самых известных врачей, самых дорогих специалистов, которых собираю со всего света. А это стоит больших денег. Действительно больших. Так что мне не оставалось ничего иного, как только поискать источник дополнительных доходов.

- И вы связались с похитителями женщин, - с бешенством процедила Генриетта. – Мало того, вы и сам похищали. Начинающих актрисочек и танцовщиц, глупеньких дурочек из провинции, которых никто не знает, и судьба которых, честно говоря, никого особенно и не волнует.

- Все эти дуры так или иначе, раньше или позднее попадают на улицу. Иногда они скатываются настолько низко, что отдаются в подворотне или в сточной канаве за четвертушку водки или за буханку хлеба. Они сдыхают от голода и холода, если только раньше их не успевают сожрать сифилис. Так не лучше ли дать им шанс? Некоторые попали бы в серали паши или султана, дожили бы до поздней старости в довольстве и достатке. А то, что при этом я еще кое-что заработаю? Ведь я же действовал не из жадности, но от любви. Чтобы спасти свою любимую женщину.

"И только лишь потому я тебя не прибую", - подумала Генриетта. – "Так и быть, гад, жизнь тебе оставляю".

- Так что теперь дамочка может понять мое раздражение своей личностью. Дамочка представляет лично для меня угрозу, и действия дамочки уже лишили меня дополнительного заработка. – Он развернул гаечный ключ и, словно пистолет, нацелил его в лицо Генриетте. – И я лично прослежу за тем, чтобы дамочка наконец-то исчезла. Раз и навсегда.

Граф Берг стоял, опираясь на двух палках. В своей ночной рубашке и ночном колпаке он не выглядел особенно грозно. Данил – который видел его столь близко – тем не менее, испытывал к нему уважение. Даже как лохматый, вытасканный из кровати старичок – он излучал авторитет. Его окутывала аура могущества Империи, превращая людские останки в грозного командира. Он ковылял перед стоявшим по стойке смирно Кусовым и Довнаром, глядя на обоих исподлобья. Его не вытаскивали из кровати со времен восстания, так что он уже и отвык от подобного рода неудобств. Но гнев он пока сдерживал, поскольку сам ранее приказал сообщать о любых возможных инцидентах, имеющих связь с делом.

- Что, мой милый мальчик, биолокацией страдаешь? – обратился граф к Кусову. – Находишься в двух местах одновременно. Стоишь передо мной, и в то же самое время катишь в поезде, направляющемся в Петербург. Во всяком случае, именно так мне доложили пару часов назад.

- Я посчитал, что ситуация требует моего личного вмешательства, и решил возвратиться...

- И что ты еще решил? Что приказы старого пердуна ни хрена не стоят, так что их можно безнаказанно нарушать? – закончил за него Берг. – Эх, ну что за времена. Да если бы я, будучи в твоём возрасте, сотворил нечто подобное, выписали бы мне полсотни батогов, чтобы думал башкой. А потом бы отослали сторожить медведей в Сибирь.

Граф задумался. Понятное дело, как дворянина никто бы пороть его не стал, а кроме того, он и сам неоднократно нарушал идиотские приказы, и ему это как-то сходило с рук, нор, так или иначе, щенка хотя бы поугаить было нужно. Берг всю жизнь зарабатывал славу жестокого типа, так что на старость нечего было проявлять слабость и мягкосердечие.

- Ну а ты кто таков? – холодно глянул Берг на Данила. – Ага, вспомнил! Потомок гетмана Ходкевича, как выяснил Алексей. Я не стану приказывать незамедлительно разобрать тебя на части исключительно из уважения к твоему великому предку. Нечасто случается мне разговаривать с типом, в жилах которого течет кровь победителей России.

- Благодарю вас, ваше высокопревосходительство, - Данил и сам встал по стойке смирно, высоко подняв голову, словно солдат во время смотра. – Но я всего лишь незаконнорожденный сын графа, так что мало чего имею общего со старым гетманом.

- О-хо-хо! Слава богу, хоть скромный. Ох и душно же здесь, черт подери.

Старец отпустил одну трость и начал отстегивать пуговицу у шеи.

Все трое находились в одном из коридоров Королевского Замка, месте с исключительными сквозняками, по которому сейчас просто гулял холодный осенний ветер.

- Это по причине высокого давления, - заявил Данил без спросу.

- Чего, не понял?

- Простите, ваше высокопревосходительство, за то, что я осмелился заговорить. Я являюсь специалистом в различных научных областях, и мне кажется, что я знаю, почему вам душно, - ответил инженер. – Насколько я догадываюсь, вы пользуетесь паровой медицинской коляской.

- Об этом знает вся Варшава, - буркнул Кусов.

- Пускай говорит, - перебил его фельдмаршал.

- Скорее всего, приступы жара и духоты вызваны слишком высоким давлением крови. Это же, в свою очередь, является последствием злоупотребления биологической поддержки, которым снабжена ваша коляска. Накачиваемые машиной флюиды, которые поправляют ваше самочувствие и прибавляют вам энергии, в больших количествах вредны. Будет достаточно, если вы ограничите терапию в коляске, самое большее, пятью часами в сутки, и тогда все неприятные проявления уйдут.

Берг остановился перед инженером и долго глядел на него с грозным выражением на лице. Кусов нервно поглядывал на наместника. Поведение старика невозможно было предвидеть. Вот прямо сейчас он мог вытащить револьвер и застрелить инженера на месте. Но вместо этого, он пихнул Довнара пальцем в живот.

- Это все?

- Побольше самостоятельного движения, - ответил Данил. – Лично я рекомендую частые прогулки, несмотря на

погоду.

Замковая площадь, как она выглядела в 1871 году. Посредине – Королевский Замок, справа – колонна Зигмунта III.
<http://humus.livejournal.com/3414906.html>

- Вы только подумайте, - буркнул себе под нос Берг. – Восемь самых лучших врачей не знает, что со мной, попеременно накачивают меня всякой дрянью, а этот вот божьей милостью изобретатель в две минуты ставит диагноз! – Он отбросил обе трости, те с грохотом покатались по полу. – По мнению полковника Кусова, вы являетесь единственной надеждой на обнаружение фроляйн фон Кирххайм живой, - спокойно констатировал он. – Еще до утра вы обязаны доставить ее в Замок. Она – племянница Железного Канцлера; если с ней хоть что-то случится, нового тройного перемирия никогда не будет. Царь всех нас бы живьем порезал, если мы это допустим. То есть, ее безопасность является абсолютным приоритетом. Даю вам карт-бланш.

- А что с посланцем Хотеком? – спросил Кусов.

- Жив и здоров. Генерал Витковский должен сопровождать его в бордель. Все под контролем.

- А полковник Муханов?

- Мне он нужен живой и целый, - принял решение фельдмаршал. – С этим мальчишкой мне нужно поговорить. Я очень разочаровался в нем. – Чуть-чуть пошатываясь, он направился вперед. Трости так и остались валяться на мраморном полу. Берг сделал несколько шагов и повернулся к обоим своим визитерам. – Ну, чего стоите. Лично я выполняю рекомендации инженера Довнара, самостоятельно двигаюсь. Вы идете или так и останетесь здесь торчать?

Кусов и Данил переглянулись и присоединились к старику, пристроившись у него по бокам. Наместник направился в сторону внутреннего двора.

- А теперь, будьте так уж добры, расскажите, как вы собираетесь найти девушку, - коротко приказал Берг.

- Я пришел к выводу, что у нас слишком мало времени на проведение обычного следствия, - ответил на это Кусов.

– Выбор подозреваемых, рассылка агентов по городу, прослушивание шпиков и донощиков, а потом – уже на основании их показаний – установление гипотетических мест содержания фроляйн фон Кирххайм, все это длилось бы слишком долго.

- А мой дорогой Сережа за это время улетучится словно камфара. Понятное дело, если это он за всем этим стоит, поскольку я не исключаю и того, что все ваши домыслы не стоят и гроша, - буркнул Берг. – Во, сразу же стало лучше. Не так душно и прохладнее. Самому следовало докумекать, что нужно избегать этой механической гадости. Еще чуть-чуть, и коновалы превратили бы меня в какого-нибудь плюгавого мехаборга. Вы уж извините старика, инженер, только я считаю все эти *устройства* уж слишком современными.

- Идею более скорого обнаружения похищенной женщины-агента мне подсказали недавние переживания, которые я познал, благодаря любезности господина Довнара, - продолжил полковник. – Конкретно же речь идет о применении специального агрегата и переносе с его помощью в астральное пространство. Оттуда, возможно, нам удалось бы быстро выследить фроляйн фон Кирххайм, просто-напросто, путем концентрации на представлении о ней наших мыслей.

- Что вы на это, инженер?

- Князь Кусов прав, это самый быстрый способ. Точно так же мы перемещались в астральной бездне и в ходе

последнего "плавания". Тогда у нас появились определенного рода проблемы, но теперь мы знаем, как их решить. Мы воспользуемся моим джином в качестве астрального якоря и закрепим его в нашей родимой реальности, оставляя с этой стороны его лампу. Пустынный демон с ней связан, так что Алоизий всегда будет стремиться в направлении нашего мира. К тому же мы договоримся с господином полковником о способе воображения Генриетты, чтобы не появились недоразумения в отношении ее возможных альтернативных версий. Тогда мы сможем без особого труда и быстро ее обнаружить и выплыть из бездны в том самом месте, где ее сейчас содержат.

- Хорошо. План принимаю, - коротко припечатал Берг. – Можете забрать свой агрегат со склада. Ну, чего ждете. Выполняйте!

Полковник Кусов отдал честь и щелкнул каблуками, Данил же только вежливо поклонился. Оба они покинули помещение быстрым шагом. Наместник провел их строгим взглядом, после чего сунул руку в карман ночной сорочки и вытащил оттуда окурки сигары и спички. Случилась крайне редкая возможность спокойно покурить. И к чертовой матери все указания врачей, вон, даже у этого стукнутого инженера Довнара, по сравнению со всеми ними, мозгов в голове поболее.

Арестантская карета въехала через ворота казарм на Повонзках⁸⁹, провожаемая скувающим взглядом двух караульных. Находящаяся на самой окраине города часть, в которой располагались два пехотных полка, частенько была свидетельницей ночной жизни офицеров, так что караульные привыкли, что те возят и самих себя, и проституток на военных экипажах, и туда лучше не заглядывать. Никем не побеспокоенная карета проехала по плацу между зданиями казарм, мимо последних деревянных бараков и въехала в лабиринт проездов между конюшен, кузниц и складов, где остановилась у одного из домов. Дверь кареты открылась, из середины вышли джентльмен с орденом на груди и два жандарма в мундирах, которые тащили типа в чужеземной, синей одежде. Приглаживающийся к происшествию караульный отвернулся, делая вид, будто бы ничего не видит. Из складов по ночам выносили самые различные вещи, гораздо реже что-либо туда заносили, но и так: простому солдату до всего этого не должно быть дела.

Генриетту грубо затащили в здание с одним громадным внутренним помещением, заполненным исчезающими в темноте могучими стеллажами и кучами ящиков, высящихся на несколько саженей, до самого потолка. Сергей Муханов зажег несколько керосиновых ламп, размещенных в стойках, что были закреплены на столбах, удерживающих потолок. После этого взял еще одну лампу и повел пленника по проходам.

Девушка старалась все тщательно проследить, только и ожидая возможности освободиться и последующего сражения. О бегстве она и не помышляла, ей хотелось драться и обязательно победить этих трех гадов. Оружие они у нее отобрали, но не все. Генриетта прекрасно чувствовала закрепленный на щиколотке второй гаечный ключ и два тяжелых гвоздя, скреплявших ее прическу. Лишь бы амбалы отпустили ее хотя бы на миг и дали возможность достать "сюрпризы".

Они прошли мимо огромного, продолговатого объекта, накрытого брезентом, и стоящей рядом паровой машины с помещенной над котлом турбиной, развернутой совершенно бессмысленно вверх. По другой стороне прохода стоял стул на шести паучьих ножках, а из стоявшего тут же раскрытого ящика выглядывали корпуса заржавевших автоматов. Генриетта с любопытством глядела на возникающие из темноты объекты, к сожалению, в большинстве своем завернутые в парусину или чем-нибудь прикрытые. На всех предметах имелись числовые обозначения и непонятные ей коды.

Странные устройства и предметы интриговали и приковывали внимание. Вот для чего могли служить весы, в которых одну из чашек заменили барабаном с медными проволочными катушками? Что находилось в огромном стеклянном сосуде, заполненном черным маслом? Из какого-то ящика выкатились на землю металлические шарики, на каждом из них была выгравирована – всякий раз иная – еврейская буква. На краю другого ящика стиснулись две ладони из материала, похожего на белую керамику. Из под парусины выглядывал ошестинившийся колючками каменный хвост, а сквозь плотно расположенные прутья железной клетки, подвешенной чуть ли не у потолка, сочился бледно-зеленый свет.

- И что все это такое? - вырвалось у Генриетты.

- "Архив Ж", - пояснил Муханов, - от слова "ждать"⁹⁰. Ясное дело, решения и применения. Некоторые говорят, что этот склад должен называться "Ждать и не дожидаться". И правда, большинство экспонатов затеряно здесь навечно. Понятное дело, это лишь облегчает дело лицам, заинтересованным тем, чтобы незаметно воспользоваться содержимым архива.

- Зачем вы меня сюда привезли?

⁸⁹ Когда-то это был полевой тракт, ведущий из Варшавы через деревню Повонзки, мимо знаменитых садов Изабеллы Чарторыской, в имение Парысов, которое называли Парижем. Под конец XVIII века дорогу стали называть Повонзковской или Повонзковой. В 1794 году Повонзки Чарторыских (парк) были уничтожены, здесь расположилась система укреплений в виде 16 батарей с 24 пушками, хорошо "поработавшая" во время восстания Косцюшко. Под конец второй декады XIX века на Повонзках были обустроены два обширных военных лагеря: летний для двух пехотных дивизий и артиллерийский. В это же время в деревне Повонзки выстроили табачную фабрику. Во второй половине XIX века летний лагерь был перестроен в казармы и склады российской армии; находящееся рядом кладбище было значительно расширено, выстроенный там же костел – так же увеличен. (<http://www.polskaniezwykla.pl/web/place/27505.warszawa-ulica-powazkowska.html>). Так что читатель теперь и сам прекрасно понимает, что местность была отдаленная, безлюдная и страшная. – Прим.перевод. P.S. Вот буквально только что узнал, что старые царские казармы на Повонзковой разбирают. Оказывается, они не были включены в Реестр национальных памятников. Что-то будут строить. Может., торговый центр, может, стоянку...

⁹⁰ Эй, любители кинофантастики, вам это ничего не напоминает? "Warehouse 13", "Архивы X" (в оригинале – "X-files"). – Прим.перевод.

Остатки военных укреплений на Повонзках, старинный рисунок <http://www.polskaniezwykla.pl/web/place/gallery,1,27505.html>

- Чтобы избавиться от вас, не совершая убийства, - легким тоном ответил тот. – Убийство мне отвратительно, я лично изо всех сил пытаюсь его избегать. Я это пообещал Марии. У моей душеньки такое доброе сердечко. Ей не хотелось связываться с военным с запятнанными кровью руками. И я пообещал ей, что больше уже никогда и никого не убью. И я стараюсь свое слово держать.

- А Игнаций?

- Когда я отсылал в бездну, он еще жил.

- Вы вытолкнули умирающего, страдающего от чудовищных мучений человека в астральное пространство? Ничего удивительного, что он превратился в демона.

Муханов лишь пожал плечами. Он подошел к одному из наиболее крупных предметов и рывком сорвал прикрывавший его брезент. Глазам собравшихся открылось кольцо диаметром в сажень, то есть с таким, что сквозь кольцо, не сгибаясь, мог пройти даже высокий мужчина. Через какое-то время до Генриетты дошло, что на самом деле железный обруч представляет собой огромное зубчатое колесо, покрытое таинственными знаками, не напоминавшими ей ни одного известного алфавита.

"Шифр масонов? Тайный язык алхимиков?" – с любопытством размышляла девушка.

Зубчатое колесо было заключено в относительно небольшом механизме с несколькими меньшими маховиками и передачами. Его приводил в движение небольшой паровой котел, в котором вместо топки стояла клетка с тлеющей саламандрой. Полковник вынул из кармана несколько кусков угля и небрежно бросил их в клетку. Ящерица ухватила их на лету вызывающим тревогу быстрым движением и сразу же засияла. Предохранительный клапан в котле над саламандрой тут же со свистом выпустил немного пара.

Полковник переложил один из рычагов, и поршень начал вращать первое зубчатое колесо. Через мгновение, с металлическим стоном, дрогнуло и большое кольцо. Оно завертелось, потрескивая, все быстрее и быстрее. Видимые за ним кучи ящиков замерцали, из изображения начало двоиться. Генриетта тряхнула головой. Вид работающей машины вызывал тошноту.

- Это нечто открывает переход в астральную плоскость? Вы собираетесь меня туда вытолкнуть?

- Если ученые не лгут, вы попадете в иной, параллельный мир, - невинно усмехнулся Муханов. – Вполне возможно, что там фроляйн найдет себе мужа и доживет до глубокой старости. Разве что по дороге вы попадете в лапы какого-нибудь демона или вообще приземлитесь в аду. Но с этим я ничего уже поделать не могу. Помолитесь, возможно, вам и повезет. Советую закрыть глаза, больно не будет, но вид, скорее всего, неприятный.

Генриетта широко раскрыла глаза. Колесо вращалось с такой скоростью, что его зубья превратились в прозрачную полосу. Площадь внутри окружности заполнил чернильный мрак – абсолютный и бездонный. Казалось, что он волнуется и выпирает, внутри него что-то клубилось, но это, скорее, можно было лишь почувствовать, чем увидеть.

- Готово, господин полковник, - отозвался жандарм со шрамом.

Девушка напрягла мышцы, но лапы обоих здоровяков держали слишком крепко. Генриетту потащили в сторону бездны. Из всех сил она ударила пяткой по стопе одного из жандармов. Тот зашипел от боли, но лишь крепче стиснул пальцы на ее плече.

"Это же синяки останутся", - подумала Геня, с ужасом глядя в черноту.

- Я чувствую себя так, как будто вновь управляю персидской колесницей, ну совсем как во время битвы под Иссом⁹¹, когда мы столкнулись с конницей Александра Великого, - сообщил Алоизий, привстав на козлах мчащегося экипажа.

Джинн держал поводья в одной руке, во второй сжимал бич. Полы его коротковатого лапсердака лопотали на ветру. Колеса экипажа бешено стрекотали по варшавской булыжной мостовой, а Кусов с Данилом сидели друг напротив друга, судорожно вцепившись в подлокотники подсакивающей повозки.

- Ты сражался вместе с Александром Великим? – удивился полковник.

Алоизий, всего лишь несколько минут назад освобожденный из лампы, в связи с чем переполненный энергией и радостью жизни, покровительственно усмехнулся:

- Против него, князь, - легко ответил он. – Э-эх, вот это была битва!

- Вот врет же, как всегда, - буркнул себе под нос Данил. – Наверняка ведь торчал в каком-нибудь борделе, в тысяче верст от места сражения. Не надо верить во все эти его высосанные из пальца истории...

- Благословенны, которые не видели, но уверовали, как говорил святой Иоанн, - с достоинством прогудел в ответ Алоизий.

- Святого Иоанна ты тоже знал? – Кусов делался все более скептическим.

- Я повстречал его в Эфесе, где он служил опекой одной очень милой старушке. Как я узнал, уже значительно позднее, звали ее Марией, и была она матерью Христа, - меланхолично сообщил джинн. – Иоанн не был способен повести за собой толпы, все время трындя про апокалипсисы и концы света. Из-за него я на несколько веков отвратился от христианства.

- Ой, выдумываешь ты всякую ересь, - махнул рукой Кусов.

- Он же всего лишь демон, такие как они любят мутить людям головы, - прибавил Данил.

Алоизий глянул на них через плечо и оскалился. Кусову показалось, будто бы в глазах демона пылают адские огни, так что даже поежился. Кто знает, а что на самом деле думает это существо, что оно пережило на самом деле и какие там у него планы? А собственно, почему это оно выполняет пожелания Данила? Только лишь потому, что тот владеет медной лампой? Очень подозрительно все это...

Тем временем, они добрались в весьма редко застроенную округу и мчались по вонючей улице Окоповой, вдоль которой тек узенький канал, принимавший сточные воды из нескольких стоящих поблизости фабрик по выделке кож. Вольские окопы⁹² они оставили позади и въехали в улицу, ведущую к кладбищу и казармам. Кусов приказал свернуть к военным постройкам и, вопя, приказал сонным охранникам отодвинуть стоящий на двух козлах шлагбаум.

- Езжай через плац, вон туда, в проезд между конюшнями, - приказал он Алоизию.

- Мой Навозник оказался таким важным, чтобы хранить его под стражей? – удивился Данил. – А мне казалось, что военные, скорее, презируют всяческие изобретения и не уделяют им особого внимания.

- Ошибаешься, пан инженер. – Очутившись в казармах, полковник почувствовал себя увереннее. – Военные тщательно следят за ними, и если им в руки попадает изобретение, пригодное к военному применению, они его с

⁹¹ Исс (греч. Issós) древний город в Киликии (Малая Азия), около которого осенью 333 до н. э. армия Александра Македонского (30 — 40 тыс.) разбила армию персидского царя Дария III (120 — 130 тыс.). Исход сражения решил энергичный удар македонской фаланги, опрокинувшей левое крыло персов, а затем окружившей и уничтожившей греческих наёмников, находившихся в центре боевого порядка персов. Действия македонской пехоты сочетались с умелыми и манёвренными действиями тяжёлой конницы. После поражения на левом крыле и в центре персы во главе с Дарием бежали. Победа при И. обеспечила завоевание Александром Македонским господства на Эгейском море и в западной половине Персидского царства. - БСЭ

⁹² Имеются в виду остатки укреплений ("валы (или окопы) Любомирского" 1770 год) в варшавском районе Воля, располагающемся к западу от центральной части Варшавы – Старого Мясца. Считается, что история района Воля берёт начало в 1386. Между тем она упоминается уже в 1367 как село Большая Воля (польск. Wielka Wola), находящееся в собственности мазовецких князей. В XIV—XVI веках деревня вместе с двумя соседними — Охотой и Чистым — перешла в собственность польского короля, при этом восточная граница поселения была определена по реке Дрна (современные улицы Окопова (Okopowa) и Товарова (Towarowa)); установленная здесь граница Варшавы сохранялась до середины XIX в. на полях между селом Велька Воля и Старым Городом произошли выборы польского короля. Королем был избран трансильванский князь Стефан Баторий. До 1794 на этом месте традиционно проводили выборы королей (элекции). Всего же в Воле было избрано 10 польских королей. В состав Варшавы Воля перешла только в середине XIX века – надергано из Википедии и краеведческих сайтов, Прим.перевод..

жадностью присваивают. Противниками новостей остаются лишь старые генералы, которые желали бы драться так, как во времена Наполеона. Современная армия нуждается в науке и технике, чтобы развиваться. Поглядите-ка на эти здания. Здесь мы сохраним украденные у изобретателей сокровища, которые еще долго не войдут в гражданское употребление. Ваш Навозник попал на особенный склад, с наиважнейшими экспонатами. Остановись, джинн! Это здесь!

Перед входом на склад стояла тюремная карета. Сидящий на ее козлах возница схватился, увидав подъезжающий извозчий экипаж, и соскочил куда-то в темь. Не успели вновь прибывшие выйти, он уже совершенно исчез.

- Наверняка ребята из квартирмейстерского управления устраивают какие-то подозрительные делишки ночью, - буркнул под нос полковник. - Когда-нибудь коррупция⁹³ полностью уничтожит Империю. Мне от этого нехорошо делается.

- Лишь бы они только не попробовали сейчас спихнуть на сторону Навозника, - прибавил Данил. - Заходим?

Полковник вынул из кармана пиджака револьвер⁹⁴ и утвердительно кивнул. В дверь он вошел первым.

Темнота, казалось, вытекала из вращающегося круга, она набухла и жадно вытянулась в сторону Генриетты. Девушку охватил приступ паники. Она извивалась в руках жандармов, но те держали крепко. Затем еще и подтолкнули к "провалу". В отчаянии борьбы, юнкер-девица взмахнула обеими ногами и ударила ими в опору колеса. На мгновение ока жандармы пошатнулись, но быстро пришли в себя. Устройство же не перестало действовать, еще сильнее открывало оно астральную плоскость. Никакой, даже сильный, пинок не мог этому помешать.

- Черт, кого-то там холера принесла, - прошипел Муханов и вытащил из кармана небольшой, двуствольный дерринджер⁹⁵.

⁹³ Ну не мог полковник Кусов так сказать. "Взятки", "продажность", "мздоимство", но не "коррупция". Это слово появилось (в Польше) в начале 80-х годов XX века, чтобы отделить "ихнюю" продажность от местной. Та же самая история произошла и в СССР. Вот как трактует понятие "коррупция" Экономический словарь: "Общее значение слова - порча, гниение, распад, разложение, упадок порочность, развращенность. В русском языке слово появилось во второй половине XX века в значении - сопровождаемое нарушением законности прямое использование должностным лицом своего служебного положения в целях личного обогащения. Первичное значение слова соответствует его современному пониманию: латинское корни *com-* вместе, *morare* + *gre* грабить, опустошать, разорять, расхищать."

Прошу прощения у читателей за столь обширное отступление, но ведь интересно, а как тогда боролись с этим гадким явлением? Обратимся к Википедии (хотя не всегда и не во всем ей стоит доверять). Статья

https://ru.wikipedia.org/wiki/Коррупция_в_России (цитирую фрагмент, относящийся к изображаемому в романе времени):

В общей сложности к 1857 году чиновников было около 86 000 человек. Из чиновников низших классов (от XIV до VIII) в те годы привлекалось палатами уголовного суда ежегодно около 4000; чины VIII—V классов судились в Сенате, примерно по 700 человек в год; чиновники высших чинов Табели о рангах попадали под следствие в единичных случаях. Таким образом, в общей сложности около 5-6 % чиновников ежегодно попадали под различные расследования уголовных палат и Сената. Однако, по обвинениям в мздоимстве и лихоимстве проходило гораздо меньшее число. Если в 1847 г. число чиновников государственной службы, судимых в палатах Уголовного суда за мздоимство и лихоимство, составляло 220 чел., то в 1883 г. эта цифра составляла 303 чел. (а к 1913 г. достигла 1 071 чел.). Тем не менее, власти всегда понимали, что попадают под суд за взяточничество далеко не все, и искали пути для профилактики и уменьшения этой язвы.

Важным фактором борьбы с «воровством» на государственной службе стала начавшаяся в правление Александра II система публикации имущественного положения чиновников империи. Периодически, как правило — раз в год, выходили книги, которые так и назывались: "Список гражданским чинам такого-то ведомства". В этих книгах, доступных для широкой публики, были приведены сведения о службе чиновника, его наградах, поощрениях и что, не менее важно — взысканиях, а также о размере получаемого им жалования и наличии имущества. Причем, имущество указывалось не только личное, но и "состоящее за женой", как наследственное, так и приобретенное. Имея на руках такой "Список", каждый мог сравнить декларируемое положение чиновника и реальное. Все три редакции (1845, 1866 и затем 1885 гг) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных оговаривали возможность получения взятки должностным лицом и через других, в том числе жену, детей, родственников, знакомых; признавали преступление оконченным, «когда деньги или вещи были ещё не отданы, а только обещаны ему, по изъявленному им на то желанию или согласию»; предусматривали некоторые завуалированные способы получения взятки — «под предлогом проигрыша, продажи, мены или другой какой-либо мнимой законной и благовидной сделки». Чиновникам запрещались всякие сделки с лицами, вступающими в подяры и поставки по тому ведомству, где они служат, потому что предполагалось, что эта сделка или договор только прикрывает собою взятку, данную для того, чтобы чиновник незаконно благоприятствовал подрядчику при сдаче вещей или работе в ущерб казне. За совершение таких сделок обе стороны подвергались взысканию, равному цене заключенной сделки, а чиновник к тому же исключался из службы (ст. 485 и другие статьи отделения VI главы XI Уложения о наказаниях).

Выходит, люстрация тогда тоже применялась (и, главное, в большей степени законно) — Прим.перевод.

⁹⁴ Судя по всему, карманы у тогдашних пиджаков были огромными. Посмотрите какой-нибудь классический вестерн или зайдите в исторический музей и поглядите на револьверы середины XIX века, прикиньте, сможете ли сейчас сунуть "револьвер" в карман пиджака... В отличие от "дерринджера", о котором чуть дальше. - Прим.перевод.

⁹⁵ Термин "Дерринджер" (Derringer) происходит от неправильного написания фамилии американского оружейника Генри Деринджера (Henry Deringer), производившего в первой половине 19 века компактные однозарядные капсюльные пистолеты, предназначенные для самообороны на минимальных дистанциях. Пистолеты Деринджера легко прятались в обширных карманах одежды тех времен, и имели довольно внушительный по нынешним меркам калибр — 10-14 миллиметров. Короткий ствол и маленькая рукоятка Деринджеров отнюдь не способствовали высокой точности и дальности стрельбы, однако на расстоянии ширины карточного ствола или кабины дилижанса шансы попасть из такого оружия в оппонента были, в общем, вполне реальными. При этом нужно учесть, что в те времена медицина была на гораздо

В пару скачков он приблизился к очередному экспонату – в высоту намного больше человеческого роста, прикрытому серой тканью, рванул связывающую ткань веревку, и еще до того, как двери толком раскрылись, сорвал полотно с объекта. Он раскрыл странный автомат с тремя наклоненными вниз головами, на лбах которых были выгравированы буквы греческого алфавита. Могло показаться, что вся машина состоит из путаницы медных трубок и стальных поршней, смонтированных в одно бесформенное целое, зато обладающее импозантными размерами.

В дверном проеме появилось трое мужчин, среди них – один чернокожий. Муханов тут же узнал среди них полковника Кусова. Он нацелил в него свой пистолет и выпалил сразу из обоих стволов. Никогда он не был хорошим стрелком, на этот раз тоже промазал. Тогда он сразу же спрятался за огромным автоматом и умело забрался по его поршням на железную шею.

- Отпустите ее, сволочи! – заорал Данил и бросился бегом к жандармам.

Алоизий опередил хозяина, превратившись в окутанную дымом, мрачную фигуру. Генриетта уже стояла на краю бездны, изо всех сил дергаясь и пытаясь отодвинуть голову от липкой темноты. Жандармы подняли ее на руки и сделали замах, чтобы, наконец, забросить жертву в круг. Джинн столкнулся с жандармом со шрамом на роже и сбил того с ног. Девушка высвободила одну руку и заехала второму своему мучителю кулаком в нос. Но тот все же сильно толкнул ее и выскочил напротив атакующего с воплем инженера. Генриетта же полетела в темень.

Эктоплазма охватила ее спину и голову, щупальца мрака охватили ее в поясе и потянули в бездонную пропасть. Пару секунд снаружи еще оставались руки, отчаянно ищущие чего-нибудь, за что могли бы ухватиться пальцы. Воительница как бы попала в болото, которое затягивало ее все быстрее, чтобы уже через секунду накрыть ее полностью.

Данил щучкой бросился мимо жандарма, на волосок уходя от его лапищ. Он перекувыркнулся, схватился на ноги и в самый последний миг ухватил ладонь пруссачки. Жандарм обернулся и сзади схватил инженера за волосы. Грохнуло несколько револьверных выстрелов..

Полковник Кусов мерно шагал вперед с нацеленным оружием, посылая в спину жандарма пулю за пулей. Тем временем, Алоизий уже разорвал горло жандарму со шрамом и быстренько напился вырвавшейся фонтаном крови. Он метнулся к Данилу, но в тот же миг на инженера рухнул застреленный жандармский офицер. Довнар полетел во мрак головой вперед, а вместе с ним и умирающий палач. Джинн нырнул за ними, в самый последний момент, хватая своего кормильца за ноги.

- Их засасывает! – крикнул он Кусову. – Помогите же мне, черт подери!

Измазанный кровью джинн, оскалив в хищной ухмылке зубы, выглядел, словно какой-нибудь упырь. Он лежал на земле, держа Данила за щиколотки. Хоть и медленно, но он тоже продвигался к бешено вращающемуся обручу. Полковник подбежал к негру и схватился за другую ногу инженера. Упираясь изо всех сил, со стоном, они вытащили того из мрака. К счастью – не одного. Довнар сжимал за запястья совершенно потерявшую чувства Генриетту. На обоих исходили паром языки черной эктоплазмы. Астральная энергия вытекала у них из глаз, носа и открытых ртов.

- Игнаций! Там был Игнаций! – дрожа всем телом, сообщила Генриетта. – Он прибыл, чтобы спасти меня. Теперь он сияющая флогистонная душа!

- А еще прибыли астральные клопы. Ф-фу! Г-гадость! Почуяли кровь и вытекающую жизнь сдыхающего жандарма, - с трудом просопел Данил. – Так Игнаций сжег их одним дуновением. Во, здоровяк, вот так, запросто, уничтожил целый их рой. Теперь он наш союзник!

Генриетта упала на грудь инженеру, а тот охватил ее рукой. Кусов наморщил брови и сделал вид, что перезаряжает револьвер. Но патронов у него не было, так что он просто высыпал на пол гильзы. Неожиданно пруссачка пришла в себя и выпрямилась, освобождаясь от объятий Данила. С явным замешательством поглядывала она то на одного, то на другого своего поклонника. Алоизий же облизывался, пытаясь сдержать демоническое безумие убийства и стараясь не глядеть на валявшийся тут же труп.

- А Муханов скрылся, - заметил Кусов. – Но он наверняка находится где-то в здании. Пошли его аресту...

Громкий скрежет и визг перебили полковника на полуслове. Трехголовое медно-железное чудовище пошевелилось и трянуло всеми своими головами. Путаница трубок и поршней неожиданно превратилась в мощные лапы, снабженные трехдюймовыми⁹⁶ когтями из закаленной стали. Головы раскрыли широченные пасти, выпуская из них клубы дыма, пара и синее пламя из газовых горелок. Когти чудовища заскрежетали на каменном полу. Из-за автомата появился мрачно усмевающийся Муханов.

- Никуда я не скрывался, глупцы, - сообщил он. – Ну, и зачем вам оно было нужно? Теперь мне придется всех вас ликвидировать.

Он передвинулся, чтобы получше видеть просторное помещение. Генриетта привстала на колени и вытащила прикрепленный на икре плоский гаечный ключ. Кусов стиснул рукоять револьвера, как будто с его помощью мог сдержать многопудовую боевую машину. Данил с изумлением разглядывал автомат, выискивая в нем слабые точки.

более низком уровне. Даже незначительная по нынешним меркам огнестрельная рана могла сто – сто пятьдесят лет назад привести к весьма печальным последствиям, в первую очередь из-за сепсиса, усугубленного пороховой гарью и смазкой из животного жира, занесенными в рану вместе с безоболочечной пулей. Посему оружие, в нынешнее время кажущееся несерьезным, в те времена воспринималось совсем по-другому – и нужно это иметь в виду, оценивая потенциальную эффективность оружия. Даже маленькая и крайне маломощная пуля .22 калибра тогда несла нешуточную угрозу, и зачастую служила серьезным аргументом в различных спорах и конфликтах. -

http://weaponland.ru/publ/derrindzher_oruzhie_poslednego_shansa/3-1-0-358

⁹⁶ Интересно, с каких это пор на территории Российской Империи (пускай и в Польском Царстве) в ходу появились дюймы? – Прим.перевод.

- Это всего лишь прототип, - буркнул он себе под нос. – К тому же без брони.

- Имперско-российский сторожевой цербер, - с гордостью пояснил Муханов. – Именно такие машины, понятное дело, в полированной броне, с казенными гербами, должны были сторожить Царское Село. К сожалению, они не понравились Ее Величеству Александре Федоровне, уж слишком пугали детей, опять же – были уже немодными. Но лично я могу вас заверить, что этот экземпляр вполне исправен. У него имеется все, что необходимо: скорость, обжигающее дыхание и наточенные когти, способные без малейшего усилия освежать вола. Или разорвать его в клочья. И хорошо, мне не нужно будет убирать трупы.

- И как с ним справиться? Вы чего-нибудь придумали? – прошипел Кусов на ухо Довнару.

- Распределительный щиток находится на шее чудовища. Нужно всего лишь забраться на автомат, избегая зубов в пастьях и лап, открыть дверки и отключить все устройство, - легким тоном пояснил Данил. – Можно, конечно, перерезать его медные сухожилия, но для этого понадобились бы стальные ножницы, и тогда чудовище не смогло бы двигаться.

Цербер склонил головы, после чего одна из них раскрыла пасть и рыгнула фонтаном голубого пламени. Жар бухнул в лица собравшихся, не принося никому вреда, ибо извержение горящего газа было только предупреждением.

- Еще можно локализовать резервуар со сжиженным газом, который наверняка находится в брюхе автомата, лишить уплотнения и поджечь, - прибавил Данил. – Но, похоже, это будет сложно. Что же, нам ничего не остается, как только самим прыгнуть в бездну.

- Очень разумные слова, инженер, - похвалил Данила Муханов, складывая руки на груди. – Только поспешите, нечего зря терять время.

- Через пару минут здесь появится охрана и мои агенты, - рявкнул Кусов. – Сдавайтесь, полковник!

- Какие агенты? Они же направляются в Петербург, князь, - усмехнулся Муханов. – Ну а охрана находится на моем содержании, она не побеспокоится зайти, даже если бы тут все горело и валилось. Я им запретил. Впрочем, отсюда доносился и не такой шум...

- Я могу уничтожить автомат, мой повелитель, - Алоизий с достоинством поклонился Данилу, - только я рассчитываю на вознаграждение.

- Какое? – совершенно чистосердечно изумился инженер, поскольку это был первый случай, чтобы его лакей хоть что-то просил. Как правило, если он чего-то хотел, то брал без спросу.

- Отпуск, - ответил на это Джинн. – Я хочу поехать на несколько месяцев, а может и лет, в родные края. Я сильно нуждаюсь в этом: в солнце, пустыне, огне...

- Я согласен, - махнул Данил рукой, поскольку цербер все время приближался.

Громадное тело перемещалось на четырех лапах, волоча за собой хвост с колючками. Морды опустились книзу, лупая багровыми глазами. Когти оставляли на каменном полу глубокие следы.

Джинн вышел напротив автомата, широко разложив руки. Его ноги окружила туча дыма, и демон вознесся в воздух. Морды цербера поднялись за ним, одна из них раскрыла пасть и метнула огненный столб в Алоизия. Тот грациозно уклонился и полетел прямоком на боевую машину. Неожиданно оказалось, что цербер способен двигаться очень даже быстро. Он выпрямился, поднял передние лапы, а зад подпер хвостом. Когти со свистом пропороли воздух. Джинн пронесся мимо на миллиметр и ударил машине в грудь. Он прижался к кабелям и железной груди, в которой находился овальный резервуар с газом. Поначалу он плюнул в него струей огненной слюны, но, не видя результата, протянул к нему руки. Внезапно что-то метнуло его взад будто тряпичную куклу, Алоизий пролетел над головами зрителей, за ним, словно за кометой, тянулся дымный хвост. Джинн врезался в ящик, сопровождаемый треском ломающейся древесины и собственными стонами. Алоизий сполз на пол, весь обсыпанный опилками и измазанный маслом. Широко раскинув руки, он разлегся у ног Данила.

- Машина защищена перед действием сверхъестественных существ, - объявил, усмехаясь, Муханов. – В ее скелет встроено сопряжение с реальностью. Никакой упырь или демон не способен ничего сделать ей. Напоминаю, что цербер должен был охранять царскую резиденцию, так что он готов ко всему. Короче, или вы сами вежливо запрыгнете в бездну, или я окончательно спущу его с поводка.

- Погодите, мальчики, - сказала Генриетта.

Она обернулась в сторону вращающегося зубчатого колеса и прыгнула в черноту.

- Геня! – заорал Довнар.

- Генриетта! – вторил ему Кусов.

Оба застыли, вытянув руки. После этого они вопрошающе переглянулись.

- Клопы, демоны, эктоплазма, - буркнул под нос Данил. – Без машины у нас не будет ни малейшего шанса.

- Да, это верная смерть, - кивнул, соглашаясь с ним, Кусов.

А за их спинами могучий автомат переступал с лапы на лапу и щелкал зубатыми пастьями, выпуская из них языки синего пламени. Он никак не мог дожидаться, пока наконец кого-нибудь не разорвет.

- Отправляемся за ней? – коротко спросил Данил.

- Естественно, - кивнул жандармский полковник. – Вместе, на счет "четыре".

- И раз! И два! – скомандовал Данил. – И три! И...

Но до четырех досчитать он не успел. Мрак взорвался фонтаном эктоплазмы, отбросив мужчин в сторону. Из круга вышел сияющий, словно раскаленная добела сталь, человек. На руках он держал едва-едва находящуюся в сознании Генриетту. От обоих исходили черные мазки парящей энергии.

- Игнаций, - шепнул Данил, крепче прижимаясь к полу.

Мертвый музыкант поставил юнкер-девицу на пол и поцеловал ей руку. После того он повернулся к церберу и

начал напевать веселую мелодию. Мазурка заглушила металлический срежет бестии, заполнив все помещение. Пианист подошел к мотающему головами чудищу и теперь, вместо того, чтобы напевать, засвистел собственное произведение. Автомат протянул к нему головы, он перестал плевать огнем и паром. Цербер вел себя, словно загипнотизированный, двигаясь в такт музыки.

- Что это еще за штуки? А ну убей его! – завопил побледневший от страха Муханов.

Полковник отступал шаг за шагом. Цербер урчал мазурку, но вдруг Игнаций замолк. Воцарилась тишина.

"Апозиопезис", - пришло в голову Генриетте.

Музыкант легонечко толкнул боевой автомат, и тот в одно мгновение занялся огнем. Загорелись все металлические детали, как будто бы они были сделаны из бумаги. Чугунный газовый резервуар раскалился и взорвался, превратив цербера в огненный шар, плюющийся во все стороны горящими обломками.

"Флогистон!" – подумал Данил. Вместе с музыкой призрак передал боевой машине флогистон, элемент огня, а потом высвободил его. Он изменил физическую суть машины, потому-то предохранитель перед сверхъестественным и не сработал.

Игнаций прошел сквозь горящие останки автомата, напевая под нос очередную мелодию – на сей раз печальную, но и торжественную: тот самый придуманный много лет назад полонез, который был посвящен Марии Калергис, и который должен был подарить ей в день собственной смерти. Он подошел к стоящему на коленях Муханову и остановился.

В полковника же попал один из обломков взорвавшейся машины. Толстый медный кабель вонзился ему в бедро и вышел с другой стороны штанины. Мужчина шипел от боли, пытаясь подняться. Но потом он окончательно упал на пол и пополз. При этом он испуганно рыдал, поскольку светящийся жаром флогистона призрак не отставал от него ни на шаг, словно угрызение совести, которое никак нельзя было изгнать из нечистого сознания.

- Сейчас я его прибью, - прошипел Кусов, поднимаясь на ноги и отряхивая брюки. – А ведь мы должны были доставить полковника живым.

- Да, я и сама планировала оставить ему жизнь, жаль, что не получилось, - холодно заметила Генриетта.

Тем временем Муханов полз по полу, оставляя за собой кровавый след, а Игнаций шел за ним, напевая страшную мелодию. Полковник рыдал все громче, а потом завыл. При этом он свернулся в клубок, затыкая себе уши. Ничего не помогало, мелодия выжигалась в его разуме, врывается в сознание, выпирая из него все остальное. Муханов хотел было завопить, но вместо того присоединился к пению. Вдруг Игнаций остановился, положив ладонь полковнику на лбу. Сделалось тихо.

- Теперь ты уже не забудешь этой мелодии, - сказал мертвец. – Я сложил ее для нее. Передай эту музыку Марии, это мой прощальный подарок. – Он небрежно оттолкнул замершего от ужаса Муханова и спокойным шагом вернулся к вращающемуся кольцу. Призрак еще улыбнулся Генриетте и вступил в бездну.

Данил подскочил к чудовищной машине и передвинул пусковой рычаг. Колесо замедлило движение, а потом и вовсе остановилось. Врата на тот свет замкнулись, темнота развеялась в воздухе, не оставив после себя и следа. Инженер облегченно припал к зубчатому колесу.

- Это конец, - сказал он. – Покойник завершил свою месть, проявив милосердие, мы же можем вернуться домой и чего-нибудь выпить.

Варшава, 17 (29) ноября 1871 г., полдень

Судебные исполнители тщательно отмечали каждый обломок, погружаемый работниками на телегу. Носильщики старательно укладывали спасшиеся, но и совершенно размокшие книги и инкунабулы, инструменты и лабораторное оборудование. Во двореке осталась лишь куча разбитой мебели, рваной одежды и битого стекла. Данил был официально объявлен банкротом, причем за то, что не выплатил первого взноса по кредиту. Он стоял на дожде в сюртуке с поднятым воротником и в несколько грязноватом цилиндре. С печалью наблюдал он за тем, как полученное от деда наследство уходит в жадные лапы владельцев банка.

- Ростовщики хреновы, - печально сообщил он Алоизию.

Джинн, не говоря ни слова, лишь мрачно кивнул. Он и сам выглядел прибитым. Один глаз практически не открывался по причине опухоли, к тому же симметричное, благородное лицо негра теперь пересекало несколько шрамов. А все по причине того, что лицом он врезался в ящик с экспонатом из "Архива Ж".

Один из судебных исполнителей, мрачных типов в рединготах, тщательно прочесывающих каждый уголок домовладения на Шлиской, как раз собрался вешать пломбу на дверях дома.

Данил слотнул горькую слюну. Он открыл дверцу на груди, покопался внутри, вытащил медную лампу и вручил ее джинну.

- Держи. Ты свободен, - без лишних слов сказал он. – Ты спас мне жизнь, пытался победить боевое чудище... Ты был верным слугой и хорошим приятелем, я же не могу вечно относиться к приятелю, как к невольнику. Можешь возвращаться в жаркие края, куда ты там хотел...

Пару секунд Алоизий стоял, крутя в своих громадных ладонях ничем не примечательную лампу. В конце концов, он вытер рукавом нос и слезящиеся глаза.

- Нет, я не могу этого принять, - басом прогудел он. – Впрочем, сам этот предмет вовсе не служит для того, чтобы мною владеть, он всего лишь символ. Я обещал графу Ходкевичу, что буду заботиться о его внуке, и сделаю это, даже если и не знаю что... Опять же, я вовсе не чувствую себя рабом, а ты, Данил, шикарный приятель. Быть твоим слугой – это честь.

Великан поклонился в пояс, положив ладонь на груди. Данил небрежно отмахнулся.

- Так я и думал, - подвел он черту. – Короче, можешь отправляться в тот отпуск, о котором ты так мечтал. Ты заслужил его после семидесяти лет непрерывной службы. К сожалению, выплатить надлежащую тебе и просроченную мною зарплату я не могу. Сам знаешь.

- Знаю. Ничего страшного, как-нибудь справлюсь. Но я не могу оставить тебя в столь тяжелой ситуации. Сначала помогу как-то стать на ноги...

Данил улыбнулся негру и крепко хлопнул его по спине.

- Возвращаясь к себе домой, джинн. Я справлюсь. – Довнару пришлось затолкнуть подальше комок в горле, прежде чем удалось закончить: - Я ведь уже не ребенок, темная ты масса. Давай, вали отсюда, и немедленно! И вот увидишь, когда ты вернешься, я буду богат, что твой паша!

- Знал я многих пашей, к примеру, во времена Сулеймана Великолепного...

- Хватит мне втирать свои враки, дух зла. Лети уже к чертовой бабушке, еще успеешь на поезд...

Алоизий обнял Данила и крепко прижал его к груди, затем, совершенно по-отцовски, поцеловал в лоб. Слезы, смешанные с дождевыми каплями, стекали по щекам великана. Чернокожий "отпускник" оттер их нервным движением и ушел, исчезая в струях льющейся с неба воды. Данил вышел за ним из подворотни, но негра уже не увидел. Джинн развеялся без следа.

Инженер еще стоял какое-то время, пытаясь не обращать внимания на ругань носильщиков, таскающих его имущество. Через пару минут пломбу повесят и на ворота, вот тогда Данил Довнар сделается бездомным и совершенно одиноким.

Неожиданно перед воротами с грохотом остановилась русская двуколка, в которую был запряжен массивный жеребец. На козлах сидел Кусов в тяжелой синей шинели жандарма с прикрепленными к ней полковничьими эполетами. Он приложил ладонь к каракулевой шапке с двуглавым орлом и протянул руку Данилу.

- Садитесь, - скомандовал он. – Едем.

Довнар какое-то время колебался. Впервые он видел Кусова в мундире, и в первый момент даже не узнал его.

- А куда?

- Задержать ее, - отрезал жандарм. – Генриетта уезжает.

Данил ухватил ладонь офицера и позволил затащить себя на повозку, где уселся на козлах рядом с Кусовым. Тот тряхнул поводьями, и жеребец живо тронул с места.

- Я знал, что она уедет, - через какое-то время произнес Данил. – Она обязана исполнить приказ своего дяди. Ведь в первую очередь она солдат, а ее дядюшка – командующий вооруженными силами. И вообще, вы едете не в том направлении. Венский вокзал вон там...

- Мы едем на другой. Она едет не Германию, а в Петербург, - ответил на это Кусов. – ее вызвал не Бисмарк, но наш государь Александр.

- А на кой черт?

- Вручить орден, устроить бал в ее честь, что станет знаком сотрудничества между империями. Это же понятно, - удивился полковник непонятливости спутника. – В политике вы совершенно не ориентируетесь.

- А зачем мне политика, - пожал плечами Данил. – Я всего лишь бедный изобретатель и исследователь. В данный момент я должен заняться проблемой, как заработать на тарелку супа и на крышу над головой.

Колеса двуколки загрохотали, въезжая на Александрийский мост, который варшавяки называли Мостом Кербедзя. Каменные опоры мелькали под ними, когда экипаж мчался вперед, словно его тащил механический боевой конь, а не полицейский заслуженный жеребец. Висла темной полосой тянулась до самого горизонта: в это время года вдвойне мрачная и грозная.

- Зачем вы меня забрали с собой? – спросил Данил. – Похоже, ведь мы конкуренты на руку Генриетты.

Кусов нервно покрутил усом. До сиз пор ему и не приходило в голову просить руку пруссачки. Он вообще не спешил связывать себя семейными узами.

- Я ведь князь, а это накладывает определенные обязательства. Самое главное для меня – честь и честность. Я дам вам равные шансы в сражении за внимание Генриетты, - сообщил он. – И не думайте, будто бы вы мне понравились, я всего лишь проявляю вежливость.

- Естественно. – Данил серьезно кивнул, ругая себя в мыслях за то, что сам бы никогда в отношении князя так не поступил. – Я тоже вас терпеть не могу от всего сердца, но этот жест ценю. Конкурировать с вами, князь, это истинное удовольствие и честь. Кроме того, мне известно, что это вас я обязан благодарить за милости, оказанные мне его превосходительством, наместником Бергом.

- А я и не должен был заступаться за вас, господин инженер, - буркнул Кусов. – Фельдмаршал сам выступил с инициативой отметить вас. Якобы, ваши медицинские рекомендации весьма помогли ему. В рамках благодарности, вы попадаете под амнистию, все ваши провинности забыты. Кроме того, он приказал мне передать вам еще кое-что, но при условии, что вы поклянетесь держать все в тайне.

- И забыть о Муханове, который, якобы, даже не был арестован?

- Именно, - вновь мрачно буркнул Кусов. – Все-таки вы способны рассуждать более политично. Когда-то Муханов исполнял функции адъютанта великого князя Константина, брата его Величества. Его арест мог бы запятнать царское семейство. Это во-первых. Во-вторых, он был любимцем фельдмаршала и поверенным в его тайнах. В ходе допросов он мог бы слишком многое выдать, причем, не обязательно союзникам Берга. В-третьих, несколько лет назад наместник поручил ему миссию развития индустрии развлечений в Варшаве, и с этим заданием Муханов справляется очень даже

неплохо. Под его руководством в качестве директора варшавские театры переживают расцвет, он начал воистину золотой период в польском сценическом искусстве. Именно по этим причинам он не будет арестован, его участие во всем деле будет затушено. Он останется на посту директора казенных театров, и точка. А чтобы вы оставались довольны, могу вам сообщить, что мои агенты не спустят с него глаз даже на минуту. Когда же все утихнет, фельдмаршала Берга уже не будет в живых, Муханов тоже перестанет быть нужным... Вот тогда я приду к нему в гости с несколькими своими ребятами, в саквояжах которых найдутся клещи, крюки и ланцеты. Я терпеть не могу нечестности и пятнания чести российского офицера; полковник заплатит за все, что натворил. Даже если придется ждать и десять, и больше лет.

Александровский Мост (мост Кербедзя) и рынок рядом с ним. Снимок 1865 года. <http://humus.livejournal.com/3413388.html>

- Подобное решение проблемы мне подходит, - Данил милостиво кивнул. – в этот же момент я забываю обо всем случившемся. Можете положиться на то, что тайну я не выдам.

- Я верю вам, господин инженер. – Кусов приподнял шапку-драгунку, символически поклонившись товарищу. – С этой минуты мы официально признаем, что австрийский барон стал случайной жертвой преступлений, совершаемых в Варшаве турецкими бандитами, оплачиваемыми Великой Портой. Теперь туркам придется объясняться перед императором Австро-Венгрии относительно убийства его посла, мы же умываем руки. Дело мы считаем закрытым, бумаги уже направлены в Петербург. Ваше имя появляется в них не в качестве подозреваемого, но сотрудника жандармерии, который лично уничтожил Бурхан Бей, грозного бандита и ни чем в виновника смерти австрийского посла. В награду вы получите Орден Станислава третьей степени⁹⁷. Хотя это и самая младшая по ранжиру имперская награда, тем не менее, для вас это большая честь. Помимо того, наместник приказал мне передать благодарности за применение в оперативных мероприятиях вашего агрегата. Понятное дело, оборудование останется в нашем архиве, но вам будут возвращены средства, затраченные вами на его постройку, плюс возмещение за уничтожение имущества в вашем домовладении. В сумме это будут векселя на общую сумму в восемьдесят тысяч рублей.

Данил и глазом не моргнул, хотя про себя буквально завопил от радости. Да, он потерял агрегат, который нельзя будет отстроить по причине отсутствия метеоритного железа, зато дом вновь будет принадлежать ему! Он вернет себе дом, лабораторию и собрания древних книг. И у него еще останется куча денег!

⁹⁷ Орден Св. Станислава 3-й степени был самым младшим в порядке старшинства российских орденов и был наиболее распространённой наградой. Его получали практически все, прослужившие установленные сроки и имевшие классные чины, государственные служащие — военные и статские. При учреждении орден любой степени предоставлял права потомственного дворянства, однако в среде дворянства возникло недовольство от слишком большого числа новых дворян из числа купцов и мелких служащих. В 1845 году Высочайшим повелением было приостановлено награждение 2-й и 3-й степенями. Возобновились награждения лишь с 28 июня 1855 года, но с этого времени право потомственного дворянства предоставляла только 1-я степень ордена Св. Станислава. - Википедия

Но он делано кивнул, как будто это пришло с огромным трудом, и даже скривил недовольную гримасу.

- я понимаю, что вы презираете взятки, точно так же, как и я сам, но отнеситесь к этому исключительно как к возврату расходов и к возмещению за ущерб, - серьезно сказал Кусов. – И никак иначе.

Данил кивнул, делая вид, будто бы задумался.

Над локомотивом сновали тяжелые сгустки дыма, прорезаемые струями ливня. Перрон, тянувшийся вдоль элегантно, похожего на дворец вокзала, был залит дождем и окутан клубами пара. Пассажиры и носильщики выныривали из них и исчезали в нем же, словно духи. Генриетта еще стояла на деревянном перроне, вглядываясь в силуэты, появляющиеся из-за занавеса дождя. Девушка надела парадный мундир, с обязательной бархаткой с Железным Крестом под шеей, на голове ее был пикельхаубе с отполированной до блеска пикой. Без особого желания она затянулась *dama-cigaretten*, игнорируя крики проводников о том, что двери вагонов закрываются. Она все еще ожидала. А вдруг кто-то из них придет попрощаться?

Петербургский (Виленский) вокзал в Варшаве. Фото начала XX века.

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Петербургский_вокзал_\(Варшава\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Петербургский_вокзал_(Варшава))

Ей было жалко того, что беззаботная, цивилизованная и анонимная жизнь в Варшаве закончилась только что. Ничего не осталось от влюбленностей, нежностей и вздохов. Кончились столь полирующие ум научные дискуссии с Данилом, конец и ошеломительным обменам взглядами с Александром Ивановичем. А она даже не успела решить, кого же из них выбрать!

Генриетта бросила окурок в плевательницу и встала на первой ступеньке вагона.

- А нехорошо, уезжать, не попрощавшись, - раздался у нее за спиной голос Данила.

- И даже не предупредили об отмене уроков фехтования, а я чистосердечно радовался им, - прибавил Кусов.

Генриетта почувствовала волну жара, разливающуюся в груди и взрывающуюся на щеках. Пришли. Причем – оба.

- Простите, господа, но меня вызывают срочные дела служебной натуры, - пробормотала Генриетта, стоя на ступеньке в свое купе вагона первого класса.

Данил подскочил к девушке и взял ее правую ладонь. То же самое, словно тень, хватая ее за левую руку. Он мог бы иметь и сотни подобных девиц, ведь полковник был известен как опытный и известный покоритель женских сердец. Генриетта не принадлежала к числу ослепительных красавиц, но в ней было то нечто, что притягивало словно магнит. И Кусов желал пруссачку так же сильно, как и Данил. Оба вонзили в нее жаркие взгляды. Девушка же поглядывала то на одного, то на другого воздыхателя.

- Останься, Геня, - шепнул Данил. – Останься со мной, в Варшаве. Вместе мы свершим великие открытия, обещаю.

- Давай уедем вместе, - шепнул Кусов. – Я увезу тебя в солнечный Крым, в собственный дворец, а потом дам все, чего ты только не пожелаешь.

Генриетта задрожала и беспомощно затрепетала ресницами. Сердце у нее в груди разбилось на две половинки. И в тот же самый миг раздался оглушительный свисток паровоза. Девушка вырвала обе ладони и забежала в купе. Она энергично захлопнула за собой дверь, но вот находящегося в ней окошка не прикрыла.

- Договор относительно уроков фехтования, князь, никто не отменял. Буду ждать их с нетерпением, - сказала она. – Пан инженер, и мы еще не завершили наш разговор о сущности множества миров. Я еще немного подготавлиюсь к нему и, надеюсь, мы его завершим. Как только я вернусь в Варшаву.

Девушка улыбнулась и закрыла окошко. Локомотив дернул, и поезд потихоньку двинулся. Фигуры ее джентльменов затащили клубы пара и дыма. Генриетта глядела на то, как оба поклонника растворяются во мгле.

Исчезая, как будто их никогда и не было.

MW, 8 января 2015 г.